П. И. КОВАЛЕВСКИЙ

1

ПСИХИАТРИЧЕСКИЕ ЭСКИЗЫ ИЗ ИСТОРИИ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

П.И. Ковалевский (1849-1923) – выдающийся русский психиатр, профессор, ректор Варшавского университета, основатель первого в России психиатрического журнала «Архив психиатрии, неврологии и судебной психопатологии». В двухтомнике публикуется уникальная серия исследовательских очерков, каждый из которых анализирует наследственность, анатомо-физиологические и психические характеристики крупнейших исторических деятелей. Художественность, тонкая историческая наблюдательность и глубина научных обобщений делают книгу П.И.Ковалевского интересной для самого широкого круга читателей.

Содержание:

ИОАНН ГРОЗНЫЙ
ПЕТР ВЕЛИКИЙ И ЕГО ГЕНИЙ
ИМПЕРАТОР ПЕТР III
ИМПЕРАТОР ПАВЕЛ I
ГЕНЕРАЛИСИМУС СУВОРОВ

- П. И. Ковалевский
  - ИОАНН ГРОЗНЫЙ
    - Часть первая
      - Глава I
      - Глава II
      - Глава III
    - Часть вторая
  - ПЕТР ВЕЛИКИЙ И ЕГО ГЕНИЙ
    - Часть первая
      - Глава I
      - Глава II
      - Глава III
      - Глава IV
      - Глава V
    - Часть вторая
      - Глава I
      - Глава II
      - Глава III
      - Глава IV
      - Глава V
      - Глава VI
      - Глава VII
      - Глава VIII

- Глава IX
- Глава X
- Глава XI
- Глава XII
- Глава XII I
- Глава XI V
- Глава XV
- Глава XVI

- ИМПЕРАТОР ПЕТР III
- ИМПЕРАТОР ПАВЕЛ I
- ГЕНЕРАЛИСИМУС СУВОРОВ
  - Часть первая
  - Часть вторая
  - Часть третья

П. И. Ковалевский
Психиатрические эскизы из истории. Том 1.

ИОАНН ГРОЗНЫЙ

Часть первая

Глава I

Каждый человек представляет известное количество вещества или материи, развивающей из себя соответственное число силы. Таким образом это будет единица вещества, порождающая известную соответственную также единицу силы. Эта единица вещества, соответственно химическому составу отдельных своих частей, порождает силу как простую, грубую, физическую, так и высшую, духовную, в виде проявлений мысли и чувства. Количество материи или вещества, получаемое каждым человеком для своего тела, и расположение отдельных его частей так похожи друг у друга, что невольно является вопрос о тождестве и подобии друг другу людей. При таком тождестве организации человека, тождестве количественном и качественном, весьма естественно порождаются мысли и о тождестве отправлений этой организации, значит, о тождестве силы физической и душевной людей.

Однако на деле оказывается, что люди довольно резко разнятся друг от друга как внешним обликом своей организации, так и обликами духовной и физической деятельности этой организации. Чем же обусловливается эта разница?

Два деятеля создают отдельного человека с его особенностями телесной организации, духовного облика и физической деятельности – наследственность и воспитание.

Нарождаясь на свет, маленькое человеческое существо является носителем организации своих родителей, следовательно, этот человек как физически, так и духовно должен быть повторением своих родителей. Но родителей два: отец и мать. Дети всегда похожи на своих родителей. Это верно. Но каждый ребенок представляет собой сочетание черт как отца, так и матери. Правда, в одних случаях этот потомок носит на себе преобладание черт отца, а другой раз – матери, тем не менее мы редко видим, чтобы дети носили в себе исключительно внешний вид и характер отца или же внешний вид и духовную организацию матери. Этим смешением в образовании в детях свойств отца и матери создаются первые начала *личных отличительных свойств* ребенка – его личной обособленности, его индивидуализации. На этом наследственном свойстве детей заимствовать от родителей черты, свойственные каждому из них, и соединять их в себе в новом сочетании в виде подобия двум

своим предкам и зиждется способность рода человеческого совершенствоваться и вырождаться. Обыкновенно у наследуются от родителей детьми те черты их, которые в организме родителей были наиболее резки и наиболее устойчивы. Если родители в том или другом отношении представляли сходство, то эти черты в детях сочетались, усиливались и проявлялись резче и отчетливее, чем у каждого из родителей, при существовании противоположных черт в том или другом отношении, дети, приблизительно, унаследуют среднепропорциональную величину организации той или другой особенности.

Может случиться, что родители представляют сходство в чертах организации, способствующих совершенствованию ее: крепким телом, большим умом, необыкновенной энергией и т. д. Дети этих родителей являются на свет при весьма благоприятных условиях существования их организации, они также могут рассчитывать быть крепкими, умными, энергичными. Во всяком случае у этих детей гораздо больше данных быть таковыми, чем если бы с вышеуказанными свойствами являлся один только родитель. Иными свойствами обладают дети, если их родители слабы, болезненны, апатичны, сварливы и т. д. Такие дети уже от рождения намечаются в дань склонности к болезням и последующему вырождению.

Таким образом, наследственность предопределяет будущее детей в зависимости от организации и качеств их родителей. Прискорбно было бы смотреть на такую картину человеческого общества, если бы в его существовании наследственность играла роль единственную и исключительную. Тогда почти с математической точностью мы предрекали бы, что Ивановы должны вымереть, а Петровы забрать верх в обществе, Сидоровы колебаться между жизнью и смертью. В этом случае со всею своею наготою должен был бы выступить вопрос *естественного подбора,* причем родители всеми силами должны были бы заботиться только о том, чтобы своим дочерям выбрать крепких и сильных мужей, а все слабые должны были бы быть обреченными на погибель, как в Спарте. Такое положение дела слишком походит на конюшню и конский завод.

К счастью, в деле физической и духовной организации человека играет роль равную наследственности – второй деятель – воспитание, разумное воспитание в самом широком смысле – питания организма и его образования. Воспитание, путем упражнения, благоразумного питания организма и надлежащей обстановки в жизни данного молодого организма, может более или менее легко парализовать неблагоприятные особенности унаследованной организации данного человека, – оно же, при

обратных условиях, может и погубить его.

Таким образом, наследственность и воспитание являются весьма важными деятелями в жизни человека, не только в смысле образования его индивидуализации, но и в смысле его существования вообще.

Что мы сказали вообще о существовании человеческого рода, то вполне применимо и в частности к его душевному здоровью.

Душевное здоровье или нездоровье людей обусловливается двумя главными моментами: наследственностью и условиями жизни, при которых человек растет, развивается и совершенствуется. Может случиться, что человек родится от совершенно здоровых родителей и в наследство получит крепкую и мощную нервную систему, – тогда представляется много данных к тому, что этот человек, при благоприятных условиях роста и развития, выйдет крепким, мощным и здоровым. Но может случиться и так, что родители больны нервно или душевно, тогда и дети их обязательно унаследуют от них нервную систему не крепкую, склонную к заболеванию и не способную идти, при обычных жизненных условиях, в уровень с человеком, унаследовавшим здоровую и мощную нервную систему – орган душевной деятельности. Таким образом, если бы в созидании душевного здоровья или нездоровья играла роль только одна наследственность, то уже с первого раза мы разделили бы род человеческий на две половины: на здоровых и обреченных на заболевание, на мощных и немощных, на годных к жизни и негодных, на чистых и нечистых. Но одна наследственная передача жизнеспособности нервной системы не имеет решающего значения для душевной жизни людей. Существует еще второй деятель, проявляющий весьма серьезное влияние в развитии унаследованных свойств и качеств и имеющий не меньшее значение, чем и наследственность.

Это именно воспитание в широком смысле слова: образование и т. д. Этот деятель не только дополняет качества организации, полученные по наследству, но нередко и исправляет унаследованное, – равно нередко и портит то доброе, что получено от родителей. При этом может быть четыре главных случайности: 1) дети родятся от здоровых родителей и воспитываются при благоприятных условиях существования – это баловни природы, 2) дети родятся от здоровых родителей, но воспитываются при весьма неблагоприятных условиях существования, – в этом случае добрые начала, полученные от родителей в наследство, портятся жизненной обстановкой и таким образом дают душевной жизни человека не надлежащее направление; 3) дети родятся от нервно– и душевнобольных

родителей, но воспитываются в правильных и здоровых жизненных условиях; здесь также происходит борьба двух сил, в которой недобрые задатки, полученные по наследству от родителей, могут быть исправлены и сглажены правильным и разумным воспитанием, – наконец, 4) дети, родившиеся от больных родителей, проходят плохой жизненный путь, при неблагоприятных условиях воспитания, – эти несчастные нередко имеют довольно плачевное будущее.

Что же наследственно передается от родителей к детям? Прежде всего является та мысль, что от родителей к детям передаются самые болезни: сумасшедшие родят сумасшедших, эпилептики – эпилептиков, истеричные – истеричных и т. д. На деле оказывается вовсе не так: почти никогда сумасшедшие не родят сумасшедших, эпилептики – эпилептиков и т. д. Наследственно от родителей к детям передается не готовая уже болезнь, а такая нервная система, которая склонна бывает, при неблагоприятных жизненных условиях, подвергнуться заболеванию. Мы говорим, что дети больных родителей унаследуют *неустойчивую* и склонную к заболеванию нервную систему, которая при одних жизненных условиях может быть здоровою, жизнедеятельною и правильною, при других же условиях она может дать болезнь, – какая же при этом явится болезнь – душевная, истерия, эпилепсия, пляска св. Витта и т. д., – покажет будущее. Словом, наследственно получается неустойчивая почва, на которой может возрасти как здоровый, так и нездоровый плод, в зависимости от удобрения и мер предупреждения и пресечения. Разумеется, при этом играет весьма важную роль и степень болезненной наследственности. Чем сильнее было выражено нездоровье в родителях, тем сильнее и резче выражена будет нервная неустойчивость и склонность к заболеванию в детях, – и чем слабее она была выражена в родителях, тем меньше будет нервная неустойчивость в детях и тем больше существует надежды на возможность ее исправления. Так, душевная болезнь родителей, без сомнения, дает несравненно более глубокую и сильную болезненную наследственность, чем простая мигрень, истерия и проч.

Далее, в напряженности болезненной наследственности весьма важно различать – будут ли оба родителя представлять для передачи неблагоприятную почву, или только один. Разумеется, несравненно хуже для детей, если и отец, и мать люди нервные или душевнобольные, и несравненно благоприятнее, если болен только один из родителей.

В обществе существует очень неправильный взгляд на то – какие болезни, родителей наследственно передаются детям.

Думают, что нервность унаследуется только от родителей душевнобольных. Это неверно. Нервная неустойчивость унаследуется от родителей: душевнобольных, нервных, пьяниц, сифилитиков, чахоточных, преступников, бездельников, страдающих продолжительными физическими болезнями, подагриков и проч.

Все эти деревья дают одни и те же плоды – нервную неустойчивость, которая в различных случаях имеет различную окраску, как в степени проявления, так и в сочетании болезненных проявлений.

Наблюдения опытных нейропатологов показали, что наследственность болезненных свойств нервной системы передается от родителей к детям не всем членам семейства в одинаковой степени. В одном и том же семействе мы можем встретить детей и душевнобольных, и эпилептиков, и галлюцинантов, и здоровых, и пьяниц, и преступников, и гениев и т. д. Почему на долю одного из них выпадает эпилепсия, на долю другого – необыкновенные художественные способности, а на долю третьего – пьянство, разврат, злодейство и проч. – трудно сказать.

Унаследуется от родителей детьми не та или другая болезнь, а болезненное состояние мозга, которое в одних случаях бывает выражено столь резко, что при вскрытиях дает видимые и явные изменения в мозгу, – в других случаях, напротив, эти изменения и неправильности могут быть только молекулярные и химические, при настоящих способах исследования неуловимые и неузнаваемые. Поэтому и унаследование нервных болезней бывает весьма разнообразно, начиная от идиотизма и тупоумия и кончая нервной неустойчивостью, нервной возбудимой слабостью и предрасположением к более серьезному заболеванию со стороны центральной нервной системы.

Не трудно распознать наследственную нервную болезнь, если она выражается в форме эпилепсии, истерии, предсердечной тоски и проч., – несравненно труднее определить и установить те случаи, где наследственная нервность проявляется в форме нервной неустойчивости и нервной раздражительной слабости. Такие люди столь часто у нас на глазах, эти люди в таком обилии нас окружают, что мы к ним присмотрелись, сжились и не считаем за больных. Только изредка они возбуждают в нас сомнение, недоумение, пожимание плечами, название «чудака» и «сумасброда» и т. п., а между тем сплошь и рядом эти люди нервные наследственники, люди с неуравновешенною нервною системой, нейрастеники, при неблагоприятных условиях жизни всегда могущие проявить любую нервную болезнь, как эпилепсию,

истерию, душевное расстройство и т. д.

Этот тип нейрастеников весьма интересен, хотя проявления его разнообразны до бесконечности.

Часто уже с детства нейрастеники обнаруживают расстройства в нервной области. Это дети хилые, малокровные, капризные, склонные к частым судорогам. Такие дети по ночам часто просыпаются и плачут, – видят беспокойные сновидения, склонны к галлюцинациям при засыпании и просыпании, а также к кошмарам. Прорезывание зубов и переход на обыкновенную пищу им не обходятся безнаказанно.

Подрастая, они очень любят сказки, особенно на ночь. После прослушанных сказок они зарываются в одеяльце и долго не спят, воображая себя одним из действующих лиц этих сказок и продолжая ход сказки уже при помощи собственной фантазии. Скоро в них развивается страсть к мечтательности и фантазии. Они любят уединяться и предаваться фантазированию в области своих излюбленных картин. Общество детей им не нравится, – в большинстве они толкутся около взрослых. В характере таких детей замечается нервность, капризы, частые вспышки гнева, плача и радости от ничтожных причин. По ночам бывают частые просыпания, во сне подергивание мускулов и чувство падения в бездну.

При обучении они больше увлекаются предметами, в которых преобладает фантазия и память, чем рассудок, почему они больше любят историю, чем математику и другие точные науки. Больше предпочтения они отдают музыке, пению, живописи, чем предметам научным. При обучении у иных детей оказываются способности очень хорошие, они быстро усваивают заучиваемое и не тяготятся своими уроками, – хотя часто очень быстро и забывают усвоенное. Другие, напротив, обладают очень туповатыми способностями и им много труда и усилия требуется для усвоения уроков. Иногда при этом у детей можно замечать некоторые странности; так, *Краффт-Эбинг* передает об одном мальчике, что он, прежде чем начать свои уроки, всегда обращался к дворецкому с умоляющей просьбой ответить ему словом «да» на вопрос, в состоянии ли он приготовить свои уроки. Как скоро «да» получалось, он, спокойный и веселый, принимался за работу. Иногда дворецкий, пораженный нелепостью просьбы, решался сказать «нет»; тогда бедный ученик приходил в страшное возбуждение, бросался из угла в угол по комнате, стонал и решительно был не в силах усидеть на месте; в таких случаях дворецкий снова успокаивал его, говоря: «успокойся – ты вполне можешь приготовить свои уроки, – я пошутил только, сказав „нет“, – возбуждение стихало и в течение

часа исчезало бесследно.

Часто такие дети, вместо классных занятий, предпочитают блуждать по полям, лесам и проч. в одиночку, предаваясь своим излюбленным мечтаниям об Америке, лесах, шайках разбойников. Часто у таких лиц особенно развита наклонность к предчувствиям, предвидению, суеверию и символизации. Во многих случаях они смешивают плод своей фантазии с действительностью и придают ей действительное значение. Иногда же, при полном сознании, что это фантазия, они не хотят с нею расстаться и образы фантазии принимают за действительность. Особенно резко выражаются болезненные состояния в период появления менструации у девочек и полового созревания у мальчиков. В это время могут у них появляться иллюзии и галлюцинации, приступы страха, отчаяния, тоски и проч.

У таких детей иногда являются болезненные ощущения кожи головы, так что больно даже прикоснуться к волосам, болезненность десен и зубов, болезненность и даже невозможность дотронуться до позвоночника и проч. Иногда ощущаются стреляющие боли в конечностях, тяжесть и неловкость в членах при движении, – ощущения жара и холода в коже, ползанья мурашек, терпкость и одеревенелость, невралгии, болезненность и разбитость всего организма. Со стороны зрения иногда – очень сильное обострение, – другой раз, напротив, в глазах появляется туман, потемнение, искры в глазах, летающие мушки, – шум в ушах, звон, усиленная способность к восприятию обонятельных и вкусовых ощущений. У некоторых является особенная невыносливость к различным пахучим и вкусовым веществам; так, некоторые не в состоянии переносить запаха сигар, мускуса, валерианы, фиалок, малины, – вкуса сладкого и проч. С другой стороны, у таких лиц часто является непреодолимое влечение к некоторым вкусовым и пахучим веществам. Так, иногда бывает страстное желание зимою есть малину, причем неудовлетворение этого позыва влечет за собою недовольство, раздражительность, сварливость и волнение. Иногда подобные побуждения бывают самых нелепых свойств. Часто у больных появляются особенные ощущения в области головы: пустота, давление, стискивание, как клещами, торчанье гвоздя, царапанье, переливание чего-то жидкого, клеванье цыпленка, совпадающее с пульсовым биением, стук в голове, биение пульса, шум, как ветерок, совпадающий с пульсом и проч. Иногда являются сильные приступы головных болей, мигрени, прозональгии, головокружения и проч. Больные очень чувствительны к переменам погоды и при незначительных

колебаниях атмосферного давления способны предсказывать изменения в погоде. Движения вообще порывисты и быстры, но рядом с этим существует быстрая же утомляемость, слабость и неспособность к проявлению деятельности. По временам наступают приступы такой слабости, что больной неспособен ни к какому движению. Это состояние длится несколько минут, час или два и затем все проходит. Часто у больных замечается подергивание отдельных мускулов и органов, как во время сна, так и в бодрствующем состоянии, – иногда – спазм глотки, гортани, кишечника и проч. Часто замечают у таких больных, при крепком телосложении и здоровом виде, очень тихий голос. К трудным и тяжелым работам такие люди почти неспособны. Взявшись за что-нибудь, они сначала работают с жаром, но затем чувствуют разбитость, усталость и неспособность к продолжению. В *умственном отношении* у нейрастеников часто наблюдается нарушение внимания. В иных случаях они бывают слишком отзывчивы на всякое малейшее раздражение, но бывают случаи и такие, что больные, при самом искреннем желании, при сознании крайней необходимости сосредоточить свое внимание на том или другом деле, решительно не в состоянии это сделать. Они ясно сознают, как их мысли уклоняются в другую сторону, и они ничего не могут поделать с собою. Последствие – раздражительность и недовольство. Часто эти люди не могут долго заниматься усидчивым умственным трудом, так как последний вызывает усталость и неспособность к занятию. Иногда на больных находит как бы какое умственное затмение: двадцать раз они читают одно и то же место и не могут уяснить себе, что все это значит. Бросают. Проходит несколько часов, день – и они вдруг ясно уразумевают то, чего они не могли понять; теперь выяснилось само собою, без всякого напряжения, то, чего они не в состоянии были уяснить при крайнем напряжении. Нейрастеники очень легко подчиняются чужому мнению: утром они подчиняются одному, вечером другому, совершенно противоположному мнению. Своего взгляда, собственной критики, собственного разбора того или другого мнения у них нет и они постоянно у кого-нибудь под башмаком. Но рядом с этим у нейрастеников проявляются отдельные мысли и поступки, выходящие из ряда обыкновенного. Больные эти мало склонны к строгому мыслительному процессу, – они с большим наслаждением и большим удовольствием живут образами чувств, мечтаний и фантазий. Часто эти больные жалуются на умственную усталость, неспособность к умственному труду и несвежесть головы.

Самочувствие нейрастеников очень изменчиво: то они

веселы, то сразу становятся грустными и плаксивыми. Часто они бывают раздражительны, недовольны и сварливы без всякого видимого повода. Иногда на них нападают приступы страха, тоски, отчаяния и безотчетного недовольства.

Глава II

Таковы явления у прирожденных нейрастеников или у людей, унаследовавших от своих больных родителей неустойчивую нервную систему. Кроме вышеуказанных болезненных явлений, у нейрастеников развивается масса других и нет почти ни одного болезненного явления в области нервной системы, которое не могло бы проявиться у того или другого нейрастеника. И это весьма естественно. Нейрастения представляет собой неустойчивость отправлений всей нервной системы, с преобладанием в одном случае одних явлений, а в другом – других; поэтому нет ничего удивительного, что нейрастения представляет собою собрание всех болезненных явлений и нейропатологии.

Не нужно, однако, думать, что каждый нейрастеник воплощает в себе все вышеуказанные признаки; напротив, ни у одного из нейрастеников они не являются целиком, а только по частям в различных между собою сочетаниях, – вот почему каждый случай нейрастении довольно резко, по сочетанию болезненных проявлений, отличается от других подобных.

Тем не менее, при внимательном рассмотрении всех случаев нейрастении, между ними можно резко выделить две группы: в одной преобладает особенно умственная неустойчивость, а во второй – уклонения и болезненные проявления в области влечений, побуждений и чувства.

На первый взгляд нейрастеники первой группы представляются необыкновенно умными и всесторонне образованными людьми. Умственные их силы и способности чрезвычайно блестящи.

Они весьма чутки ко всем происходящим вокруг них явлениям. Жадно на все накидываются, быстро усваивают и энергично воплощают в себе. Ко всему они проявляют интерес, всем они быстро овладевают и во всем высказывают знание, опытность и компетентность. Такая всеобъемлемость и широта сведений невольно порождает мысль о необыкновенности и гениальности их умственных способностей. Их жизнь необыкновенно деятельна, их умственная работа чрезвычайно разнообразна и плодовита.

Но, строго разбирая умственную деятельность этих лиц, мы

невольно поражаемся ее крайней поверхностностью. Эти люди быстро увлекаются чужими сообщениями и планами, без всякого контроля и критики их усваивают, принимают их за свои собственные им присущие, в тот же миг осуществляют эти планы и при малейшем затруднении покидают их. Быстрое увлечение и горячность в различных делах таких людей сопровождается не менее быстрым охлаждением и забвением предпринимаемого им дела. В силу такого легкомыслия, непостоянства, неспособности сосредоточиться и установиться на одном деле, они постоянно перескакивают от дела к делу, от предприятия к предприятию, от предмета к предмету. У них существует какая-то потребность к новизне и какой-то зуд перемены. Они только и могут существовать при таком порханьи и собирании не только верхушек, но даже крох от этих верхушек. При этом особенно поразительна полная бессвязность и отчужденность в предприятиях. Так, они от университета переходят к кузнице, от кузницы к производству кружев, от производства кружев к семинарии и проповеди, от проповеди к жандармерии, от жандармерии к производству селитры, от производства селитры к путешествию в Ахалтеке и проч. Такая разносторонность, всеобъемлемость, всезнание и одинаковое увлечение всеми этими предметами ярко выдает духовную немощность человека. Это будет в полном смысле слова импотенция ума, ибо эти люди, схватываясь за все, не доводят до конца ничего и своим вмешательством губят всякое начатое дело и предприятие. Если бы они могли исполнить все, предпринимаемое ими, то они были бы титанами ума и гениями мысли. К сожалению, всякое предприятие их быстро им надоедает, они с удовольствием его бросают и накидываются на новое, с большою неохотою и неприязнью оглядываясь на старое.

Разумеется, это болезненное состояние выражается тем ярче и тем шире, чем шире и мощнее деятельность человека и чем больше власти находится в его руках.

Для лучшей окраски этой болезненной картины и для отличия ее от гениальности, мы приведем два фантастических примера из мира властелинов народов.

Первый унаследовал могущественное и воинственное государство. Его дед и отец рядом победных войн доставили государству новые земли, несметные богатства, благосостояние стране, подчинение и боязнь соседей, могущественную и непобедимую армию, гениальных администраторов и полководцев, великих ученых и славные учреждения. Во главе этой мощи, славы и величия является он, молодой, энергичный, образованный, крепкий и сильный государь. При этой юной

мощи, энергии и завидном положении подвластного ему народа, у всех соседей является опасливая мысль – ему мало всего этого. Он захочет попытать нового счастья, новой военной славы, новых земель, новых богатств… И он принимается за это. Принимается за это с храброй душой и неукротимой энергией… На пути, однако, стоят преграды… Эти преграды представляются в виде советников, старых сослуживцев его отца и деда, людей, закаленных в военной борьбе и устроении государства, – людей, покрытых гражданскими и воинскими доблестями, людей, чтимых не только гражданами отечества и тенью предков, но и соседними народами… Препятствие немалое.

Но что значит препятствие для человека энергии, пылкости и неутомимости!.. Старые советники летят в отставку. Выводятся люди новые, угодные повелителю. Происходит необыкновенная перетасовка лиц, должностей, ролей и положений. Начинается новый курс. Всюду властелин наблюдает неустройство, всюду неуспешность, всюду беспорядочность. И всюду энергичный и молодой повелитель стремится быть лично и исправить все лично. Он сочиняет новые законы. Он создает новое устройство армии. Он является архипастырем и проповедником, как «глас Божий на водах». Он составляет оперы. Он пишет балеты. Он переделывает школы. Он создает правила для рабочих. Он изменяет систему воспитания. Он летает по всему миру с дипломатическими переговорами. Он ревизует внезапно части армии и учреждения. Он так неусыпно, разносторонне и повсеместно занят, что в доме-то своем является самым редким гостем.

При такой мощи и всеобъемлемости ума, неутомимости энергии и личном участии во всем, можно думать, что он создаст всемирное государство, мир и золотой век.

Но повелитель не любит долго возиться с затеянными делами. Он удалил старых советников, но не заменил их новыми равными и достойными. Он расшатал учреждения старые, но не создал и не укрепил новых. Он подорвал старые законы, но не дал новых. Он уничтожил доверие к старой системе воспитания подданных, но не дал новой. Он пообещал изменение условий жизни рабочих, но не исполнил этого, Он на словах был велик, на деле же мал. Ибо у него не было выдержки, терпения, знания, умения, воли и понимания.

Такой повелитель нейрастеник не создаст государство, а разрушит его, – не укрепит, а расшатает, – не возвысит, а умалит, – не упорядочит, а взбаламутит.

Мы возьмем другого повелителя, столь же широко деятельного и широковластного.

Его область еще больше и обширнее. По наследству, однако, он получил неустройство и беспорядок. Во всех соседних государствах и более благоустройства, и более воспитания, и более порядка, и более богатства и более сформированные армии. В его государстве нет ни советников, ни людей образованных и ученых, ни опытных мастеров, ни заводов, ни фабрик, ни флота, ни торговли, – ничего такого, что ныне составляет цивилизацию и европеизм. Самый-то престол он захватил едва ли не с бою. Молодой орленок своим мощным умом усматривает, что его государство будет стерто и уничтожено, если он в нем не учредит тех знаний и образования, какие укоренились уже у соседей.

И вот этот мощный юноша, с столь же неутомимой энергией и непосидячестью, летает по всему свету с севера на юг и с востока на запад. Он лично все осматривает, он лично все изучает, он лично все заводит и устраивает. Он устраивает армию, он строит флот, он издает законы, он устраивает академию наук, он открывает типографию, он заводит фабрики и заводы, он вводит даже новый костюм для народа, он изменяет внешний вид людей, он производит реформы в церковной области, он ведет беспрерывные войны, он расширяет пределы отечества, он изменяет всю жизнь его, он делает из своего азиатского царства царство европейское и заставляет силою своей умственной мощи питать к себе уважение и почтение. И этот мощный лев шел не в уровень с требованиями и убеждениями своего народа, а против них. Он не продолжал путь славы и воинских преданий своей отчизны, а сам создавал и выполнял их. Он не имел поддержки своим мыслям и планам в окружающих старых и опытных помощниках, а лично выбирал и ставил себе помощников. Он не писал балетов и комедий, а заводил только театры. Он не изменял системы школьного воспитания, а заводил только школы.

И этот государь создал все.

В чем же разница лежит между первым и вторым?

В том, что первый быстро увлекался всеми предприятиями и столь же быстро с брезгливостью их бросал; а второй, начавши сам что-либо, все сам же доводил до конца с отеческою любовью к своему созданию и детищу. Первый не имел своей мысли, он схватывал чужую, мимолетно ее усваивал и столь же легкомысленно покидал; второй имел свою мысль, тщательно ее обдумывал и никогда не покидал. Первый, по своей умственной немощи, не мог жить всеми своими мыслями одновременно и перескакивал от мысли к мысли; второй все вмещал в своей голове, все приводил в связь и порядок и всему давал известное соотношение. Первый накидывался на внешность мысли, не

погружаясь в ее глубину, – второй всегда изучал ее по существу. Первый никогда не знал дела в его частностях, – второй всегда изучал дело до мелочей и всегда мог быть во всем лично учителем от начала до конца.

Первый был умственный пигмей, – умственный нейрастеник, – второй умственный титан, – гений. Первый – сердитое бессилие, второй – мощь и сила…

Во второй группе нейрастении умственно люди представляются как бы здоровыми, зато в их характере, действиях и поступках усматривается масса неправильностей, отклонений и таких проявлений, в которых и сами больные раскаиваются и общество привлекает их к ответственности. Такие люди обнаруживают в одних случаях необыкновенную вспыльчивость, злость, кровожадность и склонность к истязаниям, в других случаях – страсть к пьянству, злоупотреблению морфием, опием и проч., еще в иных – страсть к картежной игре и собиранию ненужных предметов, еще иногда – стремление к дурному обществу, попрошайничеству, бродяжничеству, тяготению к тому же самому полу и даже половое влечение к животным. В некоторых случаях на таких людей нападают приступы беспричинного страха и тоски, – в других, напротив, бесповодного безумного веселья. Иногда они находятся в состоянии какого-то томления, возбуждения и ожидания, что вот-вот что-то с ними случится. И знают они хорошо, что ничего с ними не случится, а между тем ожидают его, – и случится именно что-то ужасное…

Помимо этого может быть масса и других явлений, так что перечислить их едва ли возможно. Обо всех этих вышеуказанных проявлениях болезни должно заметить следующее: никогда эти явления не бывают совместно у одного и того же человека. Только из наблюдения многих нейрастеников можно собрать и составить эту картину болезни. В действительности же у нейрастеников развивается одно какое-нибудь или несколько болезненных явлений, которые впоследствии могут смениться другими.

Явившись раз, тот или другой признак остается недолго, иногда несколько минут или часов, и затем исчезает, оставляя человека в здоровом состоянии, с тем, однако, чтобы на другой день, или через некоторое время, при неблагоприятных условиях жизни, появиться вновь.

Таким образом и в данном случае усматривается неустойчивость нервной деятельности, болезненные проявления страха, тоски, томления, ожидания, влечений и страсти при полном сознании их нелепости, болезненности, вредности и опасности и при полной неспособности им противостоять.

Как нейрастения, проявляющаяся преимущественно в области мыслительной, так и нейрастения самочувствия и страстей иногда могут сочетаться между собою частичными своими проявлениями и давать смешанную картину болезни.

Судьба нейрастении для различных случаев неодинакова: при благоприятных жизненных условиях и надлежащем лечении она может проходить и исчезать бесследно, или временно, – в других случаях, она может оставаться пожизненно, давая то более, то менее продолжительные светлые промежутки, – наконец, при неблагоприятных случаях она может иметь поступательное движение вглубь нервных и душевных заболеваний. Нейрастения служит прекраснейшею почвою для развития болезней нервной системы, удачнейшей канвой, на которой могут быть начертаны узоры и картины всевозможных заболеваний. На почве нейрастении может явиться эпилепсия или падучая болезнь, истерия, пляска св. Витта, всевозможные насильственные приступы страха и тоски и душевные заболевания.

Из душевных болезней на этой почве чаще других развивается *первичное помешательство,* или паранойя. В данном случае она нас наиболее интересует и потому мы постараемся проследить механизм ее возникновения из нейрастении и до полного ее развития в форме бреда преследования.

Что такое первичное помешательство или паранойя, об этом нами было подробно сказано в другом сообщении и останавливаться на этом вопросе теперь я считаю излишним.

Способы возникновения и развития паранойи на нейрастенической почве бывают очень разнообразны, – мы остановимся на наиболее частом из них. На почве нервной раздражительной слабости и нервной неуравновешенности, под влиянием каких-нибудь неблагоприятных жизненных условий, у больного развивается усиленное беспокойство, волнение, недовольство и усиленное ожидание, что с ним что-то случится и т. п. Больной ищет причины своего беспокойства. Ему кажется, что все окружающие лица относятся к нему как-то не так, как это было прежде. Всюду к нему замечается особенное внимание, особенное присматривание, особенная наблюдательность. Ни один его шаг, ни одно его движение, ни одно его препятствие не обходятся без того, чтобы окружающие не отнеслись к нему с особенною предупредительностью. Самые мысли его окружающими как бы угадываются и предусматриваются. Такое чрезмерное внимание со стороны окружающих не может не навести больного на размышление…

В действительности, разумеется, нет ничего подобного. Все относятся к нему и сегодня точно так же, как и вчера, но у

больного существует особенное повышение восприятия внешних впечатлений, отражающееся на мысли об усилении внимания со стороны окружающих к его личности. Такое ошибочное и до некоторой степени даже ложное ощущение наблюдательности и представление о наблюдательности со стороны окружающих по отношению к начинающемуся параноику находит себе первообраз в явлениях обыденной жизни. Вчера мы были в поношенном сюртуке, сегодня в новом. Никто, разумеется, не обратил внимания на эту перемену; но нам кажется, что «я» стал как бы иным человеком, и все эту перемену замечают и все на нее отзываются вниманием и наблюдательностью. Так же бывает, когда мы подстригли волосы, надели новые ботинки, – когда у дамы на шляпке цветок перенесен слева направо, а бантик на три линии выше или ниже… Это явление обычное и всем хорошо знакомое. Оно-то и может служить нам примером и разъяснением того болезненного состояния, которое у параноиков выражается в форме усиленной наблюдательности к ним со стороны окружающих…

Итак, они подлежат особенному вниманию, особенной наблюдательности со стороны окружающих. Почему? Что тому причиною? Ответа на эти вопросы пока нет. Но это заставляет больных с своей стороны усилить внимание ко всему происходящему вокруг них. И вот они становятся ко всему в высшей степени подозрительными.

Будучи скрытными, замкнутыми, сосредоточенными в себе, параноики издали, незаметно для других, зорко наблюдают за всем и за всеми. И, к своему ужасу, они видят, что все вокруг них делается неспроста. Все их окружающее не в том виде, как это было прежде. Все это как-то изменено. Все делается не так, как было до сих пор. Разумеется, на деле изменилась не обстановка, а их способность восприятия, но они приписывают перемену окружающему и стараются отыскать ее причину. Подозрительность усиливается и наполняет все их существо. Больной постоянно ко всему приглядывается, больной вечно настороже…

Такая необыкновенная, болезненная подозрительность порождает в больных новое состояние – склонность все совершающееся относить к себе. Идет он по улице. Проходящий плюнул. Этот плевок служит выражением желания оскорбить его. У проходящих он слышит слова «он не надежен»…

– Это я не надежен… Почему?… Что я сделал?… В чем не надежен?…

И вот является целый ряд мучительных вопросов: почему и как?

Больной читает газету. Пишут о неотложной необходимости извести сусликов, опустошающих поля Екатеринославской губернии.

– Ну да, суслики… При чем тут суслики… Это «они» хотят извести меня?… Я ведь Екатеринославской губернии…

Всякий кашель, всякое движение окружающих, встреча и т. д. истолковываются в смысле отношения к их личности. У таких больных, как говорят, развивается необыкновенный «эгоцентризм», т. е. такое душевное состояние, когда им кажется, что их «я» стало центром всего мира.

Но все это состояния подготовительные. Они могут быть или не быть. Если они и существуют, то в глубине души больного и для окружающих решительно незаметны. Только весьма опытный глаз врача психиатра может уловить их и путем весьма осторожных и отдаленных вопросов отчасти извлечь.

Для больных же эти состояния в высочайшей степени тягостны и мучительны. Они им не дают покоя ни днем ни ночью. Они их лишают сна. Они разрушают их душевный покой, разбивая отношения к самым близким и дорогим лицам: друзьям, родным, родителям, жене и детям…

К этому присоединяются иллюзии или ошибочные ощущения. Больные видят на лицах близких подозрительность, насмешку, презрение, порицание. В их голосе слышится оттенок недовольства, издевательства и проч. В пожатии руки они наблюдают особенную резкость и стремление оттолкнуть. Самый воздух носит в себе что-то особенное, подозрительное и неприятное.

Все это заставляет больных вести себя весьма осторожно, удаляться от греха и быть сосредоточенными в себе. Бесконечное оскорбление и обида порождается в их душе… За что такая травля? За что такое всеобщее над ним издевательство? Где ему искать помощи, поддержки, защиты и покровительства? Все против него. Все его враги. Все ему желают зла. Все его хотят извести. Беспредельная злоба и безграничная ненависть порождается у этих людей ко всем людям, особенно же к людям близким и прежде дорогим. Их несчастья для него приятны. Их страдания для него утешение. Их мучения для него живительный бальзам. Нет того зла, которого бы он не пожелал роду человеческому. Нет той лютости, на которую он не осудил бы весь люд. Нет той казни для людей, которая бы его удовлетворила.

Ибо это враги его. Все они его терзают. Все они его мучают. Все они желают извести его. Все это он видит. Все это он слышит. Все это он чувствует. Бред преследования в полном разгаре.

По временам он затихает. Порождаются мысли – да правда ли это? Не ошибаюсь ли я? Не даром ли я взвожу обвинения? И вот иногда могут явиться минуты недоумения, сомнения и раскаяния… Но, увы, эти минуты непродолжительны. Вновь приливает волна гнева, ненависти к роду человеческому и желания ему всех зол земных. Если бы такой человек мог залить землю кровью своих врагов, то высочайшим наслаждением для него было бы выкупаться и купаться бесконечно в этой крови. Эта кровожадность, зверство и изуверство – явление логическое, оно является естественным последствием тех страданий и мучений, которые такие люди переживают в своем бреде преследования.

При этом по существу своему такие люди могут быть или злыми, бессердечными и кровожадными людьми, – или же обыкновенными смертными, относящимися к кровожадности с обычным омерзением. В последнем случае кровожадные мысли находят себе сопротивление в общей природе человека, чуждой жестокости и кровожадности, – в первом случае жестокие мысли находят себе поддержку в жестокой натуре человека и тогда преступления таких людей отличаются необыкновенным зверством и жестокостью. Но каково бы ни было сочетание жестоких идей и стремлений кровожадности у параноика, он никогда не рискнет совершить эти зверства зря, ибо он знает хорошо, что за это последует жестокая кара.

Таков параноик в своем бреде преследования. Это зверь. Зверь беспощадный. Зверь кровожадный, готовый растерзать весь мир.

Но в этом человеке существует и другой человек, человек обычный, человек здоровый, живущий обычною жизнью и совершающий обычные человеческие деяния.

Глава III

Паранойя или первичное помешательство, некоторыми называется еще ограниченным, или однопредметным, помешательством (monomania), и это название дается данной болезни не без основания. Эта болезнь представляет чрезвычайно странное и причудливое раздвоение сознания человека. Параноик, в отношении сведений об обыденной жизни, ничем не отличается от обычного человека, он имеет те же знания, в точности выполняет их как все люди, вполне правильно и сознательно воспринимает и переживает текущую жизнь и в то же время в область этой здоровой обычной жизни врывается его бред преследования. Таким образом, параноик живет двойственной жизнью: с одной стороны, у него обычное мировоззрение и

сознание, с другой стороны, его личный бредовый мир. Первым он живет со всеми людьми, – вторым с самим собою.

И долгое время эти два душевных мира совмещаются в параноике незаметно для окружающих. Больной проявляет ряд странностей, представляется несколько иным, чем все люди, приобретает кличку «чудака», но вместе с тем из него выходит дельный, расторопный и исправный чиновник, или учитель, или инженер, или любой общественный деятель. Долгие годы он может занимать общественные должности, быть гражданином не хуже других и удовлетворительным семьянином.

Бред преследования параноика существует в больном непрерывно; но его течение или прохождение совершается волнообразно: то усиливаясь, то ослабевая. В период ослабления бредовых идей параноик покоен, тих, исполнителен, более или менее общителен и легко подчиняется требованиям общественной жизни; в период ожесточения бредовых идей параноик выходит из своей тихой жизни и пытается проявить в жизни тяготеющее над ним влияние своих бредовых идей. Если бы мы представили себе человека с общественным положением неограниченным, если бы это был человек с неограниченным правом и беспредельною свободою действия, то, под влиянием бредовых идей преследования, такой человек быстро одержит верх над сознанием обычной здоровой жизни, и в момент ожесточения бредовых идей явится разрушителем мира. Он будет воплощением духа зла и истребителем всего того, что создано Богом. Он подверг бы смерти все живое, доступное его влиянию, и упивался бы кровью, льющеюся вокруг него из его врагов…

Но мы живем при других условиях. Наше сознание слишком сдерживает наши мысли, влечения, побуждения и желания. Мы живем под законом. И вот у параноика, в момент ожесточения болезни, является необыкновенная борьба между тяготением бредовых идей и сознанием закона, долга и требований жизни. Пока обычное сознание берет перевес над бредовыми идеями, над болезненным сознанием, до тех пор параноик – человек со странностями и терпим в обществе. Бред берет перевес над обычным сознанием – параноик преступает пределы, положенные требованием обыденной жизни и законом, и становится преступником. Его место – сумасшедший дом…

Но такое состояние длится 5-10 дней, много 2–3 месяца, и параноик опять покоен. Его бредовые идеи утихли. Их тяготение ослабло. Обычное сознание берет перевес. Человек возвращается к обыденной жизни. Он исполняет исправно свои обязанности, поддерживает отношения, бывает (хотя изредка) в обществе, читает книги, даже нередко пишет и печатает сочинения и в своей

жизни по внешности мало чем отличается от обыкновенных людей.

Такой светлый промежуток длится 3–8 месяцев. Наступает новое ожесточение болезни. В эти новые приступы болезненное сознание берет все больший и больший перевес пред обычным сознанием, пока обычное сознание не станет соподчиненным болезненному.

Разумеется, борьба этих двух жизней длится годы и десятки лет. Умственные силы и энергия человека падают. Он постепенно теряет свой резкий характерный облик и мало-помалу опускается к слабоумию.

Итак, нам жизнь дает такие случаи душевного состояния, когда человек, в одно и то же время, может быть и умным и сумасшедшим, и деловым человеком и душевнобольным, и исполнительным общественным деятелем и преступником. Это бывает в тех случаях, когда человек живет двойственной жизнью сознания, или когда в его обычном сознании внедряется частичное поражение в виде однопредметного помешательства. Такие случаи в жизни нередки и мономаниаков можно находить во всех жизненных положениях, от кирки работника и до царского жезла.

Для людей, незнакомых с этим болезненным душевным состоянием, мономаниаки представляют собою неразгаданность, – для психиатрии же – это обычное явление.

Однако для полноты картины умственного бытия параноика мы должны сделать кое-какие дополнения.

Будучи замкнутым и сосредоточенным в себе, параноик обладает необыкновенно богатою фантазиею. И замкнутость и фантазия являются у него развитыми болезненно и заставляют больного жить преимущественно в этой области. Устраняясь от людей и замыкаясь в самих себе, больные покидают представления действительной жизни и тяготятся строгим мышлением на основании обычных представлений и понятий. Они с величайшим удовольствием погружаются в картины фантазии и воображения, целыми часами строят воздушные замки, создают целые истории, пропускают пред собою фантасмагории самого причудливого характера, причем во всем этом главным героем, центром всего фантастического происшествия служат они сами, а около них их враги. Здесь-то они своими глазами видят все козни врагов, слышат все их заговоры, хулы, порицания и злодейства, принимают меры предупреждения и пресечения преступления, побивают, уничтожают и истязают лютыми казнями своих врагов и видят в мире только себя и все только для себя.

Вторая особенность параноиков та, что нередко они неспособны бывают отделить пережитого в картинах фантазии от действительного и образам воображения приписывают предположение, что все это так было и на деле. Этим дается основа для составления ошибочных и ложных представлений и понятий, а равно и для бессмысленных действий и поступков.

На основании столь сильно развитых фантазии и воображения, мы видим, что параноики в делах обыденной жизни неспособны бывают к строгому и глубокому мышлению и продолжительному сосредоточию внимания на одном и том же предмете. Они могут быть находчивы, даже остроумны, и, на вид, как бы с солидным образованием, – но все это у них слишком легковесно и поверхностно. Их знания могут быть обильными, но без уменья применить на деле. Параноики очень чутки ко всему происходящему вокруг них, но при этом они не могут проникнуть в сущность дела, а живут мыслями других, – за исключением своего бреда. Иногда понимание окружающих событий принимает неправильную, ошибочную и ложную окраску, так как они нередко на все окружающее смотрят не действительными глазами, а сквозь очки своей фантазии и воображения.

Такая неустойчивость ума параноика, его легковесность и неспособность сосредоточия на одном и том же предмете легко объясняются основным качеством неврастеника – быстро на все накидываться и еще быстрее все покидать, вследствие быстрого истощения запаса сил и энергии.

Кроме того, мы не должны забывать, что такой человек живет двойственным сознанием, причем в то время, когда он сам с собою, он живет болезненным сознанием, оставляя в стороне и бездеятельности здоровое сознание, а так как параноик сам с собою большую часть времени, то уже в силу этого здоровая умственная сознательная деятельность должна стоять ниже нормы.

Если в умственном отношении параноик представляет человека неустойчивого и больного, то в нравственном отношении параноики еще более отделяются от здоровых людей и представляют резкие болезненные отклонения.

Уже в силу болезненного логического мышления, параноик в мире является одиноким, так как все остальные люди – его враги. Отсюда весьма естественно, что он живет не только *в себе,* но и исключительно *для себя.*

Первое, что заметно у первично-помешанных, это крайний эгоизм и себялюбие. Они знают только себя и заботятся только о себе. Общество, человечество, интересы ближнего, даже интересы семьи для них не существуют. Следовательно, при этом в основе

подрывается идея общественности и идея любви к ближнему. Первично-помешанные держат себя совершенно замкнуто и обособленно, – самый бред преследования очень характерен для таких случаев, он вполне согласуется с их одиночеством и с их подозрительностью. Нередко эти больные – крайне жестоки и требовательны по отношению к своим родным. Любовь к родителям это для них если не пустой звук, то законный повод к предъявлению всевозможных подчас совершенно нелепых требований. Не лучшее отношение и к братьям и сестрам. Почти всегда первыми врагами и преследователями больных в их бреде преследования являются братья и сестры. Опять знаменательное сочетание болезненного бреда с болезненно-нравственными отношениями. Очень часто под влиянием бредовых идей братья и сестры становятся первыми жертвами преступления этих несчастных, – и даже во время затишья бредовых идей эти больные очень далеки от братской и дружеской любви. Но особенно несчастными являются в семействе таких больных жена и дети. Жена – это полная раба, дети – это какие-то щенки, служащие лишней семейной обузой. Вот отношения таких больных к людям самым близким и самым дорогим. Здесь нарушаются нравственные черты, не только присущие человеку, но даже многим высшим животным.

Параноик не имеет друзей, он не имеет близких людей. Все служат для него, он ни для кого.

Это есть первое нарушение общественных условий существования человека.

Это сухие жестокие себялюбцы, задумывающие все сделать для себя.

Словом, это какие-то отщепенцы из общества, это какие-то одиночки, живущие вне общества, сами в себе. Это лица, не понимающие, что такое общество, тяготящиеся обществом и избегающие его.

Такое положение одиночек человеческого рода вполне противоречит общепринятому положению, что человек есть общественное существо, т. е. живущее общественно, не могущее жить без общества и живущее для общества. Они совершенно не подходят под это положение.

Рассматривая жизнь животных, стоящих ниже человека, особенно живущих стадами, нам нередко приходится встречаться с такими явлениями, что и среди этих обществ встречаются особи, которые точно так же живут одиноко, чуждаются общества себе подобных и преследуют свои личные интересы. Это явление представляется немало интересным и может служить большим подспорьем для изучения подобного же проявления в

человеческом роде. К сожалению, в биологической литературе оно мало разработано еще и нам приходится ограничиваться отдельными только данными. *Брем* говорит, что в семействе слонов существуют отщепенцы, живущие одиноко, вне семьи, – они даже носят особое название – гундасы и рогесы, смотря по тому, будут ли они относительно доброго нрава или злы. Точно так же и в семействе свиней существуют кабаны-отшельники, которые проводят жизнь одиноко. В других семействах можно найти также таких одиночек, так даже между рыбами находятся таковые (И. О. Фесенко). Я. *Тарлецкий,* занимавшийся довольно усердно изучением жизни рыб, о таких одиночках делает предположение, что эти «блуждающие рыбы» принадлежат или «к рыбам чем-либо или кем-либо обеспокоенным, или больным».

Но помимо отсутствия этих положительных свойств, присущих каждому животному, живущему общественною жизнью, у первично-помешанных являются отрицательные свойства: злость, ненависть к обществу и животный эгоизм.

Обыкновенно мы привыкли думать, что проявление злости и зверства есть явление аффективное, явление, находящееся в противоречии с здравым рассудком. В данном случае злость и зверство являются основною чертою характера, проявляющеюся нередко с детства и до старости. Будучи детьми, они любят мучить животных, вырывать птенцов из гнезда и раздирать их, – мучить котят, щенков, поросят и пр. Вырастая далее, они нередко производят подобные опыты и на младших членах семьи, или чужих детях, – женившись – производят опыты на женах, имея детей – на собственных детях. Бессердечие, холодность и рассчитанность (нередко самая нелепая) – основная черта их характера. Редко можно видеть среди первично-помешанных человека сердечным, человеколюбивым, искренно проникнутым любовью к ближнему и отечеству, а также идеями чести и справедливости. Во всех поступках параноиков скользит подозрительность, осторожность, недоверие, скрытность и жестокость.

Скрытность составляет довольно характерную черту первично-помешанных. Когда психиатр в отделении душевнобольных встречает больного, совершенно отрицающего свою болезнь и довольно логически объясняющего поступление недоразумением или случайностью, первое подозрение у него является относительно первичного помешательства. В этих случаях искусно поведенный опрос иногда открывает сущность дела; но другой раз все усилия врача добиться истины остаются совершенно напрасными.

Жестокость этих людей превышает наше обычное понимание

о жестокости. Параноики нередко жестоки по существу. Они живут своей жестокостью. Они продолжительно придумывают планы и способы проявления для своей жестокости. Они упиваются своей жестокостью и испытывают минуты наслаждения при выполнении оной. Эта жестокость нередко соединена с жаждою крови. Кровь стоит в их воображении. Кровь носится пред их глазами. Крови жаждут они для отмщения. Кровь, кровь и кровь в их душе. Они желали бы жить кровью и тогда были бы на верху блаженства. Разумеется, и это проявление жестокости и кровожадности у параноиков проявляется приступами ожесточения и ослабления.

Рядом, однако, с этой жестокостью и кровожадностью у параноиков возможно бывает подметить большую хитрость, осторожность, коварство и даже трусость, что, однако, не мешает им готовить планы мести и вести каверзы и злодеяния.

Нередко параноики разнузданны в своих страстях и влечениях, причем, по общему согласию со всем остальным, и здесь они являются своеобразными и отщепенцами. Особенно интересна их половая жизнь.

Часто параноики живут в половом отношении анахоретами и являются импотентами; но бывают случаи проявления у них грязной и неудержимой страсти. При этом их естественные потребности смешиваются с картинами болезненной фантазии и приводят к разнузданному, неестественному и противоестественному удовлетворению.

Иногда у таких больных является ненависть и омерзение к противному полу, особенно у мужчин к женщинам, и влечение к одноименному полу с стремлением к удовлетворению своей страсти. Иногда у этих лиц наблюдается побуждение к удовлетворению себя с животными и проч.

Вообще и в этом отношении параноики представляют собою существа, имеющие только образ или внешность человеческую, хотя и в этом отношении у них наблюдаются нередко отклонения, в остальном же они являются отщепенцами и выродками рода человеческого, могущими временами быть весьма опасными для сего последнего.

Этот человек в большинстве остается одиноким или если и вступает в брак, то его потомство обречено на вымирание, потому как в первом, так и во втором случае произойдет вырождение в полном смысле слова.

Это один из путей к вырождению рода человеческого, но не единственный.

Часть вторая

Приступая к описанию личности какого-нибудь нервно– или душевнобольного, мы обязательно должны обратить внимание на его предков, дабы тем самым выяснить вопрос: что это были за люди и какое физическое и психическое достояние они передали своим детям? С этой точки зрения мы считаем необходимым коснуться душевных качеств предков Иоанна даже до четвертого поколения.

Знаменитый наш историк Н. И. Костомаров так характеризует прадеда Иоанна Грозного, Великого Князя Василия Васильевича: это был человек «ограниченных дарований, слабого ума и слабой воли, но вместе с тем способный на всякие злодеяния и вероломства». Впоследствии, ослепленный Димитрием Шемякой, Василий Васильевич «все остальное время правления отличается твердостью, умом и решительностью. Очевидно, что *именем слепого Князя управляли умные и деятельные люди»*.

Дед Иоанна Грозного, Великий Князь Иоанн Васильевич, отличался совершенно обратными душевными качествами, сравнительно с Василием Темным. Это был человек «крутого нрава, холодный, рассудительный, с черствым сердцем, властолюбивый, неуклонный в преследовании избранной цели, скрытный, чрезвычайно осторожный; во всех действиях видна постепенность, даже медлительность; он не отличался ни отвагою, ни храбростью, зато умел превосходно пользоваться обстоятельствами; он никогда не увлекался, зато поступал решительно, когда видел, что дело созрело до того, что успех несомненен» (Н. И. Костомаров, стр. 255).

С возрастанием Иоанн III отличался жестокостью и бессердечием в обращении с своими подданными. Тюрьмы наполнялись; битье кнутом и торговая позорная казнь стали обычным явлением. Людей судили теперь «с пристрастием» и этот суд сопровождался страшными пытками…

Иоанн Васильевич III женится на греческой царевне Софии Палеолог и через это в дом Рюриковичей вносится кровь Палеологов. Бабка Иоанна Грозного отличалась умом, энергией, хитростью и силой воли. Но несмотря на очень устойчивые личные качества, Софья Палеолог вносит с собою в дом Рюриковичей кровные недостатки Палеологов.

Василий Иоаннович, отец Иоанна Грозного, своим умом далеко отставал от своего отца. Это был человек самонадеянный, гордый, немилостивый и жестокий. Он не терпел ни малейшего противоречия и все были перед ним полными рабами. В

отношениях к людям он был очень неустойчив: будучи, по-видимому, расположен и милостив к подданному, он неожиданно поражал его опалою, когда тот и не чаял этого; и, наоборот, иногда подвергши опале раба, вдруг милостиво прощал ему.

Василий Иоаннович был женат на Соломонии Сабуровой и в этом супружестве прожил 28 лет, не имея детей. Поэтому Василий расторг брак, Соломонию посадил в монастырь и вновь женился на Елене Глинской, будучи 48 лет, в то время как его жена была слишком молодая девушка. От этого брака, спустя четыре с половиною года, и родился первенец Иоанн Грозный. Елена Глинская была личность большого ума и широкого образования, – но историки дают далеко не лестные отзывы о ее характере и нравах. Княгиня Елена страдала болью половины головы и ухом.

Василий Иоаннович умер от какого-то подкожного нарыва на ноге. Князь испытывал от этого страшные мучения: рана воспалилась и издавала страшный смрад. К этому присоединились заботы и тоска о будущности малолетнего князя-наследника и семьи. Перед смертью у него отняло язык и правую руку (Арцыбашев).

Итак, Иоанн Грозный – сын 52-летнего отца и молодой еще матери. Это обстоятельство не лишено некоторого интереса с точки зрения учения о нервных заболеваниях.

Установлен факт, что престарелый возраст родителей отражается на устойчивости организма детей. Чем крепче родители, тем крепче, сильнее и мощнее и организация детей; наоборот, чем старее, слабее и болезненнее родители, тем слабее, хилее и неустойчивее и их дети. Что говорится вообще об организации наследственников, то может быть сказано и в частности по отношению к организации центральной нервной системы. Нервная система детей тем слабее и неустойчивее, чем были старее их родители.

Такое воздействие престарелого возраста родителей на большую или меньшую крепость и мощь организации детей будет значительно сильнее, если оба родителя будут в преклонном возрасте, и значительно слабее, если в преклонном возрасте будет только один из родителей. В данном случае, при рождении Иоанна, Великому Князю Василию было 52 года. Естественно, это обстоятельство должно принимать во внимание при обсуждении отправлений нервной системы его детей. Само по себе это обстоятельство имеет слишком малое значение и при прочих благоприятных условиях жизни ребенка оно может даже остаться бесследным; но при прочих неблагоприятных условиях или не вполне благоприятных о нем не нужно забывать.

Вот почему мы оттеняем то обстоятельство, что Иоанн был сын пятидесятидвухлетнего отца и слишком молодой матери.

Второе обстоятельство в жизни Иоанна, на которое мы должны обратить внимание теперь же, это *психопатологическая наследственность и семейное предрасположение* к заболеванию душевными и нервными болезнями.

Из предыдущего краткого упоминания о предках Иоанна Грозного мы видим, что прадед его Василий Темный и отец Василий Иоаннович не отличались особым умом и дарованием; бабка же его, Софья Палеолог, внесла в семью Рюриковичей достаточно выраженную склонность к нервным и душевным заболеваниям.

Кроме того, возможно, что на образование характера царя Иоанна не без влияния остался и характер матери его, «страстной литвинки великой княгини Елены Глинской», на которую он, по мнению проф. Фирсова, был похож и внешним видом, – хотя для развития его характера мы имеем немало и других влияний.

Все это не могло не отразиться, по закону наследственности, на потомках этого рода.

Такое предположение находит себе полное оправдание. Иоанн Грозный, как увидим дальше, представляет собою замечательный образец параноика, – тогда как брат его Юрий является тупоумным (imbecillitas) от рождения.

Если действительно верно, что Иоанн Грозный представлял собою наследника болезненного предрасположения к заболеванию мозга, в виде душевной болезни, от своих родителей и предков, то, по неизменному закону той же наследственности, дальнейшие потомки его должны идти к вырождению и прекращению рода. Так оно и было на деле. Иоанн Грозный имел втрое меньше детей, нежели жен. Старший сын Иоанна умирает в детстве, второй его сын, Иоанн, свирепый и кровожадный, как и отец, убит отцом, Федор – наследник престола малоумен, а Димитрий – эпилептик. Таким образом, в роде Рюриковичей, именно в семействе Иоанна, вырождение совершается в узком и широком смысле слова. К такому выводу мы должны были прийти на основании научных данных о наследственности, – и эти предположения вполне оправдались историческими событиями.

Появление в жизни Иоанна Грозного принесло большое счастье и радость его родителям, особенно же отцу, отчаявшемуся уже иметь детей. Говорят, что в час, когда княгиня Елена разрешилась от бремени Иоанном, по всей Русской земле загремел гром, блеснула молния и земля поколебалась… Мамкой к новорожденному была назначена Аграфена Челяднина, сестра

князя Ивана Овчины-Телепнева-Оболенского, будущего фаворита матери Иоанна Елены. В младенчестве Иоанн страдал какими-то нарывами в области шеи, – не меньше болезнен был и брат его Юрий.

Иоанн Васильевич Грозный после смерти отца своего, по словам Курбского, *остался зело млад, аки двух лет,* хотя в действительности ему в то время пошел четвертый год. С этого-то возраста несчастный царь начинает жить среди ужасов убийства, казни, кровопролитий, пыток и истязаний. Сначала он был только свидетелем и учеником в сих ужасных делах, творимых его опекунами и воспитателями, а затем создателем и вершителем этих бесчеловечных поступков.

За малолетством наследника престола, Иоанна Грозного, государственное правление перешло теперь в руки матери Иоанна, Елены, при посредстве боярской думы, состоявшей из родовитых князей: Шуйских, Оболенских, Вельских, Одоевских, Захарьиных, Морозовых и др.

Естественно, что при таком правлении должны были возникнуть распри между боярами и борьба между ними за преобладание и самодержавие. Женщина того времени не могла править государством мощною рукою и власть, в силу положения дела, должна была перейти в чьи-либо руки, – и именно в руки того, кто сможет захватить эту власть. Желающих захватить кормило государственного правления было много и каждый из сих многих стремился избавиться от своих соперников. Отсюда естественный исход – не правление государством на пользу его, а стремление уничтожить своих соперников и врагов, обвинить их в чем-нибудь и тем или другим путем изъять их из современного сосуществования.

Но рядом с этим были лица всем таковым искателям кормила правления и соперникам за преобладание равно неприятные и неудобные. Это именно государевы дяди, князья Юрий и Андрей Ивановичи, как лица, по своему родовому положению старше всех и наиболее имеющие право на власть и представительство.

Скоро и легко освободились бояре от этих соперников. Их обвинили в измене Великому Князю и через неделю не стало уже князя Юрия Ивановича, а скоро и князя Андрея Ивановича. Разумеется, по пути прихвачены были княжеские бояре, боярские дети и проч.; но для того времени они в счет не идут.

Остались – правительница Елена и боярская дума. Но боярская дума теперь стала пещерою, куда было много следов входящих, но мало выходящих.

Мать – правительница, Княгиня Елена, была только по имени правительницей. Всеми государственными делами и думой

правил от имени Елены князь Овчина-Телепнев-Оболенский, бывший любимцем Княгини Елены.

Не в духе князя Оболенского было терпеть противоречие со стороны бояр и видеть их попытки овладеть властью. Поэтому он принял коренные и суровые меры к устранению лиц, стоявших ему на пути. В этом отношении первым пал дядя Княгини Елены, князь Михаил Глинский. По своему близкому родству к Княгине Елене, по своим летам и по своей опытности в государственных делах, он рассчитывал стать главным советником и руководителем Елены. Но место руководителя было уже занято Оболенским и он пал первою жертвою стремления к освобождению от лишних и неприятных для Оболенского лиц. Гибели Михаила Глинского много еще помогло и то обстоятельство, что он открыто порицал свою племянницу Елену за ее поведение и отношение к Оболенскому и «смело и твердо говорил племяннице о стыде разврата, всегда гнусного, еще гнуснейшего на троне, где народ ищет добродетели, оправдывающей власть самодержавную» (Карамзин). Его не слушали, возненавидели и погубили.

Самодержавное отношение Телепнева-Оболенского к боярской думе и всем выдающимся людям того времени было причиною того, что Княгиню Елену отравили, и вскоре после нее погиб и ее любимец Оболенский.

Такова была колыбелька, в которой воспитывался в нежные годы детства будущий самодержавный и грозный царь Иоанн Васильевич.

Иоанн остался после смерти матери восьми лет. До сих пор Иоанн был слишком мал для того, чтобы сознательно понимать все окружающее. Заброшенный, чуждый ласки и теплого обхождения, он жил в себе самом. Не принимая деятельного участия во всем окружающем, он служил игрушкою в руках других: то его наряжали и выводили на показ, униженно ему кланяясь и окружая почестями, – то вновь оставляли его в стороне и предавали забвению. От времени до времени его баловали ласкою бывшие приближенные отца, но эти люди куда-то исчезли и больше не появлялись, а новые люди были ему чужды, неласковы и холодны.

Истинный и глубокий сирота, несмотря на то, что стоял при живой матери, Иоанн сосредоточивался в себе и переживал один, своими собственными духовными силами, ту странную обстановку, в которую он был поставлен.

В 8 лет Иоанн остался без матери, но в общем его положение мало изменилось, – разве прибавилось только то, что теперь он был крепче, умнее и самостоятельнее.

После смерти княгини Елены, за малолетством царя, государством правила боярская дума, на которой лежала забота пещись и о воспитании молодого царя.

Но, как и следовало ожидать, боярская дума продолжала быть ареною борьбы отдельных лиц и партий за главенство, за власть на преобладание. Велика сила государственной власти. Бесспорно обаятельно положение владыки государства. А потому, естественно, явились многие искатели этого положения, а радом с этим и борьба между ними не на живот, а на смерть. Диво ли, что в этой девятилетней боярщине мы видим целый рад возвышений и падений, кратковременного величия и следующей за ними жестокой смерти. Что им до интересов государства и воспитания Иоанна? Государство – это безличное стадо, над которым почти каждый из бояр желал и добивался показать свою мощь и власть; Иоанн – это человек, которому льстили возвышаясь и пренебрегали возвысившись.

Не в интересах временщиков было дать Иоанну прочное систематическое образование. Каждый из них, став во главе думы, рассчитывал оставаться во главе государства если не вечно, то пожизненно, а потому для таких лиц Иоанн был лишним человеком, который чем умственно ниже будет стоять, тем для них удобней.

Мы не будем касаться характеристики лишь боярщины. Напомним имена Василия Шуйского, Ивана Шуйского, Андрея Шуйского и др. Довольно будет привести характеристику одного из них, чтобы понять, что это были за люди. «А князь Андрей Михайлович Шуйский был злодей: дела его были злы на пригородах и на волостях, возбуждая истцов на старые тяжбы, он выправлял с ответчиков с кого сто рублей, а с кого более; мастеровые люди во Пскове все делали на него даром, а большие люди несли к нему дары».

Разумеется, у каждого временщика была своя партия и каждый сверженный временщик летел со своей партией. Восторжествовавшие противники не стеснялись с сверженными и разделывались с ними основательно. Тут действовали и месть, и ожесточение, и опасение за свое существование. Не стеснялись при этом ни положением человека, ни его личностью, ни возрастом. Так гибли в борьбе и бояре, и дети боярские, и служилые люди, и иноки, и архимандриты, и митрополиты.

В своей злобе и ожесточении восторжествовавшие соперники, для получения врага, не щадили даже спокойствия и покоев своего малолетнего царя. Ужасен случай с митрополитом Иосифом…

В числе лиц, неугодных Шуйским, был и митрополит Даниил.

Шуйские не долго думали над этим. Митрополит Даниил был заточен в Волоколамский монастырь, а на его место возведен игумен Троицкого монастыря Иосиф. Шуйские думали, что, в благодарность за это 'повышение, Иосиф будет на их стороне. Однако ставленник Шуйских стал на сторону истины, правды и добра родины. В числе жертв, назначенных Шуйскими к уничтожению, при свержении Вельских, оказался и митрополит Иосиф. Заговорщики ворвались во двор митрополита и начали бросать камнями в окна его келий. Митрополит искал убежища в хоромах малолетнего царя. Враги ночью с шумом и криком ворвались в спальню царя и вытащили оттуда митрополита. Страшный испуг и ужас царя и его мольбы о помиловании митрополита не имели никакого значения для клевретов Шуйских. Только благодаря князю Палецкому и игумену Сергию не совершилось святотатственное убийство над митрополитом.

Такие сцены не изглаживаются из ума человека никогда в жизни…

При такой постоянной борьбе партий за владычество, при частой смене одной партии другою, малолетний царь оставался без правильного воспитания, так как некому было заботиться об этом, – да и охоты к тому не было у царедворцев. Поэтому царевич вновь был предоставлен самому себе.

Иоанн Грозный по природе был человек впечатлительный и восприимчивый, поэтому окружающая обстановка отпечатлевалась на нем весьма резко и давала прочные плоды. А между тем вокруг его совершалось нечто странное. При всех больших церковных праздниках, при приеме чужеземных послов и при других торжествах, юный царь являлся главным средоточием и центром торжества. Все остальные оказывали ему почтение и раболепство, служа дополнением и блестящею обстановкою при его царском троне. А вне этой публичности молодому царю приходилось терпеть от тех же вельмож небрежность, высокомерие, непочтительность и даже грубость.

Вот что по этому поводу говорит сам Иоанн в письмах к Курбскому. «Нас же питати начаша яко иностранных, или яко убожайшую чадь. Яковаж пострадах во одеянии и во алкании во всем бо сем воли несть; но вся не по своей воле и не по времени юности. Едино воспомяну: нам бо во юности детства играюще, а князь Иван Васильевич Шуйский седит на лавке, локтем опершися отца нашего о постелю, ногу положив; к нам же не преклонялся не только яко родительски, но еже властелински, яко раб-скоеж, ниже начало обретеся: и такова гордыня кто может понести! Какож нечесчи таковые бедне страдания многая, яко в юности пострадал! Многажды поздно ядох не по своей воле…»

С детства видел царь и хищение царской казны постоянно сменяющимися временщиками, видел он грабеж ими и казны *дядей наших,* видел он и ограбление боярами народа, видел он и избиение восходящими временщиками преданных престолу бояр и людей служилых, видел он избиение сими временщиками и даже служителей Божьих.

Все это не могло не запасть в чувствительную душу юного царя и не вызвать в нем отвращения, ожесточения, озлобления, ненависти и жажды мести к своевольным боярам. Грубое и пренебрежительное отношение бояр к самому самодержавному царю не могло в нем не вызвать ожесточения и жестокосердия. Так действовала на юного царя обстановка, в которой он жил и воспитывался, сама по себе; но то же ожесточение и жестокосердие опекуны старались развить в Иоанне и активно. Те самые бояре, на которых лежала обязанность смягчить и добро воспитать юное сердце царя, поощряли в царе жестокосердие и развивали в нем зверя-человека.

В юные годы, лет восьми-десяти, царь любил мучить и истязать животных. Бросит, бывало, несчастное животное из окна высокого терема на двор и любуется его страданиями… Рядом с этим царь страстно любил псовую и соколиную охоту и бояре усердно поощряли его в этих развлечениях.

Поощряя в юном царе жестокосердие и кровожадность, бояре и собственным примером на самых близких царя показали полное презрение к человеческому достоинству и царскому величию, а равно и безмерную необузданность хамской власти и кулачного права сильного. Лучшим примером сказанного служит поступок Шуйских с Федором Воронцовым.

Федор Воронцов был любимец тринадцатилетнего Иоанна. Опасаясь соперничества во влиянии на юного царя, Шуйские захотели извести Воронцова. Для этого они завели спор с Воронцовым в думе боярской, собравшейся в столовой избе. Не стесняясь присутствием царя, они напали на него, начали бить по щекам, изорвали на нем одежду и хотели его убить. Царь вынужден был вымаливать жизнь своего любимца у своих, не знающих удержу своеволия, подданных. Вопреки воле царя, Воронцова сослали в Кострому… Что должен был чувствовать самодержавный царь ввиду такого поступка на его глазах с любимым ему человеком… Каковы должны были возродиться у него мысли о силе сильного и о положении бесправного…

Все крайности беззаконного и грубого самовластия и необузданных страстей в правителях государства, Шуйских, ослепленных безрассудным личным властолюбием, были причиною тому, что гроза разразилась над ними гораздо раньше,

чем они могли ожидать.

Разумеется, в этом случае не малое воздействие на молодого царя имели и вельможи – враги правителей, по-видимому Глинские, дяди царя. Царю-отроку мало-помалу начали внушать, что приспело уже время объявить ему себя действительным самодержцем и свергнуть хищников власти, которые, угнетая народ, тиранят бояр и издеваются над самим государем, не щадя жизни его любимцев и с особенным рвением изводя именно самых преданных и близких лиц государю.

Все эти внушения велись крайне осторожно, умно и скрытно, так что Шуйские и не подозревали ничего подобного. Тринадцатилетний царь, по обычаю, осенью поехал в Сергиеву лавру, побывал на охоте в Волоке Ламском и весело отпраздновал праздники Рождества Христова.

Вдруг, 29 декабря 15 45 года, царь-отрок созвал бояр и здесь в первый раз заявил себя самодержавным и мощным повелителем. Грозно и властно юный царь объявил, что бояре-правители беззаконно властвуют; пользуясь во зло его юностью, они самовольно убивают людей и грабят землю. Эта вина падает на всех бояр-правителей, но царь желает наказать только виновнейших из них и особенно главного тирана Андрея Шуйского.

Андрея Шуйского отдали псарям. Его публично истерзали псы.

Очевидно, в данном случае действовал не самодержавный царь и даже не присущая уже ему лютость, а личная ненависть бояр к Шуйским, ибо самый способ казни был недостоин юных лет самодержца.

Вины Шуйского были опубликованы. Последовали опалы и на других бояр. Сослали Шуйского-Скопина, князя Юрия Темкина, Фому Головина и много других. Народ был доволен устранением правителей. Летопись говорит, что с того времени даже бояре начали иметь страх от государя.

Но тем не менее явно было, что не государь взял бразды правления, – за его спиной действовали чьи-то чужие руки, ибо он слишком юн был еще; одна боярская партия вырвала власть из хищнических рук другой партии и по-прежнему продолжала самовластвовать, отстранив и предоставив самому себе отрока царя. Вместо Шуйских властью овладели Глинские. Подобно Шуйским, правители заботились только о том, чтобы держать Иоанна подальше от дел и власти, не гнушаясь толкать его по пути разврата и безделья. Вместе с тем они не прочь были воспользоваться легкомыслием, вспыльчивостью царя и отсутствием крепкой привязанности у царя к кому бы то ни было,

если к тому представлялась необходимость для устранения тех или других лиц. Говоря о характере Иоанна, Костомаров заключает: «Иоанн не способен был к долгим привязанностям и для него ничего не значило убить человека, которого еще не так давно считал своим другом. Молодым сверстникам государя, разделявшим его забавы, была не безопасна его милость. По его приказанию были удалены один из князей Трубецких и сын любимца Елены Федор». Так же были уничтожены Иван Кубенский и Федор и Василий Воронцовы, хотя они были и любимцами государя.

К пятнадцати годам и этого ему стало мало. Набрав толпу сверстников, Иоанн мчался по стогнам города и при своей неистовой скачке душил проходящих. С ужасом и трепетом открещивались спасшиеся от этого вихря прохожие; пострадавшие же изувеченные старухи и младенцы изгибались в страданиях и муках. А царь радовался и с наслаждением смотрел на страдания людей по его соизволению…

Курбский по этому поводу говорит: «Воистину дела разбойнические творяше, и иные злые исполняше, их же не токмо глаголати излишно, но и срамно…» В самом деле, юный царь в своей дикой скачке по улицам Москвы не только душил людей, но еще и бил мужчин и женщин, и грабил народ.

Что же делали вельможи, правители и воспитатели? Удерживали малолетнего царя? Вразумляли и наставляли его?…

«Иоанн гонял на мсках и христианом проторы учинял!., а бояре „свирепствовали аки Львове, и люди их, аки звери дивии“, говорит летописец.

Они восторгались деяниями князя, поощряли его на таковые дела и восклицали: «о храбр будет сей царь и мужествен…»

Но и этого было мало, что бояре воспитывали в царе зверя-человека. Эти самые бояре вскоре начали травить его на своих противников.

Таким образом, этот от природы нервно-неустойчивый, впечатлительный и раздражительный человек, унаследовавший жестокость и бессердечие от своих предков, постепенно развивал в себе жестокосердие и кровожадность: сначала на животных, потом на низшем классе людей и наконец на боярах и вельможах. И что ужаснее всего, так это то, что на все эти ужасы наталкивали его приближенные. Они не только будили в царе присущего ему от рождения зверя, а поселяли и развивали в нем нового зверя. Они не только будили лежащую в глубине его души кровожадность, но и возбуждали полное презрение к людям и воззрение на людей, как на материал для кровожадной забавы и излияния своей злобы и мести.

Злодействуя сначала по наущению недостойных клевретов, жестокосердный царь скоро стал приносить жертвы Молоху и sua sponte.

В последнем случае враги воспользовались мятежным столкновением новгородских пищальников со свитою царя. Новгородские пищальники, недовольные своими начальниками, хотели лично принести жалобу царю. Вместо разбора жалобы, царь приказал окружающей страже прогнать и наказать бунтовщиков. Завязалась драка между пищальниками и свитою Иоанна, окончившаяся кровопролитием. Царь потребовал расследования дела и доклада имен виновных в причине мятежа. Дьяк Василий Захаров указал на Воронцовых и других вышепоименованных лиц, и вспыльчивый царь, без суда и расправы, приказал их казнить. В то же время были казнены и другие бояре, как: Трубецкой, Дорогобужский, Овчина-Оболенский и проч.

В юные годы молодой царь, видимо, отличался крайнею неустойчивостью характера, жаждою новых впечатлений и неудержимым стремлением к изменению образа жизни и перемены обстановки. Царь-отрок постоянно ездил по разным областям своей державы, не с целью изучения нужд государства и чинения правосудия, а для забав звериной охотой. Так он был с братьями Юрием Васильевичем и Владимиром Андреевичем во Владимире, Можайске, Волоке, Ряжске, Твери, Новгороде, Пскове, где, окруженный сонмом бояр и чиновников, не видал печалей народа и в шуме забав не слыхал стенаний бедности; скакал на борзых ишаках и оставлял за собою слезы, жалобы, новую бедность, ибо сии путешествия государевы, не принося ни малейшей пользы государству, стоили денег народу: двор требовал угощения и даров.

Устранив, по наущению, Глинских, Шуйских, царь в свою очередь Глинскими был устранен от кормила правления. Царь остался одиноким. Царь замкнулся в себе. Ребенок видел перед собою врагов и похитителей его прав, но бороться с ними открыто и явно он не мог. Борьба эта шла у него в голове. Голова ребенка была занята мыслью об этой борьбе, о своих правах, о непрерывном нарушении этих прав, о средствах восстановить свои права и возможности отомстить оскорбителям и нарушителям.

Знаменитый наш историк *С. Соловьев* говорит так: «окруженный людьми, которые, в своих стремлениях, не обращали на него никакого внимания, оскорбляли его, в своей борьбе не щадили друг друга, позволяли себе в его глазах насильственные поступки, Иоанн привык не обращать внимания

на интересы других, привык не уважать человеческого достоинства, не уважать жизни человека. Пренебрегая развитием хороших склонностей ребенка, подавлением дурных, воспитатели позволяли ему предаваться чувственным и животным стремлениям, потворствовали ему и хвалили за то, за что надо было порицать, и в то же время, когда дело доходило до личных интересов боярских, молодого князя оскорбляли, наносили ему удары в самые нежные, чувствительные места, оскорбляя память его родителей, позоря и умерщвляя людей, к которым он был привязан. Таким образом оскорбляли Иоанна вдвойне: как государя, не исполняя его приказаний, и как человека, не слушая его просьбы. От этого сочетания потворств, ласкательств и оскорблений в Иоанне развились два чувства: презрение к рабам ласкателям и ненависть к врагам, ненависть к строптивым вельможам, беззаконно похитившим его права и ненависть личная за личные оскорбления».

Устраненный от дел государства, помимо охоты и разъездов, царь имел время посвятить себя и образованию. Как нейрастеник, обладая неустойчивыми, но острыми умственными способностями, он накинулся на изучение различных предметов… Правда, изучение шло без системы, без толку и без руководящей руки; но и самый ум Иоанна был таков, что он не мог долго останавливаться на одном предмете. Он изучал священную историю, церковную историю, римскую историю, Русские летописи, творения Святых отцов и т. д.

Но, владея острым, но неустойчивым умом, Иоанн обладал еще большей фантазией и богатою игрою воображения. Замкнутый в себе, скрытый, сосредоточенный, обидчивый и бесконечно самолюбивый и себялюбивый, Иоанн все читал по-своему. Он не только читал книги и заимствовал оттуда факты, но он всегда переживал эти факты, относя их к себе то в том, то в другом отношении. В его душевной деятельности воображение и фантазия брали перевес над разумом. В настоящее время, при невозможности еще открыто выступить во всеоружии своего величия и власти, Иоанн хранил в тайниках своей души помыслы своей фантазии и воображения; но как только власть и мощь его начали осуществляться на деле, сразу стало видно, что прочитанное в книгах он захотел применить к себе.

Три года Иоанн воспитывал свой ум. Три года его фантазия и воображение стояли в сделке с приобретаемыми познаниями о царях и царствах. И в эти три года больной фантазер создавал планы и предположения относительно своего будущего.

Но вот эти три года прошли. Царю семнадцать лет. Царь желает выступить в самостоятельной роли и привести в

исполнение задуманные планы и предположения.

Случается нередко, что у лиц, с столь болезненно развитыми и господствующими фантазиею и воображением над рассудком, скрытность и замкнутость существуют только до известных пределов, после чего они берут новый перевес над рассудком, действуют на него подавляюще, стремятся излиться в действиях и поступках и перейти из небытия к бытию. В этом случае обыкновенно на помощь приходят какие-нибудь побочные обстоятельства: наступление юношеского периода или престарелого возраста, половые излишества, алкогольные излишества, чрезмерное умственное или физическое переутомление и проч.

Иоанн находился теперь именно в том состоянии, когда организм его вступал в период половой зрелости, а ум и воображение были начинены историческими событиями, распалившими его фантазию и создавшими множество планов. Иоанн вступал в тот момент, когда фантазия слишком сильно разыгралась. Задерживающие центры рассудка были подавлены, и он захотел осуществить на деле то, что до сих пор таилось в образах его фантазии.

В январе 1547 года, когда Иоанну было семнадцать лет, он зовет митрополита, бояр и сановников и держит к ним речь. Первее всего юный царь заявляет, что он хочет жениться. «Уповая на милость Божию и на святых Заступников земли Русской, имею намерение жениться».

Отличное дело.

Но царь добавляет. «Первою моею мыслью было искать невесты в иных царствах; но рассудив основательнее, отлагаю сию мысль. (Почему?) Во младенчестве лишенный родителей и воспитанный в сиротстве, могу не соитися нравом с иноземкою: будет ли тогда супружество счастьем? Желаю найти невесту в России, по воле Божией и по твоему благословению».

Митрополит умилился.

– Сам Бог внушил тебе намерение столь вожделенное для твоих подданных! Благословляю оное именем Отца Небесного.

Бояре плакали от радости.

Но это было еще не все. Царь только начал свою речь, имея в виду сообщить многое другое.

Царь продолжал.

> «По-твоему, отца своего митрополита, благословению и с вашего боярского совета, хочу прежде своей женитьбы поискать прародительских чинов, как наши прародители, цари и великие князья, и сродник

наш Владимир Всеволодович Мономах на царство, на великое княжество садились; и я также этот чин хочу исполнить и на царство на великое княжество сесть».

Итак, Иоанн хотел пройти обряд венчания на царство. Обряд этот в то время был для князей далеко не обязателен и почти все князья обходились без него. Но больному воображению Иоанна обойтись без этой торжественной обстановки было бы слишком обидно. Теперь у него резко выражается страсть многих неустойчивых людей (дегенератов) возможно чаще и возможно больше фигурировать, произносить речи, появляться к народу и блуждать по государству.

Но мало и того, что Иоанн пожелал венчаться на царство. Иоанн объявляет себя царем. До сих пор титул царя не писался в сношениях с иностранными державами. Теперь Иоанн присвояет царский титул как для иностранных сношений, так и для внутригосударственного чествования.

Начитавшись историй священного писания, греческих и римских историй, Иоанн захотел быть на Московском престоле тем же, чем Давид и Соломон на Иерусалимском, Август, Константин и Феодосии на римском, чем были ассирийские цари, вавилонские цари и проч. и проч.

Такому желанию царя найдены были многочисленные исторические доводы и основания. Уже прежде московские властители считали себя преемственно царями с одной стороны потому, что заступали для Руси место ханов Золотой Орды, которых русские в течение веков привыкли называть царями, а с другой – потому, что считали себя по женской линии преемниками византийских императоров, которых титул переводился словом «царь».

Кроме того, измышлено было сказание, что византийский император Константин Мономах прислал внуку своему Владимиру Мономаху царский венец, который, равно как и бармы и цепь, был возложен на Владимира Мономаха епископом ефесским. Сказание передает далее, что Владимир Мономах завещал эти регалии сыну своему Георгию и приказал в поколение до тех пор, пока не воздвигнет Бог на Руси достойного самодержца.

Таким самодержцем и явился Иоанн.

16 января 15 47 г. митрополит Макарий венчал Иоанна на царство шапкою, бармами и цепью Мономаха.

Измышлено было и другое сказание по этому поводу. Сказывали, что брат римского императора Октавия Августа переселился в Литву. Рюрик, Синеус и Трувор, по этому сказанию,

являлись прямыми потомками Октавия Августа, – тем самым и все предки Иоанна и он сам происходили от цезарского рода Августа.

Константинопольский патриарх Иосиф утвердил этот царский титул грамотою, говоря в ней: «не только предание людей достоверных, но и самые летописи свидетельствуют, что нынешний властитель московский происходит от незабвенной царицы Анны, сестры императрицы Багрянородного, и что митрополит ефесский, уполномоченный для того собором духовенства византийского, венчал российского великого князя Владимира на царство».

В народ пущен был слух, что сим исполнилось пророчество апокалипсиса о шестом царстве, которое и есть российское царство.

Наконец, летописи записали: «смирились враги наши, цари неверные и короли нечестивые. Иоанн стал на первой степени державства между ними».

Все эти апокрифы не имели бы никакого значения, если бы не одно обстоятельство во всем этом деле, имеющее более серьезный смысл, чем можно думать. Дело в том, что обо всех этих преданиях Иоанн наверное знал. Мало того, он в них искренно верил и считал за непреложные факты. Если мы не имеем доказательств на это исторических, то мы имеем эти данные в естественно-исторических фактах. Лица с неустойчивою нервною системою и дегенераты имеют ту особенность, что подобные фантастические рассказы они не только принимают за факты, но и относят эти рассказы к своей собственной личности. У этих людей, если позволительно так сказать, нет чувства действительности и они лишены способности полагать грань между правдою и вымыслом, между возможным и фантазией. Мало того, нередко они сами измышляют какую-либо фантастическую историю и затем настолько глубоко бывают убеждены в ее правдивости и действительности, что готовы за нее положить голову на плаху.

Чрезвычайно метко охарактеризовал Иоанна К. С. Аксаков: «Натура Иоанна влекла его от образа к образу, от картины к картине, – и эти картины любил он осуществлять себе в жизни. То представлялась ему площадь, полная присланных от всей земли представителей, – и царь, сидящий торжественно под осенением крестов, на лобном месте и говорящий народу речь. То представлялось ему торжественное собрание духовенства, и опять царь посредине, предлагающий вопросы. То являлась ему площадь, установленная орудиями пытки, страшное проявление царского гнева, гром, губящий народы… и вот ужасы казней

Московских, ужасы Новгорода… То являлся перед ним монастырь, черные одежды, посты, покаяния, труды и земные поклоны, картина царского смирения, – увлеченный ею, он обращал и себя и опричников в отшельников, а дворец свой в обитель…»

Иоанн, читая исторические сказания о царях вавилонских, ассирийских, византийских и римских, проникся горячим желанием стать столь же могущественным и славным царем, как и его знаменитые исторические предшественники. Нашлись люди, которые доложили ему апокрифы, могли найтись и такие, которые были не прочь и присочинить их, – и из всего этого создалась история венчания на царство.

Так мы себе можем представить ход мыслей, при развитии плана в уме Иоанна, относительно венчания на царство. Уж слишком слабы и шатки все вышеуказанные апокрифы, чтобы на них строить серьезное государственное здание. Человек с крепким умом не считал бы необходимостью прибегать к столь слабым историческим доводам. Напротив поступит человек с болезненно развитой фантазией и воображением, одерживающим перевес над разумом. Такой человек искренно верит апокрифам, он их исповедует как истину, переносит в жизнь и старается осуществить их на деле.

Иоанн был именно таким лицом, поэтому он и захотел привести к бытию свои фантастические планы о царском титуле, царском венчании, венце и бармах…

А сказал самодержец: да будет!

И бысть.

Между тем это решение имело очень серьезное государственное значение, как внутри государства, так и вне оного. Мудрые бояре далеко не с покойной душой принимали этот титул, ибо, умудренные жизненным опытом, они опасались в будущем многих неприятностей и недоразумений. Прежде всего иноземные государства не вполне хладнокровно и покойно смогут отнестись к этому титулу, – что и было в действительности. Во-вторых, и внутри государства это нововведение имело значение, ибо этим титулом оно выдвигало самодержца из ряда князей равных; хотя бы уже они и считались соподчиненными самодержцу, однако de facto у многих из них была мысль в голове, что я-де такой же князь, как и ты, и что покажет будущее – еще посмотрим.

Тем не менее Иоанн сказал: да будет… и бысть.

Спустя четыре недели Иоанн женился на Анастасии Захарьиной, которая, помимо красоты, отличалась целомудрием, смирением, набожностью, чувствительностью, благостью и

основательным умом.

Однако и искренняя любовь к добродетельной супруге не могла укротить души Иоанна, пылкой и беспокойной, стремительной к порывам гнева и приученной к шумной праздности и к шумным и неблагочинным забавам.

«Он любил показывать себя, – говорит Карамзин, – царем, но не в делах мудрого правления, а в наказаниях, в необузданности прихотей; играл милостями и опалами; умножая число любимцев, еще более умножал число отверженных; своевольствовал, чтобы показать свою независимость… Никогда Россия не управлялась хуже: Глинские, подобно Шуйским, делали что хотели именем юного государя; наслаждались почестями, богатствами и равнодушно смотрели на неверность частных властителей».

Внимал ли венчанный царь к стону своего народа? Принял ли он царство, как пастырь принимает стадо? Отнесся ли он милостиво и внимательно к своим подданным? Захотел ли он венчанием показать своим боярам, что отныне он есть отец отечеству?… Увы, это только была игра в царство…

Венчавшись на царство и вступивши в брак с Анастасией, Иоанн не покинул своей бродяжнической жизни. Зуд непосидячества дегенерата оказывал свое влияние на него, и вот он вновь мечется по государству. В селе Островке псковские граждане обратились к венчанному царю с жалобой на своего начальника, князя Турунтая Пронского… Семьдесят челобитчиков стояли пред Иоанном с обвинениями и уликами… И здесь-то венчанный царь вполне проявил свой нрав. Он даже не выслушал челобитчиков. Закипел гневом. Начал на них кричать, топать ногами, лил на них горящее вино, палил им бороды и волосы, велел их раздеть и положить на землю… Несчастные челобитчики ждали смерти. Их спас Царь Небесный.

Принесли Иоанну недобрую весть. В Москве с колокольни упал колокол. А это предрекало большое несчастье. Венчанный царь оставил правую расправу с ищущими правды и полетел в Москву.

Не в духе Иоанна было чинить суд и расправу. Еще раньше новгородские пищальники обращались к нему с жалобой и с оружием в руках должны были защищать свою жизнь…

На Иоанна посыпались несчастья. Перст Божий указывал ему на конец долготерпения и вразумлял легкомысленного царя. 12 апреля вспыхнул сильный пожар в Москве; 20 сентября – другой, 3 июня упал колокол-благовестник и 21-го вспыхнул новый страшный пожар, какого еще никогда не было в Москве. Пожар был настолько велик, что десятки тысяч народа остались без крова. В народе возник ропот.

Бояре, недовольные правлением Глинских, воспользовались случаем свергнуть правителей.

Средством для этого они избрали бунт черни. В народе пустили молву, что пожар произвели Глинские. Донесли об этом и царю. Царь назначил произвести дознание.

Розыск дела совершался так: на Кремлевскую соборную площадь собрали чернь и начали спрашивать: кто зажигал Москву? Народ, видимо, заранее подготовленный, завопил, что это княжна Анна Глинская с своими детьми волховала и, благодаря этому волшебству, сгорела Москва. Бывший при этом Юрий Глинский, видя недоброе дело и желая спасти себя, укрылся в церковь Успения; но чернь извлекла его оттуда и, убивши, покинула на лобном месте. За сим имущество Глинских было разграблено и все их слуги и дети боярские были убиты.

Княжна Анна Глинская, бабка государя, вместе с сыном своим Михаилом, находилась в то время в ржевском своем имении. Чернь, не насытившись кровью Юрия Глинского и его слуг, явилась во дворец к Иоанну, требуя от него выдачи бабки его Анны Глинской и Михаила Глинского, якобы схороненных царем в своей опочивальне.

Иоанн потрясен был беспредельно. Еще недавно удовлетворенный в своих идеях величия, он был растерян и бессилен при виде целого ряда ужасов и бед. Бунт псковитян (так по крайней мере он понимал искание правды псковитянами у своего царя, при одержимости последнего идеями преследования), пожар в Москве, еще пожар в Москве, падение колокола-благовестника, уничтожение Москвы новым пожаром, бунт черни, убийство Глинских и, наконец, последняя протодерзость – требование от царя выдачи его родных, – все это могло потрясти и не такого человека, как нервный и душевнобольной Иоанн.

В эту-то пору внутреннего трепета, душевного потрясения и умственного бессилия – является глас Божий в лице иерея Сильвестра. «Сильвестр явился к Иоанну с поднятым угрожающим перстом, с видом пророка, и гласом убедительным возвестил ему, что суд Божий гремит над головою царя легкомысленного и злострастного; что огнь небесный испепелил Москву, что сила Вышнего волнует народ и льет фиал гнева в сердца людей. Раскрыв святое писание, сей муж указал Иоанну правила, данные Вседержителем сонму царей земных. Он заклинал его быть ревностным исполнителем сих уставов, потряс душу и сердце, овладел воображением и умом юноши» (Карамзин).

Совершилось чудо. Обливаясь слезами раскаяния, Иоанн простер десницу к наставнику и требовал от него силы быть

добродетельным и помощи.

Видимо, Сильвестр был давно известен Иоанну с хорошей стороны; этим объясняется быстрый и необыкновенный успех его у Иоанна (Соловьев, Белов).

С этих пор Сильвестр становится главным руководителем Иоанна. На помощь ему выступает Алексей Адашев. Эти два мужа ведут государственные дела и дают новое направление управлению государством. Мятежная чернь была разогнана и государство успокоено.

Почти все историки высказывают тот взгляд, что Иоанн Грозный обладал недюжинным умом и твердым характером. На наш взгляд, ум Иоанна Грозного был не выше среднего уровня, а характер у него вовсе отсутствовал.

Во всем царствовании Иоанна мы не видим ни одной определенной мысли, которою бы он руководился, ни одного прочного убеждения, ни одного твердого правила. Это был ум крайне поверхностный, неустойчивый и неопределенный. Одну минуту он думал одно, другую – другое, а третью – третье. Он не имел своих убеждений, а поступал так, как ему внушали другие. Узкий и недальновидный во взглядах, он не замечал, как ему окружающие внушали. Болезненно самолюбивый и любящий фигурировать, он охотно поведал чужие мысли как свои. Гордый и строптивый, он радостно приводил в исполнение чужие внушения, принимая их за свои. Так он 13 лет сыграл роль, внушенную ему Глинскими. Так он проделал историю венчания на царство, внушенную ему его фантазией и можно думать (Костомаров) митрополитом Макарием. Так он всецело подпадает влиянию Сильвестра и Алексея Адашева в настоящий момент.

Две мысли, однако, владеют царем беспредельно и безгранично. Это мысли болезненные, это мысли, присущие ему от рождения и не покидавшие его по конец жизни. В настоящий момент они еще не имеют логической подкладки и правильной систематизации; но многие жизненные обстоятельства говорят, что они существуют и по временам отражаются в его действиях и поступках. Так в жалобе новгородских пищальников он видит бунт и усмиряет его оружием; в челобитьи псковитян он видит новое возмущение и собственноручно не брезгает издеваться над людьми, пришедшими к своему отцу просить правды и справедливости.

Правда, идеи преследования находят себе поддержку, и сильную поддержку, в возмутительных поступках бояр, но одно только это едва ли бы создало больного Иоанна, если бы к тому не было основы в самом существе организма его. Самоуправство и презрительное отношение бояр к Иоанну дало только известное

направление бредовой его деятельности, но оно не создало и не породило ее.

Не твердый умом, не имея никаких определенных убеждений и взглядов, фантазер и мечтатель, потрясенный до глубины души целым рядом несчастных событий, дерзкий и кровожадный в силе, малодушный и трусливый в одиночестве, суеверный и мистик, Иоанн всецело отдается в руки человека с железною волею, твердым умом, строгими и определенными убеждениями и непреклонным характером.

Все способствовало господству Сильвестра.

Первее всего он дает царю мысль, как усмирить взбунтовавшуюся чернь и водворить порядок и при этом быстро приводить все в исполнение.

Наступает тишина и спокойствие.

Слава Господу! Гроза миновала. Разбитый и обессиленный царь от всей души рад отдохнуть и успокоиться под крепкою рукою человека с железной волей. К счастью, этот человек не из бояр и вельмож – заклятых врагов Иоанна. Это всего только поп, не имущий ни власти и господства, ни славы и почести, ни богатства и обладания. Он говорит именем Божиим. «Покайтеся и веруйте во Евангелие», – провозглашает он. Это Савонарола. Это пророк Иезекииль… По своему положению он исходит из того рода, в котором Иоанн видит единственную свою поддержку. Это простой мирянин, не ищущий стать на пути владычества Иоанну.

Этого мало. Сильвестр излагает Иоанну свои взгляды на управление государством. Очевидно, этот человек имеет определенные взгляды на управление, вдобавок с значительной долей железной воли привести их в исполнение. Кроме того, самый план управления государством является в истории государства чем-то новым и для больного воображения Иоанна особенно заманчивым. Сильвестр умаляет положение бояр и князей – врагов Иоанна, – и выдвигает новую силу – народ, народ, который на этот раз является естественным союзником Иоанна, как притесняемый и угнетаемый теми же князьями и боярами, от которых терпел и сам царь.

Весьма естественно, что легкомысленный царь всецело отдался в руки попу. Особенно же заманчиво во всем этом деле то, что Иоанну в будущем представляется возможность фигурировать, являться торжественно пред народом, произносить речи, обвинять бояр в неправоте и обещать милости великия. Фантазер и мечтатель мог только жалеть об одном – что все это не сей час.

Помощником Сильвестра является Алексей Адашев, – опять-таки человек по происхождению из темного люда. «Я из

батожников его поднял, от гноища учинил наравне с вельможами», – говорил о нем впоследствии Иоанн.

Этим-то людям теперь отдался Иоанн всею душою и всеми помышлениями.

Сильвестр и Адашев не желали властвовать одни. Любя всей душой родину, желая от всей души добра царю и стремясь принести посильную пользу государству, они составили «избранную раду», подобрав кружок людей, более других отличавшихся широкими взглядами и любовью к общему делу. То были люди знатных родов: князь Дмитрий Курлятов, Андрей Курбский, Воротынский, Одоевский, Серебряный, Горбатый, Шереметевы и друг. Рядом с этим Адашев и Сильвестр начали выдвигать из толпы людей незнатных, но честных и возлагали на них различные обязанности. Последнее царю не только не было противно, а, напротив, вполне сочеталось с его болезненными мыслями по отношению к преследованию со стороны князей и бояр.

Поняв легкомысленный и самолюбивый характер Иоанна, «избранная рада» старалась действовать так, чтобы царь не замечал, что он служит только лишь прикрытием им, что вполне им и удавалось, – пока посторонние лица не открыли царю настоящего положения дела. Впоследствии уже царь горько жаловался на попрание и уничтожение его самодержавия. «Они отняли у нас данную нам от прародителей власть возвышать бояр, по нашему изволению, но все положили в свою и нашу власть, – как им нравилось, так и делалось, они утвердились между собою дружбою, чтобы все содержать в своей воле, у нас же ни о чем не спрашивали, как будто нас на свете не было, всякое устроение и утверждение совершалось по воле их и их советников. Мы, бывало, если что-нибудь и доброе посоветуем, то они считают это ни к чему не нужным… Во всех малых и ничтожных вещах, до обуванья и спанья, мне не было воли, а все по их хотению делалось».

Об этом периоде царствования, от которого сам Иоанн так настойчиво отрекается, историк говорит: «Мудрая уверенность, человеколюбие, дух кротости и мира сделались правилом для царской власти… Везде сменяли недостойных властителей, наказывали презрением или темницею, но без излишней строгости. Хотели организовать счастливую государственную перемену не жестокою казнию худых старых чиновников, а лучшим избранием новых, как бы объявляя народу, что злоупотребления частной власти бывают обыкновенным, неминуемым следствием усыпления или разврата в главном начальстве: где оно терпит грабеж, там грабители почти невинны,

пользуясь дозволяемым. Везде народ благословлял усердие правительства к добру общему» (Костомаров).

Когда бунт был усмирен и в Москве начало приходить все в порядок и благополучие, Иоанн на несколько дней уединился для поста и молитвы, созвал святителей, умиленно каялся во грехах и, разрешенный и успокоенный ими в совести, причастился Святых тайн.

Здесь вылился весь Иоанн, быстро увлекающийся, быстро малодушничествующий, быстро воспламеняющийся, быстро грешащий, быстро злодействующий, быстро кающийся и быстро успокаивающийся.

А между тем «избранная рада» работала энергично. Государству нужно было дать суд и правду. Советникам нужно было, чтобы сам народ высказался, чего ему недостает. Царю желательно было пофигурировать на этом собрании. Решил он – собрать земский собор. Этим решением и избранная рада и царь остались довольны и потому быстро был собран земский собор или Великая Земская дума в 1550 г.

В один воскресный день, после обедни, государь и митрополит с крестным ходом, в сопровождении земской думы, вышли на площадь, где находилось лобное место, окруженные густыми толпами народа. После молебствия, Иоанн стал на лобном месте и, обратившись к митрополиту, просил его быть ему помощником и споспешником в делах.

> «Сам ты ведаешь, святый владыко, как я остался от отца своего четырех лет, а от матери восьми лет. Бояре и вельможи о мне не радели и стали самовластны; именем моим сами похищали себе саны и почести, никто не возбранял им упражняться во многих корыстиях, хищениях и обидах. Они властвовали, а я был глух и нем по своей юности и неразумию. О лихоимцы, хищники и несправедливые судьи! Какой ответ ныне дадите нам за многие слезы, из-за вас пролитые? *Я чист от крови сей, а вы ожидайте своего воздаяния…»*

За сим царь поклонился народу во все стороны и продолжал:

> «Люди Божий и нам дарованные Богом! молю вашу веру к Нему и любовь к нам. Ныне уже невозможно исправить ваших прошлых обид и разорений от неправосудия и лихоимства, попущенных неправедными моими боярами и властями. Молю вас, забудьте вражды друг на друга и тяготы свои, кроме тех, какие бы можно еще облегчить. Отныне я сам буду вам судья и оборона,

будут отменять неправды и возвращать хищения».

В упомянутой же записи говорится, что в тот же день Иоанн поручил своему любимцу Алексею Адашеву принимать челобитные от обиженных и рассматривать их, – теперь не было сильных и знатных. При этом он не обошелся и без надлежащей речи к Адашеву.

> «Алексей, взял я тебя из бедных и самых молодых людей за твои добрые дела, а взыскал тебя выше твоей породы в помощь душе моей, хотя на то и не было твоего желания…»

И вот с этого времени начинается период новой жизни под управлением царя, митрополита и «избранной рады».

Не имея собственной личности, царь, окруженный людьми честными, любящими родину и правду, стал их невольным сообщником и государство, хотя на некоторое время, вздохнуло.

Москва приведена была в порядок. Сгоревшие храмы Божий воздвигнуты, постройки восстановлены и жизнь пошла мирным порядком.

В это время издан был судебник, или вторая Русская Правда, обуздано местничество, составлен и издан Стоглав, положено было основание к вызову в Россию ремесленников, художников, лекарей, аптекарей, типографщиков и т. д. Государство, успокоенное и управляемое людьми мудрыми и бескорыстными, скоро показало свою силу и в сношениях с неприятелями.

Казань была покорена, покорена и Астрахань, совершилось подданство черкесов Иоанну, завоевано черкесами Тмутараканское и Томашское княжества, сибирское царство обязалось платить дань, заведены мирные сношения с Англией, Литва была покорена и должна была выносить укрепляющуюся Россию, Крым трепетал и смирился, Ливония была почти уничтожена, Швеция посрамлена. Самое войско было преобразовано и чрез то представлялось непобедимым.

Все эти мудрые дела приписываются Иоанну. Правильно ли это? Мы видели уже, что он сам отрекся от этих дел.

По словам летописца, «Сильвестр управлял и церковью и думою и ему недоставало только седалища царского и святительского: он указывал и вельможам, и митрополиту, и судьям и воеводам: он мыслил, а царь делал» (Костомаров). Летопись говорит следующее о Сильвестре: «бысть яко вся могий и вся его послушаху…» Полевой высказался так: «Иоанн отнял власть у Глинских и передал ее думе боярской, но не дума управляла царством: правителем сделался протоиерей

Сильвестр… Ничего Сильвестр и Адашев не делали без разрешения царского, но, разумеется, никто не смел отказать в их предложении и царь всегда соглашался с ними».

Но нельзя всего отнять и от Иоанна. С людьми добрыми он был добр, с людьми чистыми он был чист, а с злодеями он уподоблялся злодею.

По мнению г. Иловайского, в это время Иоанн занимался с успехом чтением душеполезных книг и самообразованием, под руководством митрополита Макария и Сильвестра, что он и показал в дальнейших своих прениях по вопросам религии и государственности.

Однако едва ли бы имели такой успех в смысле влияния на Иоанна и Сильвестр, и Адашев, и митрополит Макарий, и вся избранная рада, если бы они не имели союзника в лице царицы Анастасии, которая вполне могла понимать и ценить и стремления «рады», и интересы царя, и пользу государства. С ее помощью и содействия легко можно было приручить царя и руководить им в дальнейших государственных делах. По словам летописи, «предобрая Анастасия заставляла и проводила Иоанна на явление добродетели».

Это был, так сказать, золотой век царствования Иоанна Грозного, продолжавшийся тринадцать лет.

Однако однообразие наскучает, – особенно людям, подобным Иоанну, с характером неустойчивым, любящим новые впечатления и быструю смену ощущений. Можно удивляться и поражаться тем, как долго Иоанн терпел столь продолжительную опеку над собою. Очевидно, опекуны умели очень искусно вести дела, устраивая все так, что главная заслуга и почести всегда падали на долю любившего эффект Иоанна.

Тем не менее просказывалось, что Иоанн сознает опеку и тяготится ею. Но, как человек от природы крайне подозрительный, хитрый, скрытный и недоверчивый, он хранил в себе эти чувства и никому в том не высказывался. Трусливый и малодушный, он любил действовать в подобном случае строго обдуманно и наверняка. Так он поступил выжидательно в борьбе с Шуйским, так он поступил при объявлении восшествия на престол, – так он намерен был поступить и теперь.

К несчастью, обстоятельства способствовали начавшемуся охлаждению и даже распадению образовавшейся «избранной рады» с царицей Анастасией включительно.

Царь тяжко заболел. Дни его были сочтены. Отбиралась присяга на подданство младенцу Дмитрию, сыну Иоанна. Зная, что значит царствование младенца с боярами во главе, большинство «рады» было на стороне дяди царева, Владимира

Андреевича, и к этому большинству примыкали явно Сильвестр, отец Адашева и, видимо, Адашев.

Но воле Божией долженствовало совершиться, – царь выздоровел. Разумеется, царю доподлинно успели доложить, кто был за него и кто против него.

Воображение, всегда господствовавшее над нервным царем и теперь еще усиленное болезнью, нарисовало ему все ужасы, ожидавшие его семью в случае его смерти.

– Не дайте жены моей на поругание боярам, – говорит он Захарьиным и другим верным своим советникам, – не дайте боярам извести моего сына, возьмите его и бегите в чужую землю.

Иоанном, опять, как и после московских пожаров и волнений, овладело чувство, которому он всегда готов был поддаться, чувство страха… «Это представление, несомненно преувеличивавшее опасность, с тех пор, кажется, всю жизнь не покидает царя», – говорит В. Ключевский.

Несмотря на открытое движение со стороны Сильвестра и Адашевых, Иоанн остался к ним наружно по-прежнему ласков и любезен. Мало того, хитрый и подозрительный Иоанн наградил Адашевых, дал первому звание боярина, а второму окольничего. Очевидно, до поры до времени он хотел усыпить в них тревогу, опасение и беспокойство, дабы впоследствии тем свободнее можно было захватить их.

Возможно, что и Сильвестр не всегда был осторожен и воздержан в советах и воздействии на Иоанна в своей роли наставника и руководителя. Так, он иногда не в меру вмешивался в домашнюю жизнь царя, стремясь вводить его образ жизни и время препровождения в известные рамки, указывая на умеренность в пище и питье, в супружеском сожительстве и проч. На каждом шагу он преподавал ему свои практические уроки: напоминая, увещая, а иногда преследуя его и «кусательными словесы»… Все это не могло не раздражать невоздержанного и необузданного Иоанна…

Но самое печальное во всем этом деле было наступление разлада между партией Сильвестра и царицей Анастасией. Анастасия видела в них людей преданных государству, готовых поплатиться за него жизнью, но зато и готовых пожертвовать государем в пользу государства. Поэтому с сей поры благоразумная царица была с ними, но не за них.

Иоанн между делами продолжал предпринимать путешествия по монастырям. Насколько эти путешествия были часты, видно из следующего разговора с Максимом Греком. По выздоровлении от болезни, Иоанн дал обет посетить Белоозерский монастырь св. Кирилла. В это путешествие он выехал с царицею и младенцем

Дмитрием. Заехав на пути в обитель св. Сергия, Иоанн пожелал повидать строгого подвижника, Максима Грека. Царь посетил его келию и, беседуя с ним, заговорил о своем путешествии.

«Государь, – сказал Максим, – пристойно ли тебе скитаться по дальним монастырям с юною супругою и младенцем? Обеты неблагоразумные угодны ли Богу? Вездесущего не должно искать только в пустынях: весь мир исполнен Его. Если желаешь изъявить ревностную признательность к небесной благости, то благотвори на престоле. Завоевание казанского царства, счастливое для России, было гибелью для многих христиан. Вдовы, сироты и матери избиенных льют слезы: утешь их своею милостию. Вот дело мирское».

Но Иоанн не хотел изменить обещания. Говорят, что Максим Грек предсказал потерю младенца Дмитрия, если Иоанн пустится в дальний путь, – и его пророчество оправдалось. Дмитрий в Москву более не возвращался.

Враги Сильвестровы были не только в мире, но и в обители. И никто так не сокрушил терпения Иоаннова и не толкнул к разладу с «избранной радой», как епископ Вассиан, живший тогда в Песношском монастыре.

Иоанн, желая лично познакомиться с Вассианом, который когда-то был любимцем отца его, Василия, зашел к нему в келию и завел речь об управлении государством.

Тогда Вассиан ему сказал:

«Если хочешь быть истинным самодержцем, то не имей советников мудрее себя; держись правила, что ты должен учить, а не слушаться. Тогда будешь тверд на царстве и грозою вельмож. Советник мудрейший государя неминуемо овладеет им».

Схватив и поцеловав Вассианову руку, Иоанн с живостью сказал:

«Сам отец не дал бы мне лучшего совета…»

Да, совет был ужасный. В первый раз Иоанн ясно и определенно сознал, что его ведут на помочах и его именем управляют.

И теперь, однако, Иоанн сумел скрыть свое решение – отделаться от своих советников и действовать за свой счет, хотя с этого времени мало-помалу начало уже прорываться стремление Иоанна действовать наперекор своим советникам.

Но пока была жива Анастасия, мир был сохранен.

В июле 1560 г. царица Анастасия тяжко занемогла, а 7 августа скончалась, оставив после себя сыновей Иоанна и Федора и дочь Евдокию.

Мало-помалу Иоанн начал отдаляться от своих советчиков – Сильвестра и Адашева. Адашев был послан в Ливонию; Сильвестр

же, видя к себе немилость царя, ушел в Кирилло-Белоозерский монастырь. Но врагам «избранной рады» этого было мало. Их обвинили в том, что они извели царицу Анастасию чародейством. Царь подал вид, что верит этому обвинению. Назначено было следствие. Сильвестр и Адашев просили позволения лично явиться на суд. Им это было не позволено под предлогом, что они могут околдовать царя. Их заочно осудили: Адашев был сослан в Дерпт, где смерть скоро прекратила его дни; а Сильвестр был сослан в Соловецкий монастырь.

Скоро и четвертый член «избранной рады», митрополит Макарий, сошел в могилу.

Теперь Иоанн остался один, на своей доброй воле, окружив себя помощниками и приятелями, подходящими по вкусам и характеру к его дурным качествам. Царь решил доказать боярству, что русские самодержцы изначала сами владеют царством, а не бояре и вельможи!..

Начался новый, самый ужасный, период не только царствования Иоанна Грозного, но и вообще существования России.

Иоанну было тридцать лет, когда он освободился от опеки «избранной рады». Теперь он достиг как физического, так и умственного полного развития.

По описанию Кубасова и Герсея, Иоанн Грозный был роста высокого, с широкой грудью и плечами, крепкими мышцами, красивой и величественной наружности; лоб у Иоанна был высокий, глаза серые, неприятные, нос длинный, вытянутый, усы длинные, вздернутые, голос зычный и неприятный. Это был настоящий скиф: быстр умом, кровожаден, не знал милосердия и во всем действовал своим разумом.

Как наследственник болезненной нервной системы, Иоанн еще с детства должен был проявлять черты характера, свойственные этим лицам. Как в детстве, так и теперь в нем рано проявились: замкнутость в себе, сосредоточенность, скрытность, усиленная наблюдательность ко всему окружающему (проф. Ключевский1 говорит по этому поводу: «Иоанн усвоил себе привычку ходить оглядываясь и прислушиваясь»), недоверие, подозрительность, крайняя неустойчивость и переходы от одного состояния к другому, отсутствие крепкой привязанности, резкая раздражительность, еще более резкая вспыльчивость, чрезмерное самолюбие и самомнение, трусость и выжидательность, отсутствие прочной любви и привязанности, хитрость, жестокость, чувственная разнузданность, безмерная злость и кровожадность.

Это были отдельные черты его характера; но, кроме этого, он

мог быть тем человеком, какова его обстановка. При порядочной и доброй обстановке он мог выдерживать себя и быть порядочным и относительно добрым, – с злодеями, людьми разнузданными, распущенными и кровожадными – он мог быть царем их.

Иоанн не был по характеру человеком цельным, определенным. Кроме болезненных черт, – характера самобытного и ясно выкристаллизованного в нем не было. Он был эхом обстановки и окружающих людей. Окружали его с детства хищники и звери и подготовили в 13 лет волчонка, который публично разорвал Шуйских и их клевретов. Влиял на него мечтательный, увлекающийся и отчасти мистик митрополит Макарий и из Иоанна вылился фантазер и романтик, «царь по чину Владимира Мономаха». Стал он в кружке Сильвестра, Адашева, Анастасии и Макария и был царем правым, чистым, любящим и заботливым отцом. Стал при нем Федор Басманов и Малюта Скуратов и из Иоанна вышел убийца и кровожадный человек.

Иоанн, по характеру, была трость, колеблемая ветром. Трость крайне крепкая и упругая, – но поддающаяся ветру. Это был человек с чрезмерной энергией, сильным своеволием, бесконечной деятельностью, но без определенных убеждений и стойкого характера. Он быстро увлекался и еще быстрее приводил в исполнение свои увлечения, хотя бы ему после этого приходилось и каяться. Под влиянием людей с ясным и прочным убеждением и характером он мог быть незаменимым человеком. Не имея своего собственного, он выполнял чужое с такой энергией, с какой не выполнил бы дела и создатель его. Вот почему при Шуйских и Вельских он разъяренный волчонок, при Макарии – чистый и непорочный романтик, при Сильвестре – образцовый конституционный царь, проводящий самодержавные принципы, – при Малюте Скуратове дикий зверь.

В его душе не было ни Бога, ни любви к родителям, ни любви к детям, ни любви к ближним, ни любви к родине. По существу он был ханжа: днем нигилист, а ночью молящий Бога о спасении до завтра. Отец – в черном клобуке убивающий своего сына. Престарелый человек – пред смертным одром заигрывающий с своей невесткой. Царь – ищущий жительства в Англии. Друг – казнящий Воронцова, ссылающий Сильвестра и Адашева и истязающий Вяземского и Басмановых. Отец отечества – выжигающий целые города дотла… Во всем его характере масса противоречий, неустойчивости, несостоятельности и несамостоятельности. Подобно характеру, такой же неустойчивый, неопределенный и невыдержанный был и ум Иоанна.

Как и у многих других вырождающихся, способности Иоанна были довольно острые. Он легко мог воспринимать и усвоять знания. Мог многое запоминать и знать. Запас его сведений и знаний был обилен и о нем можно сказать, что по своему образованию для того времени он был человеком с блестящим образованием.

Гораздо обширнее и мощнее, чем умственные способности, у Иоанна были развиты фантазия и воображение.

Но и здесь проявилось то, что делается у большинства дегенератов, – подчинение его ума воображению и картины фантазии не дополнением служили к его знаниям, а сами знания были материалом для воображения и фантазии; Иоанн жил не логическими выводами ума, а построениями воображения и фантазии. Но так как последний способ душевной деятельности не всегда применим к жизни, то весьма многое переживалось в нем самом и только отдельные частицы этого сокровенного мира проникали в жизнь.

> «Этот первый московский царь не обладал от природы практическими свойствами ума, а имел в избытке воображение и чувство, подавлявшие в критические моменты его волю»
>
> *(Фирсов)*.

С раннего детства оставшись круглым сиротой и одиноким, Иоанн все переживал в своей головке сам. Даже если бы он не получил по наследству склонности к одиночеству, фантазированию и воображению, то, уже в силу жизненной обстановки, он должен был бы стать таким. В дальнейшем своем образовании он опять был предоставлен самому себе. По естественному влечению натуры, он набросился на историю, – историю церкви, историю государств и историю России. Здесь он выбирал для себя те моменты, которые были наиболее симпатичны его фантазии и воображению.

Понимая, что он самодержавный, Иоанн невольно в истории приковывался к лицам самодержавным, властным и могущественным. Ежеминутно и ежечасно оскорбляемый и уязвляемый именно в существе своего единодержавия, Иоанн невольно создавал себе планы и образы фантазии – как он станет самодержавным и что он для этого сделает. Если бы это воспитание и самообразование имело поддержку не в Макарии, а в Шуйских, то из него вышел бы не Иоанн 17-летний, а Иоанн 30-летний, который начал бы свое царствование поголовным избиением бояр и князей.

Усвоив массу фактов, заучив множество текстов священного писания и отцов церкви, Иоанн остается, однако, ходячей библиотекой, не умея привести всего этого в строго логическую систему и сделать из них надлежащих выводов для правильного пользования.

Указывают на сочинения Иоанна, как на блестящее доказательство его недюжинного ума. Это едва ли будет вполне беспристрастно и справедливо. В его сочинениях мы видим набор фактов, нанизывание блестящих и остроумных чужих фраз, удачные обороты, но и только. Все его сочинения полемического характера. Во всех них видно одно – желание показать свою начитанность и свой блестящий ум. Первого он достигает, второго – ничуть. Нигде мы не видим строго проведенной мысли и логически связанных рассуждений. Всюду отрывочность, непоследовательность, а во многих местах нелогичность и даже бессмысленность.

Его сочинения – точное изображение его ума: множество фактов, фактов ценных и доказательных, – и немощь мыслительная, – неуменье привести их в связь, неспособность воспользоваться ими, отсутствие логики и строгих выводов. Его знания – особо, а мышление – особо. Одни посылки его мышления правильны, другие вымышлены, ошибочны и ложны. Твердо определенных взглядов, ясно выраженных воззрений, строго проведенных убеждений у него нет. Пред ним картины прошлого. Он их облюбил. Он их поставил своим идеалом. Он их переживает в своей фантазии. Но осуществить их немощен.

Нужно, чтобы кто-нибудь другой дал ему мысль и тогда он бодро и энергично ее исполнит и осуществит. Замечательна в этом отношении одна особенность мышления этих людей; они ходят около вывода, они его предчувствуют, – но не могут его сформулировать. Подставят им эту готовую формулу и они ничего в ней не видят нового. Так и должно быть. Это и их личный взгляд. Поэтому им не кажется, что этот взгляд есть чужой, им навязанный. Они думают, что это их собственная мысль, и потому бодро и энергично выполняют ее, нисколько не сознавая ее иностранного происхождения. У этих людей существует недочет сознания собственной несостоятельности в образовании выводов и неспособность сознания давать отчет, что они чужое присваивают себе и пользуются им, как своей собственностью.

Таков был и Иоанн. Обладая множеством отдельных сведений, он не умел из них делать надлежащих выводов. Окружающие легко пользовались этим состоянием повелителя. Они свободно проводили свои взгляды, и Иоанн бессознательно

их усвоял и с энергией отстаивал и проводил. Долго он этого не замечал, и еще дольше он этого не сознавал. Он уже чувствовал гнет чужой власти над собою, но не умел этого ясно выразить. Нужен был Вассиан, чтобы царь сознал, что царит не он, а Сильвестр и Адашев…

Что касается действий и поступков царя, то они являлись естественным следствием внушений его советников и приближенных.

Наш вывод тот, что тридцатилетний царь в умственном отношении представляет собою безвольность, подобную гипнотическому состоянию. Окружающие являлись гипнотизерами без гипноза. Безвольный царь являлся бессознательным, но энергичным и ярым исполнителем их внушений. У него недоставало ни способности самостоятельно действовать, ни сознания собственного бессилия и подчиняемости чужому внушению.

Вместе с тем для неимоверно самолюбивого царя не было большей обиды, как указание, что им вертят, как марионеткой.

Преосвященный Сергий так характеризует это состояние царя Иоанна. «Причиною разрыва (Иоанна с Сильвестром) было властолюбие, своенравие и злость Иоанна. Подобные личности недолго привязываются к тем людям, которые имеют на них влияние, и вообще не любят последних. Они покоряются, воображая, что никому не покоряются, что действуют по своему усмотрению: когда же какой-либо случай открывает им глаза и они увидят, что их держали в узде, почуют унизительность своего положения, то ненавидят тех, которые управляли ими» и это будет «ненависть глубоко затаенная, мстительная, свойственная одному непомерному своенравию и властолюбию».

Вот почему самодержавный Иоанн решил избавиться от своих советников, – избавиться потихоньку и помаленьку, умненько и без опасности для себя. Так он и сделал. Составив план еще после своей болезни, он привел его в исполнение только по смерти Анастасии…

И вот избавившись от этой «избранной рады», Иоанн решил действовать самостоятельно, за свой страх и совесть.

Но, разумеется, такое решение даря было призрачным и обманчивым. Не мог он жить самодержавным. Неспособен он был существовать без помочей. У него был органический минус. Этот минус для цельности и единства должен был быть пополнен недостающей величиной. Какова она – это безразлично: сегодня А, завтра В, после завтра С и т. д. Эквивалент безразличен, но он должен быть.

Сильвестр и Адашев отошли. Их место заняли другие лица.

Минус выполнен новым эквивалентом.

Вместо Сильвестра явился Малюта Скуратов, вместо Адашева – Алексей Басманов, вместо Макария – Василий Грязный и вместо Анастасии – Федор Басманов.

Царь, до сих пор сдерживаемый строгонравственным Сильвестром, деловитым Адашевым и любящей Анастасией, обрадовался своей свободе и зажил во всю свою волюшку. Вырвавшись из-под опеки, Иоанн предался разгулу во всю ширь. «Ему захотелось полного произвола, – говорит Аксаков, – не сдержанного ничем, никакими нравственными узами; а человек, лишенный нравственного сдерживания, именно тогда наслаждается своим произволом, когда он делает вещи непозволительные, беззаконные, неслыханные, невероятные. Нарушение всех законов Божеских и человеческих составляет потребность и наслаждение необузданного произвола. Таким стал Иоанн…»

«Забушевали чувственные и властолюбивые страсти, – все внутренние и внешние силы, всю энергию и деятельность отдал он одной борьбе с действительными, а больше призрачными препятствиями к осуществлению своей заветной идеи самодержавия, из него выходит чудовище разврата и произвола, каким он был в миниатюре и в отроческом своем возрасте», – говорит Епископ Сергий.

Дворец стал тесен для овдовевшего царя. Детей Иоанна, брата Юрия и казанского царя Александра выселили в особые дома. Во дворце начались кутеж, разгул, игры, потехи и безобразия. «Самая пристойность считалась непристойною». Старые вельможи, привыкшие к воздержанию, приличию и порядочности, должны были или подчиняться новым порядкам, или же терпеть наказание и издевательство. Князь Репин, присутствовавший на одной из таких оргий, невольно заплакал от горести. Иоанн хотел лично на него надеть маску. Репин вырвал ее, растоптал ногами и сказал:

«Государю ли быть скоморохом?… По крайней мере я, боярин и советник думы, не могу безумствовать».

За такую дерзость Репина изгнали, а затем по приказанию царя умертвили в церкви на молитве.

Нынешние царедворцы заслужили симпатию царя дурными своими качествами. Они служили царю в его пороках и угождали в страстях. Соединившись с монахами, обладавшими удобостяжимою совестью, как, напр., Чудовский Архимандрит Левкий, они употребили все меры к тому, чтобы затушить робкую совесть царя.

Вино, распутство и животные страсти взяли перевес над

слабым рассудком. Забыв для виду горячо оплакиваемую супругу, Анастасию, Иоанн предался удовлетворению грубых страстей, а на восьмой день по кончине Анастасии объявил, что он будет искать новую невесту в лице сестры польского короля Екатерины.

Нашлись и утешители, которые не боялись и не стыдились уговаривать его – забыть свою жену, с которой жил тринадцать лет. И жестокосердный Иоанн не только не видел в этом оскорбления, а, напротив, оправдание своему малодушию и присущему ему разврату.

Люди прежнего закала не могли смотреть на разгул царя с приветом и лаской. Невольно омрачилось лицо их, смотря на эти злодеяния. Да и каждый из них невольно думал, что-то будет завтра? Что-то будет и со мною?

А клевреты царя не пропустили и этого случая – спустить недовольных, устранить людей, одно присутствие которых могло служить укором еще не заснувшей совести царя. Они указывали на печальные лица бояр и шептали:

«Вот твои недоброхоты! Вопреки данной ими присяге, они живут Адашевским обычаем, сеют вредные слухи, волнуют умы, хотят прежнего своевольства».

Такие речи растравляли Иоанново сердце, взор его мутился и из уст вырывались грозные слова. Прежде всего началось гонение на всех родственников и ближних Адашева. У них отнимали имущество, а самих ссылали в ссылку. Так пострадала некая Мария, которую обвиняли в связях с Адашевым и намерении чародейством извести царя. Ее казнили вместе с пятью сыновьями. В том же обвинили прославившегося воинскими доблестями в Казанских походах брата Адашева, Данила, с двенадцатилетним сыном, – трех Сатиных, сестра коих была за Алексеем Адашевым, и родственника его Ивана Шишкина с женою и детьми, – а равно всех их и казнили. Князь Дмитрий Оболенский-Ов-чинин, обиженный надменностью приближенного Иоанна, Федора Басманова, сказал: «мы служим царю полезными трудами, а ты гнусными содомскими делами»… Федор Басманов нажаловался царю. Разъяренный царь за обедом собственноручно вонзил несчастному князю нож в сердце.

Видя такое настроение Иоанна, явилась масса доносчиков, желавших гибелью других создать себе положение и благосостояние. Тем более что Для подозрительного и разъяренного царя теперь достаточно было одного доноса без доказательств. Так без суда казнили князя Юрия Кашина, а князя Дмитрия Курлятева сначала постригли в монахи, а потом убили со всем семейством; знаменитого ратными подвигами и на деле доказавшего свою преданность Иоанну и его дому, победителя

казанцев, князя Михаила Воротынского с женою, сыном и дочерью сослали в Белоозеро. Победителя крымцев, боярина Ивана Шереметева, засадили в темницу и заковали в кандалы. К нему лично явился Иоанн с допросом: где хранится его казна?

«Государь, – отвечал боярин, – я руками нищих переслал ее к моему Христу Спасителю».

На этот раз его выпустили из темницы; но через некоторое время его сослали в Белоозерскую пустынь. Но и строгие уставы этой пустыни не спасли воеводу от милостивого внимания Иоанна…

Брат Ивана Шереметева, Никита Шереметев, был удавлен.

Кровь лилась в темницах; в монастырях стенали жертвы; «но… тиранство еще созревало, настоящее ужасало будущим», – говорит Карамзин.

Явившаяся под влиянием злоупотребления вином, нравственной разнузданности, разврата, содомии, разгула и беспорядочной жизни – подозрительность не унималась казнями и кровью. Напротив, она разгоралась и усиливалась, порождая жажду крови и напряжение свирепости. Лившаяся кровь затмевала рассудок и приводила разнузданного и расслабленного Иоанна в состояние безумия.

Любопытно желание Иоанна примирить свои бесчеловечные жестокости с религиозною трусливостью и ханжеством. Желая себя обелить то в собственных глазах, то в глазах своих подданных, он изыскивал различные оправдания на этот счет. Так, раз он объяснял свои лютости правосудием, объявляя, что бояре злоумышляли против него, а следовательно и против Церкви, и против Христа – и были изменниками веры и отечеству. Другой раз он смиренно каялся и винился пред Богом и людьми, называя себя гнусным убийцею невинных, и утешал себя тем, что он посылал по церквам даяния на поминовение умерших. Вместе с сим он надеялся со временем отмолить свои грехи, когда он оставит государство, поступит в мирную Кирилло-Белоозерскую обитель и сподобится чина ангельского. Разумеется, это раскаяние имело чисто формальный характер, принимая вид обмана людей, самообмана, а может быть, и попытки обмана Высшего Существа…

Мы говорили, что уже на 8-й день по кончине Анастасии Иоанн высказал намерение жениться на сестре польского короля Екатерине; однако брак этот не состоялся. Иоанн не получил отказа, – но вместе с этим установились между Россией и Польшей такие взаимные отношения, что о браке этом нельзя было помышлять. Тогда Иоанн решил взять себе в жены дочь Черкесского Пятигорского князя Темрюка, которая во Святом

Крещении была названа Марией. Нехорошие отзывы дает о ней история. Эта царица не была матерью отечества. Красавица по наружности, она была дикого нрава, жестокая душою и вместо того, чтобы удерживать царя от кровожадности, она еще более его к тому побуждала. Да и Иоанн был уже не тот. Искусившись в разгуле, разврате, нравственной разнузданности и содомии, он не мог уже быть верным супругом своей жены. В нем заговорили болезненные инстинкты, бороться с которыми в настоящее время едва ли было бы под силу и Сильвестру, а не токмо Малюте Скуратову и Федору Басманову… Если Мария не могла пленить души Иоанна, зато любимцем его сделался брат ее, Михайло, – человек необузданный и развратный…

При таком новом направлении жизни и нравов царя, князьям и воеводам невольно приходилось задуматься – что им делать и как им быть? Видимо было, что знатное происхождение, воинские доблести, верная и честная служба отечеству, чистый нрав и беспорочная жизнь людей являлись главными поводами к обвинению в государственном преступлении с последующим наказанием – пытка, позорная смерть и ограбление имущества.

Этот вопрос особенно насущным являлся для тех князей и бояр, которые недавно перешли по доброй воле из царства польского и Литвы под власть Московского Государя. Для них оставалось одно – покинуть русское подданство и вновь возвратиться в подданство Польши или Литвы. Приходилось выбирать между бессмысленною смертью и временным унижением. Последнее, однако, очень сглаживалось и усиливалось полною готовностью польского короля дать не только приют беглецам, но и пособие, ибо с их помощью он рассчитывал взять перевес в войне с Россией.

Первый пример перехода в Польшу показал князь Дмитрий Вишневецкий. Он только недавно и поступил в русское подданство, преследуя одну мысль и цель – нанести удар крымским татарам. Видя, однако, невозможность осуществить свою задачу и переживая тяжкие моменты жизни московского царства при болезненно подозрительном и бесконечно кровожадном и жестоком царе, он решил возвратиться вновь в подданство Польши. Вслед за Вишневецким бежали в Литву Алексей и Таврило Черкасские. Вслед за ними бежал в Польшу знаменитый воевода князь Андрей Курбский.

Все эти бегства окончательно вывели Иоанна из себя. Болезненно самолюбивый, бесконечно трусливый и безгранично подозрительный, Иоанн многое видел в этом. Больше всего страшило в этих бегствах Иоанна то, что его обесславят вне пределов его царства. Он мог бы перебить дома не только весь

род Вишневецких, Черкасских и Курбских, – но в тысячу раз большее количество их, – но это было дома. Никто не будет об этом знать. Никто не разболтает вне дома о его жестокостях, бессудии, разврате и кровожадности. А эти выходцы все разболтают, да еще, пожалуй, и прибавят, – хотя в последнем едва ли даже была нужда…

Болезненно подозрительный, он видел в этом бегстве указание и доказательство воображаемого и измышленного им же заговора со стороны бояр и князей против его жизни.

> «Желая сломить неповиновение правящих классов, *вывести измену из каменной Москвы,* Иоанн, несомненно, преувеличивал боярские *крамолы.* Строго говоря, и неповиновения не было… Иоанн же вообразил, что против него бояре составляют заговоры, стремясь уничтожить все его семейство»
>
> *(Фирсов).*

Наконец, трусливый царь боялся, чтобы эти беглецы не открыли польскому королю слабых сторон военного дела России и не направили бы Сигизмунда на верный путь победы над Россией.

Все это еще больше подогрело зверство и кровожадность царя против князей и бояр.

С этих пор царь положил брать поручные записи с бояр в том, что они не будут бежать в Литву, и усилил до крайности надзор за всеми боярами в смысле том, не собираются ли они сбежать. Особенно настойчиво брались записи с сыновей и внуков удельных русских князей, которые перешли в Московское княжество из Литовского, как князья Глинские, Вельские, Мстиславские, Воротынские и проч.

Несмотря на это, бегство продолжалось. Бежали уже не только знатные люди, но и менее важные. Бежали в Литву первые московские типографы – Иван Федоров и Петр Мстиславцев, бежали многие дворяне и дети боярские.

Видя такое настроение лучшего московского общества, польский король Сигизмунд нередко сам старался сманивать лучших бояр из Москвы, обещая им почести и богатые наделы. Так, обнаружена была подобная переписка у Вельских и у других. Даже братья царицы Марии, по нраву весьма близкие к Иоанну, тоже не выдержали и также бежали.

Тогда Иоанн придумал новое средство – за подозреваемых лиц отбирать денежное поручительство от их близких, причем самые суммы поручительства для того времени были довольно значительных размеров.

Видя вокруг себя всюду явных и тайных врагов, страдая вполне сформированным бредом преследования, Иоанн обратил свое милостивое внимание на близких своих родных. «Для Иоанна враг, и опасный враг, существовал в его воображении, – и он всюду видел небывалые заговоры и умыслы против него», –

говорит Аксаков.

По простому доносу своего слуги, обвинен был в дурных замыслах двоюродный брат Иоанна Владимир Андреевич и его мать Ефросинья. Только заступничество митрополита Макария на этот раз спасло князя.

Из предосторожности отобрал Иоанн у него бояр, детей боярских, дьяков и стольников и назначил на их места своих. Княгиня Ефросинья приняла монашеский чин, поселившись в Воскресенском монастыре. К ней для «сбережения» приставлены были два государевых чиновника. Чрез некоторое время царь отобрал у Владимира Андреевича некоторые его волости и взамен этого назначил ему свои. Скоро умер брат царя Юрий. Его жена также поступила в монастырь и постриглась под именем Александры.

При таком широком избиении бояр больным царем на Руси, однако, нашлись еще люди с воинскими доблестями. Тринадцатилетнее управление государством Сильвестра и Адашева создало людей и военных и гражданских, уничтожить которых было не так легко.

Несмотря на разгул и разнузданность при дворе, несмотря на смуты и беспорядочность внутри государства, военные дела России продолжали быть блестящими. Ливонский орден кончал свое существование. Крым очень побаивался России. Швеция вынуждена была делать уступки России. Польша понесла значительный урон. Боевые люди не перевелись еще на Руси и войско еще не было расстроено.

Но и в войне Иоанн проявил себя бессмысленно жестоким. Так, взят был Полоцк. Отпустив поляков из города с миром, он приказал перетопить в Двине всех евреев с их семьями и перебил всех бернардинских монахов.

Вообще Иоанн имел против евреев зубок…

Расслабленный развратом, пьянством и бессонными ночами, истощенный содомией, имея вокруг себя бегство воевод и бояр, натравляемый и напугиваемый окружающими, устрашенный нашествием поляков и крымцев, – Иоанн проявил ярко выраженную душевную болезнь. У него развился бред преследования в полном смысле слова. Все вельможи казались ему тайными злодеями, единомышленниками Курбского. В печальных их взорах он усматривал предательство, – в их молчании он слышал укоризны и угрозы. Царь жаждал доносов. Царь требовал доносов. И самые бесстыдные клеветники не удовлетворяли его хотений, ибо образы его больного состояния неизмеримо превышали все эти доносы. Ему нужны были новые жертвы. Ему нужна была кровь рекою и убийства повальные…

С этой поры начинаются деяния человека, не предрасположенного только к заболеванию, а уже формально душевнобольного. Его действиями руководят уже не одни только жизненные обстоятельства, но и плоды его больного воображения и больной фантазии.

Иоанн задумывает новое дело, поразившее всех своею необычайностью и выдавшее с руками и ногами не только бояр и вельмож, но и все государство.

В 1564 году разнесся слух, что Иоанн уезжает, а куда – неизвестно. Приказано было собирать из городов в Москву с женами и детьми дворян, детей боярских и приказных людей, по именному, однако, указанию. Когда собран был такой сбор, Иоанн явился туда и объявил следующее:

Ведано ему стало, что многие в государстве не терпят его и не желают, чтобы царствовал он и его наследники. Существуют лица, которые злоумышляют на его жизнь. Того ради он намерен отказаться от престола, а власть передать всей земле. Говорят, что с этими словами Иоанн сложил свою корону, жезл и царскую одежду (Костомаров).

На другой день со всех церквей и монастырей привозили Иоанну образа. Иоанн кланялся пред ними, прикладывался и принимал от духовных лиц благословение. Засим несколько дней и ночей Иоанн разъезжал по церквам и монастырям, продолжая свое прощанье.

3 декабря в Кремль переехало множество саней. Из дворца выносили и укладывали все драгоценные вещи. Всем прибывшим из городов Дворянам и детям боярским приказано было снаряжаться в путь царем. Отобрано было несколько человек из бояр и дворян московских. В Успенском соборе была отслужена обедня, после которой царь принял благословение от митрополита, допустил бояр и прочих присутствующих к целованию руки, засим сел в сани с царицей и детьми и уехал. Приближенные царя и вооруженные избранные люди последовали за ним.

Москва осталась без владыки и царство без царя. Все были поражены и никто не знал, что придумать и как все это объяснить. Можно было предугадать, что добром дело не кончится. Невольно все живущее пожалело, что оно народилось на свет, ибо каждый не был уверен, что дни его не сочтены.

Царь направился в Александровскую слободу и четыре недели ничего не было известно, что он намерен предпринять.

3 января чиновник Константин Поливанов привез от царя грамоту ко дворянам и боярам.

Царь прежде всего, по обычаю, описывает все мятежи,

неустройство и беззакония времен боярского управления, – хищение вельможами и приказными казны, земель и поместий государевых, – радение со стороны бояр только о себе и собственном богатстве, а не об отечестве… Вместе с сим царь добавляет, что дух этот не изменился и теперь. Бояре не перестают злодействовать и теперь. Воеводы не хотят быть защитниками христиан, бегут со службы, помогают хану, литве и немцам разорять Россию, – если же государь, побуждаемый правосудием, объявит гнев свой праведный на сих недостойных бояр и служащих, то является на сцену митрополит и духовенство, которые заступаются за них, грубят царю и противодействуют. «А посему, – пишет царь, – не хотя терпеть ваших измен, мы, от великой жалости сердца, *оставили государство и поехали, куда Бог укажет нам путь».*

Итак, царь отказывается от престола и даже оставляет государство. Так, по крайней мере, явствует из грамоты к духовенству и боярам.

Вслед за сим получена была новая грамота – к купцам, гостям и мещанам… Однако не такой вывод следует из этой второй грамоты. В этой грамоте царь чернил перед толпою народа весь служилый класс и даже духовенство и тем самым выдавал народу на суд и бояр и духовенство. Царь уверял народ в своей милости, что опала и гнев его не касаются.

Царь делит царство на ся. Меньшинство он выдает головою большинству и вооружает одни классы против других…

Война с соседями, внутреннее замешательство, отсутствие руководящей власти, опасение междоусобицы, восстановление народа на людей служилых, – все это невольно потрясло всех до глубины души.

Народ весь возопил.

«Государь оставил нас! Мы гибнем! Кто будет нашим защитником в войнах с иноплеменниками? Как могут быть овцы без пастыря?»

Духовенство и бояре, не видя для себя никакого исхода и каждый в отдельности памятуя, что, быть может, мимо идет его чаша общая, присоединились к народу, прося митрополита отправиться к царю с молением:

«Пусть царь казнит лиходеев. В животе и смерти его воля, – но царство да не останется без главы! Он наш владыка, Богом данный, иного не ведаем. Мы все с своими головами едем с тобою бить челом государю и плакаться».

А народ кричал:

«Пусть царь укажет нам своих изменников, – мы сами истребим их!»

К царю послали посольство. Поехали: архиереи, архимандриты, вельможи, князья, бояре, окольничие, дворяне, приказные люди, гости, купцы и мещане – бить челом государю и плакаться.

Царь добился того, что вся земля русская выдавала ему не только князей и бояр, не только всю самую себя, – но и предлагала своими руками уничтожить всех его нелюбимцев. Последнее было, впрочем, напрасно, ибо царю немалое удовольствие доставляло собственноручное истязание своих верноподданных.

Несмотря на то что посольство было более чем почетное, его, однако, не сразу пустили к царю. В Слотине епископы остановились и просили разрешения у царя предстать пред его ясные очи. Царь позволил, и святители, в сопровождении приставов, прибыли в Александровскую слободу.

Передав царю благословение митрополита, епископы слезно молили его снять опалу с духовенства, дворян и приказных людей, – не оставлять государства, – царствовать и действовать как ему угодно. Молили епископы царя и о том, дабы он дозволил предстать и боярам пред его ясные очи.

Царь снизошел и к боярам. Явились и бояре и, разумеется, вели ту же речь.

На речи, подумав, царь отвечал:

– С давних времен и даже до настоящих лет, русские люди были мятежны нашим предкам, начиная от славной памяти Владимира Мономаха, пролили много крови нашей, хотели истребить достославный благословенный род наш. По кончине блаженной памяти родителя нашего, готовили такую участь и мне, вашему законному наследнику, желая поставить себе иного государя, и до сих пор я вижу измену своими глазами. Не только с польским королем, но и с турками и с крымским ханом входят в соумышление, чтобы нас погубить и истребить. Извели нашу кроткую и благочестивую супругу, Анастасию Романовну, – и если бы Бог нас не охранил, открывая их замыслы, то извели бы они и нас с нашими детьми. *Того ради,* избегая зла, *мы поневоле должны были удалиться из Москвы, выбрав себе иное жилище и опричных советников и людей…*

В этих словах слишком явно выступает причина бегства из Москвы: бред преследования в довольно резко выраженной форме. Иоанн меняет место жительства, Иоанн меняет и опричных советников и людей… «Но для отца моего, митрополита Афанасия, для вас, богомольцев наших, архиепископов и епископов, соглашаюсь вновь взять свои государства, – а на каких условиях – вы узнаете…»

Условия же сии состояли в том, что Иоанн окружит себя особо выбранными «опричными» людьми, которым бы он мог доверять и при посредстве коих мог бы истреблять своих лиходеев, выводить измену из государства и невозбранно казнить изменников опалою, смертью, лишением достояния, *«без всякого стужания, без претительных докук со стороны духовенства».*

Вельможи и духовенство со слезами на глазах благодарили Иоанна за неизреченную милость – первые за то, что отныне они все обречены на поголовное избиение, а вторые за то, что лишены были своего высокого и неотъемлемого нравственного права – ходатайствовать пред престолом за невинных и несправедливо осуждаемых слуг престола и отечества. Теперь духовенство могло только слезами орошать алтари и воссылать теплые молитвы к Господу о спасении несчастных, безвинно погибающих.

3 февраля 15 65 года Иоанн явился в Москву и держал речь знатнейшим представителям земли русской, Вновь и вновь он излагал вины бояр и указывал на необходимость энергичных мер к истреблению крамолы для удержания спокойствия подвластной ему державы.

При этом Иоанн поведал совершенно неожиданные и необыкновенные речи, являющиеся прямым и естественно-логичным выводом из его болезненных мыслей о преследовании. Все русское государство отныне делится на две части: на *опричну* и *земщину*. Опрична – это его присные, особо избранные люди, имеющие особое исключительное назначение охранять его от врагов и лиходеев, – опрична – это его двор, его свита, его телохранители. Земщина – это все остальное государство. Во главе опричны стоял он сам, во главе земщины стояли бояре Вельский и Мстиславский.

Кремль отныне Иоанн не считает для себя безопасным. Он велит себе строить новый дворец за Неглинной и ограждает его, подобно крепости, рвами и высокими стенами.

Все государственные дела были поручены усмотрению земских бояр и только по важным из них земские бояре могли делать доклады Иоанну.

Сам же Иоанн занялся устройством охраны своей, опричны, и изведением своих лиходеев.

Не можем не упомянуть о том, что в этот момент произошли резкие перемены во внешнем виде Иоанна. Прежде высокий, стройный, крепкий, мощный и цветущий, он резко изменился. Теперь он неузнаваемо постарел, подряхлел и осунулся. На лице выразилась мрачная свирепость. Взгляд угас; *а на голове и бороде не осталось почти ни одного волоса.* Такую необыкновенную перемену историки приписывают тем тяжким нравственным

страданиям, которые Иоанн переживал в эти минуты. Но мне более вероятным кажется предположение Костомарова, что такой перемене в его организме много содействовала его развратная жизнь и неумеренность во всех чувственных наслаждениях. Принимая во внимание его предсмертную болезнь, невольно напрашивается предположение, что в данном случае имели влияние не только нравственная разнузданность, содомский грех, бессонные ночи, разгул и разврат, но и последствия всех сих деяний с сопряженными с ними болезнями.

Все это вместе взятое может не только укрепить и развить хранящиеся в организме задатки Душевной болезни, но и создать новую в организме до того крепком, мощном и не подверженном путем наследственности заболеванию и вырождению.

Опричники набирались лицами, приближенными к царю, и его доверенными, каковы были: Басмановы, Мал юта Скуратов, Вяземский и Друг.; выбирал же опричников сам Иоанн. Для этого годились молодые люди, отличавшиеся Удальством, распутством и готовностью на все.

Иоанн предлагал им вопросы об их происхождении, друзьях и покровителях. Одно из важных условий поступления в опричну – отсутствие всякой связи с боярами. Неизвестность и самая низость происхождения считались достоинством. Сначала предполагалось, что опричников должно быть только 1000, но затем это число разрослось до 6000. Опричники набирались из дворян и детей боярских. На их содержание шло имущество, отобранное у земщины и осужденных бояр. Кроме того, им раздавались поместья и вотчины людей земщины, которым ныне приходилось покидать свои пепелища. Благосостояние опричны стояло в обратном отношении с благосостоянием земщины. У земщины отнимали не только земли, но даже дома и все движимое имущество. Случалось и так, что их в зимнее время высылали пешком в пустые земли. Таких несчастных было более 12 000 семейств.

Новые землевладельцы, опричники, опираясь на особую милость царя, дозволяли себе всякие беззакония и произвол над крестьянами, обрабатывавшими их землю, и доводили их до такой бедности и разора, как бы на этом месте прошла неприятельская армия.

Назначение опричны было охранять царя от его лиходеев. Поэтому лица, вступающие в опричну, давали царю особую присягу. При этом они обязывались не только доносить царю обо всем, что они услышат о нем дурного, но и не иметь никакого дружеского сообщения с земщиной, – не есть и не пить с земскими людьми, не знать ни отца, ни матери, – знать же

единственно только государя. Им, по словам летописца, вменялось даже в обязанность насиловать и предавать смерти земских людей и грабить их имущество.

При таком положении дела какие деяния насилия, грабежа, позора, бесчестья и произвола покажутся для нас удивительными? Земщина была отдана на съедение опричны. Суд между земским обывателем и опричником был скорый, хотя неправый, ибо никто не смел осудить опричника. Земщина теряла свои земли и имущества, жены и дети ее шли в кабалу, а сами они в холопы. Благодаря этой новой охране, как картинно выражается по этому поводу проф. К. Н. Ярош, «кровь брызнула повсюду фонтанами и веси огласились стоном».

Чтобы быть угодным царю, опричник должен быть свирепым и бессердечным к земщине. Всякому доносу опричника давалась вера. Всякое проявление сострадания со стороны опричника к земщине считалось царем преступлением, наказуемым отнятием поместья, пожизненным заключением и даже смертью. Обидеть опричника – значило совершить уголовное преступление, наказуемое смертью. Опричник был господин, – земщина бесправные рабы. Если в таком положении находился земский имущий класс, то в еще горшем состоянии были крестьяне.

Вместе с опричной царь при дворе завел новые должности: дворецкого, казначеев, ключников, даже поваров, хлебников и ремесленников. На содержание двора он отвел известные города царства. В самой Москве он отделил известные части города для себя, – остальное же составляло владения земщины.

Наконец, царь взял с земщины контрибуцию в 100 000 рублей.

Такова была воля царя, которому отдавало себя головою государство, – и кто осмелился бы возразить против этого!..

Так, возвратившись вновь в свои государства и избавившись от докучных заступничеств духовенства за неправедно истязаемых бояр, Иоанн принялся за новое искоренение своих лиходеев и за казнь бояр.

Казнили мнимых сообщников изменника Андрея Курбского и первым в этом отношении пал воевода Горбатов-Шуйский со своим сыном. За ними последовали на казнь шурин Горбатого, Петр Ховрин, окольничий Головин, князь Иван Сухой-Кашин и князь Горенский, – а князь Шевырев посажен на кол. Бояр Куракина и Немого постригли в монахи, – у многих дворян и детей боярских отняли имение, – других с семействами сослали в Казань. Близкий родственник царицы Анастасии, боярин Яковлев, также подвергся опале, но его царь помиловал, взяв клятвенную грамоту, подписанную архиереями, что он не уйдет из России ни

в Литву, ни к папе, ни к императору, ни к султану, ни к князю Владимиру Андреевичу, – а равно не будет состоять с ними и в тайных сношениях.

Бояре Лев Салтыков, Василий Серебряный, Иван Охлябинин, Захарий Плещеев должны были представить ручательство в неизменной службе царю, причем поручители отвечали большими суммами денег.

Изъявив свою волю, на которой он оставался царем, расправившись с лиходеями и сделав распоряжение относительно постройки нового дворца, Иоанн отбыл в Александровское село, ставшее отныне его любимым местопребыванием.

Александровская слобода представляла собой городок. В ней было много церквей, красивых домов и каменных лавок. Храм Богоматери блистал снаружи серебром и золотом, на каждом кирпиче было изображение креста.

Царь жил в особых хоромах, обнесенных рвом и валом. Его свита помещалась в особых домах. Опричники жили в своей улице, купцы – в своей. Александровская слобода окружена была стражей и никто не смел проникнуть туда без ведома и разрешения царя.

Терзаемый подозрениями, бредом преследования и тесно связанными с ними болезненными образами своей фантазии и воображения, Иоанн искал утешения своим мукам в религиозной обрядности. Всю свою жизнь и обстановку он расположил соответственно своему болезненно-религиозному настроению. Самый свой дворец он обратил в монастырь, опричников в монахов, а себя произвел в игумены. Игумен окружил себя братнею из самых злейших опричников в 300 человек. Вяземского он сделал келарем, Малюту Скуратова параклиссиархом. Всю эту братию Иоанн одел в тафьи или скуфейки и черные рясы, под коими были прикрыты расшитые золотом блестящие кафтаны с собольей опушкой. У седел этой братии, при царских выездах по государству, висели метла и собачьи головы, как символ того, что они призваны мести Россию от сора и грызть царских лиходеев.

Иоанн дал этой братии, с монашеским платьем и звериными сердцами, особый монастырский устав. Жизнь в Александровской слободе располагалась так: в четвертом часу утра царь с царевичами и Малютою Скуратовым ходил на колокольню благовестить к заутрене. Чернецы спешили в церковь. Кто не являлся ~ бывал наказан восьмидневным заключением. Служба шла до шести-семи часов утра. Царь пел, читал и молился столь ревностно, что на его лбу оставались следы его поклонов. В 8 час. обедня. В 10 часов трапеза, за которою Иоанн читал назидательные творения. Все ели и пили досыта. Последним

обедал царь-игумен. После обеда царь или вел с любимцами душеспасительные беседы о законе, или же ехал в застенки пытать какую-нибудь свою жертву. По-видимому, это последнее действовало на него особенно освежающе и ободряюще: после этого он был весел, шутил и был ласковый. В 8 час. вечер ня. В десятом часу он шел спать, причем трое слепых сказывали ему сказки. В полночь он просыпался и день начинался молитвою. Нередко во время слушания божественной литургии он давал самые жестокие и бесчеловечные приказания. Таким образом, царь жил между алтарем и застенками, с совершителями бескровной жертвы и исполнителями бесчеловечных и кровожадных приказаний, часто он был одновременно и игумен и палач. Такое сочетание может давать только душевная болезнь.

Беспокойный, непостоянный и суетливый царь, вечно пребывающий в тревоге и волнении, он часто прерывал эту жизнь отъездами в монастыри, на охоту на диких зверей и на травлю своих подданных в Москве и других городах.

Такая смесь аскетизма и строгой религиозности и кровожадного зверства дополнялась безнравственной половой необузданностью. Так, царь часто приказывал силою приводить к себе чужих жен, обесчестив которых отдавал на поругание опричникам, а затем возвращал мужьям. Иногда, опасаясь, чтобы муж не вздумал мстить за это безобразие, царь приказывал мужей умерщвлять, в некоторых случаях он не брезговал и издевательствами над опозоренными мужьями. Так, передают, что в одном случае Иоанн приказал изнасилованную жену повесить над порогом дома мужа и оставить труп в таком положении две недели, в другой же раз повешена была жена над обеденным столом своего мужа…

Желая проверить верность своих бояр, Иоанн не брезговал посылать им подложные письма от имени польского царя. Так были посланы письма князьям Вельскому, Мстиславскому, Воротынскому и конюшему Федорову. Бояре представили эти письма царю, присовокупив проклятия против Сигизмунда. Бояре были помилованы.

Но конюшего Федорова царь захотел извести, измыслив в своем больном воображении на него обвинение в том, что он хочет свергнуть его с престола и сам сделаться царем. Поэтому царь позвал конюшего к себе, приказал нарядиться в царское одеяние и посадил на престол. Засим он начал кланяться ему в землю и говорить: «здрав буди, государь всея Руси! Вот ты получил то, чего желал. Я сам сделал тебя государем, но я имею власть и свергнуть тебя…» С этими словами царь вонзил нож в сердце боярина. Тело убитого Федорова выбросили на съедение

собакам, а престарелую жену его приказано умертвить. Вслед за сим были, по приказанию Иоанна, замучены единомышленники казненного: князь Куракин-Булгаков, Дмитрий Ряполовский, три князя Ростовских, Петр Щенятев, Турунтай-Пронский, Тютин, Казарин-Дубровский и многие другие. Опричники, вооруженные длинными ножами и секирами, бегали по городу, искали жертв и убивали всенародно ежедневно 10–20 жертв. Трупы валялись на площадях и никто не смел их трогать. Граждане боялись выходить из домов. По приказанию того же царя, его охрана захватывала жен опальных людей, – некоторых из них проводила к царю, других сама бесчестила, – врывалась в их вотчины, жгла дома, мучила и умерщвляла крестьян, раздевала донага девушек, в поругание заставляла их ловить кур и затем расстреливала. Но были многие и такие женщины, которые не могли пережить своего бесчестья и сами лишали себя жизни.

Что же представляла собою земщина? Несчастную беззащитную жертву, обреченную на пытки, истязания и растерзание царя и его опричны. Дело было поставлено так, что земщина существовала самостоятельно и почти независимо от Иоанна. Только по важным делам доклады производились Иоанну, – во всем же остальном она имела независимость. Во главе земщины стояли бояре и выборные люди, которые, якобы, и управляли государством. На самом же деле все это была фикция. Все и во всем подчинялось и трепетало перед державным. Чтобы еще больше увеличить обособленность земщины и опричны, государства и государева, Иоанну благоугодно было назначить для земщины даже особого номинального государя. Таким государем назначен был казанский царевич Симеон Бекбулатович. Этому самодержцу Иоанн лично писал челобитные, где униженно называл себя и детей уменьшительными именами. Вот одна из таковых челобитных, писанная 30 октября 15 75 г.

> «Великому князю Симеону Бекбулатовичу всея Руси сю челобитную подал князь Иван Васильевич московский и дети его князь Иван и князь Федор Ивановичи московские, а в челобитной пишем: „Государю великому князю Симеону Бекбулатовичу всея Руси Иванец Васильев со своими детишками с Иванцом да с Федорцом челом бьем: чтоб если государь милость показал, ослободил людишек перебрать бояр и детей боярских и дворовых людишек…“

Это Иоанн Грозный пишет какому-то Симеону Бекбулатовичу… Невольно вспоминается опереточный фарс игры в кошку и мышку…

Царь сделал Симеона Бекбулатовича государем всея России, с титулом великого князя. Сам назывался Иваном московским и ходил как простой боярин, «весь свой чин царский отдал Симеону, а сам ездил просто, как боярин, в оглоблях и как приедет к царю Симеону, саживается от царева места далеко, вместе с боярами», говорит летопись. Но, наружно унижаясь пред Симеоном Бекбулатовичем, власть-то Иоанн оставил при себе. Он снял с себя только царскую одежду и, навесив на Бекбулатовича, как на вешалку, все внешние признаки царского величия, оставил при себе все могущество власти.

Через два года Иоанн низложил, однако, этого самодержца и сослал его в Тверь…

Тем не менее, несмотря на всю странность, непонятность и трагикомичность подобного создания, ясно видно, что на этот счет в голове Иоанна что-то было, хотя это нечто не вылилось в ясной и определенной форме, ибо Краузе и Таубе передают, что Иоанн хотел, чтобы после его смерти старший сын наследовал земщину, а младший опричну.

Из всего этого явствует, что земщина была совершенно обезличена, безвластна и безгласна. Над ней можно было производить какие угодно опыты и испытания, без того, чтобы кто осмелился пикнуть.

Оставалось одно духовенство. Но и оно было безгласно и безмолвно.

Не имея возможности предстательствовать пред царем за невинные жертвы, митрополит Афонасий отказался от своего святительского сана и удалился в Чудов монастырь…

На место Афонасия Иоанн захотел возвести казанского архиепископа Германа, человека благочестивого, строгой жизни и правдивого. Но Герман поставил условием, чтобы царь прекратил казни и уничтожил опричну.

– А, ты еще не митрополит, а уже вяжешь меня, – воскликнул Иоанн, и Герман был уничтожен.

Невольно припоминаются слова Юрия Самарина: «Этот царь торжественно подтверждал суды святительские, запрещал мирянам вмешиваться в духовные дела, а между тем произвольно, без всякого суда, свергал и возводил святителей; проповедовал уважение к духовным лицам, называл их учителями, наставниками и лишал их права ходатайства и за смелое обличение предал митрополита Филиппа мучительной смерти…»

Устранив Германа, Иоанн пожелал возвести в этот сан игумена Соловецкого монастыря Филиппа. Филипп с искренними слезами умолял Иоанна не вверять ему сего бремени, но царь стоял на своем. Тогда Филипп предложил условия:

– Повинуюсь твоей воле, но умири же совесть мою, да не будет опричны, да будет единая Россия, ибо всякое разделившееся царство запустеет. Не могу благословлять тебя искренно видя скорбь отечества.

На это Иоанн смиренно отвечал:

– Разве ты не знаешь, что меня хотят поглотить, что ближние мои готовят мне гибель!

Филипп оставался непоколебим; но и царь стоял на своем. Тогда Филипп, после долгого обдумывания и совещаний, согласился принять святительский сан.

Наступило некоторое время мира и тишины в государстве. Царь был сдержан и не позволял опричне злодействовать. Это затишье было, однако, не в духе опричны, да и не могло долго держаться рядом с бредом подозрительности и преследования больного царя. Опричники одолевали царя доносами и жалобами, а царь терзался в своей душе тревогой и опасениями. Начались новые преследования и обвинения. Явились новые невинные жертвы.

Сам царь, обдумывая вступление митрополита, начал относиться к нему подозрительно, видя в нем создание бояр и подозревая, что он действовал заодно с ними и по их наущению.

Между тем и митрополит, оставив в стороне опричну, считал себя обязанным заступиться пред царем за невинные жертвы царского гнева и злодейства его приближенных. Царь оправдывал себя тем, что его окружают злейшие враги. Филипп продолжал защищать безвинных.

– Молчи, отче, молчи, – говорил Иоанн, – и благословляй нас.

– Наше молчание ведет тебя ко греху и всенародной гибели. Господь заповедал нам душу свою полагать за друга своя.

– Не прекословь державе нашей, а не то гнев мой постигнет тебя, или оставь свой сан.

– Я не просил тебя о сане. Я не посылал к тебе ходатаев и никого не подкупал. Зачем сам взял меня из пустыни? Если осмеливаешься поступать против закона, то делай как хочешь, а я не буду слабеть, когда приходит время подвига.

Так создавалась бездна между царем и митрополитом. Было слишком очевидно, что митрополиту несдобровать. Вскоре это оправдалось.

Однажды в воскресный день митрополит служил в Успенском соборе. Явился царь. Царь и опричники были в черных мантиях и высоких тафиях. Иоанн приблизился к митрополиту и ждал благословения. Митрополит упорно смотрел на образ Спасителя, не обращая внимания на царя. Тогда бояре сказали митрополиту:

– Святый Владыко, се государь, – благослови его!

– В сем виде, в сем одеянии странном не узнаю царя православного, – ответствовал митрополит. – Не узнаю его и в делах царства… О государь! мы здесь приносим жертвы Богу, а за алтарем льется невинная кровь христианская! Отколе солнце сияет на небе, не видано и не слыхано, чтобы цари благочестивые столь ужасно возмущали собственную державу. В самых языяеских царствах есть закон и правда есть и милосердие к людям, – а в России их нет! Достояние и жизнь граждан не имеет защиты. Везде грабежи, везде убийства, – и все это совершается именем царя… Ты высок на троне. Но есть Всевышний Судья наш и твой. Как предстанешь на суд Его, – обагренный кровью невинных, оглушаемый воплем их муки? Самые камни под ногами твоими вопиют о мести!.. Государь, вещаю тебе о сем яко пастырь душ. Боюся Господа Единого!..

Иоанн трепетал от гнева.

Ударив жезлом о камень, он дико закричал:

– Чернец, доселе я излишне щадил вас, мятежников! Отныне буду таким, каким меня нарицаете. – Сказав это, царь удалился из церкви.

На другой день начались новые казни. Всех сановников митрополита взяли под стражу, терзали, допрашивали и ничего не узнали.

На самого митрополита царь не решался, однако, наложить свою руку. Трусливый по природе, он пока еще терпел.

В июле 1568 г., в полночь, царские любимцы, Вяземский, Малюта Скуратов и Василий Грязной, совместно с опричной ворвались в дома знатных людей, у которых были красивые жены, похитили их жен и увезли их из города. По их следам, с восходом солнца, выехал и Иоанн. На первом же ночлеге ему доставили похищенных женщин. Лучшие были оставлены Иоанну, остальные достались приближенным. Между тем царь продолжал объезжать Москву, жег усадьбы опальных людей, казнил их людей и уничтожал Даже самый скот. Наконец, вдоволь насытившись, он приказал опозоренных женщин возвратить на место жительства.

28 июля 15 68 г. произошло последнее столкновение между Иоанном и митрополитом Филиппом. Митрополит служил в Новодевичьем монастыре. Был храмовой праздник. Иоанн явился с толпою пьяных опричников. Во время служения митрополит заметил, что один из опричников был в тафье. Обратившись к царю, митрополит сказал:

– Царь, разве приличествует благочестивому держать агарянский закон?

– Как, кто, что? – завопил царь.

– Один из ополчения твоего из лика сатанинска.

Между тем опричник поспешил тафью схватить и скрыть.

Царю донесли, что это вымысел митрополита. Царь ушел возмущенный и решил судить митрополита. Не нужно добавлять, что суд был с пристрастием. Святителя судили и осудили.

В день Архангела Михаила митрополит служил в Успенском соборе. Митрополит стоял в полном святительском облачении. Вдруг явился Басманов с опричниками. Служение приостановилось. Басманов читает приговор собора, лишающий митрополита пастырского сана. В это время опричники врываются в алтарь, срывают с митрополита митру и одеяния, надевают на него изодранную рясу и выводят из церкви, заметая след метлами. Святителя садят на дровни и везут в Богоявленский монастырь. Народ бежит следом и горько плачет, получая святительское благословение, а опричники кричат, богохульствуют и бьют митрополита своими метлами.

– Молитесь, дети, молитесь за царя, – напутствовал архипастырь свою паству.

Филиппа в колодках и кандалах увезли в монастырь св. Николая и морили там его голодом. Говорят, что царь приказал казнить племянника митрополита и, отрубив голову, послал ее митрополиту; а затем казнил и других родственников митрополита, Калачевых. Наконец, Филипп водворен был в Отрочь монастырь в Твери, где его собственноручно удушил Малюта Скуратов.

Сбыв беспокойного митрополита, Иоанн захотел отделаться еще от одного неприятного человека. В лице князя Владимира Андреевича Иоанн видел человека, на которого недовольные могут взирать, как на заместителя царя. Такой человек для Иоанна и неудобен и даже опасен. Явился донос, что Владимир Андреевич намерен передаться Сигизмунду. Царь заманил его в Александровскую слободу и умертвил князя и жену его. Вместе с этим Иоанн приказал утопить мать Владимира Андреевича монахиню Евдокию, а также и инокиню Александру, жену брата Иоанна, Юрия, инокиню Марию и с ними еще двенадцать человек.

Прошло еще несколько месяцев. Жажда крови усилилась в Иоанне. Его рассудок все более и более затемнялся (Костомаров). В сентябре 1549 г. умерла вторая жена его Мария Темрюковна. Иоанну вообразилось, что и она отравлена, подобно Анастасии. Постоянный ужас и каждоминутная боязнь за свою жизнь все более и более овладевали царем. Он был убежден, что вокруг него множество врагов и изменников, а отыскать их он не в силах. Он готов был то истреблять поголовно чуть не весь русский народ, то бежать от него в чужие края. Уже и своим опричникам он не верил. Он чувствовал, что Басмановы и Вяземские и братья их

овладели им не хуже Сильвестра и Адашева. Он их ненавидел и уже близок был и их конец. В это время Иоанн приблизил к себе лекаря Бомелия. Хитрый голландец поддерживал в Иоанне страх астрологическими суевериями, предрекая бунты и измены. Он же и внушил Иоанну мысль – искать у английской королевы Елизаветы пристанища, на случай бегства из России во время бунта и мятежа Иоанн писал Елизавете, что изменники составляют против него заговоры, злоумышляют с его врагами и хотят истребить его со всем семейством. На эту просьбу Елизавета отвечала полной готовностью служить Иоанну.

В царствование Иоанна Грозного в Швеции царствовал король Эрик. Это был также душевнобольной человек и по своим зверствам и безрассудным поступкам во многом походил на Иоанна. Екатерина, сестра Сигизмунда, на которой хотел жениться Иоанн, впоследствии вышла за герцога финляндского, сына Густава Вазы, Иоанна. Эрик, воспользовавшись случаем, схватил Иоанна финляндского и заключил его в темницу. Екатерина была также в руках Эрика. Иоанн Грозный заключил союз с Эриком, но одним из важных условий он поставил выдачу Екатерины. Эрик согласился. Но этот договор был настолько возмутителен, что советники Королевской Думы не исполнили заключенного условия, да и сам Эрик скоро был свергнут с престола.

Опозорив и устранив святителя, дерзавшего предстать пред царем с обличением в неправильном управлении государством, – устранив князя, могущего при некоторых неблагоприятных условиях быть ему заместителем, – истребив всех бояр, имевших за собою те или другие доблести, – умертвив даже своих родных инокинь, – Иоанн не может уже утолить своей кровавой жажды казнью десятков и сотен людей, а задумывает стереть с лица земли целые города. Предпринимается неслыханное и непонятное для обыкновенного человеческого ума дело. Владетельный князь и царь предпринимает поход и истребление своих владений, которые не только живут мирно, но и являются образцовыми верноподданными. Поводов для этого и не нужно. Достаточно, чтобы в больном уме царя возникла какая-нибудь сумасбродная мысль, чтобы Иоанн привел ее в исполнение.

Можно думать, что мысль о разгромлении Новгорода возникла у Иоанна таким способом. Новгород, являясь частью Московского княжества, пользовался, однако, кое-какими самыми ничтожными правами, льготами и преимуществами. Подобная призрачная самостоятельность Новгорода, никогда и никому ни в чем не мешавшая, не вязалась с больными мыслями Иоанна о преследовании и величии и с состоянием подозрительности. Не

щадя ни святителей, ни иноков, ни родных, ни людей знатных и заслуженных, Иоанн не мог терпеть Вольный город – Новгород. Уже одна мысль, что это был Вольный город, была достаточным основанием для воли Иоанна, чтобы стереть его с лица земли. И он его стер.

Иоанн придрался к самому дикому и подлому Доносу о заговоре знатных новгородцев передаться польскому королю. Поэтому в 1569 году Иоанн решил поход на Новгород – войною. С этою целью он стал во главе опричников и остального войска. Передовым отрядом командовал наследник престола, Иоанн, столь же дикий и кровожадный, как и его отец. Ошибочно, однако, думать, что война предпринималась только против новгородцев и находящихся в одинаковом положении с ними псковитян. Вся полоса земли от Москвы и до Новгорода была предана огню и мечу.

Первым на пути в походе на Новгород стоял Клин. Опричники, налетев на этот город, разорили его и сожгли, имущество жителей подвергли грабежу, а самих жителей убивали. Несчастные жители Клина, не знавшие за собою никакой вины и никогда не ожидавшие иного нашествия, как только иноплеменных, бежали кто куда мог, оставив имущество и жизнь больных, дряхлых и слабых на утоление жажды жестокого врага.

Насытившись вдоволь уничтожением Клина, армия двинулась на Тверь, подвергши той же участи уничтожения и разорения Городню и другие места, чрез которые проходили. Жители сих поселений выходили встречать своего царя-отца с хлебом и солью и приняли поругание и смерть. Не желая, чтобы тверитяне или новгородцы были предуведомлены о его пришествии и нашествии, Иоанн приказал убивать всех, кто будет встречаться на пути, дабы они не могли предупредить жителей о его прибытии.

Достигши Твери, Иоанн приказал войску окружить город со всех сторон, дабы никто не мог уйти. В этот-то поход был собственноручно удушен Малютою Скуратовым митрополит Филипп, заключенный в Отрочем монастыре.

Под Тверью войска стояли шесть дней, причем сам Иоанн расположился в одном из окрестных монастырей. Грабеж начался с дома и имущества епископа и затем перешел на духовенство. Граждане думали, что этим дело и закончится; но думы эти были ошибочны. Через два дня, по приказанию царя, опричники бросились в город и предали его неистовому грабежу. Они бегали из дому в дом, что могли стащить – тащили, чего не могли взять – ломали и портили. Так они ломали мебель, били окна, рубили ворота; воск, лен и кожи свозили в кучи и затем сжигали. Разорив

и уничтожив так город, опричники опять ушли на свои места, а жители думали, что им оставили хотя жизнь. Но это была горькая ошибка. В темницах Твери содержались многие литовские и немецкие пленные. По приказанию царя, их тащат на берег Волги, рассекают на части и бросают под лед. А опричники накидываются на несчастных жителей. Они бьют кого попало и предают истязаниям и мучениям. Мужчин, женщин и детей жгут огнем, рвут клещами и вешают, достаточно же насытившись, мертвых бросают в Волгу.

Удовольнив себя, Иоанн свирепствует в Медном и направляется на Торжок. Здесь также произведены были убийства как мирных жителей, так и пленных немцев и татар. При казни последних озлобленные и пришедшие в отчаяние мурзы бросились на Иоанна и его приближенных; Малюта Скуратов был ранен, Иоанн же избавился от опасности.

За Торжком подверглись разорению, разграблению и казням Вышний Волочек, Валдай, Яжел-бицы, Выдропуск, Хотилово, Едрово, Крестцы, Зайцеве, Бронницы и все остальные места до Ильменя. Опричники по дороге рассеивались по деревням, грабили имущество и убивали народ.

Еще в то время, когда царь со опричной разорял Торжок и другие города, царское войско окружило Новгород, дабы никто не мог уйти из него. Церкви и монастыри были опечатаны. Духовенство и монахи были схвачены, закованы и поставлены на правеж. Каждый из них должен уплатить выкуп в 20 новгородских рублей, и если кто не мог внести требуемой пени, его били ежедневно на площади. Так продолжалось пять дней. Не лучшей участи подверглись дворяне, дети боярские и торговцы. Их опричники заковали и отдали под стражу, жен и детей держали на дому, а имущество их опечатали. Никто не знает ни вины, ни повода опалы.

Ждали прибытия Иоанна.

Иоанн явился 6 января 15 69 года. Немедленно издано приказание умертвить игуменов и монахов, стоявших на правеже. Их убили дубинами и тела разослали по их монастырям.

Царь объявил, что 8 января он прибудет в Софийский собор к обедне.

По обычаю, архиепископ встретил царя на Волховском мосту у часовни Чуднаго креста, со всем собором, крестами и иконами. Но царь не принял благословения архиепископа и не целовал креста, а держал такую речь:

«Злочестивец, в руке своей ты держишь не крест животворящий, а острое оружие, которым ты, с своими злоумышленниками, жителями сего города, хочешь уязвить наше

царское сердце! Вы хотите отчизну нашей державы, Великий Новгород, передать польскому королю. С этих пор ты не пастырь и не сопрестольник Св. Софии, а волк, хищник, губитель и изменник нашему царскому венцу…»

Засим царь приказал служить обедню. Во время богослужения Иоанн усердно молился, а после обедни отправился со всеми своими приближенным в столовую палату – за трапезу. Но едва подана была пища, как царь завопил диким голосом. Это был условный знак для грабежа. Все присутствовавшие схватились и бросились на злодейство. Архиепископ Пимен был схвачен. Опричники бросились грабить владычную казну.

Царский дворецкий и духовник завладели ризницею и казною Св. Софии, а отсюда отправились по всем церквам и монастырям грабить казну и ризницы в пользу царя. Сам Иоанн уехал в Городище. Туда он приказал привести тех новгородцев, которые были взяты под стражу еще до его прибытия. С ними привели их жен и детей. Иоанн приказал всех их раздеть и подвергнуть истязаниям. И действительно, они преданы были «неисповедимым» мучениям. Их били, терзали и жгли особенным, изобретенным самим царем, составом. После этого их привязывали к саням ногами и волокли за царским поездом до Новгорода, за этими мучениками везли их жен и детей. Замученных новгородцев бросали с моста в Волхов, а за ними спешили отправить связанных их жен и привязанных к ним детей. Царские слуги ездили по реке и баграми добивали тех, кто случайно всплывал.

Пять недель в таком виде ежедневно проявлялась царская ярость. Насытившись вдоволь убийствами, Иоанн начал ездить по монастырям и на своих глазах истреблять огнем хлеб в скирдах и зерне, рубить лошадей, коров и всякий скот.

Существует предание, что, прибыв в Антониев монастырь, Иоанн после обедни явился в трапезу, а затем издал приказ истребить все живущее в монастыре.

Не остались без истребления и простые смертные Новгорода. Иоанн приказал уничтожать товар, лавки, ломать двери и дома, бить окна и истреблять все имущество жителей. То же самое опричники проделывали и в окрестностях Новгорода.

Число убитых в Новгороде показывается различно, от 15 до 60 тысяч. Псковский летописец повествует, что Волхов был запружен телами. Все следующее лето свозили кучами умерших и утопленных и погребали. Но, помимо замученных и убитых, многие успели бежать из Новгорода и из этих беглецов Новгорода впоследствии образовались целые поселения.

Вдоволь насытившись кровью совершенно невинных и

мирных граждан собственного государства, Иоанн, наконец, захотел показать им свою милость.

13 февраля созваны были уцелевшие новгородцы и к ним-то Иоанн держал такую речь:

«Жители Великого Новгорода! Молите Всемилостивого, Всещедрого и Человеколюбивого Бога о нашем благочестивом царском державстве, о детях наших и о нашем христолюбивом воинстве, да дарует Он нам победу и одоление на видимых и невидимых врагов наших! Пусть будет Бог Судиею изменнику моему и вашему, архиепископу Пимену, и его нечестивым советникам и злоумышленникам. На них, изменниках, взыщется здесь пролитая кровь… Живите и благоденствуйте в сем городе. Наместником я оставлю вам князя Пронского».

Пимена Иоанн отправил в Москву.

Из Новгорода Иоанн отправился в Псков, намереваясь и с ним расправиться, подобно Новгороду. Но находчивый воевода, князь Юрий Токмаков, сумел отклонить гнев и грозу, носившуюся над Псковом. Говорят, что отклонению злодейства в Пскове много содействовал юродивый Никола, весьма грозно и строго встретивший Иоанна.

Так ли это или иначе, но Иоанн ограничился только грабежом церковной казны и частного имущества и не тронул жизни жителей.

Возможно и еще одно толкование спасения Пскова. На Иоанна, как и на всех подобных больных, ярость, гнев и кровожадность нападают приступами. Наступает подобный приступ зверства, и он губит все живое. Оканчивается приступ ярости, и убийства прекращаются. Если мы проследим жизнь Иоанна после смерти Анастасии, то и здесь мы увидим, что на общем фоне жестокости, зверства и кровожадности все эти явления по временам ожесточались до невероятных, чисто болезненных, размеров, в другой же раз они стихали и уменьшались. Так, по-видимому, было и теперь.

Весьма возможно, что необычное усилие кровожадности и убийства, возникшее в Иоанне и выразившееся в стремлении к уничтожению целых городов, с злодействами новгородскими, постепенно ослабело и к прибытию в Псков снизошло до обычного состояния, почему Псков и отделался только лишь потерею имущества.

Возможно и то, что в таком периоде болезненного состояния Иоанна на него могли благотворно повлиять и находчивость воеводы, и бесцеремонность юродивого. Ибо не подлежит никакому сомнению, что если бы ярость и жажда крови Иоанна не были удовлетворены раньше, то никакая находчивость, никакая

дерзость и остроумие не спасли бы Пскова. Если Животворящий Крест и святительское облачение не удержали в Новгороде зверства Иоанна, то тем паче без последствий остались бы приемы псковитян.

По возвращении Иоанна в Москву в кровопролитии наступило затишье. Велось следствие об измене архиепископа Пимена и знатных новгородцев; сюда же прихвачены были некоторые знатные бояре: канцлер Иван Висковатый, казначей Никита Фуников, боярин Семен Яковлев и другие. Но интереснее всего было то, что к этой же партии судимых причислены были самые близкие царские любимцы и его сподвижники, именно князь Вяземский, Алексей Басманов и Федор Басманов, «прекрасный лицом, гнусный душою, без коего Иоанн не мог ни веселиться на пирах, ни свирепствовать в убийствах»… Последние три примера прекрасно учат, что стоять близко к солнцу весьма приятно, но еще лучше быть от него подальше и в неизвестности.

Нельзя не обратить внимания на одну черту характера Иоанна, которая особенно резко выразилась в деле обвинения Вяземского. Афанасий Вяземский был самый близкий к Иоанну человек. Из его рук Иоанн брал пищу и лекарство, с ним в тишине ночи он обсуждал планы своих злодейств. Однажды, по обычаю, проболтав с Иоанном до глубокой ночи о важных государственных делах, Вяземский возвратился домой и увидел, что верные его слуги перебиты. Познал он, чье это дело, но не подал и вида на огорчение. Это не спасло его. Он был ввержен в темницу, где уже сидели Басмановы, и в ней в пытках окончил свои дни.

Наконец, следствие о государственном преступлении было окончено и все судимые были осуждены. Начались приготовления к казни изменников. Это было нечто небывалое. На торговой площади поставили 18 виселиц. Рядом с этим разложили орудия для производства различных мук. Зажгли высокий костер и над ним повесили огромный чан с водою. Москвичи, видавшие много раз виды, памятуя судьбу Новгорода, на этот раз струсили. Каждый запрятался, где только мог, и площадь казни оставалась пустою. Явился царь с царевичем и свитой, а за ними вели, в виде мертвецов, 300 или более осужденных. Увидев площадь пустою, царь остался недовольным. Ему нужны были зрители, и он послал согнать их насильно. Наконец и сам царь отправился за публикой, обещая жителям безопасность и милость.

Нагнали народ. Царь держал речь.

– Народ, увидишь муки и гибель, но караю изменников! Ответствуй, прав ли суд мой?

Все отвечали единогласно:

– Да живет многие лета государь великий! Да погибнут изменники!

На этот раз царь превзошел себя и из осужденных на казнь некоторых помиловал.

Между тем начались казни. Висковатова повесили вверх ногами и затем рассекали на части, причем начало истязаниям положил Малюта Скуратов, отсекши Висковатому ухо. Фуникова обливали кипятком и холодною водою, и он умер в страшных мучениях. Остальных кололи, вешали и рубили. Сам Иоанн, сидя на коне, пронзил копьем одного старца.

Совершив все эти злодеяния, опричники с криками «гойда» окружили своего повелителя и восхваляли его правосудие. Но и этим Иоанн не довольствовался. Он поехал в дом к Висковатому и Фуникову, издевался над их женами, а пятнадцатилетнюю дочь Фуникова отдал царевичу Иоанну. Архиепископ Пимен был лишен сана и сослан в Тульский монастырь Св. Николая. Отец Басманов, по приказанию царя, был убит своим сыном Федором, который в свою очередь не избежал тоже казни.

Три дня убирали мертвые тела казненных, а на четвертый день начались новые казни. Жены убитых 80 дворян были утоплены в реке.

В это время гибли последние остатки славных людей Иоаннова царствования. Так погиб славный воевода, князь Петр Оболенский-Серебряный, Очин-Плещеев, Хабаров-Добрынский, Иван Воронцов, Василий Разладим, воевода Кирик Тырнов, Андрей Кашкаров и Михаиле Лыков. Почти все государственные видные деятели жили изо дня в день готовые во всякий момент принять смерть. Некоторые даже шли в монахи, будучи глубоко убеждены, что их не минует царское внимание. Так Михайловский воевода Никита Казаринов-Голохвастов, ожидая смерти, удалился в монастырь на Оке. Но и сюда ворвались опричники за своею жертвою. Воевода сам вышел им навстречу. «Я тот, кого вы ищете!» И его взяли. В этом случае царь проявил необыкновенно жестокое остроумие даже над религиозною стороною жизни. Так как воевода Казаринов-Голохвастов был схимник, а ангелы летают по небу, то царь приказал взорвать воеводу на бочке пороха, дабы он уподобился ангелам.

Чиновник Мясоед имел красивую жену. Ее схватили, обесчестили, повесили перед глазами мужа, а затем отрубили голову и ему.

Казнили при этом не только осужденных и за компанию их близких родных, но и отдаленных родственников за честь быть родственниками осужденных. Так, Иоанн собственноручно убил князя Ивана Шаховского за то, что тот был родственником

Колачевых; по той же вине погибли князья Прозоровские, Ушатые, многие Заболотские и Бутурлины.

Некоторые честные люди и славные деятели искали смерти на поле брани. Так погибли, мужественно защищая Донецкую крепость против татар, князья Андрей и Никита Мещерские. Когда они лежали уже мертвыми, явились Иоанновы палачи и довольствовались зрелищем смерти героев. То же случилось и с князем Андреем Оленкиным; но Иоанн не довольствовался смертью последнего в битве, а заморил в заточении его детей.

Мучениям и истязаниям, придумываемым Иоанном для своих подданных, не было конца. Для этого их ставили на раскаленные проволоки, сажали на особо для этого устроенные печи, мучили железными клещами, острыми ногтями и длинными иглами, разрезали по суставам, перетирали тонкими веревками надвое, сдирали кожу, выкраивали из спины ремни и т. п. Святая инквизиция могла бы смело поднести ему премию за изобретательность…

Приводя в ужас и трепет все живущее в государстве, Иоанн не переставал жить весело и шумно, в утехах и разгуле. Теперь из Новгорода он получил скоморохов вместе с медведями. И те и другие тешили царя. Первые его развлекали шутками и остротами, вторых выпускали в народ и травили ими людей, опять-таки на забаву царя. Неудачные приемы скоморохов иногда стоили им жизни. Однажды недовольный чем-то царь вылил миску горячих щей на голову своего любимого шута Осипа Гвоздева. Последний заорал, Иоанн прекратил крик ножом. Но царю жаль было лишиться своего любимца и поэтому он позвал врача Арнольда с требованием исцеления его слуги, с которым он поиграл неосторожно.

Арнольд отвечал:

– Так *неосторожно,* что разве Бог и твое царское величество может воскресить умершего…

Царь махнул рукой, обозвал скомороха псом и продолжал веселиться.

Другой раз явился к царю воевода Старицкий, Борис Титов. Выслушав обычное приветствие, Иоанн отвечал:

– Будь здрав, любимый мой воевода! Ты достоин нашего жалованья! – и при этом отрезал ему ухо.

Часто царь, прерывая трапезу, издавал дикий крик, коим созывал своих верных опричников, и мчался плавать в крови. Так, однажды с такого пира царь помчался казнить литовских пленников, заключенных в тюрьме. Один из этих пленных вырвал копье и бросился с ним на Иоанна, но царевич, достойный сподвижник отца, убил его. Насытившись кровью вдоволь, Иоанн

возвращался в Александровскую слободу при криках опричны «гойда, гойда!».

К довершению всех несчастий в государстве явился голод и его постоянный спутник – мор. Все эти бедствия слишком ослабили и опустошили Россию: ее спасение заключалось в том, что и соседние государства были не в лучшем состоянии.

В это время в Польше умер король Сигизмунд и в числе кандидатов на престол стал Иоанн и его сын. Иоанну очень хотелось добиться польского и литовского престола, но дело это не состоялось, и Иоанн долго не мог примириться с этой неудачей.

С этой поры постигают Иоанна неудачи. Вырезав знатных вельмож, доблестных воевод и преданных правителей и советников, Иоанн терпит целый ряд поражений. Посольство Иоанна в Константинополь, для заключения союза с султаном, оказалось неудачным, не более удачным оказалось и заключение мира с Швецией. Крымский хан разорил всю Россию, сжег Москву и увел более 10 000 пленников, а Иоанн позорно бежал и прятался вдали от своей столицы и войска.

Все эти неудачи вызвали в Иоанне новые мысли об измене, кознях и злодеяниях оставшихся еще в живых бояр и, разумеется, новые казни. Этому немало способствовало еще одно обстоятельство. Вторая жена Иоанна, Мария, скончалась. Царь вздумал жениться в третий раз. Выбор пал на Марфу Собакину. Будучи невестой царя, Марфа заболела, а ставши женой – умерла. Это дало повод думать, что родственники прежних жен царя из ревности испортили царицу. Виновных нашли и казнили.

В это время погибли черкесский князь Ми-хайло Темрюкович, брат покойной царицы Марии, вельможи Иван Яковлев, брат его Василий, боярин Лев Салтыков и проч. Рядом с этими явными злодействами, по предложению лейб-медика, врача Бомелия, начались отравы сильнейшими ядами. Так были лишены жизни Григорий Грязной, князь Гвоздев-Ростовский и многие другие.

Вскоре царь женился четвертый раз, на Анне Колтовской, несмотря на то, что еще за два года перед сим он предписывал, чтобы четвертый брак «никогда не именовался и молитвы бы им не говорили». Затем Иоанн женился в пятый раз на Анне Васильчиковой и шестой раз на Василисе Мелентьевне. В четвертый раз женившись, Иоанн просил по крайней мере у епископов разрешения, следующие же разы он не затруднял себя этой формальностью.

По истреблении главных своих приближенных советников, как: Афонасий Вяземский, Басмановы, Грязной и др. Иоанн несколько менялся в своих отношениях как к обществу, так и к

государству. Он становится менее лютым, менее жестоким и менее кровожадным. Телохранители при нем еще остаются и остаются они навсегда, но теперь Иоанн не делает такой резкой разницы между опричной и земщиной, да и самое название «опрична» исчезает и заменяется другим словом – «двор».

Едва ли такая перемена могла произойти сама собою, так как Иоанн представлял собою такого человека, за которым должно было всегда искать другого. Несмотря на чрезвычайно неудачный и беспорядочный набор людей, между ними, хотя случайно, все-таки попадались люди с большим умом, пониманием дела, честолюбием и другими качествами, отличавшими их от остальной опричны. Между этими людьми выдвигается особенно Борис Годунов, близкий родственник Малюты Скуратова. Он не только проложил дорогу к Иоанну, но, по-видимому, мог легко влиять и на самое направление государственных дел. Был ли главным советником Борис Годунов или кто-либо другой, во всяком случае советники должны были быть, были и направление государственной жизни резко изменилось с удалением Вяземского и других.

С другой стороны, не могло не иметь влияния на направление деятельности Иоанна и еще одно обстоятельство. Как бы ни была затяжна душевная болезнь, однако всякая из них постепенно начинает стихать, терять свое острое проявление, и мало-помалу ослаблять остроту мыслительной деятельности и сообразительности человека. Так, по-видимому, было и с Иоанном. Болезнь его начала утихать. Бред подозрительности и преследования становится не столь резким, приступы кровожадности появлялись реже, а равно и общая умственная деятельность стала слабеть. Царь начал становиться малодушным, трусливым и без определенных мыслей.

Появившийся разлад и бессвязность между бредом преследования и приступами кровожадности был причиною того, что Иоанн довольствовался для удовлетворения своей жажды крови истреблением неприятельских пленных. Такова, напр., Венденская кара, когда мирных жителей Иоанн приказал мучить и казнить, сечь и жечь, а жен и девиц бесчестить, когда Иоанн не брезгал сажать на кол даже мертвых.

Правда, Иоанн не оставлял без милостивого внимания и своих подданных, тем не менее эти казни были уже ничтожными вспышками на общем кровавом горизонте. Так, Иоанн казнил знаменитого героя, князя Михаила Воротынского, князя Одоевского, боярина Морозова с двумя сыновьями и женою, князя Куракина и боярина Бутурлина. Затем в течение следующих двух лет были казнены: один из ревностных опричников Петр Зайцев,

Григорий Собакин, Вассиан Муромцев, новгородский архиепископ Леонид, архимандрит Феодорит, псковский игумен Корнилий и др. Интересен был повод к казни добродетельного игумена Корнилия. По пути в Ливонию Иоанн заехал в Псково-Печерский монастырь. Его встретил игумен Корнилий с братией. Иоанну бросились в глаза сильные укрепления монастыря, сооруженные Корнилием на свой собственный счет. Иоанн припомнил, что Корнилий происходит из боярского рода. Эти сооружения ему показались подозрительными. Вспомнилось былое, закипело сердце, и Иоанн быстро покончил с Корнилием своим верным жезлом. Как гласит надгробная надпись, «предпослал его царь земной Царю небесному».

А между тем военные неудачи больше и больше поражали Россию. Гордый, властительный и безгранично полновластный Иоанн чувствовал себя в высокой степени угнетенным и приниженным во внешних делах. Могущественному и самовластному владыке счастье изменило, и трусливый по природе Иоанн должен был унижаться перед теми из соседей, которых прежде ставил ни во что. Посылая послов к новому крымскому хану, Иоанн наказывал «бить челом хану и обещать ему ежегодные дары… вообще вести себя смирно и избегать колких речей…». Еще униженнее держал себя Иоанн с Баторием. На самые унизительные просьбы Иоанна заключить мир, на самые оскорбительные условия для России, предлагаемые Иоанном лишь бы только получить мир, Баторий отвечает: «не будет вам ни посольства, ни мира, ни перемирия…» А между тем Иоанн предписывает своим послам «быть не только смиренными и кроткими в переговорах, но *даже терпеть и побои…».* И это предписывает тот Иоанн, который не желал признавать Батория братом своим, считал за унижение быть с ним равным, первый, без объявления войны, напал на пределы польского царства и считал Батория избранным «не Божьего, а человеческою мятежною волею…».

Думается, что при таком унижении перед татарами, при таком страшном разгроме поляками русского войска и земли русской, при почти таком же разгроме шведами русских войск царь собирает войско, поддерживает падающий дух подданных, молится о даровании победы русскому оружию… Царь сидит в Александровской слободе и правит седьмую свадьбу. Иоанн женился на Марии Нагой. Вообще в числе резко выраженных черт болезненного характера Иоанна следует отметить распутство и разврат. Мы видели, что он проделывал со своею верною дружиною, мы знаем, как он обращался с женами своих подданных, но и всего этого ему было мало. Царь-игумен женился

седьмым браком и вслед за сим еще ищет невесту в Англии. Кроме того, Костомаров упоминает, что в ноябре 1573 года Иоанн женился на Марии Долгорукой, а на другой день, подозревая, что она до брака любила кого-то иного, приказал ее посадить в колымагу, запрячь диких лошадей и пустить в пруд, в котором несчастная и погибла. Это все не мешало царю иметь, сверх того, по 50 наложниц и не брезгать рьяным ухаживанием за женою своего сына почти на смертном одре своем…

Но самым ужасным поступком в этом периоде времени было убийство Иоанном своего собственного сына и наследника престола. О причинах этого ужасного преступления передается различно. Одни говорят, что сын заступился перед отцом за свою жену и высказал ему несколько горьких истин, другие повествуют, что наследник укорял отца в военном бездействии и просил отпустить его на войну восстановить честь России.

Разъяренный отец ударил его железным жезлом в висок, от чего царевич и скончался на четвертый день…

Иоанн каялся, плакал, рыдал, снимал с себя венец и отказывался от престола, ~ но в конце концов опять-таки продолжал быть царем.

Говорят, что после этого царь несколько дней мучился и нравственно терзался, не спал ночи и метался, как в горячке. Посылал богатые милостыни по монастырям и обильные дары на восток, чтобы молились за упокоение души убиенного Иоанна. В это-то время самососредоточия и самоиспытания Иоанна припоминаются ему все жертвы его зверства и кровожадности. Все замученные и казненные предстали пред ним, требуя возмездия и отмщения… Иоанн усиленно записывал их имена в синодик и подавал на поминовение их души за упокой. Но так как эти жертвы Молоху были неисчислимы, то приходилось ограничиваться поминовением рабов Божиих, «имена их же Ты, Господи, веси»…

> «Но однако после этого странно видеть Иоанна, сватающегося за родственницу английской Елизаветы и готового прогнать свою седьмую жену. Верить ли другим, гораздо худшим известиям? Страшно сказать, но, кажется, он до конца дней остался тем же»
>
> *(Аксаков).*

Под конец жизни Иоанн стал суеверным и нередко обращался к знахарям, астрологам и гадателям. Во время войны с Баторием он пал духом уже от неблагоприятных предзнаменований и предсказаний, почему и не решался прибегать к серьезным

военным мерам. При таком настроении всевозможным выдумкам не было конца: явилась комета на небе, – громовая стрела, зимою, при ясном небе и среди белого дня, ударила в царский дворец и зажгла его, – близь Москвы слышали ужасный голос: «бегите, бегите, Русские», – с неба упал надгробный камень с таинственной надписью и т. п.

Наконец, всеми правдами и неправдами заключен был мир с Польшей. Царь успокоился. Завели речь о новой женитьбе Иоанна на английской принцессе.

А между прочим жених развлекался казнью тех ратных людей, которые оказались трусами в войне с Баторием. Всех пленников Батория, о которых после заключения мира позабыли, ныне припомнили. И вот царь учинил им знатную казнь. Он их всех собрал и казнил мучительнейшим образом. Так погибло 2300 человек, – число еще не особенно большое для такого любителя казни, как Иоанн.

Униженный и подавленный неудачами в Ливонии, Иоанн захотел излить свою злобу на ливонских пленниках. Он приказал привести толпу этих несчастных, пустил на них медведей и сам, стоя у окна, любовался борьбою, мучениями и смертью невинных жертв в когтях страшных животных…

Иоанну в это время было 50 лет с небольшим, между тем он казался дряхлым, старым и изможденным. Пьянство, разврат, бесконечные оргии, распутная жизнь, душевная болезнь и связанные с нею душевные терзания, – все это не могло не отозваться на Иоанне и не расшатать его здоровья. А между тем оно становилось все хуже и хуже. У него явилась болезнь: какое-то гниение внутри и от него исходил отвратительный и смрадный запах. По этому поводу Oderborn говорит: «отчаявшись в помощи медицины, волнуемый душою, он влачил положительно жалкую жизнь. В течение многих дней и не говорил ни с кем, ни пищи не принимал, ни даже звука не издавал, так что казалось, будто он онемел. А затем, по истечении многих дней, когда боль открыла ему уста, он только звал своего сына Ивана. Ему мерещилось, что он видит Ивана, что он слышит Ивана, что тот с ним говорит, что он перед ним стоит, а иногда жалобно призывал его к себе, как бы живого…» Грехи опричны и содомии дали себя знать… Иностранные врачи усердно лечили Иоанна. Еще усерднее он раздавал милостыни по монастырям на поминовение о здравии болящего царя. Вместе с тем он не брезговал другою рукою раздавать милости волхвам и чародеям… В это время на небе явилась новая комета. Царь долго смотрел на нее и наконец заявил: «се знамение моей смерти». И он был прав.

Собраны были волхвы, числом до шестидесяти, со всех

концов России, из Лапландии. Волхвы гадали и толковали.

А между тем болезнь усиливалась. Вся внутренность начала гнить, а тело пухнуть. Днем мучился царь физическими немощами, ночью его преследовали видения. Враги и злоумышленники были всюду вокруг царя. Он их страшился, он их трепетал. А тут еще казненные им жертвы восстали из гробов и требовали ответа от немощного царя… Кто может описать ужас такой ночи больного человека?… Где найдутся силы и мощь вынести сообщество костяных мертвецов, требующих от убийцы отмщения за их мучения, истязания и смерть?… Астрологи предсказали Иоанну скорую смерть, но он приказал им молчать, угрожая в противном случае всех их сжечь в доме живьем.

И вот измученный, изнуренный и ожидающий смерти, царь находит себе развлечение и утешение в рассматривании своих сокровищ и драгоценных камней и толковании их значения… Летописи передают невероятный и потрясающий факт о безграничном нравственном разврате Иоанна. К разбитому, угнетенному, страждущему и умирающему Иоанну явилась супруга его сына Федора навестить немощного отца. И этот, находящийся на смертном одре и заживо разлагающийся, царь и отец не погнушался обратиться с похотливым вожделением к жене своего сына и наследника престола… Несчастная невестка с омерзением должна была бежать от сладострастного бесстыдства тестя… Обманутый, разозленный и сконфуженный, Иоанн приказал казнить всех благородных свидетелей этого последнего своего позора, а сына убеждал развестись с распутной женой (Oderborn) и вступить в новый брак.

Между тем болезнь Иоанна усиливалась и шла к роковой развязке. Самая кончина его шла необычайным способом. «В течение нескольких дней перед тем, как расстаться с жизнью, Иоанн подвергся три раза полному, похожему на смерть, лишению чувства и движений и каждый раз пребывал в таком состоянии 24 часа как мертвый, как будто Бог отложил для этих дней Свое наказание за его нечестивые дела. В первый раз придя в себя, Иоанн, с печальным выражением лица, обратился к сыну с просьбой отпустить несколько лиц, находившихся в самом строгом заключении, в ожидании казни, заявил открыто перед всеми, что из-за них он был подвергнут самым тяжким пыткам в каком-то мрачном и ужасном месте… Сын исполнил веление отца… Но гнев Божий был сильнее мольбы человеческой… Иоанн, покрытый смертельной бледностью и распространяющий страшный смрад, снова лишившись чувств, лежал на глазах окружавших его без всякого движения, ~ и снова Васильевич, возвратившись как бы из преисподней, обратился к сыну…

(просил его облегчить государственные подати, благотворительствовать обиженным и лишенным по его вине крова и давал наставление на будущую его жизнь). Сказав это, Иоанн в третий раз впал в бессознательное состояние и немного спустя, со стоном и раздирающим душу криком, испустил дух».

Перед смертью Иоанну представился его убитый сын, он разговаривал с жертвою своего преступления и громко звал его…

17 марта 15 84 г. Иоанна не стало.

По смерти над царем совершено было пострижение в монашество и в этом ангельском чине он назван был Ионою.

Подведем итоги жизни и деятельности Иоанна Грозного.

Иоанн сын родителей с значительно сомнительной нервной системой и не особенно беспорочной физической организацией, почему уже от рождения его нервная система не могла быть обычною, крепкою и устойчивою. Напротив, с появлением на свет она предназначена была стать хилою, отступающею от обычного бытия и склонною к заболеваемости. Это предположение доказывается состоянием здоровья членов семейства Иоанна Грозного: его брат был скудоумен, его дети вымирают, проявляют необыкновенную жестокость и эпилепсию. Такие семейные проявления дают основания к допущению предположения о вырождении рода. Члены таких семейств находятся под опасностью – стать вырождающимися или, как их называют, дегенератами.

Этот-то несчастный ребенок, происходящий от хилого и поврежденного дерева, с первых дней детства обрекается отчуждению и становится заброшенным. Дико, что будущий властелин столь сильной земли является забытым и отчужденным от семьи, ласки, любви матери и общества, но это верно. Его мать жила для себя и ребенок царя Василия для нее не существовал. Такие условия жизни в первые годы детства должны были породить в Иоанне замкнутость, скрытность, сосредоточенность, подозрительность, сухость к окружающим и неудовлетворенность и даже некоторую степень недовольства и озлобления.

Все это те же самые черты, которые были присущи Иоанну, как неврастенику и дегенерату, от рождения, по существу унаследованной им центральной нервной системы. Итак, жизнь, с ее обстановкой и воспитанием, не только не послужила Иоанну к ослаблению, сглаживанию и уничтожению прирожденных отклонений в его характере, чувствах и душевной деятельности, а, напротив, все эти уклонения поддержала, усилила, развила, укрепила и поставила их в сугубой мере.

Таким образом простая прирожденная неврастения уже с первых дней детства получает наклонность и направление по

пути не к прекращению ее, а по пути к усилению и переходу в высшую степень болезненности, по пути к психозам.

Идем далее. Скоро Иоанн лишается матери. Какова ни была мать, а все-таки при ней существовало единство воспитания. Как оно шло, – это все равно; но при этом были одни и те же лица и вели дело по одному и тому же разумению. Ныне Иоанн бросается на произвол людских страстей. С сего времени Иоанн является не одушевленным существом, самостоятельным и самобытным, а ценным предметом, обладание которым весьма полезно то одним людям, то другим. Его держат вдали от всего и от всех, но по временам его ставят на первый план и даже применяют как деятельное орудие расправы и истребления врагов.

Такие опыты делаются не с бессловесным животным, а с существом сознательным, с человеком властным, с самодержавным царем сильного государства. Что должно было делаться в душе отрока, который ясно сознавал – это все мое, но у меня его отнимают, – которому неусыпно шептали: твои враги похитили у тебя власть, расхищают твои богатства, истязают твоих подданных, ослабляют и расшатывают твое государство, да и сам-то ты им в тягость и обузу и, быть может, наступит момент, когда они захотят и от тебя избавиться… Все это, бесспорно, шепталось юному Иоанну. Все это, без сомнения, Иоанн видел и лично, и каждый может себе представить, каковы мысли в нем должны были породить все эти обстоятельства. Подозрительность к окружающим? Бред и идеи преследования?… Да, – и то и другое; но и подозрительность и идеи преследования были в данном случае не бредовыми, а естественными, основанными на жизненных событиях и обстоятельствах. А между тем этот человек по своему существу, по своей природе наклонен был и к подозрительности, и к идеям преследования. Что же сделала жизнь с ним в этом отношении? Она усугубила их, она породила бы в нем сама и без наследственности и подозрительность, и идеи о преследовании со стороны окружающих.

Что же делают правители с Иоанном? Они умеряют его нрав? Сглаживают шероховатости? Стараются уничтожить замкнутость, скрытость и сосредоточенность? Развивают в нем ум? Воспитывают чувство долга? Внушают важность его будущего положения? Смягчают прирожденный его дикий и хищный нрав? Поселяют начала нравственности и благопристойности?… Нет, они делают совершенно все наоборот. Они его покинули одиноким. Обращались грубо и неблагопристойно. Грабили на глазах и оскорбляли в лицо. Побуждали к охоте, кровопролитию, кровожадности, жестокости и лютости к людям. Они оставили его

умственную ниву с терниями и волчицами. Они наталкивали его на разнузданность и неблагопристойность.

Скоро Иоанн показал себя достойным их питомцем. Под влиянием науськивания врагов правителей он решается показать им свои когти. Он решается расправиться с похитителями его власти и обидчиками так же сам, как расправлялся с волками, лисицами и медведями. Он решился очиститься их кровью. Но Иоанн, по природе своего скрытного, подозрительного и трусливого ума, решил действовать весьма осторожно и наверняка. Поэтому он сначала составил план действия, подготовил все к его выполнению и, когда был уверен в победе, сразу быстро и стремительно обрушился на своих врагов. Здесь он уже показал лютость и кровожадность своей природы. Шуйских он уничтожил, как диких зверей, не как царь юный, мягкий и милостивый, а как человек озлобленный, хищный и кровожадный. В своей расправе с Шуйскими Иоанн показал себя питомцем, достойным воспитателей.

Для нас важно то, что жизненные условия детства Иоанна не парализовали прирожденных его недостатков и качеств, а произвели усиление и укрепление их. Эти условия его жизни и воспитания были таковы, что они и сами по себе могли бы породить в нем те погрешности и недостатки человеческой личности, какие в нем были уже от рождения.

Казнив, однако, одних своих недругов-опекунов, Иоанн попал в руки других, едва ли лучших. Это был и для него урок.

Вскоре, впрочем, нашелся человек, который отнесся к Иоанну иначе. Он захотел воспитать Иоанна и поселить в нем начала добра. Это был патриарх Макарий.

Иоанн занимается самообразованием. Он изучает священную историю, историю церкви, летописи и историю государств. Это изучение идет не только по любознательности и по желанию приобрести познания о неизвестных предметах, но и по личному влечению Иоанна к этим предметам. Руководимый святителем, он искал в истории примеры, достойные подражания. Его фантазия быстро разгоралась. Доблести и величие исторических царей он переводил на себя и хотел сам стать таковым. Богатое поле деятельности для больной фантазии и воображения и Иоанн предался ей щедрою душою. Он создал и пышно обставил процесс избрания невесты и бракосочетания. Он же придумал пышно воссоздать и процесс венчания на царство.

Пребывая в это время в мире царственных грез, Иоанн оставался верен своей неврастенической натуре: часто он метался из монастыря в монастырь, из города в город, – еще чаще он забавлялся охотою и пролитием крови лютого зверя, – не

брезговал, однако, и кровью людей…

Выполнив планы своих фантазий, женившись и венчавшись на царство, Иоанн продолжал, однако, свою разгульную жизнь, особенно на охоте и при объездах. Уже в это время у Иоанна выяснился странный взгляд на стремление его верноподданных искать у своего отца и царя правды и защиты. Известно, чем окончились попытки новгородских пищальников и псковитян. В деле псковитян Иоанн особенно показал себя жестокосердным и кровожадным, ибо он лично истязал просителей и искателей правды. Спасением жизни псковитяне были всецело обязаны, с одной стороны, случаю, а с другой – суеверию и трусливости царя.

Наступает новый период жизни Иоанна, где он становится игрушкою диких страстей людей, его окружающих. Теперь бояре не брезгают пускать в ход стихийное начало – разъяренную чернь. Никогда не живший своим умом, постоянно ведомый на помочах, Иоанн, в этот момент народного возмущения, окончательно растерялся. А между тем его руководитель не мог явиться по физическому недугу, – да и какой был руководитель в этом отношении святитель Макарий.

И вот на сцену является Сильвестр. Во все время господства Сильвестра Иоанн представляется его отражением. Слабый волею, он служил отголоском сильного. Не имевший противных убеждений, он схватывал чужие мысли, быстро воплощал их в себе и также быстро осуществлял. Иоанну в этом периоде жилось относительно легко, ибо Сильвестр входил в его жизнь до мелочей и диктовал ему ее то сам, то устами царской супруги и Адашева.

Но Сильвестр не понимал, что он имеет дело с неврастеником, что раньше или позже его здание должно было рушиться, ибо, по неустойчивости своего характера, Иоанн не мог долго оставаться верным одному направлению. Он должен был бросить его и пойти по другому пути. Так это и было. Много этому способствовала болезнь Иоанна и обстоятельства, ее сопровождавшие. У Иоанна сразу оборвалось все к Сильвестру и Адашеву. Но, как человек трусливый, осторожный и в высокой степени подозрительный, он не решался порвать все сразу, ибо он видел, что это сила, с которой должно считаться. Верный себе, Иоанн внутри себя строит ковы и Сильвестру и Адашеву. В его воображении они уже были сверхсметные люди; они уже осуждены на казнь и казнены. Нужно только выждать обстоятельства, и он их выждал. Сильвестра и Адашева не стало.

Иоанн окружил себя людьми по своей натуре. Начались оргии, расшатавшие душу и тело царя. Подоспели страдания

Александровской слободы, лишившие Иоанна волос на голове, бороде и усах и приведшие Иоанна к одряхлению. Разгул и содомия не могли не расшатать нервной системы царя. Если бы даже это был не прирожденный неврастеник, если бы с ним не было кровавых лет его детства и отрочества, то и тогда наступившие обстоятельства его жизни могли бы развить в нем ту болезнь, которая в нем развилась. Под влиянием оргий, содомии бессонных ночей, частых переездов и метаний, у царя явился бред преследования во всем его разгаре. В основе его лежала наследственно, болезненно измененная нервная система, первые годы его жизни, система возмутительного воспитания и та среда, в которую он ныне попал. Ближайшей причиной была бесшабашная и разнузданная жизнь, которую он повел. Поддерживающими болезнь обстоятельствами послужили воспоминания прошлого и нашептывания таких приближенных, как Малюта Скуратов, Вяземский и др. Характер параноика необыкновенно ярко выражается в создании опричны. Подозрительный, бредящий врагами, трусливый и малодушный – Иоанн создает опричну, коей назначение – охранять его и изводить врагов Иоанновых.

Пользуясь таким болезненным состоянием царя, окружающие только руководили им и наводили его на следы заговоров и казней, указывая людей, коих надлежало казнить. Рядом с этим мы видим разнузданность его животных страстей и извращение его половых побуждений. Иоанн имеет семь законных жен и не брезгует содомией, а что было сверх сего, про то знает Александровская слобода.

Такие проявления гнева, ярости, лютости и разгула выражались, однако, вспышками. Это явление оттенили даже историки. У псковского летописца мы находим следующее место: «И егда же прииде Князь Великий на поле близь града и ста в обители св. Николая в Любятове, в нощи к недели и начаша утреннею звонити по всему граду, и тогда слышав князь Великий велий звон, умилился душею и *прииде в чувство* и повелел всем воем мечи притупити о камень…» Но и в промежутках между приступами Иоанн был все-таки параноик с его монастырской жизнью и уставом. Только фантазирующий параноик может превратить царя в игумена, палача – Ма-люту Скуратова в келаря, а остальных опричников в братию. Собственно говоря, это великое кощунство, которое Иоанн совершил, однако, по болезненному недомыслию, в глубоком и искреннем убеждении в правоте и праведности. Вся эта трагикомедия братства в малом виде имела своим первообразом послеобеденные душеспасительные беседы Иоанна, прерываемые удалением его в

застенки для личного участия в истязаниях своих мнимых ворогов, после чего Иоанн пребывал в благодушии и хорошем настроении духа.

Мы видели, как параноик, в своем бредовом озлоблении, постепенно разгорается жаждою крови, как он стремится больше и больше упиться кровью своих врагов, как он желает одним взмахом снести им всем головы и пролить реки вражеской крови. Это мы видим в Иоанне в полной силе и развитии. Его казни возрастали crescendo и crescendo с десятков на сотни, с сотен на тысячи, с тысяч на десятки тысяч… Кто может без ужаса вспомнить его кровавый поход на Новгород… В этом походе он смело мог бы ехать на ладье по потокам проливаемой им крови своих детей и верноподданных. Такое злодейство может совершить только параноик. Это не преступление, а деяние душевнобольного, невменяемого, но и не правоспособного…

Помимо этой грандиозной картины истребления жителей государства, не можем не припомнить проявления холодной злобы, ненависти, издевательства и злорадства в мелких приемах при казни тех или других лиц, напр. Голохвастова и др. Только душевнобольной человек может употреблять такие приемы зверства и бессердечия.

Эти поступки зверства и кроволития ясно показывают нам, в какой мере Иоанн был одержим и мучим идеями подозрительности и преследования. Это ясно показывает нам, что сам Иоанн не имел покоя и был в такой же мере мучим и истязаем идеями преследования со стороны его врагов. Кто его враги? Бояре. Но мучил он всех без разбора: и тех, кто подавал к тому повод и кто не подавал. Он мучил одинаково и бояр, и детей боярских, и служилых людей, и людей подлого сословия. Его казни были прямо пропорциональны напряженности его бредовых идей.

К концу жизни эти казни начали ослабевать. Этому можно находить объяснения в том, что болезнь Иоанна начала ослабевать, постепенно утихать и мало-помалу переходить в слабоумие. Да и бояр-то стало поменьше. При этом не забудем еще одной черты параноиков – их эгоизма и абсолютного бессердечия. Иоанн казнил своих врагов-бояр. Это понятно. Но Иоанн вполне обдуманно и хладнокровно казнил и своих друзей: Басманова, Вяземского и др. Для него нет на свете близких и дорогих, и лучше быть таким людям неизвестными, чем попасться на глаза.

Нужно ли говорить о беспримерных проявлениях его лютости и безнравственности – убийстве сына и поползновении на жену другого… Такие вещи может сделать только параноик.

Это одна сторона его болезни. Обратимся к другой.

Иоанн царь могущественного Московского княжества. Он ведет весьма удачные войны. Он ведет личные переговоры с послами, является перед народом, держит речи, лично вступает в диспуты, пишет послания, и во всем этом проявляет себя не только не ниже других людей, а даже выше. Какой же он душевнобольной? Вопрос вполне позволительный и сомнение естественное. Но жизнь наша дает случаи подобного сочетания ума и безумия, здоровья и болезни, и примером тому служит именно то болезненное состояние душевной деятельности, которое известно под именем мономании, или паранойи.

Если мы в царствовании Иоанна Грозного отделим даже то, что принадлежит его соуправителям, от того, что принадлежит ему самому, то и тогда найдем, что Иоанн, в известные моменты, не лишен был здравых понятий, рассуждений, знаний и поступков. Вне пределов своего бреда он был обычным человеком. Правда, этот человек не отличался особенным умом, особенными дарованиями, особенными подвигами, но это был человек, как все люди.

Я не могу согласиться с тем, чтобы Иоанн Грозный отличался блестящим умом и блестящими дарованиями. Я не вижу этого и в его сочинениях и вполне соглашаюсь в этом отношении с мнением проф. Ключевского: «Иоанн решительно подкупает читателя своею задушевностью, жаром речи, иногда доходящим до ораторского блеска. Под первым впечатлением письма Иоанна к Курбскому, в которых каждая страница кипит и пенится, читатель готов признать у царя самые широкие и политические воззрения. Но сняв эту пену, находим под нею скудный запас идей и довольно много противоречий. Он, пользуясь его же выражением, „едино слово пишет, обращая семо и овамо“, диалектически развивает одну мысль, которую противопоставляет притязаниям своих политических противников…»

На основании этого короткого очерка жизни Иоанна я с убеждением позволяю себе высказать мнение, что Иоанн Грозный был душевнобольной человек, причем его душевная болезнь выражалась в форме однопредметного помешательства (мономания, или паранойя), позволявшего ему одновременно и управлять государством, и совершать деяния, которым могут быть найдены объяснения только в его болезненном душевном состоянии.

ПЕТР ВЕЛИКИЙ И ЕГО ГЕНИЙ

Часть первая

Глава I

В последнее время вопросу о гении посвящено очень много работ, причем, нужно правду сказать, часто рассматривался этот вопрос с совершенно ложной точки зрения, от чего сущность данного состояния не только не уяснена, а скорее даже запутана и затемнена. В самом деле, гений рассматривался с точки зрения взаимосоотношения с сумасшествием. Собственно говоря, такое уродливое сопоставление двух совершенно различных понятий есть дань увлечения времени и скоро падет, по мере разъяснения других вопросов, затронутых попутно, жизненными обстоятельствами.

Еще не так давно, в первой половине прошлого столетия, на сумасшедших смотрели, как на одержимых злым духом и дьяволом, почему в обществе им не было места. Одержимых изгоняли. Одержимых сажали на цепь. Одержимых казнили. Одержимых сжигали на кострах, – сжигали десятками, сотнями и тысячами. Сжигали их вместе с ведьмами и колдунами, – сжигали во славу Божию.

Много потребовалось усилий, стараний и забот, чтобы рассеять этот жестокий мрак, охватывавший умы тогдашнего общества и служивший удовлетворению столько же человеческого невежества, суеверия и предрассудка, сколько и злоупотреблению и произволу в данном положении. Только мало-помалу стало выясняться, что сумасшедшие – не одержимые злым духом, не вместилище сатаны, не сосуд дьявола, а люди, самые простые люди, и притом люди больные и несчастные – под влиянием своей болезни, лишенные образа Божия и всего того счастья и нравственного удовлетворения, которое связано с сознательным существованием.

Мало-помалу, однако, наука и знание восторжествовали. Сумасшедшие были признаны людьми, и притом людьми больными. Но эти больные люди в своих болезнях проявляли деяния и поступки для людей опасные, вредные и разрушительные: убийства, самоубийства, изуродования, пожары и т. д. и т. д. Эти люди для общества представлялись столь же опасными, как и преступники, угрожавшие людям подобными же деяниями. Опять не стало места в человеческой среде этим несчастным. Их опять люди изгоняли из своей среды и заключали в места более безопасные и надежные. Потребовались новые

усилия ученых, новые разъяснения и новые разоблачения и внедрения в обществе истинных и человеколюбивых данных и сведений о положении несчастных сумасшедших. Выяснилось, что на свете существуют сумасшедшие преступники и преступные сумасшедшие. Первые, будучи душевнобольными, под влиянием своих обманов чувств и ложных идей, могут совершать такие деяния, кои для общества могут быть опасными, вредными и ужасными. Такие деяния являются случайными и с излечением болезни они прекращаются, а сами люди по-прежнему представляются людьми и правоспособными, и дееспособными, и ответственными за свои деяния и поступки. Люди второй категории – преступные сумасшедшие – являются таковыми от рождения и остаются таковыми же пожизненно. В их духовном бытии уже от рождения отсутствовали понятия о любви к Богу, родине и человечеству, обществу, семье, даже к отцу, матери и детям. Эти люди являлись органическими эгоистами.

На почве изучения этого проявления человеческого рода возникло учение о нравственном помешанном (moral insanity) и прирожденном преступнике (l'uomo deliquente). Дальнейшие исследования показали, что нравственно-помешанный и прирожденный преступник почти одна и та же особь человеческого рода – это был важнейший пункт, где учение о душевных болезнях и уголовное право пришли в близкое соприкосновение и медицина и юриспруденция подали друг другу руку.

Дальнейшее тщательное изучение природы и свойств нравственно-помешанного и прирожденного преступника показали, что оба эти явления представляются присущими человеку от рождения и почти всегда сопровождаются множеством явлений физического и душевного вырождения. Так, замечено, что прирожденные преступники часто проявляют эпилепсию, импульсивные явления, склонность к судорожности и вообще близкую связь с различными другими неврозами.

В это время некоторые невропатологи, занимаясь изучением связи неврозов и психозов, дозволяли себе отнести и проявления гения к области неврозов (Moreau de Tours). Принимая во внимание тесную связь и частое соприкосновение сумасшествия, преступности, эпилепсии и нейрозов, некоторые увлекающиеся исследователи отнесли к этой же группе и гений. Насколько такое сопоставление правильно – увидим из дальнейшего изложения.

Глава II

Проявления гения известны с древнейших времен. Древние

греки этим именем обозначали особый дар богов, особое, превышающее обычное, проявление ума, энергии и душевной жизни. Гений Пифии дозволял ей предугадывать и предсказывать будущее. Гений Сократа вдохновлял его к разрешению великих мировых вопросов; гений Гомера дал ему возможность воспеть великие события. Другие великие люди древней Греции тоже были воодушевляемы божественным гением.

Прошли века. Изменились нравы. Проявления гения от времени до времени вспыхивали, но взгляд на них общества изменился. В средние века слово «гений» исчезает из употребления и заменяется выражениями: «дар Божий», «люди, одаренные Богом», «искра Божия» и проч. С возрождением науки и искусств и установкою надлежащего взгляда на науку и ее значение – гений вновь появляется и занимает надлежащее место.

Но что такое гений? Определений гения существует много, едва ли, однако, хотя одно из них охватывает и определяет точно все то, что совмещается в проявлении гения. Kant определяет гений так: «Гений есть способность создавать то, к чему нет определенных правил… Все единогласно признают, что гений есть полная противоположность подражанию. Так как учиться есть нечто иное, как подражать, то и величайшая способность к изучению не может быть признана гениальностью».

Schopenhauer говорит: «гений состоит в значительном развитии способности познания, развитии, превышающем потребности воли, – эссенция гения, следовательно, состоит в анормальном эксцессе интеллекта, единственное применение которого выражается познанием главного и общего, что есть в существе. Таким образом он посвящается на пользу и служение всему человечеству, подобно тому, как обычный интеллект служит на пользу только данного индивида. Состояние, необходимое для полной отвлеченности интуиции, требует совершенства мозга и всего того, что в физиологической конституции благоприятствует его деятельности… Путем интуиции гений реализует бессознательное…» По мнению Шопенгауэра, воображение может быть пассивным и активным. Пассивное воображение есть точное воспроизведение перед нашими мысленными глазами хранящихся уже в нашей памяти образов; активное воображение к образам памяти, при воспроизведении, присоединяет результаты своих размышлений и сочетаний. Собственно говоря, это только кажется так, что оно создает, – на деле же оно только видоизменяет существующее. Такое активное воображение независимо от нас. Гений именно и обладает особенным даром, с помощью которого он создает то, что другим недоступно. Его воображение увеличивает поле

зрения и область мышления гения и выводит его за пределы доступного обычному человеку мира. Однако активное воображение есть только дополнение к гению, – создать же гений оно не может. Во всяком случае, эта высокая способность не заключает в себе ничего анормального и экстрафизиологического. Гений не есть чудовище или выродок…

Seailles говорит следующее: «Гений развивается подобно жизни и одновременно с нею усилиями нескольких последующих поколений, приобретения которых, передаваемые наследственно, он видоизменяет и совершенствует».

Regnard производит слово гений от gignere – gigno, что значит – порождать, производить. Главное свойство гения совершенствовать прежнее и созидать новое. Открытия бывают случайные и производимые путем продолжительного мышления и логических операций. Гению присущи именно последнего рода открытия. Нужно, однако, дополнить, что данному открытию гения предшествуют открытия другого гениального человека и последним, как бы по преимуществу, дело ведется дальше и совершенствуется.

Laffit говорит, что великий человек тот, кто разрешает для последующих поколений задачи будущего. Однако эта формула более или менее правильна по отношению к гениям науки, но не к гениям искусства и высокого художественного творчества.

Carlyle говорит следующее: «Всемирная история, история того, что совершил человек в этом мире, в сущности есть история великих людей, потрудившихся здесь на земле. Эти великие люди были вождями человечества, образователями и образцами и, в широком смысле, творцами того, что вся масса людей вообще стремилась осуществить, чего она хотела достигнуть; все, содеянное в этом мире, представляет в сущности внешний результат, практическое осуществление и воплощение мыслей, принадлежащих великим людям, посланным в этом мире». Великий человек – это «источник жизненного света, близость которого всегда действует на человека благодетельно и приятно. Это свет, озаряющий мир, свет, освещающий тьму мира. Это не просто возжженный светильник, а, скорее, – природное светило, сияющее, как дар неба, – источник природной оригинальной прозорливости, мужества и героического благородства, распространяющий всюду свои лучи, в сиянии которых всякая душа чувствует себя хорошо».

Гете пишет Шиллеру: «Все, что создает гений, создает бессознательно и никакое гениальное творение не может быть усовершенствовано простым размышлением, но сам гений, продолжительно размышляя, может подняться до такой высоты,

чтобы создать совершенные творения». Шиллер в этом направлении добавляет: «Если отдельные мысли гения противоречат нашему пониманию, то это не должно вызывать нашего опровержения, ибо в общем сочетании они могут оказаться и необыкновенными».

Придавая такое высокое значение гению, должно принять во внимание, что появлению гения должны благоприятствовать известные жизненные условия. Regnard говорит: «Великие люди есть плод нации и горе тому народу, который их больше не порождает. Горе и тем народам, которые родят великих людей, но их не признают!.. Главная характеристика гения – вдохновение. Гений заключается не в разуме, не в понимании, а в том особенном откровении и вдохновении, при помощи которого он открывает нам тайны всего мира».

Шопенгауэр добавляет: «не разумом, не усилиями и не напряжением познаются великие истины, а моментальным провидением. Так творили Ньютон, Лавуазье, Гете и др. Великое открытие есть создание момента, неожиданное прозрение, а не следствие абстрактных размышлений. Разумеется, рассуждения нужны, но они являются уже приправой и укреплением мысли, для большей ясности, при передаче публике».

Regnard говорит следующее: «Гений есть результат совершенной функции усовершенствованного мозга, наиболее тонким проявлением которой будет гениальная интуиция или вдохновение. Он не стоит вне логики жизни, но, подобно редким и поражающим цветам, изредка появляется среди миллионов обыкновенных цветов; гений, являясь среди человечества, представляется его красою и расцветом».

Во всем вышеизложенном гений представляется высшим душевным даром, являющимся украшением и славою человечества, его совершенством и мощью, его светом и красотою. Гений является плодом человечества, работающим в свою очередь на благо и пользу всего человечества.

Глава III

Но вот в учении о гении является новый оттенок, сближающий его с болезнью и ставящий его едва ли не в область проявления самой болезни. Невольным виновником такого взгляда послужил Moreau de Tours. Мы приведем в полной выдержке все сказанное о гении этим писателем.

> «Гений есть высшее проявление, пес plus ultra мыслительной деятельности – нейроз? Почему нет?…

> Нам кажется вполне возможным это определение, но без того, чтобы этому слову придавалось столь же абсолютное значение, как в том случае, когда дело касается различных видов нервных организмов, в данном случае слово нейроз употребляется как синоним возбуждения умственных способностей. Мы говорим – „возбуждения“, а не расстройства или изменения. Слово нейроз в данном случае указывало бы только на особенное расположение этих способностей, – состояние хотя и физиологическое, но переходящее уже границы его и касающееся состояния противоположного, что, впрочем, прекрасно объясняется болезненным свойством его происхождения… Гений, как и всякое состояние умственного динамизма, необходимо имеет свою материальную подкладку. Эта подкладка есть полупатологическое состояние мозга, нервный эретизм… Когда душевные силы превышают границы обычной их деятельности, как в наиболее высших, так и в наиболее низших проявлениях, всегда нужно искать причину этого в известном расположении, в большинстве случаев обусловливаемом наследственностью… Определяя гений словом нейроз, мы только выражаем факт чистой физиологии и подчиняем законам органическим психологическое явление, которое почему-то всегда считалось чуждым этому закону (p. 467). У большинства великих людей, в ущерб другим органам, мозг концентрирует, в силу наследственного или приобретенного расположения, наибольшую часть нервной энергии» (p. 471).

Таким образом, Mereau de Tours, применяя к состоянию гения термин нейроз, не желал придать ничего нелестного и неприятного для высокого проявления душевных свойств и качеств; напротив, этим он хотел выделить особенное, необыкновенное и экстраординарное возбуждение умственных сил и энергии. Тем менее была мысль о том, чтобы гений причислить к сумасшествию. Многие из дальнейших писателей не придали такому определению гения того понижающего значения, каковое придал Lombroso и некоторые его последователи.

Joly признает отличительным признаком гения дар творчества, причем, однако, «великий человек не бывает великим во всем и во всякое время; его гений проникает собою далеко не все, что он делает; потому что, по выражению Паскаля, если его голова и поднимается далеко выше наших, то зато ноги его стоят

так низко, как и ноги самых малых из нас… Гений может являться во все времена и у всех народов, но чаще всего гений является в моменты основания и организации новых устоев, т. е. в такие моменты, когда основатели имеют возможность обратиться с успешным призывом к усердию хотя некоторого числа сочувствующих приверженцев. Возвышаясь над окружающей его средою, великий человек почерпает, однако, из нее тысячи впечатлений, которым он придает большую ясность, продолжительность и силу, облекая их в яркие образы собственной фантазии, – тысячи поползновений и мимолетных желаний, которые он делает при свете этих образов более настойчивыми и последовательными и превращает в твердые, выдержанные акты воли, – наконец, тысячи энергий, правда рассеянных и беспорядочных, быстро замирающих на полпути и несогласных друг с другом, но которые он собирает вместе, организует в связное целое и доводит до того, что заставляет их всех согласно содействовать выполнению одного великого замысла» (24).

Обращаясь к наследственным и семейным качествам великих людей, нельзя не сказать, что гений представляет, очевидно, как бы кульминационный пункт того рода, из которого он вышел, и потому чрезвычайно редко случается видеть, чтобы два великих человека следовали друг за другом в одной и той же семье, если же природа иной раз и производит непосредственно после одного гения другую замечательную натуру, то эта натура почти всегда в женской форме. Такова сестра Петра Великого – София. Сестра Наполеона I, Элиза, по мнению Юнга, обладала вполне характером брата… Наблюдения далее показывают, что великий человек наследует, по-видимому, в большинстве случаев натуру скорее от матери, чем от отца… Во все времена люди толпы поражались теми оригинальностями, как бы ненатуральными, резко бьющими в глаза особенностями, которыми так часто отличаются гениальные личности… Великий человек оказывается в каждый момент жизни настоящим рабом прошлого и послушным орудием слепых причин, окружающих и давящих его со всех сторон; а все проекты, замышляемые им для будущего, определяются настоящими его идеями; эти же последние представляют сами не что иное, как общий результат разных физиологических, социальных и исторических причин, действия которых соединились между собою и, так сказать, сосредоточились и воплотились в личности великого человека (106). Гениальный человек налагает на себя привычку – быстро организовать свои предвидения, не пропускать ни одного факта, не дозволять совершиться ни одному явлению, без того чтобы не

найти им сейчас же надлежащего места, где каждый из них мог бы всего лучше содействовать постепенному обнаружению искомой истины или успешному достижению желательного практического результата (133). Нет никакой возможности допустить, чтобы в области великих изобретений, произведений и дел взаимные сочетания их отдельных частей оказывались всегда лишь делом простого случая или результатом сильной и неразумной необходимости, не сознаваемой самим деятелем. Мы верим, что построению целого предшествует всегда черновой его набросок и что у великих умов этот набросок есть в то же время и модель будущего произведения, так как все существенные черты имеются уже налицо (138)… Всякое великое произведение, великое дело, великий замысел – всегда предполагают обладание значительным числом идей и ясное понимание существующих между ними отношений, – понимание, дозволяющее охватывать их одним общим взглядом в течение более или менее продолжительного времени (160). Гений оценивает важность своих замыслов не по одному лишь идеальному их величию, но также по возможности осуществления их в действительной жизни и по прочности тех результатов, которые должны явиться следствием этого осуществления» (163).

Таков взгляд Joly на гения. Если он не вдается в ту крайность, которая признает в гение нейроз и патологическое состояние, то, с другой стороны, он стремится отрешиться и от другой крайности, допускающей в гении слишком много бессознательного и отвлеченного. Joly стремится стать на реальную почву и рассмотреть гений как человека, но человека великого и мощного, с обычным умом, но превышающим обычный ум количественно и качественно.

Такого натуралистического взгляда на гений держится и Нордау. «Гений представляет из себя необычайное проявление жизни, резко отличающееся от обычных форм. Он основывается на особом развитии одного или нескольких, а иногда даже всех нервных центров. Благодаря этому гений выполняет с необыкновенным совершенством род деятельности, подведомственный его высоко развитым центрам. Его выполнение нельзя сравнить с попытками средних людей, несмотря на то, что они путем упражнения возвели свои соответствующие центры на возможно высокую степень, доступную их организации. С чисто физиологической точки зрения следовало бы причислить к гениям каждого человека, центры или даже ткани которого отличаются особым развитием, превосходящим нормальную меру (190).

Гений, существенная особенность которого заключается в

умении самобытным образом перерабатывать впечатления внешнего мира, является продуктом высшего «органического развития; клавиатура его мозга обладает как бы лишней октавой. Никакое прилежание, никакие упражнения не могут дать обыкновенному человеку эту лишнюю октаву, потому что она зависит только от конструкции инструмента (45). Средний человек смотрит на мир только через посредство гения, в глазах которого он видит отражения жизни… Гений своими интеллектуальными усилиями, ему одному присущими, перерабатывает внешние впечатления в произведение искусства, понятное всем прочим людям… Обыкновенный человек думает, чувствует и действует так, как предварительно думал, чувствовал и действовал гений… Гениальность основывается на исключительном превосходстве высших, одному человеку присущих центров, функцией которых является мысль и воля. Эти две способности возвышают человека над прочим животным миром, а высшее, исключительное их развитие дает нам гения (106). Гений способствует прогрессу человечества. В нем впервые появляются новые функции, основанные, разумеется, на видоизменении мозговых тканей; а затем мало-помалу это изменение делается общим видовым признаком целой группы людей (74). Иерархия гениев представляется в таком виде: самыми выдающимися гениями будут те люди, которые соединяют в себе гениальность мышления с гениальностью воли. Это люди дела, создающие историю народов, придающие нациям ту или другую интеллектуальную и материальную физиономию и направляющие течение событий в заранее определенное русло. Это великие законодатели, основатели государств, преобразователи, вводящие в жизнь свои ясно обдуманные улучшения, наконец, действующие по внушению своего глубокого мышления, а не по чужому, смутно понимаемому приказу… Вторую категорию занимают гении мышления: исследователи, экспериментаторы и изобретатели. К третьей категории принадлежат гении чистой мысли, обладающие слабо развитой волей. За этими категориями следуют эмоциональные гении, отличающиеся от обыкновенных людей только силою автоматических процессов, а вовсе не личной оригинальностью. Среди эмоциональных гениев первое место принадлежит поэтам, затем следуют художники, скульпторы, музыканты и т. д. (126–130).

Hirschl полагает, что со словом гений нельзя связывать определенного физиологического представления. Может быть гений ученого, гений полководца, гений поэта и т. д., но нет гения вообще. Все гении имеют между собою нечто общее, но это

не касается самого гения. Гений не одинаково проявляется у художников и ученых. У первых творчество является плодом вдохновения, к которому впоследствии уже присоединяется мысль; у ученых гениальным открытиям предшествуют продолжительные размышления, поэтому гений художника и гений ученого неодинаковы и измеряются различными мерками. Строго говоря, гениальная деятельность не есть нечто своеобразное, отдельное от деятельности обычных людей, психологический процесс и в том и в другом случае тот же, – но степень интенсивности иная, а потому трудно сказать, где лежит граница обычного и где начинается гений».

Таким образом, и Hirschl стремится низвести гений только на разницу в количестве и качестве или интенсивности мозговой деятельности обычного человека и гениального.

Prof. Flechsig говорит, что с гением всегда неразрывно связаны особое строение и особая организация… Благодаря сильному развитию отдельных частей мозга, у гениальных людей несколько нарушается обычная пропорциональность, наблюдается некоторого рода несоразмерность частей мозга, чаще, однако, у гениев искусства, чем столпов науки… Мозг гениальных людей расчленен больше, обладает более нежной организацией, составляет более совершенный механизм, который уже числом важных для духовного развития элементарных частей превосходит мозг простого смертного. В силу такого богатства элементами духовной деятельности мозг гения без всякого вредного болезненного перевозбуждения работает несравненно энергичнее и живее мозга обыкновенных людей… Гений отнюдь нельзя подвести под тип вырождения, мы должны в нем видеть шаг к созданию высшего типа, в том смысле, как это понимает эволюционное учение. Реализм Lombroso пошел слишком далеко. Он низводит гений до состояния сумасшествия. Исходною точкою его произведений были мысли, высказанные Moreau de Tours. Несмотря на то что Lombroso не стесняется сам своему произведению «о гениальности и сумасшествии» воспевать хвалебные гимны в своих предисловиях, абсурдность его доводов и соображений до такой степени ясна, что едва ли требует особенных усилий для своего выяснения. Постараемся передать подробнее содержание творения Lombroso. Не дав точного определения тому, что он разумеет под именем гения, Lombroso сразу переходит к указанию сходства гениальных людей с помешанными. «Многие из великих мыслителей подвержены, подобно помешанным, судорожным сокращениям мускулов и отличаются резкими, так называемыми хореическими движениями». В пример приводятся: Ленау, Монтескье, Наполеон

I, Петр Великий, Кардучи, Ампер. «Известно, что обычный состав урины заметно изменяется после маниакальных приступов; то же самое наблюдается и после усиленных занятий… (Увеличение выделения фосфорнокислых соединений и мочевины.) На основании этого нового подтверждения закона о равновесии между силой и материей, управляющего всем миром живых существ, можно вывести и другие, более изумительные, аналогии, напр., седина и облысение, худоба тела, а также плохая мускульная и половая деятельность, свойственная всем помешанным, очень часто встречаются и у великих мыслителей. Мыслителям, наравне с помешанными, свойственны: постоянное переполнение мозга кровью, сильный жар в голове и охлаждение конечностей, склонность к острым болезням мозга и слабая чувствительность к холоду и голоду. О гениальных людях, точно так же как и о сумасшедших, можно сказать, что они всю жизнь остаются одинокими, холодными, равнодушными к обязанностям семьянина и члена общества… Те из гениальных людей, которые наблюдали за собою, говорят, что под влиянием вдохновения они испытывают какое-то невыразимо-приятное лихорадочное состояние, во время которого мысли невольно родятся в их уме и брызжут сами собою, точно искры из горящей головни. Наполеон говорил, что исход битвы зависит от одного мгновения, от одной мысли, временно остававшейся бездеятельной, при наступлении благоприятного момента она вспыхивает подобно искре, и в результате является победа… Таким образом, величайшие идеи мыслителей, подготовленные уже полученными впечатлениями и в высшей степени чувствительной организацией субъекта, родятся внезапно и развиваются настолько же бессознательно, как и необдуманные поступки помешанных. Этой же бессознательностью объясняется непоколебимость убеждений в людях, усвоивших себе фанатически известные убеждения. Но как только прошел момент экстаза, возбуждения, гений превращается в обыкновенного человека или падает еще ниже, так как отсутствие равномерности (равновесия) есть один из признаков гениальной натуры… Не подлежит никакому сомнению, что между помешанным во время припадка и гениальным человеком, обдумывающим и создающим свое произведение, существует полнейшее сходство… Многие из даровитых и гениальных людей злоупотребляли спиртными напитками… Замечено, что почти всегда великие создания мыслителей получают окончательную форму под влиянием какого-нибудь специального ощущения… Но ведь так же известные ощущения вызывают помешательство или служат исходной точкой его, являясь иногда причиной самых страшных припадков бешенства… Разница физиологии

гениального человека от обыкновенного заключается в утонченной и почти болезненной впечатлительности первого. По мере развития умственных способностей впечатлительность растет и достигает наибольшей силы в гениальных людях, являясь источником их страданий и славы. Эти избранные натуры более чувствительны в количественном и качественном отношениях, чем простые смертные, а воспринимаемые ими впечатления отличаются глубиною, долго остаются в памяти и комбинируются различным образом. Мелочи, случайные обстоятельства, подробности, незаметные для обыкновенного человека, глубоко западают им в душу и перерабатываются на тысячу ладов, чтобы воспроизвести то, что обыкновенно называют творчеством, хотя это только бинарные и квартенарные комбинации ощущения… Болезненная впечатлительность порождает также и непомерное тщеславие, которым отличаются не только люди гениальные, но и вообще ученые, начиная с древнейших времен; в этом отношении и те и другие представляют большое сходство с маньяками, страдающими горделивым помешательством… Все, кому выпадало на долю редкое счастье жить в обществе гениальных людей, поражались их способностью перетолковывать в другую сторону каждый поступок окружающих, видеть всюду преследования и во всем находить повод к глубокой, бесконечной меланхолии; уныние, застенчивость, эгоизм – вот жестокая расплата за высшие умственные дарования, которые они тратят… Иногда чувствительность делается односторонней, сосредоточиваясь на одном каком-нибудь пункте; вследствие этого как великих людей, так и помешанных чрезвычайно трудно убедить и разубедить в чем бы то ни было. И это понятно: источник истинных и ложных представлений лежит у них глубже и развит сильнее, нежели у людей обыкновенных, для которых мнения составляют только условную форму, род одежды, меняемый по прихоти моды или по требованию обстоятельств… Крайнее и одностороннее развитие чувствительности служит причиною и тех странных поступков, которые свойственны великим гениям наравне с помешанными. Подобным же образом объясняется, почему великие гении не могут иногда усвоить понятий, доступных самым дюжинным умам, и в то же время высказывают такие сильные идеи, которые большинству кажутся нелепыми. Дело в том, что большей впечатлительности соответствует и большая ограниченность мышления. Ум, находящийся в состоянии экстаза, не воспринимает слишком пустых и легких положений, не соответствующих его мощной энергии… Гений обладает способностью угадывать то, что ему не вполне известно… Самые

жестокие преследования гениальным людям приходится испытывать именно от ученых академиков, которые в борьбе против гения, обусловливаемой тщеславием, пускают в ход свою ученость, а также обаяние их авторитета, по преимуществу признаваемого за ними как дюжинными людьми, так и правящими классами, тоже по большей части состоящими из дюжинных людей… Но оригинальность, хотя почти всегда бесцельная, нередко замечается также в поступках людей помешанных, в особенности же в их сочинениях, которые только вследствие этого получают иногда оттенок гениальности. Между прочим, гениальные люди отличаются, наравне с помешанными, и наклонностью к беспорядочности и полным неведением практической жизни, которая кажется им такой ничтожной в сравнении с их мечтами.

Наблюдения Lombroso показали, что «психическое состояние помешанных изменяется под влиянием колебаний барометра и термометра. Полнейшая аналогия с этими явлениями замечается и в тех людях, которых природа более щедро одарила умственными способностями…» По его мнению, наиболее знойные месяцы и дни оказываются самыми плодовитыми не только для всей физической природы, но также и для гениальных умов. Для художественного творчества наиболее благоприятным месяцем оказывается май, за ним следуют сентябрь и апрель… Развитие умопомешательства совпадает обыкновенно с повышением температуры весною и летом и даже идет параллельно ему… Несомненно, раса, политические движения, свобода мысли и слова, богатство страны, наконец, близость литературных центров, – все это оказывает большое влияние на появление гениальных людей, но несомненно также, что не меньшее значение имеют в этом отношении температура и климат, причем особенно благоприятствуют горный климат и теплые места. «Общеизвестен также факт, что в горных странах жители более подвержены сумасшествию, чем в низменных. Кроме того, новейшие наблюдения доказывают, что эпидемическое безумие встречается гораздо чаще в горах, чем в долинах». Далее, Lombroso рассматривает влияние расы и наследственности на гениальность и помешательство, причем в первом отношении ограничивается только европейской расой. «Европейские евреи достигли такой степени умственного развития, что, пожалуй, даже опередили арийское племя… Кроме того, среди евреев даже более распространено общее образование, чем среди других наций, – они занимают выдающееся положение не только в торговле, но и во многих других родах деятельности, напр, в музыке, журналистике, литературе и в некоторых

отраслях медицины. Так, в музыке евреям принадлежат такие гении, как Мейербер, Галеви, Гузиков, Мендельсон и Оффенбах; в юмористической литературе: Гейне, Сафир, Камерини, Реверс, Колисс, Якобсон, Юнг, Вейль, Фортис и Гозлан; в изящной словесности: Ауэрбах, Комперт и Агилер; в лингвистике: Асколи, Мунк, Фиорентино, Луццато и др.; в медицине: Валентин, Герман, Гейденгайн, Шифф, Каспер, Гиршфельд, Штиллинг, Глугер, Траубе, Френкель, Кун, Конгейм и Гирш; в философии: Спиноза, Зоммергаузен и Мендельсон, а в социологии: Лассаль и Маркс… В то же время среди евреев встречается вчетверо и даже впятеро больше помешанных, чем среди их сограждан, принадлежащих к другим национальностям. Такая роковая привилегия еврейской расы осталась, однако, незамеченной со стороны антисемитов, составивших язву современной Германии (?). Если бы они обратили внимание на этот факт, то, конечно, не стали бы так негодовать на успехи, делаемые несчастной еврейской расой, и поняли бы, как дорого приходится евреям расплачиваться за *свое умственное превосходство* даже в наше время. Впрочем, вряд ли евреи были более несчастливы, чем теперь, когда они подвергаются преследованиям именно за то, что составляет их славу… Влияние наследственности в передаче помешательства сказывается вдвое сильнее и напряженнее, чем в передаче гениальных способностей… Не говоря о многих гениях, страдавших галлюцинациями более или менее продолжительное время, как Андрал, Челлини, Гете, Тоббс, Грасси, или потерявших рассудок в конце своей славной жизни, как, напр., Вико и др., немалое число гениальных людей было в то же время и мономаниаками или всю жизнь находились под влиянием галлюцинаций, как Мотанус, Гаррингтон, Галлер, Ампер, Мендельсон, Форини, Бругэм, Соути, Гуно, Говоне, Гуцков, Монж, Фуркруа, Лойд, Купер, Роккиа, Риччи и др. Доказав тесную связь гения с сумасшествием фактами развития душевных болезней у гениальных лиц, Lombroso прибегает к обратному методу – примерам гениев между помешанными. Воспользуемся его примерами: «Многие из моих учеников помнят того душевнобольного Б., теперь уже выздоровевшего окончательно, которого смело можно было назвать гением, вышедшим из народа. Он перепробовал все профессии: был звонарем, слугой, носильщиком, продавцом железных изделий, трактирщиком, учителем, солдатом, писцом, но ничего его не удовлетворяло. Он составил для меня свою биографию и так хорошо, что если исправить некоторые орфографические ошибки, то она годилась бы в печать, а с просьбою отпустить его из больницы Б. обратился ко мне в стихах, весьма недурных для простолюдина. Некий В.,

лишившийся рассудка вор, бросился бежать, воспользовавшись позволенной ему прогулкой. Когда его поймали и стали укорять, зачем он злоупотребил оказанным ему доверием, он отвечал: я хотел только испытать быстроту своих ног… Один старик 70 лет, совершенно беззубый, страдавший mania chronica, часто разыгрывал из себя шута, и когда мы укоряли его, находя это неприличным в такие лета, он возражает: что за лета мои, я совсем не старик, разве вы не видите, что у меня еще и зубы не прорезались». Затем Lombroso приводит подобные случаи душевнобольных поэтов, юмористов, артистов и художников. Проповедуя столь настойчиво тесную связь между гением и помешательством, в заключении своем Lombroso является очень осторожным и ограниченным: «… в физиологическом отношении между нормальным состоянием гениального человека и патологическим помешанного существует немало точек соприкосновения. Между гениальными людьми встречаются помешанные и между сумасшедшими гении. Но было и есть множество гениальных людей, у которых нельзя отыскать ни малейших признаков умопомешательства, за исключением некоторых ненормальностей в сфере чувствительности».

Глава IV

Lombroso считается авторитетом в области душевных заболеваний. Его мнение в этом отношении представляется серьезным и остальным приходится или подчиняться этому мнению и признать его правильным, или указать его несостоятельность. При всем моем постоянном уважении к представителям науки и их мнениям в научной области, я должен заявить, что не могу признать в данном случае мнение Lombroso ни правильным, ни научно обоснованным.

Нордау, которого едва ли можно уличить в пристрастном отношении к Lombroso, говорит следующее: «Мой знаменитый учитель Lombroso утверждает, что гениальность есть род эпилепсии, а потому, следовательно, здоровых гениев не бывает: все они ненормальны, все являются продуктами вырождения. Я полагаю, что подобное заблуждение коренится в традиционном и в то же время неточном понимании слова „гений“. Мы с непростительным легкомыслием называем гениями исступленных болтунов, изображающих из себя пророков и артистов и восхищающих своей неожиданной экстравагантностью самую тошнотную часть филистерской армии, а именно – патентованных эстетиков…» (p. 73).

Я умышленно привел мнение Нордау относительно

Ломброзо, как потому, что последний является первому учителем, так и потому, что Ломброзо для Нордау «знаменитый» учитель. И тем не менее Нордау не затрудняется признать его в данном случае заблуждающимся и легкомысленным. В самом деле, что такое Ломброзо называет гениальностью и кого он принимает гением. Точного определения гениальности он не дает, а право гения Ломброзо раздает столь щедрою рукою, что иногда задумаешься, читая произведение его, серьезно ли он это говорит или иронизирует. В самом деле, кого только он не титулует гением? Для доказательства приведем пример. Касаясь влияния расы и на гениальность, он с особенным смаком занимается восхвалением и превозношением еврейской расы. Это выходит его избранный народ, и Ломброзо, как второй Иегова, награждает детей этого народа гениальностью чуть не поголовно. Я не считаю себя компетентным высказывать мнение относительно права на гениальность лиц, выставленных Lombroso в области литературы: Гозлана, Фартиса, Вейля, Лонга, Якобсона и др., но позволяю себе остановиться на именах медиков из евреев, причисленных Ломброзо к лику гениальных, – они суть: Валентин, Герман, Гейденгайн, Шифф, Каспер, Гиршфельд, Штиллинг, Глугер, Лауренс, Траубе, Френкель, Кун, Конгейм и Гирш. Откровенно говоря, большинство из этих писателей, если бы могли прочитать этот панегирик гениальности себе со стороны Ломброзо, то, наверное, покраснели бы и за себя и за развязность Ломброзо, бесцеремонно навязывающего всякому ученому еврею, хотя бы он был самою обыкновенною посредственностью, гениальность. Во всяком случае, если кого из всей этой плеяды еще можно было бы отнести к гениям, то разве только Гейденгайна, все же Валентины, Глугеры, Лаурены, Френкели, Куны и проч. представляют собою самые обыкновенные величины, каких на каждом шагу можно встретить и между учеными из французов, русских, поляков, чехов, немцев и т. д.

Или же, исходя из фактической стороны, выставленной Ломброзо, гениальным человеком можно считать всякого, более или менее образованного человека, что совершенно расходится с понятием, установившимся у общества о гении…

Таким образом мы полагаем, что у Ломброзо основная и исходная точка зрения является неправильною и ошибочною; не давая точного определения гению, он слишком расширяет рамки его, делает это для того, чтобы набрать побольше фактов, причем сами факты являются далеко не доказательными. Обратимся к фактам Ломброзо.

Прежде всего Lombroso отмечает тот факт, что многие из великих мыслителей подвержены, подобно помешанным,

судорожным сокращениям мускулов и отличаются резкими, так называемыми хореическими, движениями. Что многие гениальные люди подвержены были судорожным сокращениям – это верно и доказывает вполне то положение, что они носили в себе нейроз. С этим положением, если бы только оно было выражено, можно было бы еще согласиться. Но Lombroso далеко не это хочет сказать. Напротив, он утверждает, что эти великие люди подвержены были судорожным сокращениям, так называемым хореическим движениям, *подобно помешанным.* Вот это последнее совершенно неправильно. Всякий читатель, незнакомый с медициной, может подумать, что судорожными хореическими подергиваниями страдают все помешанные. Естественно при таком ошибочном допущении невольно возникает сближение между гением и помешательством. На деле судорожные хореические явления у помешанных – явление весьма и весьма редкое. Они бывают у хореических помешанных, а хореическое помешательство едва ли не реже, чем гений; они весьма редко бывают у идиотов и столь же редко у маньяков. Между судорожным подергиванием гениев и дрожью прогрессивных паралитиков едва ли даже можно проводить параллель. Таким образом, судорожные хореические подергивания у душевнобольных явление весьма и весьма редкое и фраза г. Ломброзо «подобно помешанным» не должна смущать читателя и на деле никак не может породить аналогии между спазмами гениев и судорожными подергиваниями помешанных.

Далее, Lombroso ставит в параллель изменения в урине маньяков и гениев и находит не только между ними аналогию, но даже подтверждение закона равновесия между силой и материей. Несомненно, что тщательные исследования обмена веществ могут служить большим разъяснением для закона равновесия между материей и силой, но должно сознаться, что эти исследования даже для нормы далеки от окончательно установившихся; они почти отсутствуют в области психопатологии и совершенно отсутствуют по отношению к гениальным людям. Туманные картины, рисуемые в сочинении Lombroso, плод его фантазии и до сих пор не имеют строго научных данных. На основании своих предположений Lombroso выводит доказательства не только для строгого закона равновесия, но и дальнейшие аналогии между гением и помешательством; именно, что «седина, облысение, худоба тела, а также плохая мускульная и половая деятельность, свойственная всем помешанным, очень часто встречаются и у великих мыслителей». Мне приходилось наблюдать и изучать десятки тысяч душевнобольных людей, и я решительно не могу сказать, чтобы поседение, облысение, плохая мускульная и

половая деятельность были свойственны всем помешанным, скажу больше: все эти явления у душевнобольных вовсе не чаще, чем у всех остальных людей, не содержавшихся в домах умалишенных. Судя по отношениям и личным встречам, едва ли также можно согласиться и с тем, чтобы и гениальные люди были особенно часто седы, лысы и импотенты. Мне кажется, что и эту аналогию Lombroso привел для красоты речи, а не для убедительности и доказательности, или же он слишком уже понадеялся на легковерие публики, запуганной фантастическими картинами мертвого дома.

Далее Lombroso говорит: «Мыслителям *наравне с помешанными* свойственны: постоянное переполнение кровью мозга, сильный жар в голове, склонность к острым болезням мозга и слабая чувствительность к холоду и голоду». И здесь приводится фраза *наравне с помешанными.* Можно подумать, что все вышеуказанные явления прежде всего свойственны помешанным, а потом уже наравне с ними и великим мыслителям. Решительно нельзя не удивляться бесцеремонности обращения Lombroso с научными данными, могущей у людей незнакомых с делом породить к автору уважение, у людей же, ближе стоящих к делу, мысли совершенно обратные.

Кто хотя сколько-нибудь знаком со вскрытиями душевнобольных или хотя бы с литературою этого вопроса, тот никогда не скажет, что «всем душевнобольным свойственно постоянное переполнение мозга кровью». В мозгу душевнобольных можно встречать самые разнообразные картины: и переполнение кровью, и малокровие, и среднее количество крови, и множество других изменений. Выдергивать одно какое-либо патологическое явление, далеко не постоянное, ставить его общим и на нем строить аналогию двух явлений – едва ли научно и позволительно.

В этой же фразе г. Lombroso впадает даже в противоречие с собою. Он говорит, что мыслителям наравне с помешанными свойственна слабая чувствительность к холоду. Это не верно как по отношению к мыслителям, так и по отношению к душевнобольным. В книге самого же Lombroso мы находим целый ряд доказательств тому, что гениальные люди любят тепло и творят в тепле по преимуществу. Очень многие душевнобольные также слишком чутки к холоду и требуют тепла.

Lombroso говорит: «О гениальных людях, точно так же, как и о сумасшедших, можно сказать, что они всю жизнь остаются одинокими, холодными, равнодушными к обязанностям семьянина и члена общества». Сказать о душевнобольных, что они всю жизнь относятся холодно и равнодушно к обязанностям

семьянина и члена общества, можно только по отношению к идиотам и отчасти к параноикам; по отношению же к остальным душевнобольным это неправильно и неверно, то же едва ли правильно и по отношению к гениям, – едва ли им можно приписать такие непорядочные свойства.

«Величайшие идеи мыслителей родятся внезапно, развиваются настолько же бессознательно, как необдуманные поступки помешанных». Если мы допустим даже аналогию между *мыслями* и *поступками,* то и тогда для всякого ясно, что бессознательность здравомыслящего человека и патологическая бессознательность помешанного резко разнятся между собою и проводить между ними параллель едва ли возможно. Далее Lombroso говорит: «Не подлежит никакому сомнению, что между помешанным во время припадка и гениальным человеком, обдумывающим и создающим свое произведение, существует полнейшее сходство», я же думаю, что между помешанным во время припадка и гениальным человеком, обдумывающим свое произведение, нет решительно никакого сходства, ибо у помешанного во время его припадка отсутствуют вовсе логика и мышление или они находятся в самом жалком положении, тогда как у гениального человека во время обдумывания своего произведения они находятся на высоте напряженности обычного мышления, превосходящей обычное мышление на столько же, на сколько гениальный ум стоит выше обычного ума.

Вот главные доводы Lombroso, на основании которых он стремится доказать сходство людей помешанных и гениальных. На наш взгляд, эти доводы весьма не доказательны и не убедительны, а обращение с научными данными слишком свободно и произвольно, чтобы не сказать еще большего.

Остается еще один довод Lombroso – тот, где он усматривает гениальность в помешанных. Но стоит только просмотреть приведенные нами примеры Lombroso, чтобы убедиться, что эта гениальность не превышает гениальности идиота.

Известный германский психиатр, проф. Flechsig, дает такой отзыв о данной теории Lombroso: «Здравомыслящий человек в идеях Lombroso видит нечто иное, как жалкую неудачную попытку заклеймить талант и втоптать в грязь все великое, и не решается придавать какое-нибудь значение мнениям таких *сомнительных авторитетов психиатрии…»*

Вообще все это произведение Lombroso производит на меня весьма странное впечатление и заставляет принять один из двух выводов: или я, как современник г. Lombroso, еще не дорос до понимания его гениального произведения, или я должен воскликнуть вместе с Максом Нордау: «Раввуни, ты

зарапортовался!»

Глава V

Теперь я позволю себе изложить мое личное мнение о том, что такое гений. Гений никоим образом не есть болезнь. Гений есть высшее и высочайшее проявление душевных сил у данного лица по сравнению с таковыми же лицами, равными ему по возрасту, общественному положению, национальности и географическому положению. Это есть высочайший расцвет умственных и душевных сил и мощи. Это есть краса и честь семьи и общества, государства и человечества. Гении не создаются, а родятся. Ни воспитание, ни образование, ни другие условия жизни не могут из данного лица создать гения, если он к тому не имеет природных дарований. Для того чтобы явиться гением, нужно от природы иметь к тому особенное предрасположение, которое должно состоять в полнейшем, совершеннейшем, наивысшем развитии нервных элементов центральной нервной системы и периферических ее окончаний, во всей ее полноте или частично. Отсюда и гении могут быть или полными гениями, или обладать гениальными дарованиями в одном или нескольких направлениях. Таким образом, центральная нервная система гения, как орган ума и души, не в болезненном состоянии должна находиться, а представлять по строению своих нервных элементов наивысочайшее совершенство нормы как по строению нервных клеток, так и по соотношению отдельных частей и частиц их и по питанию их. Мало того. В мире все должно совершенствоваться, развиваться и прогрессировать. Нервные элементы центральной нервной системы гения будут представлять собою прогресс развития для данного человечества; а потому они будут совершеннее, полнее и наитончайше устроены, чем у остальных людей. Ввиду такого совершенства устройства нервных элементов нервной системы гения и отправления ее, т. е. ум и душевные силы, должны быть выше, полнее, мощнее и совершеннее, чем у остальных лиц. Высота и совершенство этих душевных способностей будут стоять в тесной связи с высотою, совершенством и преобладанием над обычным уровнем центральной нервной системы. Отсюда следует, что гении бывают не одинаковы: одни больше, другие меньше, – одни полнее, другие ограниченнее. Такая разница прежде всего, но не единственно, зависит от совершенства строения нервных элементов центральной нервной системы. Но если такое предрасположение центральной нервной системы, дарованное природою и унаследованное от рождения, не получает для своего

проявления надлежащих жизненных условий: воспитания, условий жизни, надлежащей обстановки и проч., то из такого человека и не будет гения, а только человек со странностями. Трудно оспаривать то положение, что гении в одинаковой мере принадлежат отдельным расам, национальностям и народностям. Скорее всего можно допустить, что все нации и расы получают гениальность более или менее равномерно. Гении в одинаковой мере появляются и между славянами, как и между немцами, французами, англичанами, итальянцами, монголами, неграми и проч. Но несомненно, что качества гениальности не одинаковы для отдельных национальностей и чем выше стоит в культурном отношении нация, тем выше и совершеннее будет ее гений. В этом отношении, по справедливости, первенство должно падать на долю французов, затем на долю немцев и англичан, далее на долю славян и итальянцев и т. д. Следует, однако, добавить, что на развитие и направление гения должны иметь влияние не только степень и совершенство развития народности, но и вековое ее направление в той или другой специальности. Так, во Франции больше должны появляться гении ума, тогда как в Италии – гении искусства и художества. На развитие гения могут иметь влияние не только уровень и обстановка данной национальности, но и таковые же других национальностей, стоящих в этом отношении выше. На гений Петра имели влияние не только общая среда, но общие душевные условия тех стран, которые он посетил; поэтому его гений неизмеримо выше современного ему русского уровня.

Если гений рождается в негритянской семье и его умственный кругозор не получит сведений дальше его народности, то этот гений только и будет гением для своей национальности и в наших глазах он будет представляться великим негром, как были великими монголами Тамерлан, Тохтамыш и Аттила. Но если негритянский гений получит общеевропейское образование и ознакомится с условиями жизни и быта европейских народов, то такой гений будет для нас великим человеком. Но, принимая во внимание влияние на человека его расы, мы должны допустить, что этот последний великий человек будет все-таки с оттенком негра, хотя бы получил и общеевропейское образование. Влияние расы сказывается весьма долго. Лучшим тому доказательством служат евреи. Недостаточно еврею принять христианство и жить в России, чтобы стать вполне русским. Пройдут десятки лет, может быть и десятки поколений, пока еврейская национальность превратится в русскую. И эта национальная особенность кладет свою печать одинаково как на обычного человека, так и на гения,

хотя на последнем на столько же меньше, на сколько его дарования выше общего уровня. Из этого вытекает еще положение: несправедливо издевательство над национальностями со стороны интернационалов. Национализм есть голос природы. Интернационализм имеет в основе своей или ханжество, или бравуру, или недомыслие, или увлечение.

Влияет ли на продукцию гения климат и географическое положение – трудно сказать. Можно думать, что богатство и полнота природных условий могут способствовать более частому развитию и появлению гения, хотя едва ли правильно отрицать возможность появления гения и на бедном севере.

Говорить о наследственности гения едва ли возможно. Гении не родятся подобно грибам. Они являются на миллионы людей и трудно себе допустить несколько гениев на одну семью, если не разуметь под гением самых обыкновенных людей. Замечено, однако, что огромное большинство гениев имеет в числе своих предшественников людей крайне впечатлительных: нервных больных и даже душевнобольных.

Давно уже говорят о том, что матери гениальных людей женщины умные и с характером, но трудно доказать, чтобы эти матери носили в себе нечто гениальное.

Гений проявляется преимущественно в мужчинах и если бывает присущ женщинам, то проявляется в них значительно в слабейшей степени. Шопенгауэр даже заявляет, что «женщины могут обладать значительным талантом, но женщины не бывают гениальны, так как они всегда субъективны…».

Замечено еще и то, что в той же семье рядом с гением иногда попадается и другое даровитое лицо, но далеко пониже своего даровитого брата, и притом почти всегда сестра. Такова была София у Петра Великого, Элиза у Наполеона и т. д. Наконец, замечали и то, что в семьях гениальных людей часто ютится эпилепсия, истерия и идиотизм. Во всяком случае, далеко не редкость – факт, что наряду с гениальностью в семье ютятся умственная убогость и тупоумие. В этом отношении существует довольно остроумная гипотеза. Говорят, что всякой семье присуща известная сумма умственных и душевных сил, которая переходит от поколения к поколению по приемству и распределяется между членами семьи более или менее равномерно или в известном соотношении. Но бывают случаи, когда одно лицо данной семьи получает дарования с слишком большим избытком, совершенно нарушающим общий баланс и экономию семейной энергии; тогда остальные члены семьи, иногда даже в нескольких поколениях, будут представлять дефект, граничащий с тупоумием, недостатком нравственности,

эпилепсией и даже идиотизмом.

Первое детство гениальных людей часто связано с нервными заболеваниями в форме младенческого (eclampsia), судороги эти бывают при прорезывании зубов, во время лихорадочного состояния и проч.

В некоторых случаях наступают даже приступы эпилепсии, каталептического оцепенения и проч., но эти приступы не часты и даже единичны. Вся эта нервность в большей своей части – наследие семьи и в меньшей части – результат слишком большой нежности, тонкости и чуткости нервной системы, не выдерживающей неблагоприятного воздействия обычной среды.

В детстве эти люди почти всегда проявляют особенности, выделяющие их из среды сверстников. Эти особенности ничего не говорят о будущем детей, но отличают их настоящее. В большинстве случаев эти дети бывают одиноки, замкнуты, сосредоточенны и даже скрытны. Они неохотно идут в общество сверстников и предпочитают общество старших и взрослых. Среди сверстников они всегда господствуют, повелевают и не любят противоречия и ослушания. Обыкновенно такие дети отличаются прекрасными способностями и усвоение им дается легко; но они не любят учиться, тяготятся учением и исполняют его в силу необходимости. Между тем они не проводят времени в играх и шалостях. Все время они посвящают фантазии и воображению. Материал для своих фантазий они черпают меньшею частью из окружающей обстановки и рассказов и большею частью из книг, которые они проглатывают весьма охотно, делая преимущественно известный подбор.

Природные свойства этих детей отличаются утонченной и почти болезненной впечатлительностью. По мере развития умственных способностей, впечатлительность растет и достигает наибольшей силы в гениальных людях. Эти избранные натуры более чувствительны в количественном и качественном отношениях, чем простые смертные, а воспринимаемые ими впечатления отличаются глубиною, долго остаются в памяти и сочетаются весьма разнообразно. Мелочи, случайные обстоятельства, подробности, незаметные для обыкновенного человека, глубоко западают им в душу и перерабатываются на тысячу ладов, чтобы воспроизвести то, что обыкновенно называется творчеством, хотя это только бинарная и кватенарная комбинация ощущения (Lombroso).

По мнению Шопенгауэра, гений должен обладать живым страстным темпераментом, физически проявляющимся необыкновенной энергией… Флегматический гений невозможен… Эти люди сохраняют на всю жизнь свойственную

юности способность восприятия ощущений, впечатлительности и отзывчивости, а вследствие этого и понимание жизни и интересов молодого поколения вполне им доступны. Между ними и жизнью, новым поколением, их старостью и наступившею юностью нет разделяющей пропасти. Они всегда живут в уровень с веками и даже впереди веков. С этою особенностью характера гениальных людей в связи стоит часто их наивность и отсутствие практичности. Если же они своими действиями и показывают основательность и прекрасную практическую приспособленность, то это скорее результат их интуиции, нежели опыта.

> «Возвышаясь над своей средою, великий человек почерпнет, однако, из нее тысячи впечатлений, которым он придает большую ясность, продолжительность и силу, облекая их в яркие образы собственной фантазии, тысячи поползновений и мимолетных желаний, которые он делает при свете этих образов более настойчивыми и последовательными и превращает в твердые, выдержанные акты воли, наконец, тысячи энергий, правда рассеянных и беспорядочных, быстро замирающих на полпути и несогласных друг с другом, но которые он собирает вместе, организует в связное целое и доводит до того, что заставляет их всех действовать согласно выполнению своего великого замысла…» (Joly). «Великий человек сам налагает на себя привычку – быстро организовать свои предвидения, не пропуская ни одного факта, не дозволяет совершиться ни одному явлению без того, чтобы не найти им сейчас же надлежащего места, где каждый из них мог бы всего лучше содействовать постепенному обнаружению искомой истины или успешному достижению желательного практического результата… Всякое великое дело, великое произведение, великий замысел – всегда предполагают обладание значительным числом идей и ясное понимание существующих между ними отношений, – понимание, дозволяющее охватывать их одним общим взглядом в течение более или менее продолжительного времени» (Joly). «Гений, существенная особенность которого заключается в умении самобытным образом перерабатывать впечатления внешнего мира, является продуктом высшего органического развития; клавиатура его мозга обладает как бы лишней октавой»
>
> *(Норday).*

В таком виде представляется нам душевная жизнь гения. Разберем на элементы эти общие выводы. Гении обладают необыкновенно утонченной чувствительностью как в количественном, так и в качественном отношениях. Это значит, что чувствительные восприятия гения несравненно богаче и несравненно совершеннее, чем обычного человека. Очевидно, их органы чувств воспринимали все нормы более тончайшие внешние раздражения, причем эти восприятия отличаются необыкновенною ясностью, точностью и полнотой. Естественный вывод из этого: количество впечатлений и количество ощущений у таких лиц будет несравненно большее, чем у обычных людей, причем эти ощущения столь же совершенны и качественно. Между тем мы знаем, что ощущения служат основою представлений, понятий и мысли. Ясно, что гении, по природе своей, являются людьми особенными, обладающими более усовершенствованными орудиями восприятия и ео ipso неизмеримо большим материалом для создания мысли и мышления. Эти люди будут людьми высшего порядка уже в своей основе знания и душевной жизни. При этом особенно важно помнить то, что данный избыток чувственных восприятий является не только *количественным,* но и *качественным,* ибо воспринимаемые гением ощущения отличаются не только богатством но и *ясностью* и *полнотою, глубиною,* а следовательно, и *сохранностью.*

Это первая важная и недосягаемая для обычного человека особенность гения. Эта особенность, если в нее хорошенько вдуматься, охладит многих смертных, мнящих себя гениальными людьми.

Вторая особенность гения – *необыкновенное внимание* или необыкновенная способность все видеть, все слышать, все схватывать, особенно в области того предмета, которым в данный момент мышление занято преимущественно. Всякая мелочь, всякий пустяк, всякое, по-видимому, ничтожное обстоятельство ими уловляется, подмечается, регистрируется и пускается в жизненный оборот, ибо весьма многое, что для простого глаза является мелочью и пустяком, в уме великого мыслителя может сослужить великую услугу. Жизненные факты нас убеждают, что такие именно пустяки послужили поводом к открытию великих законов и знаменитых открытий. Третья особенность гениальных людей – *необыкновенно быстрая способность сочетания ощущений и представлений и потому необыкновенно быстрый ход идей.* Такая способность является естественным последствием чрезмерного накопления материала – ощущений и представлений, – ибо чем меньше этого материала, тем слабее и медленнее должно

совершаться мышление, и чем обильнее этот материал, тем больше придет его в сознание в данную единицу времени.

Четвертая особенность гения – *несравненно обильнейшее и многостороннейшее сочетание мыслей, представлений и чувствований, чем у обычного человека,* т. е. необыкновенно богатое суждение или ассоциации идей. Эта особенность всецело проистекает из богатства материала в области чувства и представлений.

Кроме того, эти люди, в силу богатства посылок, обладают особенною способностью к обобщениям; в явлениях и обстоятельствах они видят не только таковые, но и следующий из них вывод, что доступно далеко не всем людям.

Отсюда сама собою вытекает пятая особенность гения – *оригинальность его выводов, самобытность, творчество, открытие новых законов, явлений, действий* и т. п. Чем больше посылок в суждении и чем совершеннее они сочетаются, тем вернее, оригинальнее и неожиданнее будут те выводы, к которым приходят эти люди. Все то, что до сих пор видели люди обычными глазами, при обычных условиях жизни, казалось таким, каким его считали все подобные люди. Но вот явился человек, который, при помощи особенных, ему одному свойственных, чувственных дарований увидел новые стороны предмета, посмотрел на него иными глазами и потому дал новые указания и новые разъяснения, которые с этих пор стали понятными и простым смертным людям. В процессе мышления и открытий гения нет ничего необыкновенного, сверхъестественного и экстраординарного. Каждому его открытию предшествует серьезное, обстоятельное и многостороннее изучение предмета. Гений изучает все прошлое, пользуется несравненно обильнее и богаче настоящим, сочетает его с прошлым и потому яснее и отчетливее провидит будущее, чем все его современники. Совершенно правильным является то мнение, что всякое гениальное открытие имеет в основе своей открытие гения, его предшественника, и, наверное, в будущем послужит основою для гения преемника. Мы обольщаем себя тою мыслью, что ряд гениальных открытий не оставит на земле ничего сокровенного и откроет нам все сущее и будущее.

При таком богатстве мышления и душевной жизни весьма естественно, что гении нередко не могут себе уяснить и понять самых обычных явлений, ибо они смотрят на них более совершенными глазами. Отсюда также понятны и те явления, что гений, по-видимому, нередко впадает в противоречия и непоследовательность с самим собой; но это будет не противоречие и не непоследовательность гения, а непонимание

его окружающими. В сущности же гений последователен и прав, но только он держится такого направления и такого образа действий, который простым смертным мало понятен и мало доступен. Его система – собственная система и, действительно, «горе тому народу, который не признает и попирает своих гениев».

Поступки и действия гениальных людей часто кажутся дикими, странными, даже нелепыми и ненормальными, но не потому, чтобы они действительно были таковыми, а потому, что на пути выполнения их плана явились новые обстоятельства и новые сочетания, которые и заставили их переменить направление действия. Не порок и не недостаток в таких поступках заключается, а необыкновенная быстрота сообразительности, живости сочетания, меткость вывода и энергия выполнения, что, разумеется, скорее можно признать преимуществом, нежели недостатком гения.

Гениальные люди не эгоистичны. Их эгоизм заключается в выполнении их идеи. Они живут для своей идеи и своей идеей, вот почему в большинстве случаев их жизненная обстановка не блестяща, да они и не заботятся о ней. Они далеки от мелочей жизни и не интересуются жизненными удобствами.

Существуют направления в действиях и поступках людей основные и побочные, второстепенные. В выполнении основных направлений люди гениальные неуклонно настойчивы и непоколебимо исполнительны и последовательны; во второстепенных же направлениях они, напротив, крайне неустойчивы и изменчивы. Жизнь есть война с вечными и крайне разнообразными переменами боевых позиций. Всякий боец есть полководец, и тот останется победителем, кто, имея ясно и точно определенный план, сумеет в каждый данный момент свою боевую позицию поставить в неуязвимое положение, а последнее требует постоянных изменений и приспособлений.

Нося в себе и ясно сознавая свою умственную и душевную мощь и превосходство, естественно, что в жизни эти люди являются резко выделяющимися, как сознательно, так и бессознательно.

В силу своей необыкновенной жизненной энергии и деятельности такие люди крайне впечатлительны и раздражительны; часто переходят от одного намерения в другое и в этом отношении очень неустойчивы. В силу своей крайней чувствительности некоторые из них очень сильно реагируют на холод, почему любят тепло и могут работать только в тепле, этим объясняется, почему многие гениальные произведения творятся в летние месяцы и в жару. Гениальные люди часто бывают

раздражительны, вспыльчивы, своенравны и капризны. Иногда их раздражительность сопровождается нервными подергиваниями, судорожными тиками, судорогами и даже приступами эпилепсии, хотя очень нечастыми и неполными. Обычная жизнь и обычные удовольствия их мало удовлетворяют. Они больше живут своею жизнью и своею деятельностью и в них находят себе удовлетворение. Их деятельность необыкновенно велика, и в ней они не только не находят утомления, а, напротив, вечную поддержку, энергию и удовольствие. К людям они относятся соответственно своим основным жизненным воззрениям. С близкими людьми часто они бывают нетерпеливы и несносны, но не по душевной грубости, а по недостатку терпения и внутренней занятости. Собственно говоря, едва ли этих друзей можно назвать в полном смысле друзьями, alter ego, – так как великие люди стоят значительно выше своих друзей, – могут иметь их значительное количество и относиться к ним одинаково дружески – снисходительно, но не как к равным бессекретным друзьям. Ввиду значительного превосходства гениальных людей над их друзьями, ни тот, ни другие не находят себе удовлетворения. Зато врагов у гениальных людей, несомненно, несравненно больше, чем друзей. Шамфор правильно говорит, что «не так пороки мешают человеку иметь много друзей, как слишком высокие достоинства», ибо, по Бекону Веруламскому, «низшие добродетели встречают со стороны толпы похвалу, средние – удивление, высшие же не встречают никакого сочувствия». Любовь гениям присуща, как и всем людям, но только она проявляется несколько своеобразно. Они не признают в любви осадного положения, а предпочитают натиск и быстрое наступление. Они любят сильно, страстно, очень ревниво, но больше плотскою любовью. В свободные минуты жизни они проявляют любовь всей силою своей природной мощи, причем нередко доходят до геркулесовых столбов нелепости. Любовь Наполеона к Жозефине во время итальянских походов служит тому лучшим доказательством. Такова же была любовь Петра I к Екатерине. В своей любви они не ищут ответа ума и жизненной логики, а страсть и безграничную преданность. Они любят только в свободные минуты, но любят соответственно своей душевной мощи. Их сексуальная жизнь также проявляется урывками, то являясь сильно и страстно, то на время затихая. Иногда эта жизнь вспыхивает одновременно с усиленною умственною жизнью. Чувство любви к детям не чуждо и этим людям; напротив, они их любят нежно и сильно, но только в свободные минуты, так как все их время принадлежит их голове. Пища для них не составляет жизненной потребности, – они едят, потому что нужно есть, и

могли бы обойтись без этого удовольствия, если бы это было можно.

Сон непродолжителен. Засыпают они сразу, крепко спят, быстро просыпаются и моментально приходят в сознание. Но в свободные промежутки времени эти люди склонны к дреме во всякое время. Бывают, впрочем, лица, имеющие и плохой сон.

Нередко организм этих людей проявляет физические расстройства различных органов, частью унаследованные, частью происшедшие от небрежного отношения к своему здоровью, но все эти недуги переносятся весьма терпеливо и как бы шутя. Эти люди поражают своею неутомимою деятельностью и переходят от одного рода деятельности к другому как бы шутя, причем самая сильная является для них некоторым отдыхом. Обычные люди не могут следовать за деятельностью гениальных людей, быстро утомляются и даже расстраивают свое здоровье, тогда как они сами нисколько от этого не страдают. Одна из величайших особенностей их натуры – уменье подобрать сотрудников, это не значит, чтобы они всецело полагались на них, напротив, во всем и всюду они проявляют личное участие и содействие. Быстрота, разнообразие и неутомимость их деятельности поразительны, но еще поразительнее то, что эта деятельность во всем в целом является совершенною.

Одни из этих людей работают непрерывно и неустанно, другие, напротив, на время как бы замирают и затем, под влиянием вдохновения, творят, творят непрерывно, пока не изольют всего того, что ими открыто. Явствует, что одни гении как бы постоянно с вдохновением, другие же имеют наитие этого вдохновения и откровения как бы по временам. Последнее явление объясняется очень просто и имеет для себя аналогию и в обычной жизни. Каждому из нас, взявшись за работу, приходилось наталкиваться на такие вопросы, которые сразу не поддаются разрешению. Тогда мы на время вовсе оставляем в стороне вопрос. Но вот проходит две-три недели, месяц и даже два и вдруг вопрос вспыхивает в вашем сознании вполне ясно и определенно и вы его быстро передаете бумаге. Совершенно то же мы видим в творчестве и вдохновении гениальных людей. Этот последний вид творчества принято называть вдохновением, откровением, творчеством, интуицией.

Остановимся на этом вопросе.

В области восприятия у каждого человека кроме сознательно воспринимаемых ощущений существует еще целый ряд ощущений бессознательных, которые, однако, будучи восприняты, хранятся в нервных элементах, очевидно, превращаются в высшие проявления душевной деятельности, сочетаются с сознательными

проявлениями, участвуют в процессе суждения и, разумеется, отражаются на умозаключениях и выводах. Этим процессом участия бессознательных ощущений и представлений объясняется то разрешение трудных вопросов, которое мы составляем «вынашиванию» и созреванию. Как этот процесс совершается – трудно сказать, но он совершается и, несомненно, отражается на результатах мышления.

Можно думать, что количество бессознательной продукции, как и степень участия ее у различных людей, будут не одинаковы и различны. Естественно, что у гениальных людей, одаренных богато развитыми и усовершенствованными способами восприятия, и область бессознательного будет несравненно богаче и обильнее, чем у здорового человека, равно как и участие в процессе мышления будет полнее, обильнее и влиятельнее, а равно и влияние его на выводы, заключения и решения будет мощнее и заметнее. Это-то участие «бессознательного» в деле суждения и процесса созидания выводов и заключений и составляет процесс вдохновения, откровения, творчества и интуиции. Это не есть какой-либо особый дар, а только лишь обычное отправление физиологической функции, развитой у гениального человека столь же полнее и мощнее, как и все умственные способности сравнительно с общим уровнем. Так как участие бессознательной деятельности в процессе нашего суждения совершается помимо нашего ведома и нашего сознания, то его участие, сочетание и воздействие в общем процессе ассоциации представляется нам весьма странным и проявляется в виде откровения и чего-то мимовольного.

Наконец, должно упомянуть еще об одной особенности гениальных людей – необыкновенно развитой *фантазии* и воображении. Процесс фантазирования состоит в воспроизведении образов и картин реальных и действительно нами пережитых, но в сочетании, нами лично создаваемом и управляемом. Поэтому процесс фантазии рисует нам картины, отличные от имеющихся в природе, но, в частности, имеющие реальную основу. В этих образах фантазии особенно мощно и влиятельно участвует область бессознательного. Фантазия присуща каждому человеку, но у одних она проявляется больше, у других меньше, причем многое в данном случае зависит от упражнения и степени развития и участия области бессознательного. Гениальные люди очень часто имеют богатейшую фантазию по природе и весьма охотно в ней пребывают активно. При богато развитой чувствительной области и при таковой же области бессознательного, деятельность фантазии таких людей отличается необыкновенною красотою,

разнообразием, обилием и заманчивостью. Никакие жизненные обстоятельства не представят столько интереса и увлекательности, как своя собственная фантазия, и потому естественно, что такие люди увлекаются ею, постоянно предаются ей и избегают участия в серенькой жизненной обстановке. Эта игра фантазии во многом помогает им и в жизненной деятельности, тщательно коррегируя все высоким рассудком, необыкновенною наблюдательностью над всем существующим и горьким опытом.

Вот, в коротких чертах, по моему мнению, душа гения. Она представляет собою необыкновенно мощное, полное и совершенное развитие органов восприятия и усвоения, как в области сознания, так и бессознательного, она обладает необыкновенно быстрым ходом представлений и суждения, столь же необыкновенны проявления суждения по полноте, разносторонности и обилию ассоциации, причем все процессы как восприятия, так и сочетания отличаются чрезмерною ясностью, яркостью и отчетливостью, все, что согревается и пополняется крайне развитою и богатою фантазией, обильно пополняемой областью бессознательного, причем, однако, рассудок всецело царит в этой игре фантазии и каждой мелочи дает должное место и назначение, при таком сочетании сил познавательных и процесса мышления и выводы его будут оригинальными, собственными, своеобразными и отличными от обычных. Центральный нервный аппарат гения отличен от такого же обычного человека, – отличен совершенством построения и отправлений, нежностью и тонкостью, а потому и хрупкостью. При неумелом и неосторожном воспитании, питании, образовании и дурных условиях жизни его можно испортить, повредить, создать болезни, породить крайнюю нервность и даже извращение деятельности – душевную болезнь, но это не есть болезнь души. Гений есть высшее совершенство человеческой природы. Это прогресс центральной нервной системы и ее отправлений. Это передовой человек среди обычных людей, а потому светоч, слава, честь и украшение человечества.

Часть вторая

Глава I

Царь Алексей Михайлович, покидая сию юдоль плачевную, оставил трех сыновей: двух от первого брака – Феодора и Иоанна и одного от второго брака – Петра. Первые два брата были слабы и хилы умом и телом, третий был слишком юн возрастом. Было далеко не решенным вопросом, кому достанется царский венец: малому умом или малому деньми. А вопрос этот был весьма важный и серьезный. Россия находилась далеко не в блестящем положении. Только тот не обирал Россию, кто этого не хотел.

Была когда-то велика Россия. От моря до моря простиралась она. И были те моря – Балтийское и Черное. Правда, были у России и еще моря – Белое и Каспийское; но первое было слишком холодное, а второе слишком горячее. Как мало значащие в климатическом, экономическом и политическом отношениях, они так и остались при России. Зато более важные моря: Черное, Азовское и Балтийское были у нее отняты. Когда-то Россия простиралась до Карпат, а ныне еще спорилось и о том, можно ли за нею оставить Киев. А Смоленск и другие исконные русские области уже принадлежали Польше. Ограбила Россию Швеция, ограбила ее Польша, ограбила и Турция. Россию оттеснили от Европы. Ей заперли все выходы. Отобрали у нее моря, закрыли и сухопутную границу. На юге между морской полосой и русской границей возникла полоса нейтральная, создавалось новое государство с своеобразным языком и своими нравами. Эта окраина, находясь ближе к западу и вступая с ним в частые сношения, а иногда даже попадая под владычество более культурного народа, создавала свою историю, имела высшие учебные заведения, ценила науку, создавала литературу и, во всяком случае, киевское просвещение стояло далеко выше московского.

Москва была со всех сторон стеснена, заперта, окружена непроходимою стеною и заключена в самой себе. Нужно откровенно сознаться, что она во многом напоминала современный Китай. И если она не имела в буквальном смысле китайской стены, то таковая имелась в виде соседей, не желавших ей дать выхода из ее замкнутого положения. Да и сама она не стремилась к этому выходу. Москва как бы гордилась своей замкнутостью, считала общение с соседями за грех и преступление. Она имела свою религию, свое знание или точнее –

незнание, свои предрассудки, свое заблуждение, свое невежество, – и не допускала никакого прогресса в этом отношении. Всякое новшество было посягательством на национальность, религию и самобытность. Пришельцы из чужих земель считались оглашенными и должны были селиться вне русских поселений. Сношение с ними считалось осквернением и требовало очищения.

Быть может, все это было и хорошо; но только несомненно то, что все то, что не идет вперед, не совершенствуется, то идет назад и разрушается. Так было и с тогдашним русским обществом.

Россия жила своими знаниями, своим производством, своими богатствами; а так как все эти статьи стояли несравненно ниже таковых же европейских, то раньше или позже она подпала бы под власть более сильного и должна была бы подчиниться его мощи и влиянию.

А Европа, действительно, в то время шагнула слишком далеко. Она имела правильно организованное, строго содержимое и прекрасно вооруженное войско. Ее наука развилась очень быстро, ценилась высоко, давала как теоретические, так и прикладные знания. Последние же много способствовали производству, технике, механике, вооружению самого войска, а все это вело к поднятию общего благосостояния народа, проявлению самосознания, достоинства и долга, силы и могущества.

Более чем где-либо приложимо было положение: знание – сила и мощь, невежество – бессилие и немощь, – к тогдашнему положению России и остальной Европы. При всех столкновениях России с Европой первая должна была терпеть потери, вторая – побеждать.

И естественно, почему так. Европа была просвещена, снабжена усовершенствованиями, более богата и более нравственно независима. Россия была невежественна, без всяких технических усовершенствований, бедна и нравственно угнетена.

Должен был появиться гений, который принес бы знания Запада в Россию, обогатил бы последнюю этими сведениями, сохранив ее национальные особенности и свойства. Только гений мог бы совершить этот великий подвиг.

Таким великим гением для России явился император Петр Великий. Ум и душа преклоняются пред величием этого гиганта. Мы с необыкновенным благоговением можем следить только мыслию за его подвигами и поражаться величием и колоссальностью его ума, мощи, терпения и самопожертвования.

Глава II

Обычай женитьбы древних русских царей на своих подданных имел очень много неблагоприятных сторон для жизни государства. Родные царицы, при содействии ее, становились соправителями и соучастниками в царских деяниях. Разумеется, такими родственниками царицы и их присными занимались лучшие государственные должности, и притом очень часто и не по способностям, и не по заслугам. Такое повышение и получение соучастия в неограниченной власти вело к сведению личных счетов и целому ряду неблагоприятных последствий и для всего государства, и для отдельных лиц.

Но, без сомнения, дело хуже бывало, когда царь женился два и три раза. Тогда происходила борьба за власть между стоящими у кормила не на живот, а на смерть.

Царь Алексей Михайлович был женат два раза. По первому браку при царе занимали видное место Милославский, В. В. Голицын и др.; по второму браку Матвеев, Нарышкин и их близкие. Царь Алексей Михайлович в последние годы часто хворал. Кормило правления государством скоро должно было перейти в руки его преемников. Но чьи? Если царская власть перейдет в руки слабого и хилого Феодора Алексеевича, то во главе правления государством станут Милославский и Голицын, если царевича Петра, то Матвеев и Нарышкины. При вступлении во власть одних, несомненно, наступит гибель других; а потому, ясно, борьба была весьма серьезная, энергичная и беспощадная.

Умирающий царь все это видел и все это прекрасно понимал. Решить было, однако, весьма трудно. С одной стороны, юноша Феодор, уже могший по летам принимать личное участие в делах государства, но хилый физически и душевно, а с другой стороны, бойкий, резвый, энергичный Петр, дающий полные надежды на будущие выдающиеся способности, но зато всего только четырехлетний.

Царь Алексей Михайлович склонился в пользу Феодора Алексеевича. У престола стали Милославский и Голицын. По вступлении их во власть, боярин Матвеев немедленно был послан управителем в Сибирь, но, не доехав, на пути лишен был всех прав состояния и сослан в Пустозерск. Нарышкины были также немедленно удалены из Москвы и остались не только не у власти, но и без средств. Такая же участь постигла и других лиц, близких царице Наталии, матери Петра.

Назначая царем Феодора, умирающий царь Алексей Михайлович наказал своему преемнику быть «отцом малому Петру», и царь Феодор Алексеевич строго соблюдал завет отца.

Царь Алексей Михайлович от первого брака, кроме двух сыновей, имел еще дочерей, между которыми особенно

выдавалась София. София Алексеевна от природы обладала выдающимся, блестящим умом, превосходящим далеко современный ей уровень, получила прекрасное по тому времени образование, – много читала и много знала, – смотрела на женщину не с теремной и гаремной точки зрения, проявляла характер стойкий, твердый и непреклонный. Соответственно тому было у нее развито честолюбие, самолюбие и властолюбие.

София Алексеевна ясно понимала, что 12-летний отрок Феодор едва ли в состоянии будет самолично управлять государством. Ему понадобится помощь, и таким помощником захотела быть она. Ей тогда было за 20 лет.

Таким образом, волею судеб при царе Феодоре стало достаточное количество соправителей, которые немало между собою соревновали. Самым близким лицом к царю и самым влиятельным был его воспитатель епископ Симеон Полоцкий и затем приблизившиеся к нему князь В. В. Голицын и Языков. Это – одна партия. С другой стороны близко к нему стояла сестра его, София Алексеевна, и ее приверженцы Милославские. Нет слова, что все они вели междоусобную борьбу за власть и весы часто колебались то в одну сторону, то в другую. Тем не менее обе эти партии были соединены в одной мысли – не допустить к правлению род царевича Петра.

Перспектива была ясная и определенная: царь Феодор не долговечен. Царевич Иоанн слаб телом и духом. Царство должно перейти к царевичу Петру. Но оно может достаться и Софии… Дальнейшие комбинации понятны сами собою.

Несмотря, однако, на общность воззрений, партии, стоящие у престола, боролись. Симеону Полоцкому и его присным приходилось лавировать, и лавировать хитро. С одной стороны, им невыгодно было ссориться с Милославскими и соправительницей, ибо она легко может продолжать соправительство и при Иоанне и даже – чего не бывает! – стать правительницей, а с другой – не безопасно было слишком уж угнетать и присных рода царевича Петра. Посему, благодаря природной доброте царя Феодора Алексеевича, Симеон Полоцкий, воспользовавшись моментом, достиг того, что Нарышкины были возвращены в Москву, хотя и находились вне власти, даже боярину Матвееву была оказана милость: его перевели в Лух и возвратили часть имущества. Бог знает, всяко может быть. Да и Милославских это будет несколько сдерживать и уравновешивать.

В свою очередь, и Милославские не упускали момента. Они замыслили удалить от царя не только присных царицы Наталии и малолетнего Петра, но и их самих. А там что будет – покажет

будущее. С этою целью Языков начал подговаривать царицу Наталию, чтобы она переселилась из Кремля в Преображенскую слободу.

Это страшно огорчило, расстроило и испугало царицу. Она плакала и приходила в отчаяние. Тогда царевич Петр решился быть защитником матери. Он явился к царю и жаловался на боярина Языкова.

– Боярин твой хочет удалить меня от тебя и погубить, как погубил Годунов царевича Димитрия. Но где ты, там и я… И неужели я не сын царский, что мне в доме отчем нет места.

Царевич плакал.

Царь Феодор успокоил брата, поспешил к царице Наталии и уверил, что и не помышлял об ее удалении. А в доказательство выдавал ей головою боярина Языкова. Но царица никому зла не желала.

Царь Феодор царствовал не долго. 27 апреля 16 82 года царя Феодора не стало. Надлежало избрать нового царя.

Глава III

В пять часов пополудни похоронный колокол на Иоанне Великом поведал Москве о кончине царя.

В Грановитую палату собрались знатнейшие бояре и почетное духовенство. Люди чиновные, почетные гражданские и военные люди, дьяки и народ наполняли крыльцо и двор. Вышел патриарх поведать почетным боярам и боярской думе о смерти царя Феодора, да вместе с этим зараз предложил и вопрос: «кому же быть царем России?»

Вопрос был совершенно неожиданный и непредвиденный. Милославские и их клевреты были захвачены врасплох. Они растерялись и молчали. Молчали и все остальные. Тогда патриарх решил вопрос сам и решил весьма неожиданно для всех.

– Да будет же великое государское дело решено самими наследниками!..

Царевичи были введены в Грановитую палату. Узнав, в чем дело, царевич Иоанн отвечал:

– Чувствуя свое слабое здоровье и неспособность править царством, хочу мирное житие иметь, царем быть не желаю и престолом поступаюсь брату, царевичу Петру, тем более что у него здравствует и мать, царица Наталия Кирилловна…

Палата огласилась криком: «Да здравствует царь Петр Алексеевич!» Народ подхватил этот крик и возглас понесся по всему Кремлю и Москве.

Совершилась присяга, причем, за малолетством царя,

правительницею была объявлена царица Наталия Кирилловна. Разумеется, настоящими правителями предназначались боярин Матвеев и Нарышкины. Сообразив положение дела, скоро на сторону царицы перешли В. В. Голицын, Языков, Хованские и другие сторонники Софии. Одни Милославские остались верны Софии.

За боярином Матвеевым послали гонца, и он возвращался с почетом.

Приверженцы Софии прогадали; весьма вероятно, прогадали потому, что самой Софии вперед выступить было невозможно, а ее подручные были далеко не такого ума, находчивости, решимости и энергии, как она. Головой дела была царевна София и голова ее была далеко выше всех остальных мужских голов ее приверженцев. Это выясняется уже из того, что Милославские упустили самый подходящий момент для проведения царевны в качестве соправительницы старшего царевича Иоанна.

Это часто бывает, когда великие люди поручают проведение серьезных дел своим сподручным, далеко не столь великим, как они сами. Так было, есть и будет. И приходится тогда не то что вести вначале великое дело, а исправлять уже попорченное.

Так настояло и теперь царевне Софии исправить то, что попортили Милославские. Нужно было найти новые пути, новые способы и новые случаи.

Царевна София их нашла.

Великая сила стихия. Она может сделать все. Она может многое уничтожить и многое устроить. Счастлив тот, кто сумеет ею воспользоваться.

София решила призвать на помощь такую стихийную силу. Эта стихийная сила была в лице стрельцов. Не она первая, не она последняя прибегала к помощи войска. Нужно было вовремя все применить и умеючи пустить в ход. Царевна София вполне овладела моментом.

Стрельцы – это воплощение тогдашней России. Это была сила, сила неустроенная, разнузданная, своевольная, могущественная, но беспорядочная и ничем не сдерживаемая. И так как противовеса этой силе не было, то она была всемогуща.

В числе приверженцев царевны Софии был и князь Хованский. Когда Милославские проиграли партию, князь Голицын, Языков, Хованские и другие сторонники Софии примкнули к царице Наталии. Но там были свои правители и всем этим лицам приходилось или стушеваться, или стать на вторые роли. Ни то, ни другое им не было по нутру. Свое спасение они видели в царевне. Тайно они и принадлежали ей. Поэтому естественно, что они явились помощниками в ее

замыслах. Главным исполнителем дела являлся все-таки Милославский.

На стрельцов действовали подкупами и спаиванием. Средства хотя и старые, но зато верные. Распускаемые слухи были только приправою и возбудительным средством. А слухи эти состояли в том, что царевич Иоанн обойден был престолом неправо, – что он является теперь в жизни лишним, – что он служит помехою для других, – что его хотят извести, – что его уже бояре убили…

Кто хочет верить, тот поверит самому невероятному. Все эти нелепые слухи были пущены умелыми людьми между стрельцами и нашли там прекрасную почву. Плодом же всего этого был бунт стрельцов.

Уже давно между стрельцами было брожение. Они были недовольны своими полковниками, которые пытались держать их в порядке и строгости. Они не были довольны и своим начальником, князем Долгоруким, который не поддерживал их своеволий. По провозглашении царем Петра стрельцы принесли на верность ему присягу. Но вскоре после этого они явились в Кремль с жалобой на терпимые ими несправедливости, обиды и притеснения.

Царевна София сеяла и подкрепляла смуту. Царица Наталия не могла дать порядка. Она ждала прибытия боярина Матвеева, а стрельцов старалась уговорить и успокоить. Но не ей было угомонить стрельцов. Стрельцы не унимались, а еще пуще шумели. Им выдали головой нелюбых полковников. Имущество полковников было отдано стрельцам. На эти средства стрельцы пьянствовали, но беспорядки нисколько не унимались. Напротив, они усиливались.

Царица ждала боярина Матвеева, видя в нем спасение. И царевна ждала боярина Матвеева. Она тоже видела в нем спасение, почему и хотела иметь его первою искупительною жертвою при своем возвышении.

Боярин Матвеев приближался к Москве. Боярин Матвеев прибыл в Москву. Царица успокоилась и передала ему всю власть.

Царевна София тоже была готова. Бунт стрельцов достиг наибольшего напряжения, и они перешли к действию.

Между стрельцами распускали слухи, что боярин Матвеев хочет истребить стрельцов. Эти наветы нашли себе поддержку в упреках на бесчинства, высказанных боярином Матвеевым стрельцам, пришедшим поздравить его с благополучным прибытием. Говорят, что переодетые люди ездили по Москве, захватывали стрельцов, издевались над ними и били их именем брата царицы, Ивана Нарышкина. Эти люди заявляли отпускаемым стрельцам, что они посланы унимать бунтовщиков,

а впереди еще не то будет.

Словом, все было готово к последнему взрыву бунта. Надежным людям вручены были именные списки, кого нужно будет убить, а также сообщен был и дальнейший план действий, состоявший в том, чтобы сначала уничтожить важнейших противников, а затем требовать возведения на царский престол Иоанна при управлении царевны Софии.

В ночь на 15 мая вся Москва находилась в трепете и ужасе. В стрелецких слободах происходили пьяные, шумные скопища, слышался барабанный бой. Стрельцы готовились к походу на Кремль и Москву. Утром в стрелецкие слободы прискакали глашатаи. «Спешите, спешите, ребята, – кричали они, – Иван Нарышкин убил царевича Иоанна!.. А кроме того, открылось и новое злодейство: жид лекарь Годен, по наущению Матвеева, отравил царя Феодора. Спасайте царицу Марфу, жену Феодора, и царевен!..»

– В Кремль, в Кремль! – заревела толпа. – Смерть изменникам!..

Как лава, ринулись стрельцы на Москву и Кремль. Зазвонили в набат. Затрещали барабаны. Загремела пальба. Стрельцы с знаменами, бердышами, пищалями, пушками повалили толпами.

С утра бояре собрались в Кремль, но не знали, что делать. Пока происходили пререкания и толки, стрельцы наводнили Кремль и подняли неистовые вопли: «Отдайте нам злодеев: Матвеева, Нарышкиных и Годена! Они убили царевича Иоанна! Они отравили царя Феодора!..»

На красное крыльцо вышла царица Наталия, царь Петр и царевич Иоанн. Их сопровождали Матвеев и другие бояре. Увидев царевича Иоанна живым и невредимым, стрельцы переконфузились и смолкли. Видимо, их вожаки пересолили и чуть не испортили дела. Боярин Матвеев, видя такое впечатление, сошел вниз и кротко сказал им: «Я не злодей. Я иду к вам. Возьмите мою седую голову, если она вам понадобилась, но не губите невинных».

Кроткие речи и покорность еще более смутили стрельцов. Они опешили… Все дело испортил князь Долгорукий.

Он начал кричать на них и укорять. Стрельцы обезумели. Они опьянели. Вмиг князь Долгорукий был изрублен в куски и разбросан по площади. Стрельцы бросились на Красное крыльцо за Матвеевым. Его хотели защитить князь Черкасский и патриарх, но напрасно. Боярина вырвали из рук и бросили с Красного крыльца. Пики и бердыши приняли боярина и при криках «любо!» разметали по площади. За боярином Матвеевым наступила очередь Нарышкиных, Ромодановского и других… Стрельцы

ввалились во дворец, врывались в хоромы царевен и проливали кровь в храмах у алтаря.

В смертельном ужасе царица увела во внутренние покои царя Петра, пресытившегося зрелищем издевательства и зверства над близкими людьми.

Пока одни стрельцы наверняка действовали в Кремле, другие стрельцы, стрельчихи и их дети хозяйничали в домах избиенных. Они брали ценные вещи и деньги, грабили погреба, пили и в неистовых воплях плясали дикие пляски. Тела убитых с хохотом волокли на Красную площадь.

Ночь прекратила неистовства, но не прекратила насилия. Кремль находился в осаде, под стрелецкою стражею.

Тайно бояре держали совет у царицы Наталии, но ничего не могли придумать.

Наутро убийство, неистовство и оргии возобновились. Грабеж перешел от имуществ обреченных в жертву на лавки и кабаки мирных жителей. Беззащитная Москва стала игралищем обезумевших пьяных бунтовщиков. Стрельцы грозили зажечь дворец, где ютилась несчастная царица, трепеща за сына-царя, отца и братьев.

Зато торжествовала царевна София. Она достигла безначалия своею волею и тем самым являлась владыкою обстоятельств. Вышедши к стрельцам, она встречена была дикими восторгами. София благодарила стрельцов за усердие к царскому дому и уговаривала прекратить смятение. Стрельцы требовали выдачи Ивана Нарышкина и Годена и возведения на престол неправедно обойденного царевича Иоанна. София обещала им исполнения первой половины просьбы, что же касается царевича Иоанна, то она советовала им представить решение боярской думе.

Возвратившись в хоромы, София передала волю стрельцов по поводу брата царицы и советовала немедленно исполнить ее, иначе стрельцы будут продолжать бунт. Иван Нарышкин причастился св. тайн и пошел на казнь. Мольбы царицы не спасли ее брата и дяди царя. Его растерзали, подобно другим жертвам, намеченным Софиею. Стрельцы удалились, удовлетворенные кровавыми жертвами царского рода. Все это видел малолетний царь, видел и крепко запамятовал…

На другой день собралась боярская дума и, по требованию стрельцов, посадила на царство и второго царевича; но при этом сторонники Софии опять вели дело неумело, прежде всего, на престоле остался и Петр, которого София никак не желала, и второе – управительницею София не была предложена и для довершения дела потребовался еще день и еще приход стрельцов. Только на другой день боярская дума вручила управление делами

государства, за малолетством царей, Софии. Теперь только София стала царицею, при наличности двух царей.

Можно подумать, что теперь-то власть станет игралищем в руках приближенных царевне людей, так как допустить самостоятельность у женщины весьма трудно.

Ничуть не бывало. София была женщина выдающаяся и ее царствование достойно многих видных царей.

При вступлении в управление государством Софии было 22 года. Она была высокого роста, стройна, красива и энергична. Она была умна, образованна, сама писала стихи, самостоятельна, самолюбива, властолюбива, непокорлива, находчива, пытлива и настойчива. Она была достойна своего брата Петра, и если он был гений мужчина, то София была гений женщина.

Лица, помогавшие Софии в ее борьбе за власть, разумеется, рассчитывали воспользоваться этою властью в свою пользу и многие обочлись.

Разумеется, царь Иоанн не мог играть никакой роли. Царь Петр и его мать были устранены и до поры до времени терпимы. Князь В. В. Голицын управлял посольским приказом, Иван Милославский другими доходными приказами. Ближе всех к Софии и наилучшим ее советником был князь В. В. Голицын, хотя и в последнем случае София никогда не была в рабах.

Несомненно, между приверженцами возникли недоразумения, недомолвки и размолвки. А раз имелся пример в значении грубой силы, отчего не попытаться воспользоваться ею и другим. Прежде всего выступил на сцену князь Хованский. Он решил быть всесильным, но всесильною желала быть и София, а так как София была умнее Хованского, то последний и погиб.

Между стрельцами было много старообрядцев. По-видимому, к старообрядцам принадлежал и князь Хованский. И вот стрельцы-старообрядцы потребовали восстановления старой веры и возврата лиц, потерпевших за правую веру. София назначила собор. На соборе старообрядцы во главе с Никитою Пустосвятом держали себя грубо, дерзко и нахально. По приказанию Софии прения были отложены до другого дня, но в ночь зачинщики бунта были схвачены и казнены. Это, однако, не смутило стрельцов. Напротив, Хованский все больше и больше поджигал их. Видя такую дерзость стрельцов и их главы, царица София уехала в звенигородский Саввинский монастырь, а оттуда в Троице-Сергиеву лавру, распустила слухи, что покушаются на ее жизнь, стала созывать войска и охранять себя от злодеев. Вместе с этим ласковым письмом звала к себе из Москвы князей Хованских на ее именины. Хованские, отец и сын, поддались на ласку и отправились в путь, но были схвачены и казнены.

Напрасно второй сын Хованского старался возбудить стрельцов. Стрельцы смирились и виновные были беспощадно казнены. София имела не только твердую голову, но и крепкую руку. Головы гидры стали отлетать.

Таким образом, царица София умело и твердою рукою подняла стихию и столь же твердою рукою смирила ее. Она воспользовалась стрельцами на столько, на сколько это было ей нужно.

Царствование Софии длилось 6–7 лет и было ознаменовано видными событиями. Усмирив внутренние непорядки, София принялась за упорядочение внешних отношений. Она отправила посольства в Швецию, Данию, Голландию, Бранденбург, Англию, Францию, Польшу, Турцию и Австрию, извещая о смерти царя Феодора, о восшествии на престол царей Иоанна и Петра и о желании поддерживать со всеми этими государствами дружественные отношения и мир. Все ответили в самом лучшем смысле. София заключила первый трактат с китайским императором, не без пользы для России. В 1686 году заключен был трактат с Польшей, с уступкой России не только Киева, но и Смоленска, Малороссии и Запорожья. Подписывая этот договор, король польский Собеский плакал. Впрочем, нужно сказать и то, что между этими уступками он уступал и то, что ему не принадлежало. Это можно сказать о Малороссии, а тем более о запорожских казаках. Последние были совершенно вольные птицы, признававшие над собою власть одного только Бога. Наконец, она предприняла два похода против крымских татар, которые если и оказались неудачными, то скорее по неблагоустройству армии, чем по неумению ведения войны. В ее царствование выдвигается видная политическая личность по тому времени, гетман Малороссии Иван Мазепа, мечтавший дать Малороссии славу и независимость и павший жертвою своего заблуждения.

Вместе с этим София заботилась о введении благочиния и чиноначалия во дворце, занималась украшением храмов и устройством красивых зданий в Москве, заботилась о привлечении в Россию умных иностранцев с представлением им некоторых льгот, стремилась к искоренению суеверий и невежества и, по примеру киевской, устроила славяно-греко-латинскую академию в Заиконоспасском монастыре.

Но все имеет свой предел. Наступил предел и царству Софии. Надлежало уступить престол императору Петру. Орленок подрос и расправил крылья. Ему требовался простор, и он его получил.

О всех великих людях в народе ходят предания и предсказания. Существуют они и о Петре.

Говорят, что воспитатель царевича Феодора, Симеон Полоцкий, богослов, пиита, звездочет и человек, изведавший эллинскую премудрость, явился однажды к царю Алексею и предсказал ему, что у него родится сын – великий воин и государь мудрейший. Имя же ему будет Петр. Его слава пойдет звездой лучезарной и осветит весь мир. А вот явился и другой московский вещатель, юродивый и блаженный. Такие в Москве попадаются и теперь. Этот-то юродивый прибыл в царский терем и, застав вместе царя и царицу, сказал, что он пришел приветствовать «царя великого».

«Его?» – спросила царица, указывая на Алексея.

«Нет, побольше мужа твоего вижу я царя в утробе твоей: родится от Пахом с большим костылем и все его бояться будут!»

Наконец, говорят, что когда в Успенском соборе молились о спасении жизни царицы при разрешении от бремени, то диакон на ектений вместе с именами царевичей Феодора и Иоанна произнес и имя Петра. Засим диакон клялся и божился, что произнес по *неизвестному внушению*. Не важные сказания, а все-таки сказания.

По смерти царя Алексея Михаиловича царевич Петр и его семья находились в каком-то загоне. Царица-мать не имела в правлении голоса, царь Феодор и правительница София мало обращали на Петра внимания. Правда, ему были назначены учителя; но это делалось скорее pro forma. Его воспитание состояло в обучении грамоте, письму, с изучением Св. Писания, немногими историческими, географическими и юридическими сведениями. Первым учителем царевича Петра был дьяк Никита Зотов. Царь усваивал учение необыкновенно быстро и всех поражал своими успехами и своею пытливостью.

Живя на приволье, не стесняемый никем и ничем, царевич Петр быстро развивался физически и умственно. В одиннадцать он казался лет 14–15. Он был статен, с темными кудрями на голове и ярким румянцем на щеках. В больших черных глазах сверкал ум и энергия. Голос был громкий, движения смелые и живые. Еще в трехлетнем возрасте Петр любил воинские забавы. Царь собрал ему ровесников на потеху, одел их по-военному, и царевич Петр постоянно воевал и сражался с своими потешными, строил и брал города, давал битвы и одерживал победы.

Его потешные были с ним неразлучными друзьями. В числе потешных стояли и дети простого звания, и дети знатных княжеских фамилий. Число потешных все возрастало и возрастало и скоро достигло такого количества, что из них можно было составить два полка.

Путешественник Кемпферт говорит, что красота Петра

пленяла всех, а живость приводила в замешательство степенных сановников Москвы. Когда посланник подал верительную грамоту и оба царя должны были встать в одно время, то младший не дал времени поднять себя и брата, как того требовал этикет, а быстро встал с своего места, сам приподнял царскую шапку и бегло произнес обычный привет: «Его королевское величество, брат наш, Королус Свейский по здорову ль?» Царевичу Петру тогда было 11 лет с небольшим, Кемпферт же дал ему не менее 16 лет.

В управление царством Софии царица Наталия и царевич Петр жили за немецкой слободой в селе Преображенском. Стоя в стороне от дел, царевич Петр часто хаживал в немецкую слободу. Там была свобода личности, свобода слова, свобода образования. Иногда запросто он гулял по улицам и по торговым рядам, один, без всякой свиты, ездил в санях в одиночке, ласково вел беседы с простолюдинами, заходил в их дома и в немецкие казармы. Много нового он там увидел и многому он там научился. Вступая в беседы с жителями немецкой слободы, он узнавал от них о жизни, просвещении, улучшениях и усовершенствованиях в жизненных приемах в чужих государствах. Юный царь ясно сознавал и большую разницу между жизнью русскою и жизнью иноземною, и великие преимущества последней перед первою. Здесь он познакомился и сошелся с своими великими сподвижниками Лефортом, Гордоном и другими. Лефорт учил царевича немецкому и голландскому языкам. Инженерный офицер Тиммерман обучал Петра математике, фортификации и артиллерии. Но особенно Петр интересовался военным делом. В этом его учителем и наставником был Лефорт. Петр любил его за беззаботную веселость, природную остроту ума, доброе сердце, ловкость, смелость, а более всего за откровенную правдивость и редкое в то время бескорыстие. Лефорт был полезен царю особенно при устройстве его любимых потешных полков. Ненавидя стрельцов, по существу, за все их безобразия в течение детства, Петр не мог не видеть всю негодность их как боевой армии. Это была безобразная орда, могшая брать числом и нахальством, но совершенно не способная вести войну надлежащим образом. Это он видел из сравнения стрелецких полков с немецкими. Это он сознавал из объяснений таких знатоков дела, как Гордон. Честолюбивый и имеющий пылкие планы на будущее, Петр не мог не сознавать, что с такими войсками, как стрельцы, он не мог успешно вести войну не только с европейскими государствами, но даже с татарами. Войско нужно было образовать новое. Его приходилось создавать. Его приходилось всему обучать иначе, чем стрельцов. Его приходилось устраивать так, как это ведется в Европе. И вот он

захотел создать новую армию в малых размерах.

В 1687 г., когда Петру было 13 лет, объявлено было образование двух потешных полков, Преображенского и Семеновского. Много явилось охотников поступить в потешные. Записывались в потешные люди простого звания. Записались также Долгорукие, Репины, Голицыны, Апраксины, Прозоровские, Бутурлины и др. Сам же Петр стоял в числе рядовых Преображенского полка и был в нем барабанщиком. Ротным был Лефорт. Петр исполнял все обязанности рядового: он бил барабан, кидал артикул ружьем, стоял на карауле, делил простую пищу своих товарищей, жил с ними в палатках, сам возил в тележке землю на устройство маленькой крепости, которую затем осаждал по всем правилам войны.

Одновременно с этим он изучал кавалерийскую службу и со всею страстностью предавался изучению артиллерийского и саперного искусства. Все это он проходил лично и не было той мелочи, которую бы он обошел и не изучил лично на себе.

Попутно, бывая в немецкой слободе, он изучал ремесла: токарное, слесарное, плотничное, сам ковал железо и плел мужицкие лапти и даже не чужд был медицинских познаний. И все это он знал не абы как, а вполне основательно и надежно.

Все эти знания ему были полезны как сами по себе, так и в применении к устройству его излюбленной армии.

Подготовляя потешные полки, Петр перевел к себе и часть стрельцов Сухарева полка, который до сих пор не принимал никакого участия в стрелецких бесчинствах. Петр завел свою артиллерию и создал армию, всегда готовую стать за своего царя.

Довольная сначала тем, что Петр слишком увлекся детским беспутством, София, однако, скоро заметила, что из этих потешных затей создается грозная сила. Ею нельзя было уже пренебрегать. За нею нужно было наблюдать и не упускать из виду. Видел всю опасность этих затей и В. В. Голицын, но поделать против этого ничего нельзя было.

Как на беду, Петр, прежде не интересовавшийся государственными делами, теперь от времени до времени стал появляться в царской думе, высказывать свои мнения и принимать участие в делах. Его мнения часто были резки, решительны и необыкновенно верны и метки. Часто он расходился во мнениях с Софией и не терпел противоречия.

Несмотря на юные годы, Петр много уже понимал в военном деле, мог свободно и верно его оценивать и правильно критиковать. Так, совершенно правильно строго он отнесся к неудачам первого крымского похода, хотя едва ли справедливо он обвинял во всем князя В. В. Голицына. Виновен, был плохой строй

армии русской и не мог же его пересоздать вмиг Голицын. Разве из-за этого же не потерпел сам Петр во время первого похода на Азов и во время первого столкновения со шведами.

Совершенно прав был Петр и при противодействии второму крымскому походу. Опять-таки гениальное прозорливое око Петра могло усматривать все немочи русского строя армии; но Петр был один и равных ему не было и не скоро будет. Можно думать, что по отношению к князю Голицыну в Петре заговорили уже и личные отношения. Петр начал сознавать неправильность своего положения и, вероятно, подумывал о восстановлении своих прав. Видел он также и виновников этой ненормальности и потому невольно, по человеческой слабости, переносил гнев и недовольство положением дела на лиц, мало в том повинных.

Из многих обстоятельств можно было усмотреть, что начинается последний акт борьбы, причем наступательные действия уже шли со стороны Петра, а оборонительные – со стороны Софии. Оба врага были необыкновенно умны, и что в одном шло на преобладание ума, то в другом падало на долю опыта.

Как умные бойцы, они прежде всего наблюдали и изучали друг друга. Нужно прибавить еще и то, что борьба должна была идти не на живот – на смерть. Петр ясно сознавал, что он может быть самодержавным царем только с устранением совершенно с пути Софии, которая, несомненно, желает проглотить его. София слишком уже упилась властью, чтобы добровольно отказаться от нее; а для того, чтобы стать самодержавной, нужно было перейти через труп Петра.

Несомненно, борьба была не на живот – на смерть. Все прошлое показывает, что Петру нельзя было рассчитывать на стрельцов. Во главе стрельцов стоял Шакловитый, всецело преданный Софии. Разве только Сухарев полк мог оставаться верным Петру. Поэтому, естественно, он должен был готовить себе защиту и он ее приготовил в лице потешных полков и немецких полков. Правда, даже на немецкие полки едва ли он мог положиться, ибо хотя Гордон, стоявший во главе немецких полков, и весьма дружески относился к Петру, но эти отношения были личные отношения, а на службе он состоял у правительницы. Ей он и верным оставаться был должен. Люди ума и образования тем и отличаются от людей невежественных, что они умеют отличать свои личные отношения от служебных. Таковым был и Гордон. Поэтому Петру оставалось положиться на одних своих потешных, которые были уже сила, и сила важная – регулярные войска.

Софье тоже нужна была сила, и она ее имела в лице

стрельцов. Стрельцов она уже знала. Умела ими управлять, умела их возбуждать, умела смирять. Знала она и их неразборчивость в средствах, и беззастенчивость в приемах. Это все, что ей и нужно.

Трудно было сказать – равны ли партии и кто выиграет. Много было шансов на одной стороне и много было на другой. Вся беда Софии была в том, что ей приходилось вести дела не лично, а через вторые и третьи руки, причем эти руки были и глупы и нерешительны.

Тогда как Петр все дела вел лично и всюду был впереди. Прибавим еще и то, что Петр вел дело чистое, а София не чистое. Ну, да у умных людей всегда цель, оправдывает средства.

В таком выглядывании, в таком наблюдении, изучении и соображении проходило время, выжидая случая, который бы послужил разрывною бомбою.

Случаи вскоре представились в виде неудачного второго похода князя В. В. Голицына, в виде открытого участия в качестве царицы, совместно с царями, в торжественных шествиях правительницы Софии и в виде несогласия Петра на награду князю В. В. Голицыну за его поход в Крым.

Привыкнув в течение 4–5 лет управлять государством, царевна София привыкла и к мысли считать себя царицею, почему она в торжественных случаях являлась в царском одеянии совместно с царевичами. Это царю Петру не нравилось, и он неоднократно давал заметить ей, что ее появление в царских выходах негоже, но царевна не обращала никакого внимания на это. Решительный разрыв произошел по этому поводу 8 июля во время крестного хода из Успенского в Казанский собор в память избавления Москвы от поляков. София явилась на крестный ход в полном царском одеянии. Увидев ее в таком виде, Петр сказал: «Тебе не место здесь! Ты не царица!»

Но София не обратила внимания на слова царя. Не желая заводить публичной ссоры, Петр немедленно уехал в Преображенское. Факт непослушания крайне раздражил Петра. Он не захотел слышать даже имени Софии. София об этом узнала и увидела, что готовится развязка.

А тут явился князь В. В. Голицын из неудачного похода. Петр резко порицал Голицына. София хотела его возвеличить. Бояре были между двух огней, но уже многие чувствовали силу Петра и переходили на его сторону.

Неуверенная в исходе борьбы открытой, София решила устранить Петра рукою наемного злодея. Таких немало отыскалось среди стрельцов, управляемых Шакловитым. Окончательным моментом назначена была ночь на 7 августа, когда рассчитывали, что в Преображенском, по случаю праздника,

вся прислуга перепьется и доступ к царю будет возможен. В числе заговорщиков нашлись, однако, два переметчика, которые прискакали ночью в Преображенское раньше и предуведомили о грозящей опасности. Царь моментально собрался и в ту же ночь ускакал в Троице-Сергиеву лавру. В этих твердынях уже раз нашла защиту и приют его сестра, правительница София, во время стрелецких бунтов. Прискакавший немедленно за переметчиками в Преображенское Шакловитый с 300 стрельцов уже там не застал Петра. Птичка-то упорхнула.

Дело принимало скверный оборот. София сначала прикинулась ничего не знающей, но правда вскоре обнаружилась. Тогда она обратилась к своим верным стрельцам. Стрельцы сначала очень ретиво поднялись за Софию. Но не дремал и Петр. Он кликнул клич к верным своим людям, и те тоже не замедлили стать за Петра. Первым явился в лавру Лефорт с потешными полками. Это был момент, окончательно связавший его с Петром. Засим прибыла часть верных стрельцов и постепенно стала стягиваться вся земская рать к стенам Троице-Сергиевой лавры.

Софию стали покидать не только бояре, земские люди и народ, но и стрельцы. Все дело очень скоро кончилось. Шакловитый и виновные стрельцы были беспощадно казнены. София ушла в Новодевичий монастырь, князь В. В. Голицын отправился в ссылку в то самое место, где был когда-то боярин Матвеев.

С этого момента в государстве двоевластие прекратилось. Правда, было два царя, но только одна голова все рядила и чинила, царь же Иоанн оставался царем по имени. Все важнейшие дела и серьезные государственные вопросы решались царем Петром.

Так кончилось управление царевны Софии, управление разумное, видное и для государства полезное, и если читающий ее историю без особенного сожаления переходит к царствованию Петра, то только потому, что гений последнего был еще несравненно могущественней.

Глава IV

Оставшись без опеки управительницы Софии, царь Петр не окунулся немедленно во все государственные дела. Все управление он оставил в руках царской думы, сам же продолжал завершать свое образование.

Он остался жить в Преображенском селе, среди своих потешных, окруженный преданными людьми, каковы были А. Б. Голицын, Шеин, Шереметев, Лефорт, Гордон, Зотов,

Ромодановский, Долгорукий, Головин, Нарышкин, Апраксин и др.

Уже с детства Петр отличался способностью удачно подбирать себе друзей и пособников. Он их набирал, не различая рода и знатности, а ценя только ум, охоту учиться и способность работать. Так, он поднял и приблизил к себе простого мальчика, впоследствии великого вельможу, Александра Меньшикова; таков же выбор был Шафирова, Демидова и очень, очень многих других.

Царь сам работал неустанно, того же требовал и от своих сподручных. Благодаря постоянному общению с иностранцами Петр знал, как во многом отстала Россия от других европейских государств, как много она невежественнее и некультурнее других государств. А для того, чтобы быть равным, нужно обладать равными знаниями, равными средствами, равными правами. Для этого же прежде всего нужно было учиться и учиться. И царь учился сам, того же требовал и от своих приближенных. Царь захотел поднять Россию до уровня европейских государств. Это значит: он захотел научить свой народ тем знаниям, которыми обладали просвещенные народы, снабдить теми техническими усовершенствованиями, коими обладали просвещенные народы, вооружить всеми теми приемами и орудиями свой народ, кои делают сильными, богатыми и мощными просвещенные народы. Для этого ему нужно было прежде всего разбудить от сна Илью Муромца, встряхнуть его, заставить учиться и научиться и побудить пользоваться этими преимуществами. А для всего этого все вводимое нужно было самому на себе изведать. Петр далеко не был западник. Он любил на западе его знания, его технические совершенства, его высокую культуру. Но он еще более любил свою Россию. И любя ее, он хотел дать ей все те преимущества, которые имелись на западе. Не убить он собирался Россию, а просветить, укрепить и поднять на недосягаемую высоту. Совсем он не хотел отдать Россию на съедение немцев, голландцев и проч., а он призывал и немцев, и голландцев, и других иностранцев в Россию, чтобы получить и знания, переварить их, правильно усвоить и успешно пользоваться против тех же иностранцев во славу России. Разве мало у Петра было шведов, которые помогали ему против шведов же. Но для того, чтобы эти знания вводились разумно, ему самому нужно было иметь их. Ему самому нужно было знать, знать все, даже до мелочей, дабы уметь правильно контролировать исполнителей своей воли. И Петр учился. Учился он неустанно и требовал, чтобы учились и другие.

Но Петр умел и любил и погулять. Его гульбища были бурные, шумные и иногда даже необузданные, но ведь и натура его была шире обычной человеческой натуры. Это была мощь необъятная, как в достоинствах, так и в слабостях.

Выбирая друзей, он умел отличать в них добрые и худые черты и насколько поощрял добрые, настолько без стеснения колачивал за худые. Всех своих друзей он любил равно и не было у него таких, которые пользовались особенным предпочтением и имели на него влияние. Он слушал всех и выслушивал все, но брал то, что ему было полезно. Он всегда жил своим умом, за всем следил одинаково, все видел, все наблюдал и ничто никого не могло спасти от ответа за ошибку, небрежность и дерзость.

Недобро смотрели старые и невежественные люди на все эти нововведения и страсть к новому у Петра. Многие и многие за глаза хулили его и распускали самые нелепые слухи о нем, и только очень немногие решились сказать ему правду в глаза.

Царь правду выслушивал и тут же давал искреннюю отповедь. Так иногда царица-мать решилась поведать сыну, что его порицают за воинские игры и не царские занятия грубыми работами.

– Думаю, что никто не говорил бы мне ничего, если бы я предавался соколиной или псовой охоте, и за что же осуждают меня? За воинские упражнения, когда они все везде составляют занятия государей, когда ими укрепляется царство и славится народ. Гораздо более разрушают здоровье роскошь и нега, нежели труд и работа…

Пытался и патриарх уговорить царя поберечь свое здоровье от работы.

– Нет, у меня и без того много еще времени пропадает без работы, а труд, я чувствую, только укрепляет меня… Война дело царя и сановников его, а вы осуждаете меня, что я хочу быть воином и к войне приучаю других…

А Петр ясно видел, что вся сила государства зиждется на хорошо устроенной армии; почему все силы свои он теперь употребил на преобразование армии.

Личное наблюдение над беспорядочностью строя стрельцов, личный опыт с потешными, все слышанное от иностранцев об иноземных армиях, критический взгляд на крымские походы – все это приводило Петра к мысли о необходимости преобразования армии, причем он обращал внимание как на изменение строя армии, так и на улучшение вооружения. В видах последнего, царь Петр заботился об улучшении оружия, правильности приготовления пороха и селитры и т. п. С последнею целью он заводил оружейные и селитренные заводы и положил начало Демидовским железным приискам. Во всех делах царь старался смотреть в корень дела: хорошее оружие можно было иметь только на хороших заводах, – таковые строились; хорошие заводы могли приготовлять надлежащее оружие только из хорошего

железа, – такое искали дома, нашли и начали им пользоваться. Заграница служила примером, а выделка производилась дома и из домашнего материала. Поистине для того времени гениальное воззрение.

Совершенно случайное обстоятельство навело царя на новый род занятий и новое увлечение.

Изучая историю России, Петр не мог не усмотреть, что были времена, когда Россия имела моря Балтийское и Черное. А теперь эти моря отняты соседями. Таким образом, Россия имела для выхода только сухопутную границу. Захочет сосед пропустить – пропустит, не захочет – нет. Между тем, имея море, Россия имела свободный вход и выход и для людей, и для товаров, и для морских промыслов. Соседи недаром отняли у России море и заперли ее в тесном кругу. При таком стеснении, естественно, Россия была невежественна и слаба. Юный гений сознавал всю принужденность России и раскидывал своим умом, как бы этому помочь: как бы достать море, достать свободный вход и выход, внушить струю просвещения, а вместе с этим силу, мощь и богатство…

Однажды, осматривая в с. Измайлове кладовые, Петр увидел какую-то невиданную лодку. Оказалось, что это такая лодка, которая на парусах ходит и по ветру и против ветра. Что за диво! Исправить лодку. Достать матроса, который бы умел править ею. Сделали и то и другое. Пустился плавать в ботике Петр на Яузе. Тесно стало. Перешел на Просяной пруд. И тут тесно. Дошел до Переяславского озера, а потом и до Белого моря.

Мало стало ботика царю. Приказал он строить яхты и корабли; а для сего заложил корабельную верфь. Устроили корабли. Снарядили их пушками и загремели русские пушки эти на русских водах… Доселе – дело и невиданное и неслыханное. Но так как царь до всего сам хотел дойти, то ему мало было иметь корабли. Ему нужно было уметь строить их самому. И стал царь с топором в руках на корабельной верфи и построил такой корабль, который был бы за честь и заправскому мастеру.

Это обзаведение корабля и изучение кораблестроения не было делом царского каприза и царской забавы. Это было дело вполне осмысленное и имеющее определенную задачу. Когда однажды Гордон заявил царю, что коли нет морей, то и самые корабли излишни, то Петр отвечал.

– Только были бы корабли, а моря я найду…

Устраивая флотилию, Петр любил производить на ней забавы: грандиозные фейерверки, пушечную стрельбу, примерные сражения и т. д., причем во всем принимал личное и деятельное участие.

– Что значит издержать лишь безделицу, когда фейерверками я приучаю народ мой к военному огню!

Забава забавой, а дело делом. Все это делалось само собою. Что обычному уму представляется трудным и требующим достаточного времени для соображения, то для гения было ничто и делалось само собою.

Разумеется, для успеха дела пришлось выписать мастеров из Голландии. Мастера прибыли и дело закипело.

Особенное раздолье наступило для Петра, когда он добрался до Белого моря. Под влиянием постоянных сношений жителей Архангельска с иностранными купцами и матросами, приходящими на торговых судах, самый быт Архангельска был несколько иной, чем остальных городов. Все это интересовало Петра и давало пищу его пытливому уму. Царь все осматривал от мала до велика. Особенно его интересовали голландские корабли, хотя он не брезгал осмотром и простых лодок. В приготовленной к царскому приезду яхте царь неоднократно пускался в море, осматривал там корабли, знакомился со шкиперами и предпринимал поездки по морю в сопровождении иностранных кораблей. В это же время царь утвердил рисунок русского флага: полосы красная, синяя и белая. Первый раз взвился доселе невиданный флаг.

Будучи в Архангельске, царь Петр очень полюбил архиепископа Афонасия и часто беседовал с ним. Любил и архипастырь юного царя. Царь приказал снарядить товарами русские корабли и отправить их в Голландию с поручением привести ему оттуда военный корабль.

Ознакомившись с условиями иностранной жизни, царь захотел вводить ее у себя. Еще семнадцати лет он женился на Евдокии Феодоровне Лопухиной. Теперь, возвратившись из Архангельска, царь открыл у себя увеселительные вечера, в которых принимали участие жены и дочери иностранных гостей. Царица Евдокия первая пренебрегла древний обычай сокрытия жен и принимала участие в увеселительных вечерах мужа.

Как деловой человек, царь Петр не любил излишнего титулования и славословия. Вот его ответ боярину Апраксину, титуловавшему в своем письме царя многоэтажными титулами: «Письмо твое получил, только усомнился о том, ко мне ли письмо, потому что писано с зельми чинами. Ты знаешь, что я чинов не люблю… Пиши о деле и просто». Величие видно само по себе. Дела есть лучший диплом человека.

На следующий год после смерти матери, царицы Наталии, Петр вновь пустился в Архангельск. Отсюда царь с архиепископом, по обещанию, данному по случаю бывшей у него

болезни, решил ехать в Соловецкий монастырь. Служили молебен. Петр пел вместе с певчими. Выехали в море. Здесь наступила страшная буря. Гибель была видима. Все плакали и молились. Один Петр не растерялся. Между матросами царь увидел одного старика, который заявил ему, что спасение заключается в прибытии в гавань Ун-ские Рога, хотя вход в нее не безопасен. Матрос брался ввести яхту в гавань. Царь отдал ему руль, но затем стал сам вмешиваться.

– Пойди прочь, – закричал ему матрос, – я знаю, что делать! Если ты отдал мне руль, так не мешайся в мое дело.

Царь отошел и держал себя покойно.

Прибыли в гавань и были спасены. Матрос бросился в ноги царю и просил прощения за дерзость.

– Нет, ты был прав, а я виноват, вмешиваясь не в свое дело, – отвечал царь. Поцеловал старика и подарил ему на память свое морское дорожное платье. В память спасения от крушения, на том самом месте, где мореплаватели вышли на берег, Петр водрузил крест, который хранится и до сих пор.

В Архангельске царь ждал прибытия заказанного им военного корабля. От нечего делать он начал проходить морскую службу под командою голландского шкипера Виллемсена. Последний думал, что царь шутит, и потому на его вопрос ответил:

– Если хочешь учиться, начинай с цвиббера (каютный мальчик).

– А что он должен делать?

– А вот, марш, набей мне трубку и принеси водки.

Царь моментально исполнил.

– Теперь марш на мачту.

Царь исполнил и это. Так прошел Петр лично всю морскую службу.

Виллемсен был совершенно прав, говоря: надобно учиться служить другим, пока не научишься сам повелевать…

Наконец, ожидаемый военный корабль пришел. Его встретила вся эскадра кораблей, бывших в Архангельске, под предводительством английского шкипера Иоласона, при котором состоял царь Петр. Все торжество завершилось пиршеством, которое задал царь всем присутствовавшим. После этого царь возвратился в Москву для производства маневров, наполовину серьезных, наполовину шуточных.

Забавлялась царская душа. Забавлялась причудливо. Строил корабли без морей. Устраивал потешные сражения. Но какие великие идеи таились в этих забавах и какие могущественные последствия дали эти забавы. Самые шутки носили в себе залог гениального будущего.

Глава V

Радовалась душа царская при плавании в Белом море. Тут и корабли. Тут и кораблестроение. Но чем все это отличалось от корабликов, пускаемых детками в ванной? Размерами? Но ведь то детки, а то царь… Пользою! малою… Царь ясно видел, что от этого моря много не возьмешь. По крайней мере, не того жаждала душа Петра. Большую часть времени года это море было заперто льдами. Вести торговлю отсюда было невозможно. Да ее и не хотели допустить иностранцы. Раз русские купцы снарядили корабль товаром и пустили за границу; но заграничные купцы устроили стачку, товаров не взяли и корабль вернулся ни с чем… Нужно было придумать что-нибудь другое. Нужно было поискать другого моря. Балтийского? Но тут пришлось бы сцепиться и с Швецией, и с Пруссией, и с Польшей… Сцепиться можно, да что из этого выйдет. Петр ясно видел, что его войско далеко еще от идеала… Пришлось обратить внимание на южные моря – Азовское и Черное. Но тут Турция. А Турция в ту пору была очень сильна.

Пять лет прошло с тех пор, как Петр стал самодержавным государем, после ухода Софии в монастырь, а делами государственными он занимался очень мало. Когда-никогда появлялся в царской думе для решения по важнейшим делам, да на торжественные выходы при приеме иноземных послов. Все остальное время он отдавал военным да морским забавам. Не государственное это было дело…

Впрочем, у разных людей бывают различные точки зрения. С точки зрения Петра, это было именно настоящее государственное дело. Создавая регулярное войско, образуя флот, устраивая все необходимое для созидания и поддержания того и другого, Петр думал, что создаст государственную силу и мощь. Он думал, что созданная им армия и флот были настолько велики, что можно было уже и потягаться с кем-нибудь.

Царю нужен был выход из замкнутого кольца России. Такой выход давало либо Балтийское, либо Черное море. Балтийское трогать было не безопасно. Оставалось рискнуть на Черное море, т. е. на войну с Турцией. Однако открыть выход в Черное море было нелегко, ибо Днепр находился частью в руках вольных орлов – запорожцев, которые зачастую были не безопаснее самого злого врага, так как боялись только Бога, а слушались только самих себя, частью в руках крымских татар и Турции… Было удобнее попытаться войти сначала в Азовское море, а затем уже в Черное. Дон от верховий и до устья был во владении России. По берегам его леса было вдоволь. Поэтому царь приказал у

Воронежа строить суда, дабы на них выйти к Азовскому морю. Только у самого моря стояла турецкая крепость Азов, которую именно и надлежало взять.

Обдумывая эту думу, Петр получил от императора германского серьезную просьбу – воевать с турками. Турки слишком наступали на запад и разоряли прилежащие страны. Петра не нужно было долго просить об этом. Быстро создал он план войны и быстро стал приводить его в исполнение. Поход был объявлен на крымских татар. Армий было, однако, две: одна шла на Днепр, а другая на Дон. Для последней уже заранее готовили в Воронеже суда. Первая армия была под предводительством Шереметева, во второй армии был сам царь, Гордон, Лефорт, потешные полки, донские казаки и много других войск. Царь ясно сознавал, что овладеть Азовом и Азовским морем без флота нельзя. А тем не менее сделал ту самую ошибку, которую многажды и после него мы, русские, проделывали до последних дней: слишком понадеялся на себя и пренебрежительно отнесся к турецким силам.

Крымские татары были озадачены. Сразу две армии. На Днепре и на Дону… Они остановились в Перекопе. Шереметев быстро сделал свое дело. Быстро он овладел турецкими крепостями на Днепре, разрушил их и благополучно вернулся в Малороссию.

Далеко не был так удачен поход Петра. Да это и весьма естественно. Азов была сильная крепость на море. Не имея морских сил под руками, Азовом овладеть было нельзя. А Петр не дожидался окончания заказанных им воронежских судов. Обложив Азов с суши, Петр хотел овладеть им приступом. Но сделать это было очень трудно. Прежде всего, турки имели с моря постоянный подвоз войска, военных припасов и провианта и Петр не мог им в этом воспрепятствовать. Второе. Самая артиллерия Петра была далеко не в надлежащем виде, а минеры с младенческими познаниями. Производимые ими подкопы и мины больше перебили русских, чем турок. Как всегда водилось и водится у русских, интендантская часть оказалась никуда не годною. Не было пищевого довольствия, не было теплой одежды, не было обуви, не было перевозочной силы. Подрядчики фуража оказались мошенниками. А татары делали свое дело. Разбиваемые русскими в стычках, они старались досаждать русским частичными нападениями на обоз и опустошением окрестностей. И достигали этого с большим успехом… А тут наступили холода, дожди, слякоть, стужа… Напрасно Петр старался день и ночь собственным примером воодушевить войско и покончить с роем шмелей. Ничего не мог сделать. Только и взял

две каланчи, а Азов остался за неприятелем. Стыдно было Петру с первого своего похода возвращаться с неудачею, а делать было нечего. Укрепив взятые каланчи, оставив там достаточный гарнизон, соединив его с землею донских казаков постоянным сношением, Петр должен был вернуться в Москву, при сознании неудачи дела.

Неудачи учат великих людей и служат почвою для великих удач. Петр это всегда доказывал на деле. Возвращаясь с похода, Петр отправился в Воронеж, дабы там сделать все к успешнейшему созданию флота к будущей весне. Согнаны были туда десятки тысяч рабочих, из Архангельска насильно выслали сюда всех имевшихся там шкиперов, «ибо зимою им там предстояло безделье».

Вместе с этим из Архангельска же приглашены были на службу все имевшиеся там иностранные матросы и офицеры. Расходы по кораблестроению разложены были частью на государство, частью на богатых частных людей. Постановлено было строить патриарху, духовным властям и монастырям с 8000 дворов по одному кораблю, боярам и служилым людям с 10 000 дворов по кораблю же, городам изготовить 12 кораблей. Сам царь взялся руководить делами, ближайшим же наблюдением занимался Тимерманн.

Сознавая недостаток в минерах, инженерах, саперах и артиллеристах, царь обратился с просьбою к императору в Голландию выслать ему надежных инженеров. Обещания были получены и опытные люди ехали к Петру.

Зимою 1696 года умер царь Иоанн. Это событие очень огорчило Петра, но не отвлекло его от дела. Уже в феврале месяце царь с топором в руках работает самолично заложенный им на корабельной верфи корабль. В мае уже были готовы два больших 44-пушечных корабля, 2 галеаса, 23 галеры, 4 брандера. Все это в мае же поплыло к Азову. Теперь царь был вполне убежден в успехе. Азов был в его руках, а был Азов – было и Азовское море в руках. Отсюда недалеко было перекинуть водяной путь и до Москвы, соединив Дон с Окою, а другой путь и на Волгу, соединив последнюю каналом также с Доном. Этими путями направятся к Черному морю войска, военные припасы, флот, а потом, с Божьей помощью, и товары… Надежды царя на этот раз вполне оправдались. К 15 мая у Азова уже были Гордон и Лефорт с войсками.

Царь послал донских казаков в лодках узнать о турецком флоте. Оказалось, что турки принимали свои меры. У Азова стоял целый турецкий флот. Казаки, однако, от озорства не удержались. Напали на два корабля, прорубили им бока и потопили.

Очень Петр был рад первому успеху и, не выждав обложения Азова с суши, полетел сразиться на воде. К сожалению, за мелководьем, в море можно было выйти только на лодках. Запрятавши лодки между островами, Петр высматривал, что делает турецкий флот. Оказалось, что он грузил снаряды и войско на тумбасы для перевозки их в Азов. С гиком вылетела сотня русских лодок, напала на тумбасы, девятью из них овладела, а остальные удрали в Азов. Турецкий флот, состоявший из 13 кораблей и 26 галер, так испугался, что пустился в бегство, причем две галеры попали на мель у берега. Царь догнал галеры в море, первый бросился на палубу в бой и галеры достались царю. Другие лодки, поощряемые примером царя, овладели другими судами. Разбитый турецкий флот бежал.

Страшно доволен был Петр первою морскою победою. Ведь русский флот – это было его родное любимое детище. И вот эта забава, эта потеха юного царя дала плод, имевший мировые последствия. Первая морская победа дала Петру: двенадцать сожженных и потопленных галер, 10 больших соек, 9 тумбасов, взяты в плен янычарский ага, 300 турок, не считая убитых и утонувших, 70 пушек, 500 пик, 300 бомб, 4000 гранат и 80 бочонков пороха. Всю эту добычу Петр отдал заслужившим ее донским казакам.

К этому времени из Воронежа подошли остальные изготовленные большие суда.

Принялись за осаду Азова. Хотя опытные инженеры из-за границы были обещаны и были уже в дороге, но в нужный момент их не было. Всем распоряжался Петр. Он устанавливал войска, устраивал батареи, распоряжался обложением Азова с моря, следил за правильной доставкой материалов, указывал направление траншей, досматривал за их ведением, словом, все исходило из его головы.

Вскоре прибыли и заграничные инженеры. Это, действительно, оказались люди дельные и знающие и принесли Петру существенную пользу. Несмотря на прошлогоднюю победу над Петром, за зиму укрепление Азова, несметные скопища татарской орды, пришедшей Азову на помощь, – Азов был взят, и 6 августа, в день Преображения Господня, 1696 г. торжественно праздновалась первая значительная победа Петра.

Царь писал в Москву: «Ныне возглашу вам – радуйтесь – и паки реку радуйтесь! Бог благословил двухлетние труды и кровь нашу – Азов покорился!..»

Азов объявлен был русским городом. Рядом с этим заложена была новая русская крепость в Таганроге. В этом же походе Петр положил основу морскому регламенту, который до тех пор для

России не существовал.

На обратном пути в Воронеж Петра благословил святитель Митрофаний, которого Петр очень любил и пользовался взаимною любовью. В Москве торжествам конца не было.

Черта, общая всем великим людям: не увлекаться успехами, поучаться всем, что в нем достойного, и исправляться в недостатках. Это положение всецело применимо к Петру Великому. Несомненно радуясь великой победе и молодого войска, и нарождавшегося флота, Петр видел, что все это лишь детское строение и для окончательного устройства требовалось весьма и весьма многое. Все, что было до Петра, – было достойным детищем тогдашней России. Все, что начал созидать Петр, – было чуждо России. Она была детищем Петра, Петр и Россия были два очень разные элементы. Петр это слишком явно видел. Видел он также и то, что все его творения останутся беспочвенными и бесплодными, если они будут только его творениями и не станут творениями самого народа. А для того нужно было поднять умственный и нравственный уровень народа, пересоздать его и приблизить к уровню Петра.

Приходилось браться за пересоздание всего государства, за преобразование и обновлейие всего государственного дела. Подвиг гигантский. И Петр его совершил.

Часть преобразований пришлось произвести по собственному усмотрению, остальное нужно было заимствовать у иностранцев.

Вполне понимая, что сила государства заключается в его армии, Петр всеми силами старался усилить армию и флот. С этой целью Петр заводил все новые и новые полки и определил в Воронеже устраивать сильный флот из 35 кораблей – в 24–60 пушек, 4 брандеров, 8 бомбардирских лодок, так что число пушек и мортир превосходило 2500, а число людей определялось более 57 000. Весь этот флот строился за счет патриарха, богатейших помещиков, купцов и 10 кораблей на счет Петра. Флот устраивали под наблюдением Апраксина. Князю Голицыну царь поручил вести канал, долженствовавший соединить Волгу и Дон. Заложены были и укрепляли крепости Таганрог и Азов на Азовском море и Кази-Кирмень на Днепре. В это же время велись торговые переговоры с Китаем, Персией и послано посольство в Индию… Бог знает какие мысли были в голове у царя… Предпринимая все эти полезнейшие и важнейшие дела, царь решил допустить в государстве неслыханную вещь – свободное курение табака. Еще недавно это проклятое зелье считалось чем-то ужасно преступным и непозволительным. Царь Алексей и управительница София обращались с табачниками, как с государственными преступниками: их секли кнутом, резали нос и

уши и производили другие истязания. Петр лично курил и разрешил свободную торговлю и потребление курительного и нюхательного табака…

Но великий царь задумал думу еще большую. Желая преобразовать и просветить государство, он решил послать за границу выборных людей поучиться уму-разуму. Можно себе представить, какой гвалт поднялся по этому поводу!.. Но это царя не устрашило, и он прямо заявил в царском совете свою царскую волю.

Очень опасно было перечить Петру, но дело было очень серьезное и хотя скромно и осторожно, однако ему возразили, что отправить детей в земли бусурманские – значит толкнуть их на ереси и принятие еретических обычаев… Царь стал доказывать пользу образования.

Ему отвечали:

– Где нашим ребятам опознать морские хитрости! Жили отцы наши без них, проживем и мы!

Царь с горячностью стал объяснять все зло, все бедствия, всю пагубу невежества. Ему указали трудность и невозможность изучить заморские хитрости.

– Где нам научиться, говорите вы!.. Но разве не такими же людьми создал нас Бог! Разве Он лишил нас ума и дарований!..

Когда же и на это возразили, то царь произнес уже что-то совершенно невозможное:

– Я сам еду с вашими детьми!.. Я сам покажу им, чему должно учиться, что должно и чего не должно перенимать!

Царь земли русской идет к еретикам в науку!.. Святые угодники!..

Но царь был царь. Что сказал, то и сделал.

Сам Петр назначил юношей, каждому назначил, что и где он должен учить, с наказом по возвращении дать строгий отчет. Посылаемых снабдили деньгами и рекомендательными посланиями. Первая партия отправилась в январе 1697 г. Она должна была посетить и изучить Англию, Голландию, Германию и Италию. В числе отправленных были: Куракин, Долгорукий, Голицын, Толстой, Хил ков, Трубецкой, Оболенский, Урусов, Черкасский и др. Разумеется, не без горя и не без слез отправлялись они в дальние края, где не бывали их ни отцы, ни деды, для мудреного, тягостного, несообразного со званием и положением дела, да и языки-то иностранные едва ли кто из них ведал… А еще более тужили остающиеся дома. Не было ни одного знатного дома, который не повергался бы в траур… Едва ли все это создавало царю сторонников.

Вместе с тем Петр решил послать на запад великое

посольство. Оно должно было посетить Вену, Варшаву, Берлин, Гаагу, Лондон, Дрезден и Венецию. Сам царь отправлялся в этом посольстве, но только под именем простого дворянина Петра Михайловича. Задача посольства была заключить с государствами союзы торговые и политические, а также осмотреть все, достойное внимания. Кроме того, каждому из членов посольства поручено было изучить ту или другую отрасль знания. Предметами изучения были: науки, ремесла, искусства и художества. Предпочтения отдавались полезному перед приятным. Царь хотел сперва прямой положительной пользы, а не роскоши просвещения; готовил он сперва не ученых, не литераторов, но мастеровых корабельных и литейных, механиков, лекарей, рудокопов, инженеров и архитекторов.

Как только узнали, что сам царь отправляется в обучение, появилось много охотников следовать за ним, ибо этим создавалась карьера… Первыми бросились давнишние друзья царя – потешные. Более всех порадовал царя почтенный боярин и воевода Борис Петрович Шереметев, который, несмотря на свои лета и положение, просил царя позволить ему на время сложить свои высокие чины и уехать за границу учиться военной науке. Во главе посольства стояли Лефорт, Головин и Возницын. Свита была большая и блестящая. Царь не щадил расходов. При Петре были Меньшиков, сын имеретинского царя Арчила, племянник Лефорта, дети князей и бояр, а рядом с ними дети простых дворян.

Управление государством поручалось государственному совету, состоявшему из Нарышкина, Прозоровского, Голицына и Стрешнева. Главнокомандующим всех войск был назначен Шеин, Гордон его помощником. На гетмана Мазепу возлагалась обязанность хранить Малороссию и сдерживать крымских татар. Все было готово к отъезду. Простая мелочь едва не рушила все планы. Стрельцы Циклер, Соковнин и Пушкин составили заговор убить Петра. Находясь на прощальном вечере у Лефорта, царь узнал о заговоре и о том, что заговорщики собрались в квартире Соковнина. Ни слова никому не говоря, Петр отправляется в логовище заговорщиков, собственноручно с ними расправляется, велит арестовать и предать казни.

Стрельцы, видимо, не могли успокоиться: они являлись защитниками старых предрассудков, старого невежества и старого порядка, а следовательно, противниками всего того, что вводил Петр, а равно и противниками самому Петру. Оставлять стрельцов у Москвы, да еще в отсутствие из государства царя было невозможно. Стрелецкие полки были совершенно преобразованы, стрельцы с их женами и семьями были разосланы

по городам. В Москве их заменили регулярные полки. Горестно расставались стрельцы с Москвою, озлобленные они понесли в своих сердцах семена возмущения на окраины. Еще не раз пришлось гидре рубить голову…

9 марта 16 97 г. царь выехал за границу.

Глава VI

Первый город, лежавший на пути царского посольства, был Рига, находившийся тогда во владычестве Швеции. Несмотря на то что генерал-губернатору было известно, что в числе членов посольства находится сам царь, посольство принято было очень нелюбезно, содержалось скудно, осмотр крепости был не позволен, а когда Петр хотел обойти ее, то в него хотели стрелять. Все это крайне возмутило Петра, и он вперед предрешил осмотреть эту крепость силой. Впоследствии неприличный прием, оказанный в Риге царскому посольству, послужил поводом объявления войны Швеции. Отсюда посольство направилось в Курляндию и было принято очень радушно. При приятном времяпрепровождении царь и курфюрст заключили дружеский и торговый трактаты. Царь был крайне любопытен и старался ничего не пропустить, чтобы не осмотреть. Однажды во время прогулки он увидел на даме маленькие эмалевые часы. Это его крайне заинтересовало. Он остановил даму, снял часы, осмотрел, извинился и с благодарностью возвратил.

Когда хотел, Петр мог быть даже вежливым дамским кавалером. Ему понравилась жена курфюрста, София-Шарлотта. Однажды курфюрст спросил Петра: что ему больше всего здесь понравилось?

– Можете ли вы спрашивать меня, если ваша супруга находится перед глазами?!

Этот ответ царя-молодца едва ли мог понравиться довольно мизерненькому курфюрсту.

В Пруссии Петр осмотрел крепости. В Берлине брал уроки у лучших артиллеристов и требовал себе строгого экзамена и аттестата. По дороге осматривал железные заводы.

На пути в Голландию Петру готовился сюрприз. В Коппенбригге его неожиданно приехала встретить курфюрстина София-Шарлотта с дочерью и пригласила на ужин. Петр долго отказывался, затем прибыл и очень весело провел время. Между прочим, София-Шарлотта пропела по просьбе Петра итальянскую арию и спросила его, любит ли он музыку.

– Как не любить, когда вы поете, а впрочем, я не охотник до нее. Моя забава фейерверки и, кроме того, я знаю четырнадцать

других ремесел и все работаю сам.

– Сами!

– Да, посмотрите на мои руки, с них не сходят мозоли.

По пути в Голландию царь покинул свое посольство и поспешил в Амстердам, а оттуда в Саардам, чтобы поскорее заняться излюбленным кораблестроением. Там он встретил своего приятеля по Переяславскому озеру плотника Киста и остановился у него на квартире. Вместе с немногими своими спутниками царь обедал в трактире и вел себя крайне просто. Он купил себе топор, пилу, инструменты и записался работником на верфи мастера Роле, куда ежедневно исправно отправлялся на работу и работал усерднее других.

В свободную минуту он забегал в трактир и вместе с другими саардамскими рабочими выпивал кружку пива.

– Кто вы такие? – спрашивали его.

– Мы русские плотники и приехали сюда учиться.

Память о плотнике царе останется на вечные времена у саардамцев. Вспоминают, как он отличался искусством между всеми плотниками и мастерами и получил за то звание баса, или мастера, как он работал на пыльной мельнице, на маслобойне и на бумажной фабрике. Царь сам носил дрова на кухню, топил печку и стряпал кушанье.

Однажды он вошел в дом плотника в грязных башмаках. Сварливая чистунья хозяйка остановила его. Петр снял башмаки и тихо остался в чулках.

Царь посетил мать одного бывшего своего мастера и запросто обедал с нею. Другой раз он завтракал у жены другого мастера.

– Почему ты знаешь моего мужа?

– Мы работали вместе с ним у московского царя.

– Но кто же ты сам?

– Я плотник.

Видимо, скромная внешность не могла прикрыть мощной по природе натуры Петра.

Идя однажды по улице, Петр толкнул не давшего ему дорогу мальчишку, за что получил от него в физиономию гнилое яблоко.

– Виноват, я все думаю, что я еще в Москве, – сказал царь.

Царь купил себе бот и яхту и в свободные минуты разъезжал по морю.

Вскоре в Амстердаме узнали, что в Саардаме работает царь в качестве простого корабельного плотника. Масса народа бросилась смотреть на диво. Это крайне озлило царя. Он бросил Саардам и переехал в Амстердам. На пути одному уж слишком любопытному царь закатил на память хорошую плюху.

Саардамский домик Петра хранится как святыня. Его

посетили Наполеон I, император Иосиф, Густав III и потомки Петра императоры Павел, Николай и Александр.

В Амстердаме Петр вновь начал работать на корабельной верфи и имел полное право писать: «Следуя слову Божию, сказанному праотцу нашему Адаму, трудимся в поте лица, *видит Бог, не из нужды, но желая блага, дабы искуситься в науке и быть полезным отечеству».*

Однако проживши почти полгода в Голландии, царь занимался не одним только корабельным мастерством.

Все интересовало его, от великих политических дел до сучения веревок и от знакомства с государями и министрами до соления рыбы и варения смолы.

В Гааге русские послы впервые участвовали в общеевропейской конференции и это было очень приятно Петру.

Вместе с тем Петр вел знакомство и беседы и слушал лекции знаменитых ученых, напр., анатома Рюйша, и поддерживал дружбу со знаменитым Боэргавом. Он брал уроки математики у Гартцоккера. Это не мешало ему изучать флот, обозревать магазины Ост-Индской компании, корабельные доки, китоловные суда, анатомический театр, кабинет редкостей природы и знакомиться с микроскопом. В то же время он чертил планы со знаменитым Кугорном, исчислял пропорции кораблей с Сило, обозревал больницы, воспитательные дома, церкви различных исповеданий, заключал договоры на литье пушек и выделку ружей, нанимал матросов, офицеров, мастеров и исправлял карты России. Все им виденное записывалось в записную книгу, всему снята была мера, взяты рисунки и модели. Все присланные в учение русские постоянно давали Петру отчет в своих занятиях и сделанных успехах. Так, Меньшиков работал на верфи, Имеретинский по артиллерийской части, двое князей Шаховских отправились на кораблях, один в Суринам, другой в Батавию. Были русские, которые учились мачтовому делу, блочному, строению мельниц, парусному, приготовлению канатов и снастей и т. д. Сам царь брал уроки у зубодерга, ковал с кузнецами, мял кожи с кожевниками, ткал с ткачами. Ему нужно было знать все. Однажды он увидел ловкого фокусника. Фокусы очень понравились Петру. Он захотел их знать и за обучение заплатил большие деньги.

Находя шрифт церковного алфавита для русской грамотности слишком мудреным, Петр лично составил образцы ныне существующего гражданского алфавита и дал его изготовить амстердамскому типографу Тессингу, Тессинг же получил привилегию торговать книгами в России.

Скоро корабль, на котором работал Петр, был закончен.

Голландское правительство, желая доставить удовольствие, принесло его царю в дар. Царь пришел в восторг. Он назвал его кораблем апостолов Петра и Павла. Посадив на него 640 человек, нанятых в Голландии мастеров и опытных людей, нагрузил закупленными здесь товарами и отправил в Архангельск.

Радушно простившись и богато одарив своих учителей, Петр отправился в Англию. Там он надеялся изучить в совершенстве искусство строения военных кораблей. В Англии царь провел в работе четыре месяца. Главным местом его работ была корабельная верфь, но и другие места важные и интересные были им осмотрены. Он посетил английский парламент, монетный двор, Виндзор, Гринвич, Оксфордский университет, Вульвичский морской арсенал и проч. Особенное удовольствие царю доставили морские маневры. При громе пушек из гавани выступило несколько линейных кораблей и множество мелких судов. Петр находился на адмиральском корабле, командовавшем эскадрою. Царь был в восторге от движений и приемов при морском сражении и в восхищении воскликнул: «Если бы я не был русским царем, то желал бы быть английским адмиралом». Царь осматривал также заводы, фабрики и мастерские, закупил множество нужных предметов и нанял 300 мастеров и художников, инженеров и ученых. Англичан поражали простота жизни царя и свобода обращения с окружающими. С переводчиком он всюду ходил один и все осматривал лично. О Гринвиче он отозвался так: «В нем хорошо особенно то, что дворец ваш походит на госпиталь, а госпиталь на дворец».

Англия царю особенно понравилась. Он назвал ее прекраснейшею и счастливейшею из всех им виденных стран. С королем Петр стал в великую дружбу, на прощанье получил от него в подарок дивную яхту и остался навсегда в самых лучших отношениях.

Из Англии Петр отправился через Амстердам и другие дорогие ему места, с которыми радушно простился, в Вену. Несмотря на полнейшее инкогнито царя и искреннее нежелание его всяких приемов, лично к нему направленных, по вступлении его в Саксонию ему оказано было самое живое участие и радушное отношение. Всюду его сопровождали торжественные встречи, приемы, обеды, пушечная пальба и проч. Царь внимательно осматривал университеты, крепости, картинные галереи, собрания редкостей и проч.

Иные отношения были проявлены в Вене. Здесь на всем пути только и толков было, что о соблюдении этикета. Австрийские придворные были помешаны на этикете, причем старались всюду унизить положение русских послов. Петр, пренебрегавший

всякими формальностями лично для себя, был очень чувствителен по отношению к своему посольству. Поэтому все попытки австрийских царедворцев принижать русское посольство он разрешил одной фразой:

– Хорошо, соглашаюсь на все – пусть принимают нас здесь как им угодно, но зато и мы их примем так же в Москве…

Здесь также царь проводил время в изучении всего важного и всего интересного. Он ездил в Венгрию и был на минеральных водах в Бадене.

Отсюда царь хотел направиться в Венецию, быть может, даже в Париж, но в то время стрельцы опять поднялись. У гидры выросла новая голова. Петр направился в Москву, на пути посетив Варшаву.

Глава VII

После последней вспышки в среде стрельцов все их полки были высланы по окраинам, лишены незаслуженных льгот, несли должную, но нелегкую военную службу и, разумеется, очень недовольны были своим положением. Им снились прежние, давно минувшие вольности, им снилось безделье, им снились прежние доходные торговые статьи, а главное, своеволие. Все это было и быльем поросло. А все это наделал молодой царь со своими немцами. Ему обязаны были стрельцы своим теперешним положением. От него одного произошли эти беды. А теперь и сам он ушел из русской земли. Сказывают, и веру променял он. Сблизился с еретиками, сам еретиком стал и своих подданных хочет обратить в еретическую веру. Хочет образа Божия лишить людей. Хочет бороды брить, кафтаны резать. Девок и баб в компанию пускать. Совсем последние времена наступают. Да сказывают, что его там уходили. Он умер и теперь все на Руси без начала. Одна, свет, Софья Алексеевна надежда и спасение. Она стоит за старую веру и за незыблемые старые нравы и обычаи России. Ее теперь нужно посадить на царскую державу, а там она не забудет и горемычных стрельцов.

И вот четыре стрелецких полка, стоявших на литовской границе, сменили своих полковников, заменили их новыми и двинулись военным строем на Москву. А за этими готовы были двинуться и другие стрелецкие полки, бывшие под Азовом, в Малороссии, в Сибири и т. д. Смутились правители и не знали, что делать. Напрасно Гордон советовал немедленно двинуть войска против бунтовщиков. Только князь Борис Голицын поддержал его и войска были двинуты: 2000 преображенцев и 8000 сборного войска. Бунтующих собралось более 20 000. При

встрече сторон после первого же натиска регулярных войск бунтовщики бежали. Оставалось ловить и расправляться.

Бунтовщиков судили и зачинщиков немедленно казнили, менее виновных сослали в отдаленные места. Но при следствии выяснилось, что в мятеже принимали участие такие лица, которые стояли выше власти временного правительства, это именно царевна София, царица, супруга Петра, Евдокия и царевна Марфа Алексеевна.

Правители решили уведомить о всем царя и звать его назад в Россию. Жестоко озлобился царь, узнав подробности мятежа. Должен он бросить неоконченным начатое дело и ехать назад. Но, возвращаясь в Россию, Петр твердо решил уничтожить последнюю главу гидры и самый прах ее рассеять. На пути он заехал в Польшу, видался с королем Августом, очаровал польское общество и затем спешно прибыл в Москву. Страшно был недоволен царь оставленными правителями. Вызвали сосланных стрельцов, учинили новый суд и казнили еще очень многих стрельцов. Всегда обходительный, доступный, простой и приветливый царь мог быть жестоким и даже свирепым, каким он и оказался на этот раз по отношению к стрельцам.

Не оставил он без суда и высших лиц, смущавших невежественную и бесшабашную массу. К царевне Софии он явился в монастырь и пожелал только сделать выговор. Но царевна так умно, так ловко, так едко и больно стала укорять Петра, что привела его в такое неистовство, что он выхватил меч.

– Государь, – воскликнул присутствовавший при этом Лефорт, – вспомни, она твоя сестра!

Петр успокоился и вышел.

– Как она умна и какое у нее злое сердце, – сказал Петр, выходя из монастыря.

Да, она была достойна своего брата во всех отношениях, только она была женщина.

По требованию Петра София отреклась от мира сего и приняла иноческий чин 21 октября 16 98 г. под именем Сусанны. Царица Евдокия также вступила в монастырь под именем Елены, а царевна Марфа приняла иноческий чин под именем Маргариты. Стрелецкие полки все до одного были раскассированы. Бывшие в них люди отданы в новые полки и самое имя стрельцов было уничтожено.

А между тем возмутители невежественных сердец были совершенно правы, распуская слухи, что царь Петр намерен коснуться самых дорогих, самых священных проявлений русской национальной жизни. Вскоре по возвращении в Россию он издал указ о снятии бороды и замене длиннополого костюма короткими

немецкими кафтанами… Бороды позволялось носить только духовенству и простому люду…

А как трудно было Петру бороться с бородою, это доказывается тем, что сам патриарх Адриан писал еще недавно следующее послание: «Воины всякого чина, начальствующие и начальствуемые. Отриньте от себя еретический обычай брить и постригать бороды. *Бог возбранил* то, и святые апостолы воспретили, глаголя: не подобает брады власов растлевати и образ мужа изменяти: сие бо женам лепо сотвори Бог… Сам Христос был с бородою. Подобно ему, святые апостолы, великие пророки, преподобные отцы, благочестивые цари, Константин Великий, Феодосии Великий, Владимир Великий, все имели бороду, хранили ее, как Богом дарованное украшение, с нею до сих пор видимы на иконном писании и все, при общем воскресении, восстанут, как создал их Господь. О пребеззаконники! Неужели вы считаете красотою брить бороды и оставлять одни усы? Но так сотворены Богом не человеки, а коты и псы…» Много, много ужасного по сему поводу наговорил патриарх. И тем не менее это не удержало Петра. Он сделал свое.

В самом деле, что ему было в бороде или в длиннополом платье? Неужели Петр не знал, что и между бородатыми людьми бывает очень много людей умных, честных и деятельных, а между бритыми – дураков, мошенников и бездельников… Неужели обритие бороды могло невежд сделать просвещенными, а дураков умными?… Неужели короткие сюртуки могут изменить ум и душу людей!.. Все это гениальный ум Петра ясно видел и понимал, но понимал он и то, что борода и длиннополое платье есть китайская стена, отделяющая чистое от нечистого, дельное от бездельного, вежественное от невежественного. Борода и кафтан те латы, за которыми скрывалась старая невежественная Россия от цивилизованного Запада.

Уничтожая бороду и кафтаны, царь разрушал преграду между людьми двух лагерей, ставил в возможность взаимоотношения, обмен мыслей и позаимствований.

Не русский элемент хотел этим уничтожить Петр, а невежество. Если бы знание и цивилизация Европы принадлежали русским, а в Европе царил мрак невежества, то можно быть глубоко убежденным, что Петр и не подумал бы насильственно резать бороды и заменять кафтаны. Отчего Петр не вводил в России костюмы Персии, Турции, Грузии и т. д.? Потому, что эти народы были более невежественны, чем русские. Петр вполне понимал, что изменение внешности не меняет внутреннего содержания, но зато оно уничтожает преграды для взаимных сношений людей между собою и снимает те священные внешние

проявления, коими русские кичились перед немцами и в силу коих они считали себя более достойными, более благородными и более чистыми. Совершенно то же, что ныне в Китае…

Как бы там ни было, а Петр сказал: «быть по сему» и совершилось. Можно себе представить, сколько недовольных этими приемами он создал себе? Только всю Россию, ибо в немецкое платье он заставил одеться не только мужчин, но и женщин… И тем не менее Петр не убоялся этого и настоял на своем.

Скоро, однако, царь допустил изъятия из запрещения носить бороду, но при наложении очень большой пени. Для этого тем, кому разрешалось ношение бороды, выдавалась особо установленная бляха: медная пластинка с изображением на одной стороне усов и бороды, а на другой – «деньги взяты». Такой знак выдавался ежегодно и стоил гостям и гостиной сотне 100 р. в год, царедворцам, людям дворовым, городовым, приказным и служилым и торговой статье – 60 руб., посадским, людям боярским и т. д. – 30 р. Наложением этой пени Петр собирал очень большую сумму денег и значительно обогащал государственное казначейство.

Кроме того, таким приемом борода лишалась своего священного и исключительного национального значения и являлась у носящих предметом роскоши…

Отчего же Петру было и не воспользоваться налогом на предмет роскоши!

Царь был искренний противник роскоши. Пример сдержанности в трате он подавал лично: он сократил множество расходов по своему двору и уничтожил толпу бесполезных царедворцев, то передав их в военную службу, то отправив за границу в учение. До отъезда царя за границу на содержание двора его, царевича Алексея, тетки, сестер, невестки и племянниц отпускалось 55 т. р., а по приезде он приказал отпускать только 35 т. р.

Вместе с этим царь сокращал штат придворных служащих. Целые полки дворцовых стольников, стряпчих, дворецких, портных, стремянных, псарей, ключников, серебряников, сапожников, шатерничих, ясельничих, чашников, чарошников были упразднены и заменены немногими чиновниками и адъютантами и немногими также денщиками и слугами. А какие были расходы на царский стол – видно из следующего: на царских конюшнях содержалось более 3000 лучших лошадей и 40 000 лошадей рабочих, конюшенных царских прислужников было до 600, конных до 300, погребных до 300. Каждый день с царской кухни отпускалось 3000 блюд кушанья, на царский двор

привозили ежегодно 20 000 берковцев рыбы из Архангельска, кроме того, 400 бочек рыбы из Новгорода… Хлебного вина выпивалось 120000 ведер, а пива и меда вдвое более.

Уничтожив стражу и разогнав прислужников, царь позволял каждому приходить во дворец и подавать ему лично просьбы, где бы его ни встретили. Сам он лично читал прошения, сам писал указы и бумаги. Даже послов Петр нередко принимал не во дворце, а на работах. Пышные царские обеды были заменены самыми простыми и скромными. К обеду царь приглашал гостей без различия положения, равно и сам нередко посещал не только чиновных людей, но и купцов и посадских. Иногда он крестил детей у ремесленников, обедал с простым мужиком, заходил выпить рюмку водки к дьячку или к своему любимому солдату. Петр строжайше запретил унижать человеческое достоинство подачею прошений, стоя на коленях, а равно и писаться на прошениях уменьшительными именами – Федька, Филька, Ивашка и проч. Уничтожая тяжелое великолепие, сам Петр требовал того же и от своих вельмож. По царскому велению стали исчезать целые полки боярских холопей и золото и драгоценные каменья на их платье.

В судебных и других деловых переписках введена была гербовая бумага, которая, с одной стороны, приносила доход казне, а с другой – удерживала многих от излишнего бумагомарания. Вместе с этим царь приказал собрать все указы, решения и статьи приказные, дополнить ими «Уложение» царя Алексея Михайловича, привести их в порядок, издать для руководства судей и народа, напечатать его, дабы все знали его и неведением закона не отказывались. Для решения дел по торговле и заведования городскими сборами учредил ратуши и магистраты. Купцы были объявлены подсудными бургомистрам и судьям. Для ознакомления с тем, что делается в Европе, царь приказал печатать и издавать ведомости или газеты. По приказанию царя составлялись географические карты Дона, Азовского моря и Сибири. В Сибири разыскали золото и приступили к его добыванию, причем была допущена полная свобода промысла, вместе с этим послан был первый торговый караван в Китай. По приезде приглашенного царем математика Фархватсона царь учредил училище навигаторское и поместил его в Сухаревой башне. Видя в Сухаревой башне глобусы, различные трубы, циркули и другие орудия, народ думал, что в Сухаревой башне занимаются колдовством и проклятым чернокнижием. В это же время начали чеканить мелкую монету из меди. Выписаны были актеры и открыт был театр, причем царь посещал его сам и заставлял посещать других. Для поощрения за

отличия служебные и другие государственные услуги был учрежден орден Св. Андрея. Первыми кавалерами были Ф. Головин, Лефорт и малороссийский гетман Мазепа, последний «за многие в воинских трудах, знатные, усерднорадетельные и верные в течение тринадцати лет против султана турецкого и хана крымского службы».

Новый год 1700 г. стали праздновать не с 1 сентября, а с 1 января, подобно тому, как это делалось в других европейских странах.

Но особенно резкие перемены произведены были в военном ведомстве. Царь определил набирать войска из помещичьих, духовных и казенных крестьян, причем они вступали на службу на определенный срок и по окончании оной уже не возвращались в крестьянское сословие, а оставались свободными. Так составлялось постоянное и в определенном числе войско. Войску дана была определенная форма, соответственно роду его службы. Все помещики должны были лично поступать в военную службу, на право владения землями требовалось служить непрерывно на службе и служить всю жизнь, пока позволят силы и здоровье. Для точного же ведения была произведена строгая перепись поместий и с укрывающихся от службы делалось строгое взыскание.

Нужно правду сказать, что уже не многолетние труды Петра стали увенчиваться успехом. Опыт показал, что многие выписанные из-за границы офицеры не умели взять ружья в руки, почему их пришлось выгнать вон и выслать из России. Зато многие русские офицеры оказались людьми способными и очень пригодными к военной службе. Видя успехи, царь с удовольствием не раз говаривал: «К чему мне тратить деньги на иноземцев, когда мои подданные сумеют то же самое сделать, что и они?»

Рядом с этим Петр заботился и об образовании духовенства. «Становятся у нас священники малограмотные, святых молитв не разумеющие, – говорил он патриарху, – надобно их учить, чтобы они могли вразумлять православный народ в истинах христианских и просвещать иноверцев… Для того хотя бы в Киев послать несколько десятков в тамошние школы для обучения».

Находясь еще за границей, Петр заключил тайный союз с королями датским и польским на войну со Швецией. Но прежде чем начать войну со Швецией, Петру нужно было покончить с Турцией. После второго Азовского похода особенно значительных военных действий с Турцией не было; но не было и мира. Русские войска стояли у Азова и воевали по временам с крымцами, но с Турцией обстояло все спокойно. Поэтому Петру нужно было заключить с Турцией мир, но мир почетный и выгодный. Русские

послы первый раз принимали участие в конференции по поводу заключения мира с Турцией германским императором, Венецией и Польшей, но Россия не могла остаться довольною результатами этой конференции. Приходилось посылать в Константинополь нового посла. Но чтобы при этом получились желанные условия мира, нужно было показать султану, что Россия готова к войне. Поэтому Петр немедленно, по исполнении важнейших дел по внутреннему благоустройству страны, отправился в Воронеж для осмотра флота и усиления его новыми судами и пушками.

Устроив флот, царь захотел показать Турции, что Россия сила не только на суше, но и на море, что у нее есть флот и флот этот сумеет постоять за себя. Однако до сих пор этот флот плавал по Дону да по части Азовского моря. Царь захотел, чтобы его посол прибыл в Константинополь на русском военном корабле и остановился у стен столицы султана с надлежащим пушечным салютом. Для пущей же важности и силы он захотел проводить свой посольский корабль всем флотом до Керчи, дабы турки видели, что русский флот не миф и не шутка.

Послом в Константинополь был назначен Украинцев. Он отправился на военном корабле «Крепость» в сопровождении всего остального флота под надзором самого царя. Прибыв в Керчь, весь флот остановился перед городом и салютовал из пушек. Это был первый салют в море русских военных кораблей.

Турки всполошились не на шутку. Прежде всего, русский военный флот был невиданное дело, во-вторых, он был не шуточный, наконец, как с ним быть и как обращаться… С одной стороны, сила, а с другой – как посмотрит повелитель правоверных… Беда, да и только.

Явился Украинцев к Муртаз-паше и заявил ему, что он едет послом от русского царя к турецкому султану. А намерен он ехать морем, почему и просит пашу отрядить ему провожатых, как то подобает царскому послу, остальной же флот прибыл приветствовать пашу…

Только этого недоставало. Морем… К самому султану… Аллах, Аллах!.. Голова-то одна, а как скоро может снести ее падишах…

И начал паша стращать посла. И море Черное непроходимо, и оно страшно бурное, и пути его неизвестны, и русский корабль не выдержит… Одним словом, наговорил таких страхов, что хоть ложись и умирай… А вот сухим путем, это можно. Паша даст провожатых, снабдит всем необходимым и с полным почетом посла домчат к падишаху в несколько суток.

Но Украинцев стоял на своем. Русский царь приказал ему отбыть и приехать морем, и он это исполнит, а даст ли паша

почетных провожатых или не даст, это ему, послу, все равно, он и сам дорогу в Константинополь найдет!..

Ну, что ты поделаешь с этим собакой неверным… Наконец, паша соглашается; но так как погода дурная и русскому кораблю будет небезопасно, а паша отвечает за ценность царского осла, то паша предлагает привести русский корабль канатами на галерах.

Канатами!.. Да никогда я не допущу, чтобы корабль Его Величества вести на канатах…

Видя решимость русского посла выйти в Черное море без провожатых, паша отряжает в сопровождение четыре турецких корабля.

И вот русский военный корабль в Черном море. То была первая ласточка, которая скоро принесла и весну русскому флоту на Черном море.

3 сентября 16 99 года Украинцев был под стенами Стамбула. На глазах у всех впервые развевался русский флаг и русский военный корабль салютовал столице правоверных. Салют был отдан.

Турки были страшно поражены прибытием русского военного корабля. Они пребывали в ложном убеждении, что у русских флота нет и быть не может, ввиду того, что на Дону могут строиться только плоскодонные суда.

Еще больше поразило падишаха и турок, когда они узнали, что это далеко не единственный военный корабль, а их много и все вооружены очень обстоятельно, что свидетельствовал и сопровождавший посла Гуссейн-паша.

Вот так штука…

Начались переговоры. Русские запросили немного. Они потребовали оставления за собою всего того, чем владели, с прибавлением свободного плавания по Черному морю и т. д. Долго, долго пришлось русскому послу бороться с турецкою посольскою волокитою. Наконец, мир был заключен. Султан отказался от обладания Азовом, дозволил русским торговлю на Черном море, обещал безопасность русским странникам в Иерусалиме, а также запрещение крымским татарам делать набеги на Россию и крепкое сохранение дружбы. Нужно сказать правду, такой, необыкновенно благоприятный для России, мир мог быть достигнут только благодаря гениальной мысли Петра поставить за плечами посла готовый военный флот и готовую армию. Турки знали все и потому сдались.

А как Петр был рад этому миру. Он ждал его с крайним нетерпением. Этот мир был для России прежде всего почетным миром и ставил Россию перед другими державами на небывалую высоту. Этим миром Петр ставил ногу на Черное море, а Азовское

уже было в его руках. Этим миром Петр развязывал себе руки для других дел, и более видных, и более интересных…

Глава VIII

Жизненный опыт, личные наблюдения и рассуждения показали Петру, что Черное море очень хорошо, очень желательно иметь в своих руках, но это вовсе не то, чего желал Петр. Если бы даже допустить, что вход и выход в Черное море были совершенно в руках русских, если бы плавание по нему было совершенно свободно как военным, так и торговым русским кораблям, то и тогда этот путь в Европу был слишком кружной и достигал цели только косвенным путем. Прямой морской путь в Европу лежал через Балтийское море. Только здесь можно было русским прорубить окно в Европу. Сюда-то потянуло Петра, как только он познакомился с Европой и возвращался на свою родину. Тем более овладение Балтийским морем для Петра представляло интерес, что часть этого моря была еще недавно собственностью России. И подумать только, как это могли отдать такое золото!.. И вот, возвращаясь в Россию, Петр охотно вступил в договор с королями датским и польским – воевать со Швецией. Когда он прибыл в Россию и произвел расправу со стрельцами, к нему явилось два посольства: от короля шведского с предложением мира и от королей датского и польского с предложением войны со Швецией. Согласившись, однако, на последнее предложение, Петр не мог нарушить и первого, пока не заключил мира с Турцией. Поэтому, под разными предлогами, Петр затягивал решение и того и другого предложений, пока не получил уведомления от Украинцева о заключении мира с Турцией, и на другой день, как только последнее состоялось, Петр заключил договор с королями датским и польским и объявил войну Швеции.

В силу первого договора Россия могла возвратить себе от Швеции Ингерманландию, Лифляндия же должна была отойти к Польше, но, видно, уж такова судьба всех политических договоров, что одно пишут на бумаге, а другое имеют в уме. Петр, еще не начиная войны, уже решил, что русским достанется не только Ингерманландия, но Лифляндия, а может быть, и еще побольше.

Решаясь на войну со Швецией, Петр был более или менее уверен в успехе. Много было обстоятельств, помогавших таким радужным мыслям Петра. Прежде всего, он имел дело с королем юным, только что вступившим на престол, неопытным и мало знакомым с военным делом. Далее, он имел таких союзников, как Дания и Польша. Он воевал не на своей земле, а переходил на землю неприятеля, а это предоставляло перспективы реквизиции,

контрибуции и других приятных в войне представлений. Петр шел в прежде бывшие русские земли и для возврата своих исконных владений. Петр имел уже войско, окрещенное войною и испытанное в бою. Наконец, он имел уже и опытных военачальников. Правда, к этому времени один за другим скончались Лефорт, Гордон и Шеин, – потери, несомненно, великие, – но Петр имел и других военачальников и потому с легкою душою объявил войну Швеции. Поводы были ничтожны. Один из важнейших – нанесение обиды царскому посольству в Риге. Но разве и нужен повод, когда хотят воевать. Петр хотел войны, объявил войну и был за это хорошо проучен. Союзники наскочили на то, чего совершенно не ожидали. И поделом…

Королю шведскому, Карлу XII, в описываемое нами время было всего только 18 лет. Но это была решительная натура, отличная от других и резко выдающаяся. Во всех отношениях он был человек весьма странный и причудливый, но в военном отношении это был, безусловно, гений. Как ни странно, но бывают эпохи, когда гений является единственным. Эпоха Петра Великого, могущественнейшего гения, в то же время выдвинула и второго гения, Карла XII. Но если Петр был гений всеобъемлющий и всесторонний, то Карл XII был гений узкий, чисто военный. Нельзя не сказать, что в эту эпоху выдвинулись и другие видные люди, как царевна Софья, гетман Мазепа и проч., но это были dii minores…

Личность короля шведского Карла XII настолько выдающаяся, что вполне заслуживает отдельного психологического очерка. Уже с детских лет он был прекрасно физически развит и очень любил телесные упражнения. Особенно же он предавался военным играм и упражнениям. Казалось, он родился быть воином. Он очень любил охотиться на медведя, но именно с рогатиной и ножом. Карл жил между охотой и военными упражнениями. Он терпеть не мог роскоши и придворной обстановки, не любил он также и женщин. Это был суровый воин и строгий аскет. Он жил в палатке, носил грубое солдатское сукно, ел очень скудный обед, спал мало, проводил жизнь в голоде, холоде и трудах, и всем этим он не только не тяготился, а, напротив, делал по доброй воле и по любви. Спиртного он ничего не пил. Из наук он особенно усердно изучал то, что необходимо было знать воину и полководцу. Он всегда был серьезен и скорее мрачен, нежели весел. Жажда славы была его единственною мечтою. Он упорно отстаивал свои мнения и в этом отношении доходил до упрямства. Он никогда не отменял своего слова и не терпел никаких возражений. Чрезвычайно характерный ответ дал в этом отношении царю Петру шведский генерал

Рейншильд, после Полтавской битвы, на вопрос Петра: почему генералы не отсоветовали Карлу не вступать в неравную битву с Петром? «Мы привыкли слушать повеления и исполнять их, а не советовать нашему царю…»

Поставив себе какую-нибудь цель, Карл неуклонно шел к достижению ее. Он верил в предопределение, никогда не страшился никакой опасности, не думал о смерти, убежденный, что назначенного судьбою никто не избегнет. Его идеалом был Александр Македонский. Опасности казались Карлу удовольствием, трудности – наслаждением. Карл взошел на престол 15 лет, но под опекой бабки и советников.

Когда при короновании епископ хотел возложить на голову короля корону, Карл вырвал ее из рук епископа, сам возложил ее на себя и прибавил: «Бог дал мне ее, сам дьявол не отнимет ее у меня!» В сенате Карл все дела решал сам и не терпел ничьих советов. В 18 лет все трепетало перед Карлом. Войско его любило. Народ обожал.

Швеция в то время могла считаться страною крепкою и могущественною. Двенадцать лет мира дали ей богатство и большое народонаселение. Народ шведский был рослый, крепкий, сильный, развитой и смышленый. Страна имела войско, флот и полную казну.

Объявлением войны Швеции Данией, Польшей и Россией Карл не только не смутился, а даже обрадовался. Это давало ему возможность показать себя и исполнить свое заветное желание – прославиться. На возражение, что он не имеет даже союзников, Карл отвечал: «Бог, меч мой и любовь народа – вот мои союзники!»

С таким-то противником пришлось Петру воевать.

Русские войска под предводительством Шереметева двинулись к Нарве и осадили ее. Всего там стянуто было 45 тыс. с 150 пушками. Одновременно начата была война Данией и Польшей. Едва была объявлена война, как Карл двинулся на Данию и в один натиск совершенно уничтожил ее, так что армия должна была скрыться и король стушеваться. Тогда Карл так же стремительно бросился на Нарву. Он прибыл с 8-12 тыс. войска, утомленного и изнуренного, в дурную погоду и при неустройстве дорог. И здесь в один натиск он совершенно уничтожил всю русскую армию. Войска не стало. Генералы были в плену. Положение Петра было более нежели критическим: без генералов, без офицеров, без войска, без пушек, без снарядов, без денег… Такое положение смутит хоть кого, но оно не смутило Петра.

Разбитый, но непобежденный, Петр быстро стал принимать меры к поправлению положения. Прежде всего он приказал

стягивать запасные войска к Новгороду и укреплять его. Затем он приказал снимать с церквей лишние колокола и лить из них пушки. Потерпевшему поражение командующему Шереметеву царь писал:

> «Разве в несчастии должно упадать духом?… Не дерзай отговариваться, а если ты болен лихорадкою, полученною в бегстве, знай, что я хорошо умею лечить от нее…»

Шереметеву вместе с тем приказано было пустить на шведские земли казаков разорять страну и беспокоить неприятеля.

Тяжело повлияла первая неудача на народ русский и на заматеревших царедворцев. Один царь остался несокрушим, непоколебим, неуязвим. Его энергия, его бодрость, его надежда оживили и всех остальных. Бодрым и деятельным Петр явился в Москву. Он не скрывал неудачи, но и не печалился ею. Энергия царя одухотворила и всех остальных. Закипела работа. Тысячи рук работали сразу. Набрались новые полки. Новобранцы учились строю и учились переносить невзгоды. Лились новые пушки. Готовился порох. Выливались бомбы и ядра. Заготовлялся провиант. Шились мундиры. Все ожило. Все кипело.

– Пусть бьют шведы моих русских, они выучат нас бить их, и когда же ученье проходит без потерь и огорчений!

К весне царь имел уже все необходимое на северной границе: было и войско, была и артиллерия, были и необходимые запасы.

Несмотря на то что в Эстляндии находился сам Карл, русские войска, по обычаю того времени, очень опустошали и Эстляндию и Ингерманландию. Пришла весть, что шведы намерены напасть на Архангельск. Царь и туда послал войско и защитил свои владения.

Несмотря на нанесенное русской армии страшное поражение, Карл не решался делать дальнейших наступлений на Россию. Его собственная армия требовала пополнения, его страна требовала отдыха, тем более, что русские иррегулярные войска очень часто беспокоили шведов, наносили им урон и разоряли страну. Весною Карл собрал свою армию и бросился на Польшу и Саксонию. Прибывшие из Швеции войска должны были защищать южную границу от русских. Но эта защита совершалась плохо. Шлипенбах, командовавший шведскими войсками, ничего не мог сделать с русскими. Тысячи пленных были уводимы в Россию. Шведы терпели поражения в мелких стычках с русскими. Но вот наступило и серьезное сражение со шведами близ Дерпта и шведы были жестоко разбиты. Много было шведов убито, много

взято в плен, захвачены пушки, знамена шведские. Русские с гордостью праздновали победу над шведами. Неудачу потерпели шведы и в Архангельске.

Невольно припоминаются слова Петра.

– Шведы под Нарвою над нашим войском викторию получили, что есть бесспорно, надлежит разуметь, над каким войском оную получили. Только один старый полк лефортовский был, а два полка гвардии только на двух атаках у Азова, и те полевых боев, а тем более с регулярными войсками, никогда не видывали. Прочие же полки, кроме некоторых полковников, как офицеры, так и рядовые, самые были рекруты, да к тому же за поздним временем великий голод был, понеже за великими грязями провиант провозить было невозможно. Единым словом сказать можно все то дело яко младенческое играние было, а искусства ниже вида… Правда, сия победа в то время зело печальна была и чувствительна… Но когда о том подумать, то воистину не гнев, но милость Божию должны мы исповедать. Ежели бы нам тогда над шведами виктория досталась, бывшим в таком неискусстве во всех делах, то в какую беду после нас оное счастие низвергнуть могло…»

Шведский историк Гейер не без основания замечает, что Нарвская победа была пагубно шведскому оружию, ибо она вселила в Карла презрение к противнику. «Насколько великодушие Петра, основывающего Петербург, было выше храбрости Карла, искавшего в то время побед в Польше, и насколько мудрость русского царя, умевшего научиться всеми успехами и ошибками своего противника»!

По этому же поводу и Вольтер был прав, говоря, что история Карла XII занимательна, а история Петра поучительна и что Карл XII «meritait d'etre le premier soldat de Pierre de Grand».

Между тем русские войска одерживали новые и новые победы. Взяты были города: Венден, Мариенбург, Вольмар, Гельмет, Смильтен, Каркус и Везенберг. Ввиду того, что шведы вновь грозили Архангельску, Петр лично отправился туда, но шведы оставили свое намерение и тревога осталась напрасною. Тогда Петр замыслил овладеть Невою и входом в Балтийское море. Для этого он решил переволочить два военных корабля сухим путем из Нюхчи на Белом море в Поневеж на Онежском озере, а оттуда на Ладожское озеро. Сам царь руководил волоком, то едучи, то идя пешком. Таким путем русский флот, хотя в малом виде, достиг входа в Балтийское море. По пути были взяты крепости Петербург, ныне Шлиссельбург, и Ниниеншанц, при впадении Охты в Неву. При взятии Нини-еншанца у входа в Неву показался шведский флот. Два шведских судна с 24 пушками

вошли в Неву. Царь на лодках окружил шведские суда, первый бросился на приступ и овладел судами. По этому поводу царь пишет Апраксину:

> «Поздравляю вас с неслыханною до сих пор викторией и истинно могу сказать, что в битве нашей со шведскими кораблями нас было не более восьми лодок».

Царь, Меньшиков и Головкин за эту битву были пожалованы орденом Св. Андрея.

Овладев Невою и входом в Балтийское море, Петр захотел их закрепить за Россией на вечные времена. С этой целью он задумал здесь заложить великий город, который бы имел крепость и верфь и в то же время был обширным торговым городом. С этой целью он остановился на тех местах, которые ныне известны под именем Васильевского острова, Петербургской стороны, Аптекарского острова и Адмиралтейской стороны. 16 мая 17 03 года, в Троицын день заложен был этот город, имя ему дано было *Петербург*. Для лучшей охраны Петербурга Петр захватил остров Котлин, ныне Кронштадт, и заложил на нем крепость. Комендантом нового города Петербурга Петр назначил своего любимца, Меньшикова, причем заявил ему:

– Ты не мне, а себе обязан этой честью. Знай, мой друг, что если бы я нашел кого достойнее, то его, а не тебя произвел бы в коменданты.

Теперь, встретив шведского посла, жившего в плену в Москве, Петр сказал ему:

– Теперь я готов мириться с вашим королем, – я свое взял. Но если он хочет продолжать войну, я готов воевать, надеясь на помощь Божию, ибо мое дело правое.

Укрепив за собою Неву и выход в Балтийское море, Петр пожелал в настоящее время исполнить свой первоначальный план и двинул войска на Лифляндию и другие, более западные области. Прежде всего, однако, Петр решил взять Нарву, на которой впервые так неприятно он осекся. Вступлением к овладению Нарвою было уничтожение Верденом шведской флотилии, состоявшей из 8 яхт и 5 бригантин, причем командир Летер, видя неминуемую гибель флота, взорвал себя на бригантине. На флоте было взято 84 пушки.

После этого все внимание было обращено на Нарву. Долго и упорно защищался гарнизон и жители Нарвы, не ждя себе пощады и отказываясь сдаться на каких бы то ни было условиях. Но всему бывает конец. Конец наступил и осаде. Нарва была взята приступом. Русские так были озлоблены упорным сопротивлением и ответами заключенных, что с ожесточением

бросились всё истреблять и разрушать. Сам Петр должен был останавливать разъяренных победителей и даже обагрить свою шпагу русскою кровью. Сурово принял Петр неразумно упрямого коменданта и упрекал его в бессмысленном сопротивлении, доведшем осаждающих до ожесточения. Когда же тот резко защищался, то Петр пришел в гнев и ударил его.

Итак, первое посрамление русских войск было смыто и, можно думать, в достаточной мере очищено овладением значительной части Финляндии. В течение военных действий в этой области в Олонецкой земле была открыта железная руда, устроен был завод и началось производство необходимых военных принадлежностей.

Однако в то время, как Петр отвлечен был от государственных дел серьезною войною на севере, на юго-востоке России начали деяться недобрые дела. Прежде всего возмутились и восстали башкиры; но они скоро были усмирены. Гораздо серьезнее было возмущение стрельцов в Астрахани, к которому присоединились и старообрядцы. Они думали воспользоваться моментом, дойти до Москвы и, если удастся, произвести государственный переворот. План их не удался. Посланный Шереметев быстро их усмирил и дела привел в должный порядок.

Глава IX

Нанесши поражение русской армии под Нарвою в 1901 г., Карл с таким пренебрежением и таким презрением отнесся к русской армии, что в дальнейшем не обращал на нее решительно никакого внимания. Все ее успехи в Финляндии и Эстляндии не имели для него ровно никакого значения, так как он рассчитывал одним ударом все опрокинуть и забрать все обратно. Поэтому, оставив русских самим себе, он все свое внимание обратил на Данию и Польшу. Семь лет он провел в этих областях. Целый ряд побед он одержал над союзниками. Дания была уничтожена. Уничтожен был и Август, король Польский и Саксонский. Терпя постоянные поражения, Август принужден был отказаться от Польши и ограничиться Саксонией. На польский престол, под давлением Карла, был избран Станислав. Таким образом, закончив для себя вполне удачно с Данией, Польшей и Саксонией, по истечении 6–7 лет после Нарвской виктории, Карл решил уничтожить последнего противника, русского царя, и на том закончить свой юго-западный поход. Из Польши на Россию лежало два пути на Москву: через Смоленск и через Малороссию. Но первые области были разорены, и потому Карлу выгоднее было двигать войска через полную житницу – Малороссию.

Выгода при этом заключалась и в том, что гетман Малороссии, Иван Мазепа, не прочь был на известных условиях помочь Карлу в его походе не только провиантом, но и войсками. Поэтому Карлу был двойной интерес двинуть войска на Россию через Малороссию.

Петр видел готовящуюся развязку многолетней войны. Видел он и то, что Карл намерен двинуться в Россию. Но линия, отделяющая его владения от Запада, была слишком велика. От Нарвы и до Каменца она тянулась, и нужно было быть готовым встретить неприятеля во всяком месте. Потребовалось большое напряжение, чтобы достать такое количество войска, и большое уменье, чтобы искусно расположить его. Тем не менее Петр был спокойнее, чем он имел на это право. Южная часть России была защищена верными малороссийскими казаками под предводительством умнейшего и преданнейшего гетмана Ивана Мазепы, остальную часть границы Петр решил защищать собственной армией. Как увидим ниже, расчеты Петра были не вполне правильны в силу непредвиденного обстоятельства – измены гетмана Мазепы.

Малороссия – это было пространство, не имеющее точных, фиксированных границ, между Россией, Польшей и владениями крымских татар. Сюда шел, кто хотел, и из России, и из Польши, и, пожалуй, из орды. Это был конгломерат самых отчаянных, самых энергичных, самых независимых людей. Все они были объединены одною верою, одним языком, одною идеею о независимости. Часть же этих поселенцев оставалась на всю жизнь изгоями, селилась в Сечи Запорожской и всю свою жизнь обрекала на разгул и войну за православную веру, независимость и пропитание. Другая часть селилась на земле, обзаводилась семействами и становилась более или менее оседлою. Но в каждый данный момент весь мужской пол готов был поголовно стать под знамя за веру и родину. Точных границ между Малороссией и Польшей, Малороссией и Россией, Малороссией и крымскими татарами не было. Сегодня была одна линия, завтра ее переходил сосед, и наоборот. Ввиду того, что Малороссия имела очень слабую организацию и проявляла свою силу только в крайности, соседи частенько нарушали эти границы, к сожалению, почти всегда с огнем и мечом в руках; поэтому и малороссы, поскольку умели владеть плугом постольку же, если не больше, саблею и ружьем. Но так как вести борьбу с тремя сильными соседями одной Малороссии было невозможно, то она решила отдать себя под защиту единоверной стране – России. Правда, она от этого выиграла на первое время очень немного, ибо, лишившись независимости, Малороссия далеко не всегда

находила себе защиту в своей покровительнице. Сколько раз сынам Малороссии, особенно вольным орлам запорожцам, приходилось вести огненный и кровавый суд и расправу с поляками и с татарами… Но жизнь шла своим чередом, и Малороссия считалась Малороссией и имела своего гетмана. Большая или меньшая сила Малороссии, большая или меньшая ее зависимость стояли в связи с личностью гетмана. Он то одухотворял ее, то обезличивал, то делал ее сильною и мощною, то обессиливал…

В описываемый нами момент гетманом Малороссии был Иван Мазепа. Это был человек ума недюжинного, образованный, богатый, влиятельный и ловкий. Особенно умно он вел дела с видными и влиятельными людьми. Видя силу Петра, он отдался ему. Но не забывал он и его приближенных. Каждый получал свое. Петр – исполнительность и верность Мазепы, а его ближние – дары. Поэтому Мазепа был одним из первых андреевских кавалеров, действительный тайный советник и друг царя. Но tempera mutantur et nos mutamur in illis. Мазепа увидел поражение царя под Нарвою. Мазепа увидел, как Петр разрушает старую Россию и создает себе бесчисленное множество внутренних врагов. Мазепа видел целый ряд вспышек старой Руси. Мазепа видел победы Карла и его непобедимость. Мазепа, как и Петр, увидел приближающийся финал разыгрываемой армии и уловил ложный мотив. Ему казалось – не устоять Петру в борьбе с Карлом. Не выдержать ему натиска этого непобедимого человека. А падет Петр, падет вся Россия…

Времена самозванцев на Руси были еще слишком памятны. Что стало бы с Россией, если бы Карл одержал победу… А Карл похвалялся стереть с лица земли, или, точнее, с лица географической карты, Россию, разделить ее на части и отдать части отдельным лицам…

Мазепа любил Малороссию. Мазепа видел ее славною, единою и независимою. Мазепа любил и себя. И снилось ему, что он есть самодержавный гетман Малороссии… А отчего бы ему и не породниться с царским родом Польши, и не стать владыкою Малороссии… А произойдет ли это от руки Карла или чьей другой, – не все ли равно!.. Лишь бы Малороссия была свободна и он самодержавным гетманом Малороссии… Такой комбинации было легко достигнуть, ибо в России все расползалось. С севера теснили шведы, с востока неурядицы у башкир, в Астрахани бунт стрельцов, на Дону тоже бунт, Польша пошла против России, а тут и Карл не сегодня завтра будет в России… И загорится пожар в самом сердце России… Поднимутся озлобленные стрельцы. Поднимутся старообрядцы. Поднимутся все недовольные

новизной, а имя им легион… И дрогнет Петр. Сокрушит его Карл. Не станет России… А почему же ему не воспользоваться случаем…

Мазепа решился воспользоваться случаем. За независимость Малороссии он предложил Карлу свою помощь и содействие.

И вот в то время, когда Петр надеялся на Мазепу, как на каменную гору, Мазепа рыл ему яму, в которую он сам попал… Петр был слишком гениален и силен, чтобы пострадать от этого. Петр был слишком умен и находчив, чтобы погубить Мазепу и его план в самом начале…

Готовясь отразить шведов, Петр не оставлял без внимания и государственных дел. Умер патриарх Адриан. Царь Петр прекрасно понимал, что духовная власть в руках одного лица может принести обществу вред. Поэтому, во избежание всяких случайностей, Петр решил должность патриарха упразднить, вместо того образовать высшее духовное учреждение – Святейший Синод, в котором заседало бы несколько архиепископов и ведали бы все государственные духовные дела. Доходы с церковных имений велено было изъять от архиереев и. начальников обителей и передать в ведение монастырского приказа. В монастырях заведены были богадельни для инвалидов. Инокам приказано было заниматься полезными ремеслами, обработкою садов и земель и строго запрещено проводить время праздно. Необыкновенно разумное распоряжение… Академии киевская и московская были расширены, причем повелено было тщательно стараться замещать места священников людьми, воспитанными в сих училищах.

Из других дел обращают на себя внимание отмена смертной казни и замена ее ссылкою в Сибирь, смертная же казнь осталась только за преступления государственные и убийства, а также за дачу ложной присяги на суде. Царь не оставил без внимания и народного здравия. Были вызваны из-за границы опытные врачи, заведены были аптеки и аптекарские склады, установлена была правильная выписка лекарств из-за границы и введен был надлежащий надзор за врачебными учреждениями в виде медицинской коллегии в Москве.

На эту коллегию возложена была обязанность строго следить за тем, чтобы знахари и обманщики не пользовались практикой. Устроена была на берегу Яузы больница для военных людей. Царь усердно поощрял устройство фабрик и заводов, причем нередко сам заводил их и затем передавал в ведение лиц, умеющих их вести правильно и с пользою. Царь обо всем думал, во все вникал, все знал и всюду мог дать надлежащий порядок.

Заботясь о государстве, царь не забыл и себя. Он женился

вторично на девушке бедной, но бывшей впоследствии вполне достойной своего венценосного супруга, императрице Екатерине.

В 1706 г. Карл двинулся на Россию. Дело было осенью, поэтому его не ожидали быстро. По всему было видно, что он движется на Москву через Литву. Петр принимал меры, но делал это относительно спокойно, не ожидая слишком скорого появления Карла. Опять все забыли, что имеют дело с Карлом. Карл же, действительно, был верен себе. Проходя по дорогам, немыслимым для перехода армии, по болотам, трясинам и вброд по грудь, он внезапно вырос перед армией Репина при Головчине. Первым же натиском русская армия была разбита, «многие полки в конфузию пришли в том деле, не исправили должности, покинули пушки, непорядочно отступили, иные и не бившись, а которые и бились, то не солдатским, а казацким боем…» Результатом всего этого было 350 убитыми, 700 ранеными и до 700 пленных русских; шведов выбыло несравненно меньше.

Карл страшно гордился этой победой. Но и Петр не потерял присутствия духа. Он писал: «Радуюсь, что мои русские до большей битвы обожглись на шведском огне…» Трудно, однако, согласиться, чтобы эта радость была искренняя. По поводу поражения русских царем было назначено расследование, по окончании коего командующий Репин был разжалован в рядовые.

Вскоре, однако, русские отплатили шведам за Головчино при Добром. Сам Карл присутствовал при бое. Тем не менее шведы потеряли убитыми до 2000, 6 знамен и 3 пушки. Царь писал по сему поводу: «… как начал я служить, то такого порядочного огня и действия от своих солдат не видал, и король шведский мог видеть, что мы, русские, уже не прежние…»

Действительно, Карл убедился в этом и воскликнул: «Москвитяне нас побеждают!..» Это его привело в такую ярость, что он забыл о всех своих планах и расчетах и бросился мстить и мстить. Месть, однако, плохой советчик… Близ Смоленска Карл бросился на отряд русских и едва не был убит. Рота солдат, окружавшая короля, была изрублена и только немногие из верных драбантов защитили короля. Под ним была убита лошадь, он дрался пешим и был спасен только подоспевшею помощью. Это событие, однако, не охладило короля. Он погнался за русскими. Они уходили на юг, уничтожая все на пути и разрушая мосты и дороги. Положение армии Карла было весьма неказисто. Ему пришлось гнаться за неприятелем осенью, по грязи, в опустошенной местности, без провианта, без лошадей и без теплой одежды. Положение было не из приятных… Наконец, Карл усмотрел неудобства своего состояния и начал поджидать прибытия Левенгаупта с подкреплениями и обозами.

Однако не в интересах русских было допустить это соединение шведских армий. Были приняты меры разбить Левенгаупта до соединения с Карлом. Петр сам повел свое войско. Дело предвиделось жаркое.

– Государь, – сказал Петру Репин, стоявший в рядах преображенцев, – прикажи поставить сзади полков казаков и калмык и вели им колоть всякого, кто побежит. Мы умрем, а не отступим, но если бы кто и вздумал отступать, то поневоле предпочтет славную смерть бесславной…

– Спасибо, Репин, я не забуду тебя. – А засим добавил: – Косите каждого беглеца, не щадите даже и меня, если бы я побежал…

Двое суток длилась ожесточенная битва и преследование шведов и дело под Лесным кончилось тем, что вместо огромного обоза и свежей армии Левенгаупт привел к Карлу остатки разбитого войска без всякого обоза. Убито было шведов 8000, взято в плен 900, русским досталось 17 пушек, 44 знамени и до 7000 повозок съестных припасов.

После столь блестящей битвы царь, целуя отличившегося командующего войсками Голицына, спросил его:

– Скажи, друг мой, чем могу наградить тебя?

– Государь, прости Репина!

Царь выразил удивление, зная, что Голицын не любит Репина…

– Знаю, государь, что Репин мне неприятель, но он любит тебя, храбрый генерал надобен тебе и если согрешил, то пострадал за это довольно.

Царь немедленно возвратил Репину все его прежнее положение, а Голицына пожаловал орденом Андрея.

Можно было себе представить бешенство Карла при прибытии разбитого Левенгаупта в его голодный и изможденный лагерь… Теперь все спасение было в Мазепе.

Получил, однако, и Петр жестокое огорчение! Ему донесли, что верный его любимец, властный гетман Иван Мазепа, изменил ему и перешел на сторону Карла. Правда, еще значительно раньше Петру доносили о ненадежности Мазепы, но Петр слишком ему верил и слишком его любил. За верный донос жестоко пострадали полковники Кочубей и Искра, а их друзья заселили Сибирь… Теперь царь должен был поверить факту и жестоко скорбел.

Прежде всего в лице Мазепы Петр лишился верного и любимого слуги. Затем властный гетман Малороссии действительно мог ему сделать много неприятностей, подняв против него Малороссию, а Карлу он мог оказать великую

помощь… Нужно было спешить потушить пожар прежде, чем он разгорелся. Поэтому царь послал Меньшикова усмирить восставшие полки, произвести новое избрание гетмана и сделать все возможное для удержания Малороссии на своей стороне.

Вместе с огорчением поступком Мазепы страшным гневом Петр распалился на своего прежнего любимца и весьма умно и жестоко отомстил и погубил его во мнении родины почти на вечные времена.

Прежде всего с чрезвычайной быстротой по всей Малороссии Мазепа был объявлен изменником родине и изменником царю. С такою же быстротою был избран новый гетман, который призывал казаков немедленно сомкнуться на помощь русскому царю, против страшного врага и союзника изменника. Уже это всеобщее объявление гетмана изменником крайне охлаждающе подействовало на малороссов. И если бы между ними нашлись охотники стать на сторону Мазепы для защиты самостоятельности Малороссии, то уже эта публичная охулка должна была бы их удержать или, по меньшей мере, поставить в состояние нерешительности.

Но Петр смотрел на дело глубже. Он знал, что малороссы народ сентиментальный, добрый и религиозный. История показала, как орлы Малороссии за веру гибли на «Старом Месте» в Варшаве чуть не сотнями и как лучших из верных детей Малороссии там четвертовали и зажаривали опять-таки за веру и вольность… Поэтому у Петра явилась мысль погубить Мазепу именно в этом самом чувствительном для малороссов пункте. Иван Мазепа объявлен был отлученным от церкви и предан анафеме, причем поставлено было объявить эту анафему во всех церквах православных и повторять эту анафему из года в год во всех церквах, пока церковь будет существовать, в неделю православия. И вот, начиная от киевского собора и кончая последнею полуразрушенною церковью Малороссии, гетман Иван Мазепа объявлен был отлученным от православной церкви за измену отечеству и вере православной и назван публично и торжественно *анафемой*… Трудно себе представить тот религиозный и нравственный ужас, который был вызван этим чисто политическим приемом… Прошли сотни лет после смерти гетмана Мазепы, а слово Мазепа в Малороссии и поныне осталось самым ужасным позорным прозвищем… Как 9 999 человек из 10 000 в то время не знали, что такое «анафема» и тем не менее приходили в страшный религиозный ужас и трепет при громогласном произношении этого слова протодиаконом в церкви, – так теперь 9 999 человек из 10 000 малороссов не знают, что такое Мазепа… А тем не менее «мазепа» это самое

оскорбительное прозвище для малоросса. Это теперь имя нарицательное и самое бранное. Вы можете как угодно бранить хохла, даже бить его и он будет хладнокровно молчать и только презрительно на вас посматривать. А назовите его «Мазепой» и самый плохонький полезет в драку… «Як, я мазепа!.. Пи-дожди…» И хохляка бросится на вас с кулаками… А кто такой Мазепа или что такое «мазепа» это для него еще более непонятно, чем для московской купчихи «жупель»… Таковы были последствия политического приема Петра. Ближайшим же последствием анафемства Мазепы было то, что вся Малороссия поднялась за нового гетмана Скоропадского и стала в защиту России. Мало того, многие сторонники Мазепы, как полковники Апостол и Галаган и др., опамятовались и явились с повинною к Петру. Сам Мазепа скоро понял свою ошибку, но было поздно…

Ошибся и Карл. Он думал, что за Мазепою восстанет вся Малороссия на Россию. Но Малороссия не восстала. Мазепа привел очень небольшой отряд малороссийских казаков и запорожцев; при входе в Малороссию шведы и их союзники были встречены, как враги… Жестокое разочарование…

Положение армии Карла в Малороссии было очень печальное, настолько печальное, что Карл вынужден был прибегнуть к великодушию Петра. Карл послал просить Петра отпустить ему лекарств, в которых был большой недостаток в армии шведов. Царь был рад этому обращению и приказал отпустить лекарств больше, чем просили.

Напрасно отговаривали Петра приближенные не делать этого и не усиливать неприятеля. Петр отвечал:

– Я воюю со шведами и изыскиваю все средства их погубить, но никогда не забуду чувства человеколюбия.

– Я поступил бы иначе, – отвечал говоривший царю.

– И я, может быть, если бы не был царем.

Карл просил также о перемирии и прекращении военных действий в зимнее время, но в этом Петр ему решительно отказал. Война продолжалась. Ни шведы, ни русские не щадили друг друга.

Наступила весна. Видимо, приближалась развязка великой жизненной драмы. Карл почему-то наметил Полтаву и захотел овладеть ею во что бы то ни стало. Осажденные защищались весьма упорно и ни за что не хотели сдаться живыми. Войска Петра начали стягиваться к Полтаве, желая стать в выгодную позицию при окончательном бое. Карл, всегда смелый до дерзости, оказался таким и на этот раз. Однажды ночью, наехав на русские казацкие аванпосты, он убил спавшего казака. Остальные казаки дали залп и ранили короля в колено. Это,

однако, нисколько не смутило Карла. Он продолжал на носилках появляться в войске, распоряжаться и руководить всем.

В ночь на 27 июня Петру донесли, что один беглый поляк из лагеря Карла говорит о приготовлении шведов к генеральному бою. Немедленно Петр начал готовить и свои войска. Главное командование он взял на себя.

Ведя войска на русских, Карл был бодр и весел. Его носили в носилках между рядами и он улыбаясь говорил:

– Мы будем сегодня обедать у московского царя. Он много готовит нам кушанья. Друзья! Я с вами, идите, куда ведет вас слава!

Петр был не менее самоуверен, но только девизом своим он ставил не славу, а благо родины.

– Воины, не за меня, за отечество, за церковь сражаетесь вы! Помните Бога, поборающего в правде!

Его просили не рисковать собою.

– Обо мне не думайте. Мне не дорога жизнь! Была бы счастлива и славна Россия! Вперед!

Вот поистине царские слова…

В два часа пополуночи, с приближением шведов, загремели русские пушки на редутах. Шведы шли непоколебимо. Ядра и картечи не остановили их. Поражая штыками, бросались они на пушки и два редута уже были в их руках, когда конница шведская сразилась с русской конницей. Сам король бесстрашно присутствовал в рядах своих воинов. Под его качалкой были убиты лошади. Под свистом пуль и грохотом разрыва ядер их отпрягли и впрягли новых.

Но не падали духом и русские. Часть за частью храбро выступали они и сражались со шведами. Петр был всюду, все видел и всем распоряжался.

Скоро пушки смолкли. Ряды сошлись с рядами и настала рукопашная битва на штыках и саблях. Битва была в полном смысле кровопролитная и убийственная. Около получаса бой был равный. Сначала дрогнули русские. Но явился Петр и силы возобновились. Тогда шведы стали поддаваться. Теперь их одушевляла не мысль о победе, а мысль о самозащите и отчаяние. Наступил, однако, час расплаты за Нарву. Вскоре шведы представляли нестройную толпу, теснимую со всех сторон. Войска всех национальностей и рода оружия смешались и бросились во все стороны. Русские всюду их преследовали и поражали. Крики побежденных и победителей раздавались уже вдали от места битвы и не скоро еще утихли. Казаки и калмыки долго преследовали бегущих. Сам Карл, окруженный горстью казаков под предводительством Мазепы и Потоцкого с немногими

поляками, едва спасся от плена, перебравшись за Днепр. Обоз и лагерь шведский достались победителям. Все пушки и масса оружия также остались у русских. Вся шведская армия, в полном своем составе, была совершенно уничтожена. Убито было 9 тысяч шведов. В плен попали первый министр, фельдмаршал, 4 генерала, 4 полковника, 132 офицера, 2277 солдат, не считая 2874 человек нестроевых. Русским достались также королевская казна, гардероб короля, канцелярия его, доктор и духовник короля и проч. Самыми важными трофеями были пушки, 137 штандартов и знамен и генералы Рейншильд и Гамильтон.

Невыразимо рад и счастлив был Петр своей победе. Это было последнее слово шведской войны. Кроме великих земельных приобретений, она дала русским имя, честь и славу. Она дала им уверенность и сознание в своей силе и могуществе.

– Здравствуйте, дети, – говорил он, обнимая и благодаря своих генералов и офицеров. – Благодарю вас за подвиги, за победу. Бог видел труд ваш, и потомство не забудет вас.

Перед рядами собравшихся войск была устроена церковь и вознесено благодарственное Господу Богу молебствие при пушечной стрельбе. Царь объезжал ряды воинов и благодарил их. Угощение всех было на славу. К своему обеду, кроме русских генералов, главных офицеров и чиновников, царь пригласил шведов Пипера и Рейншильда и других генералов, главных офицеров и чиновников. Он их встретил приветливо, без шляпы, возвратил шпаги и был необыкновенно любезен и дружелюбен.

При провозглашении тостов Петр провозгласил таковой:

– Пью здоровье наших учителей!

– Кого называете вы таким лестным именем? – спросил его Рейншильд.

– Вас, господа, вас, шведов, вы научили нас военному искусству.

– Плохо же вы заплатили за науку учителям вашим!

Карл был увезен насильно почти в бессознательном состоянии. Пришедши в себя, он спросил:

– Где Пипер?

– В плену.

– А Рейншильд?

– В плену.

– А принц Виртенбергский?

– В плену.

– Куда мы едем?

– В Турцию…

– В плену у русских… в Турцию… – и Карл опять погрузился в беспамятство.

Вскоре царь был в Полтаве. Там он благодарил Господа за победу и наградил храброго защитника Полтавы Келина.

Вскоре и остальная горсточка шведов, прикрывавших бегство Карла, была захвачена в плен. При этом в плену очутились Левенгаупт, Крейц и Круз, два брата графы Дуглас и граф Банда, генерал Штерн, 10 полковников, 12 подполковников, 17 майоров… словом всех пленных после Полтавской битвы шведов было более 20 000…

Явилось и 2700 казаков, изменивших царю, и царь простил их. Карл был в Турции…

Полтавской битвой окончилась война с Карлом XII. Много она дала России. Дала она ей устроенную, испытанную и крепкую армию, дала положение в Европе царю и царству, дала славу и честь, дала и великие владения: Финляндию, Ингерманландию, Эстляндию и Лифляндию. Царь достиг моря и прорубил окно в Европу, царь достиг того, чего искал, и даже больше того. Он вполне достиг того, чего достоин его личный гений. Его сподвижники получили множество великих и богатых милостей.

Карл погубил себя и погубил свое дело. Он застрял в Турции и покончил там свою славу.

Вскоре погиб и Мазепа, не достигнув поставленного им себе идеала… Принимая яд, он сжег свои бумаги, говоря:

«Нехай я один буду бесталанный, а не многие, о яких вороги мои мабуть и не мыслили, або и мыслить не смеют!.. Гибни все, коли злая доля все переиначила для неведомого конца!..»

Sic transit gloria mundi…

Видя полный успех царя в войне со шведами и решительное поражение Карла, Польша, Пруссия, Саксония и Дания, разумеется, захотели воспользоваться плодами трудов Петра. Они немедленно предложили возобновление союза в войне со Швецией. Петру ничего не оставалось, как согласиться на этот союз. Но начнут ли или не начнут и когда начнут союзники войну со Швецией, а Петру нужно было воспользоваться плодами своих собственных успехов. Он хотел закрепить за собою Финляндию, Эстляндию и Лифляндию. Почему, устроив дела на юге, он двинул свою армию на север. И действительно, пока союзники собирались и выступали, русские взяли Эльбинг, Выборг, Ригу, Пернов, Аренсбург, Кексгольм, Ревель и проч., причем войска многих покоренных городов поступали на царскую службу.

Швеция была истощена до крайних пределов. Шведы и их правители пали духом. Король был где-то далеко, далеко от своего королевства, но от власти своей не отказывался. Уныние и отчаяние овладели сердцами всех шведов. Войска не было, а набрать его было не из кого. Всюду был плач о потере отцов,

братьев и сыновей. От царских чертогов и до хижины бедняка не было дома, где бы ангел смерти не коснулся своим крылом. У Швеции не было войска, не было полководцев, не было средств к существованию… К этому должно добавить жестокую эпидемию, поразившую всю Швецию…

Царь же получил все, чего он желал.

Но, ведя войну, царь не забывал и внутренних государственных дел.

Для более успешного управления государством царь разделил его на восемь губерний. В числе этих губерний была и Ингерманландская с губернским городом С. – Петербургом и провинциями: Новгородом, Тверью, Ярославлем, Псковом, Дерптом, Нарвою и проч. Каждая губерния была разделена на провинции. Столицею государства считалась Москва, первым же городом после нее был Петербург, который царь уже считал своим раем.

Для управления высшими государственными делами, вместо упраздненной боярской думы, царь учредил Сенат. Особенное внимание обратил царь также на финансовую сторону государства. Он приказал точно определить цифру государственных доходов и цифру расходов, а последние более или менее точно определил по статьям. Вместе с этим учреждены были штаты на войско, флот, дипломатическую часть и двор. Была учреждена оружейная канцелярия, которая ведала оружейными заводами и заготовлением оружия. Кораблестроение продолжало развиваться не только в Воронеже и Архангельске, но и на Балтийском, на Черном и на Каспийском морях. Каспийское море царь имел в виду для коммерческих оборотов. Так, уже теперь он дал кое-какие привилегии армянской компании, закупившей весь шелк в Персии. Обращено было внимание и на духовное сословие. Им повелено было учиться в духовных академиях и семинариях, в противном же случае они должны были поступать в солдаты. Царь обращал личное внимание на самые мелкие и ничтожные дела; так, приказывал садить дубы в Таганроге и Петербурге, искал торфа у Азовского моря, учил чухонцев плести русские лапти и проч.

Свободные минуты царь отдавал своему парадизу, Петербургу. Здесь он жил в своем домике, где приветливою хозяйкою являлась его супруга. В этом простом местечке он принимал и императорских послов, и генералитет, и сановников и угощал оладьями и пивом голландских корабельщиков. Вблизи своего домика в 1710 г. он заложил церковь Св. Троицы, а когда она была готова, часто посещал ее, читал Апостола и пел на клиросе. Летом несколько раз посещал Кронштадт и следил за

устройством крепости. Теперь же он сделал просеку от Адмиралтейства до Александро-Невской лавры, назначил место для лавры, а на месте просеки основал знаменитый Невский проспект.

Глава X

Пока Петр устраивал дела на севере, юг готовил ему новый сюрприз, все с тем же злополучным Карлом. Побежденный король шведский был еще, однако, жив. Бежав от Полтавы, Карл, с разрешения султана, поселился в Бендерах. Чудесные рассказы о деяниях северного льва достигли Константинополя чрезвычайно окрашенные и дополненные восточной фантазией. Проникли они и в гарем султана и нашли страстную поклонницу железноголовому королусу в лице матери султана. Султан Ахмет III был всецело под влиянием своей матери. И вот она напустилась на него, чтобы он во что бы то ни стало помог «северному льву отмстить русским псам за обиду». Мало-помалу это непрерывное точение женщины достигло того, что Ахмет позволил себе выразиться так Понятовскому: «В одну руку возьму я меч мой, другую подам шведскому королю, поведу его на москвитян и 200 000 воинов пойдут за нами!»

Между тем Карл в Бендерах жил совершенно по-царски. Ему велено было воздавать все почести, были посланы богатые подарки, деньги отпускались вдоволь как ему, так и его свите. Карл устроил себе лагерь, где жил с своими генералами, офицерами и солдатами, успевшими бежать к нему из России и Польши. С ним было до 1800 человек.

Налаживавшееся дело Карла было, однако, испорчено умелыми приемами русского посла П. А. Толстого. Султан подтвердил мир с Россией и вместе с тем, не желая нарушать дружественных отношений к царю Петру, он рекомендовал Карлу убраться восвояси, ручаясь за безопасный проезд его и принимая все издержки путешествия на себя. Султан обещал даже Карлу турецкий отряд при проезде его через Польшу.

На все это Карл отвечал: «Скажите своему государю, что я не поеду из Турции…» Изумленный паша не знал, что даже ему ответить на это. Все окружающие приходили в отчаяние от наступающего положения, один Карл был веселее обыкновенного. Иногда он шутил и играл в шахматы, хотя всегда проигрывал, потому что, забывая другие шашки, двигал вперед одного короля.

На беду, переменился визирь. Подкупленный противоположной стороной, визирь настойчиво советовал султану начать войну с Россией. Война была решена. Крымские

татары получили приказание вторгнуться в Россию, что они и исполнили.

Петр двинул войска на Прут. Он был обманут дважды. Господари Молдавии и Валахии Кантемир и Контакузин предложили себя к услугам царя войском и провиантом, причем Кантемир говорил искренно, тогда как Контакузин действовал лукаво. Петр доверился тому и другому. Во-вторых, Петр рассчитывал, что даже при небольшом войске, но при быстром натиске он скоро покончит с нерегулярным и неподготовленным войском турок. Это была ошибка, и великая ошибка. Петр двинул войска от 60 до 80 тыс. Скоро он прибыл на Прут, но в очень печальном виде. Войско было утомлено. Плохо одето, плохо прокормлено. Появились болезни, а лекарств не было. Требования из России исполнялись медленно и неудовлетворительно.

Оказались хищения и мошенничества. Петр страшно сердился и под конец заболел. А между тем турки надвигались и надвигались в страшном количестве, до 400 000.

В конце концов русские были окружены, лишены провианта, без достаточного количества боевых снарядов, утомленные и голодающие. Положение было абсолютно безвыходное. Если бы даже русским удалось пробиться сквозь турецкое кольцо, то и тогда они должны были бы погибнуть с голода, помимо того, что их истребили бы в одиночку крымские татары. Что касается помощи Кантемира, то таковая оказалась только на словах, ибо войска у него отсутствовали, а земля оголена саранчою; Контакузин же и не думал прийти на помощь.

Собран был совет. Но военный совет ничего не мог придумать. Волей– неволей пришлось вступить в бой. Горячо бросились турки на русскую армию, но быстро были охлаждены картечью перекрестных выстрелов. Однако турки пошли вновь и уже не обращали внимания на картечь. Пустили в ход беглый ружейный огонь. Турецкая конница летала кругом и рвалась в русский стан. Но царь был на месте. Он руководил боем. Защита была стройная, стойкая и неустрашимая. Так нападения продолжались до самого вечера и после последнего нападения турки опять побежали. Тогда русские, в свою очередь, бросились за турками и произвели в турецком лагере страшное замешательство. Возможно, что при дальнейшем преследовании русские остались бы и победителями, но русские были страшно утомлены, а кроме того, лагерь оставался незащищенным.

Наступившая ночь была ужасна. Зажженные турецкие костры показывали бесконечное число таборов, кольцеобразно охвативших русский лагерь. Царь был мрачен, безмолвен и

угрюм. Впоследствии он сам сознавал, что ни до, ни после он не переживал столь тяжких минут. Русские были обречены на голод и погибель, ибо провианта могло хватить только на несколько дней. Оставалось умереть, но умереть с честью, сражаясь. Царь так и решил сделать.

При царе в лагере находилась и царица Екатерина. Она указала несколько другой оборот делу, который, как оказалось, дал вполне благоприятный исход. Екатерина предложила послать богатые подарки секретарю визиря и самому визирю и предложить переговоры о мире. Было сказано, было сделано. Все драгоценности Екатерины были посланы в подарок визирю. Пока ждали ответа, Петр решил еще один важный вопрос на тот случай, если, по воле судьбы, ему придется попасть в плен. Ввиду этого он немедленно написал Сенату следующий рескрипт:

> «Господа Сенаторы: уведомляю вас через сие, что я со всем моим войском, без нашей вины и ошибки, но только чрез ложно полученное известие окружен вчетверо сильнейшим турецким войском, таким образом и столько, что все дороги к провозу провианта пересечены, и я без особенной Божеской помощи ничего, как совершенное наше истребление или турецкий плен, предусматриваю. Если случится последнее, то не должны вы меня почитать царем, вашим государем и ничего исполнять, что бы до ваших рук не дошло, хотя бы то было своеручное мое повеление, покамест не увидите меня самолично.
>
> Если я погибну и вы получите верное известие о моей смерти, то изберите между собою достойнейшего моим преемником.
>
> *Петр».*

После этого царь позвал отличного офицера и поручил ему доставить сие послание Сенату.

Наступил рассвет, а ответа от визиря нет. Турецкая армия пришла в движение. Пушки вновь загремели как с той, так и с другой стороны. Царь послал другого гонца. Ответа все не было. Царь приказал русским войскам строиться в бой. В этот момент прискакал турецкий чиновник с заявлением, что визирь согласен на мир и ждет русских послов для переговоров.

С этою целью были посланы молодой Шереметев и Шафиров с самыми широкими полномочиями.

Визирь предложил такие условия: все русские и царь должны сдаться в плен, отдать оружие и заплатить выкуп. Русский посол

не захотел даже отвечать на такое предложение. Визирь смягчился. Мало-помалу кончили, однако, тем, что царь отказывается от Азова, Таганрога, Богородицка и Каменного Затона. Условия самые мягкие и совершенно ничтожные. Видимо, взятка имела одинаковое значение как теперь, так и 200 лет назад.

Попался, однако, пункт, который едва не испортил всего дела. Визирь требовал выдачи Кантемира. Царь не соглашался на это ни под каким видом.

– Я дал слово сберечь его и не изменю… У нас нет ничего собственного, кроме чести, потерять ее – значит перестать быть государем…

Пришлось прибегнуть к хитрости. Кантемир бежал, спрятанный в карете Екатерины, и тем спасся от смерти.

Так заключен был мир.

Относительно Карла в мирном договоре говорилось следующее: «Прибегнувший под покровительство и милость нашу, да идет он восвояси безопасно, и царь да не препятствует тому, а если можно, то пусть примирится с ним».

Вскоре появился сам Карл.

Узнав о заключении мира с русскими, Карл пришел в ярость. В бешенстве он вбежал в палатку визиря, встретившего его с почестью.

– Ты забыл, что султан за меня начал войну! – вскричал гневный король.

– Я не знал, что за тебя, я думал, что сражаюсь за интересы моего государя. Я не забыл однако ж и твоих интересов: тебе дозволяется свободный путь домой.

– Дай мне войско, и я разобью царя.

– Не думаю, – хладнокровно отвечал визирь. – Ты испытал уже русских, и я их видел. Если есть у тебя свое войско, сражайся.

– Обещаю сегодня же поставить пред тобою царя пленником!

– А кто же без него будет править Москвою? Карл безмолвно сел на диван, положив нога на ногу, и долго сидел, не говоря ни слова. Затем гневно вскочил с дивана, зацепивши шпорою за великолепный кафтан визиря, разорвал его и поспешно вышел из палатки…

Интимный разговор визиря с Шафировым по поводу Карла был такой: «Только не троньте провожатых, а его можно взять. Пусть он пропадет, пес окаянный. Надоел он нам!..»

Русские ушли. В ограждение от блуждающих орд их сопровождали трое пашей.

Сам Петр выражался об этом походе, что он «зело отчаянно учинен, в надежде на слова изменника, обнадежившего союзом

народов, подданных Турции, что оказалось впоследствии лобзанием Иуды, ибо все чинено было на пагубу и туркам передаваемы были все вести».

Один из очевидцев иноземцев пишет о Петре в этом походе, что «царь берег себя не более, как последний из его отважных воинов. Он был в ладу, говорил со всеми по-дружески, с генералами, офицерами и солдатами, наблюдая за всем, что в битве происходило. Его храбрость увлекала воинов, и никто не щадил себя».

Глава XI

Непосильные труды всей жизни, целый ряд нравственных потрясений, особенно же поход на Прут, приступы болезни, – все это расстроило даже гигантское здоровье царя. Ему нужно было отдохнуть, ему нужно было полечиться. И вот царь едет в Карлсбад. Выдержав там трехнедельный курс, царь отправился в Дрезден. В это время сын его женился на герцогине Брауншвейгвольфенбиттельской. Царь отправился на свадьбу. Невестке царской позволено было сохранить свободное исповедание лютеранской веры. На просьбу герцога продолжить любовь к невестке и милость к людям, которые будут при ней, царь отвечал:

«Принимаю ее, как родную дочь мою, и надеюсь, что она жаловаться не будет, а также и те, кто будет при ней, только бы держали себя без высокомнения, *как многие приезжие к нам в Россию обыкли делать…»*

Царь отсюда выехал в свой парадиз, Петербург. По пути Петр виделся с своими союзниками, которые требовали от него помощи и заговаривали о дележе шведской добычи. И то и другое Петру было не особенно по сердцу, ибо воевал он и один со шведами удачно, а добытою им добычею едва ли склонен был поделиться. В Кенигсберге Петру показывали экземпляр летописи Нестора, и он приказал с нее сделать точный снимок. Заехал он в Ригу. Здесь встретили его, как законного государя, с великими почестями и речами. Записался членом в клуб Черноголовых и подарил этому обществу свой портрет. Увидя там портрет Карла XII, он приказал его не выносить.

«Я не сержусь на моего брата, Карла, – он выучил меня воевать».

Возвратившись в Петербург, Петр занялся его благоустройством. Рядом с этим шли приготовления к продолжению войны на море и суше. Между тем с Турцией опять дело не ладилось и потребовались большие усилия, чтобы мир

был окончательно заключен.

Война союзников со шведами вначале шла не особенно удачно. Пришлось Петру самому взяться за руководство военными действиями датчан и саксонцев, и победы перешли на сторону союзников.

Между тем царь не оставлял без внимания и внутренних государственных дел. Так, он приказал собрать точные сведения о всех русских фабриках и заводах, дабы можно было видеть, какие еще следует заводить; издал повеления: об учреждении русских обществ для торговых предприятий, об устройстве Вышневолоцких шлюзов, об очищении Боровицких порогов и об осмотре водного пути между Волгою по Шексне и Вытегре. Имея в виду изменить и дополнить Уложение, Петр велел перевести на русский язык прусское и шведское право. Отправлялись сотнями ученики за границу для обучения, а возвращающимся царь производил экзамен. Царь следил за составлением воинского устава, не забывал заводить голландских коров в Холмогорах и голштинских лошадей в Казани, сажал дубы близ Петербурга и проч.

Не оставлял он без внимания и Сенат и однажды, по поводу неправильно решенного дела, писал:

> «Что было причиною вашего распоряжения? Взятку вы взяли, или на смех делаете, или все от старости поглупели? Но помните, что я спрошу у вас обо всем отчета не шутя!»

В 1712 году царь ведет переговоры о свободной торговле на Средиземном море с алжирским деем, а также с императором о войне с Турцией. Желая дать возможность русским солдатам лучше обучиться военным приемам, царь позволяет поступить трем полкам на голландскую службу для войны с Францией. Наконец, русские проникают в Курляндию и хозяйничают там по своему усмотрению, несмотря на протесты против этого со стороны польского короля Августа.

Между тем в Турции в третий раз была поднята против нас интрига. Произошла смена визиря. Пошли приготовления к войне с Россией. Русский посол опять попал в семибашенную тюрьму. Крымцы произвели жестокое опустошение в Южной России. Но прежде, чем выступать в Россию, султан захотел быть справедливым и потребовал немедленного удаления Карла из Турции. Довели о сем до сведения Карла. Карл рассердился и объявил, что он не уйдет.

– Тогда я употреблю силу, – отвечал паша. – Я должен исполнить волю повелителя.

– Ну и исполняй, а пока исполнишь, убирайся к черту.

Что тут поделаешь? И паша, и приближенные короля теряли голову.

«Ваш король сошел с ума, а с безумными поступают так, как они того достойны».

Собрали 25 тыс. турецкого войска, чтобы силою удалить шведского короля с его шайкою из пределов Турции, так как он вознамерился защищаться.

Произошла свалка, в которой, разумеется, шведы проиграли и пленного шведского короля на повозке, под конвоем отвезли в Андрианополь к султану.

Начались новые интриги при дворе. Визирь был сменен. Война с Россией отложена. Русский посол выпущен из семибашенной тюрьмы. Карл также остался в Турции. Султан велел ему отпускать содержание, но прекратить выдачу денег и даже запретил говорить о нем.

> «Пусть он едет или останется, – его воля, но не напоминайте мне о нем. Я согласен кормить его, пока он у меня пробудет, и велю проводить его, когда он поедет, но воевать и ссориться из-за него не стану».

В это время Петр добивал Финляндию. Он взял Або, Гельсингфорс и другие города и таким образом почти вся Финляндия уже попала в русские руки. Шведский флот или избегал встречи с русским, или же терпел поражения. Особенно сильным было поражение в Гангудской битве. В честь этой битвы заложена была Петром на берегу Фонтанки церковь Св. Пантелеймона.

Между тем, отягченный заботами, делами и неприятностями, царь чаще подвергался припадкам своей болезни, что повлияло на него тяжело не только физически, но и нравственно.

К концу 1714 года на севере события начали принимать несколько иной оборот. В Швецию вернулся Карл XII.

Оставленный султаном в покое в Делютине, Карл не только не принимал ничего активного, а иногда по несколько дней не оставлял постели. Он ничего не делал и ни с кем ни слова не говорил. Иногда он целыми сутками спал, иногда страдал продолжительными бессонницами. Никто не осмеливался с ним заговаривать. А другой раз Карл начинал шутить и беседовать. Потом опять без всякого повода ложился в постель и погружался в молчание. Естественно и невольно возникал вопрос о ненормальности его умственных способностей.

Между тем положение Швеции было более чем ужасно. Королевство без короля, полуистребленное войною,

опустошенное и уничтоженное, день за днем теряющее в своих пределах, разоренное четырьмя соседями, страдало бесконечно. Оно имело короля, но король почивал в турецкой постели…

Осенью 1714 года к Карлу явился из Швеции граф Ливен. Он сообщил королю-затворнику об ужасном положении Швеции. Король встрепенулся. Встал с постели, зашагал по комнате и решил отправиться в Швецию. Шведы направились через императорские земли и Померанию и скоро были в Швеции.

Вступив в фактическое управление Швецией, Карл послал своим противникам такие гордые и задорные протесты, как бы он только вчера выехал из Швеции.

Началась война вновь, или, точнее, ожесточилась текущая.

Заканчивая свои дела в Европе в предначертанных им пределах, Петр все внимательнее и внимательнее стал относиться к Азии. Он приказал более обстоятельно укреплять русские границы, посылал военный отряд в Хиву, предпринимал усмирительные экскурсии к ногайцам и очень одобрил расширение золотых приисков в пределах Сибири.

В это же время Петр оказал помощь черногорцам, послав в Черногорию некоторое количество денег и припасов.

У цесаревича наследника родился сын; но в то же время скончалась его супруга. Царь очень радовался тому, что Бог дал ему рекрута, и печалился о преждевременной смерти невестки, которую он очень любил и уважал.

Особенное внимание Петра в это время было обращено на искоренение лихоимства, взяточничества, мошенничества и других злоупотреблений. Царь устроил по сему поводу особую комиссию, которая не пощадила никого и ничего. Попали в дело Меньшиков, Брюс, Апраксин, Долгорукий и др. Царь был страшно раздражен, и только прежние заслуги и нужда в людях спасли виновных от жестокой кары. Но виновные обязаны были вернуть в казну все похищенное и присвоенное. Желая устранить повод к лихоимству, царь увеличил жалованье всем чиновникам, ввиду чего положено строжайшее наказание тем, кто преступит границы и после сего…

Строго присматриваясь к жизни, характеру и деятельности раскольников, царь увидел в них много такого, против чего нужно было выступать не с карательными и строгими мерами, а с мерами человеколюбия, доброты, просвещения и разума. Почему он приказал действовать против них духом кротости и поощрять обращение заблудшихся убеждениями.

Зато строгие меры были приняты против помещиков, не желавших знакомиться с просвещением и уклонявшихся от государственной службы. У таких лиц повелено было отнимать

поместья и отдавать их тем, кто донесет о сем. Кроме того, неграмотным помещикам запрещено было жениться.

В 1714 году 24 ноября, в честь императрицы, царь учредил особый орден во имя мученицы Екатерины. Как гроссмейстер ордена, императрица награждала им за подвиги и особые заслуги особ женского пола. В указе по сему поводу царь выражал царице благодарность за заслуги перед отечеством, оказанные ею на Пруте.

Не оставлял царь без внимания и мелких событий государства. Так, царь запрещал строение неуклюжих судов по старому образцу и дал для этого новые образцы. Издано было повеление об усилении посевов и производства льна и пеньки. Запрещены были поминки – вытье по покойникам. Не позволено было подбивать простолюдинам сапоги острыми гвоздями, дабы не портить полов. Писанную бумагу, лоскутья бумажные, поношенное белье велено было собирать и отправлять на бумажные фабрики. И много, много других мелочей шло через голову Петра Великого.

Глава XII

Непосильные труды всей жизни, целый ряд нравственных потрясений, особенно же поход на Прут, приступы болезни, – все это расстроило даже гигантское здоровье царя. Ему нужно было отдохнуть, ему нужно было полечиться. И вот царь едет в Карлсбад. Выдержав там трехнедельный курс, царь отправился в Дрезден. В это время сын его женился на герцогине Брауншвейгвольфенбиттельской. Царь отправился на свадьбу. Невестке царской позволено было сохранить свободное исповедание лютеранской веры. На просьбу герцога продолжить любовь к невестке и милость к людям, которые будут при ней, царь отвечал:

«Принимаю ее, как родную дочь мою, и надеюсь, что она жаловаться не будет, а также и те, кто будет при ней, только бы держали себя без высокомнения, *как многие приезжие к нам в Россию обыкли делать…*»

Царь отсюда выехал в свой парадиз, Петербург. По пути Петр виделся с своими союзниками, которые требовали от него помощи и заговаривали о дележе шведской добычи. И то и другое Петру было не особенно по сердцу, ибо воевал он и один со шведами удачно, а добытою им добычею едва ли склонен был поделиться. В Кенигсберге Петру показывали экземпляр летописи Нестора, и он приказал с нее сделать точный снимок. Заехал он в Ригу. Здесь встретили его, как законного государя, с великими

почестями и речами. Записался членом в клуб Черноголовых и подарил этому обществу свой портрет. Увидя там портрет Карла XII, он приказал его не выносить.

«Я не сержусь на моего брата, Карла, – он выучил меня воевать».

Возвратившись в Петербург, Петр занялся его благоустройством. Рядом с этим шли приготовления к продолжению войны на море и суше. Между тем с Турцией опять дело не ладилось и потребовались большие усилия, чтобы мир был окончательно заключен.

Война союзников со шведами вначале шла не особенно удачно. Пришлось Петру самому взяться за руководство военными действиями датчан и саксонцев, и победы перешли на сторону союзников.

Между тем царь не оставлял без внимания и внутренних государственных дел. Так, он приказал собрать точные сведения о всех русских фабриках и заводах, дабы можно было видеть, какие еще следует заводить; издал повеления: об учреждении русских обществ для торговых предприятий, об устройстве Вышневолоцких шлюзов, об очищении Боровицких порогов и об осмотре водного пути между Волгою по Шексне и Вытегре. Имея в виду изменить и дополнить Уложение, Петр велел перевести на русский язык прусское и шведское право. Отправлялись сотнями ученики за границу для обучения, а возвращающимся царь производил экзамен. Царь следил за составлением воинского устава, не забывал заводить голландских коров в Холмогорах и голштинских лошадей в Казани, сажал дубы близ Петербурга и проч.

Не оставлял он без внимания и Сенат и однажды, по поводу неправильно решенного дела, писал:

«Что было причиною вашего распоряжения? Взятку вы взяли, или на смех делаете, или все от старости поглупели? Но помните, что я спрошу у вас обо всем отчета не шутя!»

В 1712 году царь ведет переговоры о свободной торговле на Средиземном море с алжирским деем, а также с императором о войне с Турцией. Желая дать возможность русским солдатам лучше обучиться военным приемам, царь позволяет поступить трем полкам на голландскую службу для войны с Францией. Наконец, русские проникают в Курляндию и хозяйничают там по своему усмотрению, несмотря на протесты против этого со стороны польского короля Августа.

Между тем в Турции в третий раз была поднята против нас интрига. Произошла смена визиря. Пошли приготовления к войне с Россией. Русский посол опять попал в семибашенную тюрьму.

Крымцы произвели жестокое опустошение в Южной России. Но прежде, чем выступать в Россию, султан захотел быть справедливым и потребовал немедленного удаления Карла из Турции. Довели о сем до сведения Карла. Карл рассердился и объявил, что он не уйдет.

– Тогда я употреблю силу, – отвечал паша. – Я должен исполнить волю повелителя.

– Ну и исполняй, а пока исполнишь, убирайся к черту.

Что тут поделаешь? И паша, и приближенные короля теряли голову.

«Ваш король сошел с ума, а с безумными поступают так, как они того достойны».

Собрали 25 тыс. турецкого войска, чтобы силою удалить шведского короля с его шайкою из пределов Турции, так как он вознамерился защищаться.

Произошла свалка, в которой, разумеется, шведы проиграли и пленного шведского короля на повозке, под конвоем отвезли в Андрианополь к султану.

Начались новые интриги при дворе. Визирь был сменен. Война с Россией отложена. Русский посол выпущен из семибашенной тюрьмы. Карл также остался в Турции. Султан велел ему отпускать содержание, но прекратить выдачу денег и даже запретил говорить о нем.

«Пусть он едет или останется, – его воля, но не напоминайте мне о нем. Я согласен кормить его, пока он у меня пробудет, и велю проводить его, когда он поедет, но воевать и ссориться из-за него не стану».

В это время Петр добивал Финляндию. Он взял Або, Гельсингфорс и другие города и таким образом почти вся Финляндия уже попала в русские руки. Шведский флот или избегал встречи с русским, или же терпел поражения. Особенно сильным было поражение в Гангудской битве. В честь этой битвы заложена была Петром на берегу Фонтанки церковь Св. Пантелеймона.

Между тем, отягченный заботами, делами и неприятностями, царь чаще подвергался припадкам своей болезни, что повлияло на него тяжело не только физически, но и нравственно.

К концу 1714 года на севере события начали принимать несколько иной оборот. В Швецию вернулся Карл XII.

Оставленный султаном в покое в Делютине, Карл не только не принимал ничего активного, а иногда по несколько дней не оставлял постели. Он ничего не делал и ни с кем ни слова не говорил. Иногда он целыми сутками спал, иногда страдал продолжительными бессонницами. Никто не осмеливался с ним

заговаривать. А другой раз Карл начинал шутить и беседовать. Потом опять без всякого повода ложился в постель и погружался в молчание. Естественно и невольно возникал вопрос о ненормальности его умственных способностей.

Между тем положение Швеции было более чем ужасно. Королевство без короля, полуистребленное войною, опустошенное и уничтоженное, день за днем теряющее в своих пределах, разоренное четырьмя соседями, страдало бесконечно. Оно имело короля, но король почивал в турецкой постели…

Осенью 1714 года к Карлу явился из Швеции граф Ливен. Он сообщил королю-затворнику об ужасном положении Швеции. Король встрепенулся. Встал с постели, зашагал по комнате и решил отправиться в Швецию. Шведы направились через императорские земли и Померанию и скоро были в Швеции.

Вступив в фактическое управление Швецией, Карл послал своим противникам такие гордые и задорные протесты, как бы он только вчера выехал из Швеции.

Началась война вновь, или, точнее, ожесточилась текущая.

Заканчивая свои дела в Европе в предначертанных им пределах, Петр все внимательнее и внимательнее стал относиться к Азии. Он приказал более обстоятельно укреплять русские границы, посылал военный отряд в Хиву, предпринимал усмирительные экскурсии к ногайцам и очень одобрил расширение золотых приисков в пределах Сибири.

В это же время Петр оказал помощь черногорцам, послав в Черногорию некоторое количество денег и припасов.

У цесаревича наследника родился сын; но в то же время скончалась его супруга. Царь очень радовался тому, что Бог дал ему рекрута, и печалился о преждевременной смерти невестки, которую он очень любил и уважал.

Особенное внимание Петра в это время было обращено на искоренение лихоимства, взяточничества, мошенничества и других злоупотреблений. Царь устроил по сему поводу особую комиссию, которая не пощадила никого и ничего. Попали в дело Меньшиков, Брюс, Апраксин, Долгорукий и др. Царь был страшно раздражен, и только прежние заслуги и нужда в людях спасли виновных от жестокой кары. Но виновные обязаны были вернуть в казну все похищенное и присвоенное. Желая устранить повод к лихоимству, царь увеличил жалованье всем чиновникам, ввиду чего положено строжайшее наказание тем, кто преступит границы и после сего…

Строго присматриваясь к жизни, характеру и деятельности раскольников, царь увидел в них много такого, против чего нужно было выступать не с карательными и строгими мерами, а с

мерами человеколюбия, доброты, просвещения и разума. Почему он приказал действовать против них духом кротости и поощрять обращение заблудшихся убеждениями.

Зато строгие меры были приняты против помещиков, не желавших знакомиться с просвещением и уклонявшихся от государственной службы. У таких лиц повелено было отнимать поместья и отдавать их тем, кто донесет о сем. Кроме того, неграмотным помещикам запрещено было жениться.

В 1714 году 24 ноября, в честь императрицы, царь учредил особый орден во имя мученицы Екатерины. Как гроссмейстер ордена, императрица награждала им за подвиги и особые заслуги особ женского пола. В указе по сему поводу царь выражал царице благодарность за заслуги перед отечеством, оказанные ею на Пруте.

Не оставлял царь без внимания и мелких событий государства. Так, царь запрещал строение неуклюжих судов по старому образцу и дал для этого новые образцы. Издано было повеление об усилении посевов и производства льна и пеньки. Запрещены были поминки – вытье по покойникам. Не позволено было подбивать простолюдинам сапоги острыми гвоздями, дабы не портить полов. Писанную бумагу, лоскутья бумажные, поношенное белье велено было собирать и отправлять на бумажные фабрики. И много, много других мелочей шло через голову Петра Великого.

Глава XII I

С появлением на горизонте Швеции Карла Петру пришлось быть очень внимательным ко всему, что делается союзниками. Поэтому он отправился на место военных действий вне России, дабы самому лично все видеть и знать. И действительно, многое ему пришлось подтянуть, исправить и поставить на надлежащую позицию. Прежде всего, царь выразил свое негодование правителям Данцига, которые, вопреки его приказанию, не прекратили сношений с Швецией, и потребовал контрибуции, в противном случае грозил угостить «железными пилюлями».

Из Данцига Петр отправился в Штеттин, где имел свидание с прусским королем. Зная страсть последнего к рослым солдатам, Петр подарил королю сотню отборных великанов, которые положили основу русскому поселению и доныне существующему около Берлина.

По дороге царь имел свидание и с датским королем, побуждая его к высадке в Швеции. При этом Петр принимал начальство и над соединенным флотом, и над всеми войсками. Такая высадка в Швеции имела тем больший интерес, что дела Карла в Швеции были слишком плохи и таким случаем нужно было пользоваться, чтобы прекратить уже слишком продолжительную и слишком кровопролитную войну.

Находясь за границей в настоящий раз, Петр также не упускал случая чем-нибудь воспользоваться для России. Теперь он обратил внимание на науки и искусства. Он очень рад был познакомиться с Лейбницем и много беседовал с ним по научным предметам. В Париже царь нанял для России архитектора, ваятеля и литейщика, графа Растрелли, а также знаменитого архитектора Леблона. Трудам Растрелли Петербург обязан постройкой Зимнего дворца, Царскосельского, Петергофского и Стрельнинского дворцов.

Между тем обстоятельства опять звали царя на поле битвы. Приехав к флоту, которым теперь командовал царь, он заметил, что датчане очень неохотно поддерживают войну и нужно было большие употребить усилия, чтобы заставить их выполнить то одно, то другое требование.

Занимаясь военными делами, царь не забывал и мирных. Будучи в Голландии, он не упускал случая нанять для России офицеров, художников, ремесленников и отправлял их в Россию. Вместе с этим он закупал предметы художеств и ремесел, модели, машины и проч. нужные предметы. И в настоящий раз царь держался больше простого люда, изучая его нравы и обычаи и

пользуясь всем, что можно было позаимствовать. Он снова работал на верфях Ост-Индской компании и очень был рад повидаться со своими прежними друзьями. Побывав у старика профессора Рюйма, Петр купил у него анатомический кабинет за 30 000 гульденов. Кроме того, царь приобрел минц-кабинет, кабинет по отделу естествознания, много картин и проч.

Из Голландии царь отправился во Францию. Здесь он обратил особое внимание на строй и обучение войск. Вообще ко всему французскому царь относился довольно подозрительно и не с особенным расположением. Это ему, однако, не помешало изучить Париж и воспользоваться всем, чем можно было, для России. Французов поражали простота, пытливый ум и меткие замечания русского царя. Людовик XV был в то время еще семи лет и Франция управлялась регентом. При обмене визитами, по обычаю, Петра встретил у кареты король. Петр взял его на руки, поцеловал и на руках внес во дворец.

– Теперь у меня на руках вся Франция, – смеясь, заметил Петр, неся малолетнего короля.

Король произнес заученную речь.

– Дай вам Бог, государь, счастливого и славного царствования…

– Быть может, мы будем некогда полезны друг другу, – ответил царь.

В Париже царь посетил дом инвалидов, арсенал, литейный двор, фабрику гобеленов, зеркальный завод, ботанический сад, коллегиум Мазарини, ученые, благотворительные и военные учреждения. В доме инвалидов, застав их за обедом, Петр выпил за их здоровье стакан вина. Посетил царь также Версаль, Фонтенебло, Сен-Дени, Трианон и проч. Усердно царь изучал механизм и устройство водопроводов и по образцу Марселя устроил у себя фонтан в Петергофе. Когда ему предложили в Сорбонне принять на себя инициативу великого дела воссоединения восточной и западной церквей, то Петр заявил, что он в духовные дела не вмешивается; будет же лучше, если члены Сорбонны обратятся по этому поводу к русскому духовенству. Совет Петра был немедленно исполнен и получили ответ, что русское духовенство усердно желает соединения, но не может решиться на перевороты: сие великое дело следует предоставить на волю Бо-жию, ведущей ко благу человеков, и матерь всех христиан церковь.

Царь много беседовал с математиком Варинвоном и астрономом Пиже и присутствовал при глазной операции Вольгуза. В академии наук Петр собственноручно исправил карту Каспийского моря. Предварительно царь приветствован был

торжественной речью и избран почетным членом академии.

Смотря на бюст Ришелье, царь сказал: «Если бы Ришелье был жив, то я отдал бы ему полцарства за то, чтобы он научил меня управлять другою», причем французы добавляют, «с тем, чтобы, выучившись, отнять у него отданную половину». Будучи в Париже, Петр пользовался каждой минутой побольше осмотреть и чему-нибудь научиться.

Отсюда он уехал в Спа, где некоторое время лечился, а вместе с тем изучил и бальнеологическое дело; с этою целью он осмотрел и Аахен, а приехавши домой, он положил основу нашим бальнеологическим курортам…

Находясь вне России, Петр вмешался в дела Польши и стал посредником между королем и народом. Было много недовольных королем и были поводы к неудовольствию. Для улаживания дела созван был сейм. Этому сейму предложены были условия, составленные царем. Все условия были приняты беспрекословно. Сейм продолжался всего только семь часов и за свое полное согласие был назван *немым* сеймом.

Покончив с внешними делами, Петр возвратился в свой парадиз, к своему народу и к своей семье. Здесь предстояли Петру новые заботы, – заботы о мире выгодном, почетном и прочном. А мир этот предлагал не кто иной, как король шведский Карл XII. Составлялась новая комбинация. Король предлагал Петру не только мир, но и союз против его врагов. Предстояли переговоры, весьма важные и щепетильные. Договаривающиеся стороны слишком расходились в предлагаемых условиях мира; Россия требовала оставления за собою всего завоеванного ею до последнего момента войны, а равно и занятого союзниками. Швеция требовала возврата всех занятых земель и, кроме того, союза против прежних царских союзников. Как видите, исходные точки мира чрезвычайно далеко отстояли одна от другой. Представителем России был знаменитый впоследствии Остерман, представителем Швеции – Герц. Наконец сговорились. Швеция сделала маленькую уступку: она отдавала России все остзейские земли и весь Балтийский берег от Курляндии до Выборга, Лифляндию, Эстляндию, Ингерманландию и в Финляндии Кексгольм. Россия за это прекращала войну, возвращала Швеции пленных и обещала различные торговые льготы. Таким образом, Петр взял не только все то, что наметил в своем уме, приступая к войне, но и больше того…

Карл и Петр обменялись любезностями; Петр отпустил к Карлу Рейншильда, Карл отпустил к Петру Головина и Трубецкого.

Видя свободу действий со стороны русских, Карл со всей

энергией кинулся на Норвегию. Он осадил Фридрихсгалл и Фридрихсгафен. Дела его начали вновь идти недурно. Но это была улыбка счастья перед смертью. Под Фридрихсгафеном Карл XII был убит картечью. Так скончался великий воин, на 37-м году жизни. Узнав о смерти противника, Петр невольно произнес: «Брат мой Карл! как мне жаль тебя!» Так скончался гений, но только *военный гений.*

Глава XI V

Мы приступаем к одному из мрачных моментов в истории России и самому тяжелому в жизни Великого Петра. Мы приступаем к истории суда царя над наследником престола, отца над сыном. Как каждый из нас желал бы, чтобы этого момента не было!.. Но он был. В этой коротенькой истории отца с сыном воплотилась история борьбы старого с новым, России древней и России новой…

Царь Петр I назван Великим. Однако где те великие деяния, где те великие произведения ума, творчества, искусства, фантазии и рук, кои дали право назвать его Великим?… Был ли это инженер, поэт, математик, теолог, медик, натуралист, коммерсант, архитектор, художник? Оставил он нам свои печатные книги, произведения пера, кисти, резца?… Нет, нет и нет… Чем же он велик? Что он создал и что оставил после себя? Только Россию… России не было и Россия стала. Была Московия и не стало Московии. На ее место зародилась и выросла Россия… Петр сказал: да будет! И бысть…

В самом деле, что такое была Россия до Петра? Страна, на счет которой пробавлялись все соседние народы. Это была сила, но сила скрытая. Это был, так сказать, латентный потенциал… Явился Петр и вызвал к жизни сокровенное. Пробудил сонное, вдохнул дыхание жизни и дал душу живую мощному, но сонному колоссу… Нет слова, подвиг великий. Подвиг титана. Подвиг великого гения. Таковым Петр и был.

Но создавая новое, ему пришлось разрушать, исправлять, переделывать, перестраивать старое. И притом все, все старое от верху до низу, от великого до малого, от царя до пастуха…

Мы могли бы бесконечно восторгаться величием деяний Петра и все-таки не изобразили бы во всей полноте, блеске, достоинстве всего того, что он совершил. Петр, однако, совершил все то, что задумал, и совершил один…

Но, созидая, он разрушал. А разрушая, он нарушал целость прежнего… Он делал больно всем тем, с кем он соприкасался. Он нарушал неприкосновенность, покой, благополучие, интересы,

силы, благосостояние, права и достоинство всех, к кому он прикасался… Он делал всем неприятное. Он делал всем ущерб. Он делал всем зло. Он касался интересов умственных, политических, общественных, финансовых, семейных, нравственных и духовных… и всюду делал людям все больно и больно… Могут ли такого деятеля любить! Никоим образом. Таких людей ненавидят…

В самом деле, кого только не затронул Петр?… Он требовал, чтобы царский сын был первым работником в государстве и на пользу государства. Он требовал, чтобы царская семья была первою семьею в государстве и принадлежала государству. Он ограничил права высшего духовенства и потребовал, чтобы остальное духовенство состояло из людей образованных, нравственных и примерных. Он наложил на людей, составлявших первые чины государства, наиболее тяжелые труды. Он жестоко преследовал лихоимство, мздоимство, казнокрадство и проч. подобные деяния…

Петр отнимал детей от благородных семейств и посылал их к басурманам на обучение. Петр потребовал вывоза в общество жен и дочерей. Петр заставлял всех помещиков служить и учиться под опасением лишения состояния. Петр уничтожил и рассеял стрелецкие полки, лишив их прав и привилегий. Петр создал новые полки, заставляя их учиться и быть в постоянном движении. Петр вел бесконечные войны, отнимая молодых людей для войска, а средства для содержания флота и войска брал у того же общества. Петр резко и неожиданно нарушил русскую старину и лишил образа Божия, отрезав бороды и лишив исконного русского наряда как мужчин, так и женщин. Петр заставлял дружиться с иноверцами, еретиками и басурманами… Словом, мы спросим себя: где были довольные Петром и где недовольные? Довольными могли быть только сподвижники Петра и очень небольшая группа мыслящих людей, недовольными – все остальные. Это внутреннее недовольство, распространяясь потоком во всем старом и невежественном, но потерпевшем обществе, должно было искать себе защиту и охрану в силе и представительстве. Охраною и поддержкою являлась сила стрелецкая, а затем и донская, а представительство свило себе гнездо в самой царской семье, в лице царевны Софии, царицы Евдокии и проч. Но со всем этим Петр успел управиться. Он сломил силу и развенчал представительство. Невежество и старинные предрассудки смирились. Смирились и затихли, но не замерли. Не имея возможности совладать с Петром, старина решила воспитать его сына, наследника и преемника престола в духе старины, с любовью и преданностью ко всему старому и с

ненавистью и озлоблением ко всему новому. А не станет Петра, взойдет Алексей и царству новшеств будет конец. Задумано было хитро и приводилось в исполнение задуманное твердо, настойчиво и последовательно. Как увидим, старина достигла своего и воспитала себе достойного наследника…

Царь Петр женился на Евдокии Лопухиной 17 лет. В 18 лет у него родился сын Алексей. Занятому выше головы различными делами, Петру было не до семьи и не до сына. На то была мать и воспитатели. Первые годы жизни царевич Алексей провел под особенным надзором сперва своей бабки, царицы Наталии, а затем своей матери, царицы Евдокии. И та и другая обожали мальчика и страшно баловали. Но мы знаем, что все семейство царское было окружено стрельцами, староверами и ханжами, неприязненно смотревшими на дела царя и его нововведения. Во всех его деяниях усматривали потворство басурманству, разрушение православия и введение немецких нравов и обычаев. Из этого источника развивались и разрастались восстания и здесь таились ростки бунта и попыток к государственным переворотам. Многие из приближенных явно не осмеливались приставать к бунту, они на вид повиновались велениям царя, но рядом с этим они тайно осуждали царя, говорили о гибели, которую он готовит России, роптали и оправдывали бунты и буйство. Царевич Алексей первые восемь лет провел именно в такой среде. В его юной головке с первых дней сознательной жизни укладывались речи порицания и жалобы на деяния отца. А воспитание царевича шло в неге, потворстве, безделии и среди предрассудков, освещаемых и освящаемых безрассудною любовью матери.

Царевич Алексей был мальчик небольших дарований, ленивый, беспечный, не терпевший учения и воинских занятий, ненавидевший немцев – друзей отца и бывших виновниками всех несчастий в государстве.

Напрасно царь брал с собою сына в лагерь, путешествия, походы и приучал к воинским и огненным потехам. Это нисколько его не занимало и не привлекало. Все полученные впечатления быстро сглаживались из ума царевича, как только он возвращался к матери и ее приближенным. Царь приказал начать обучение сына. Начали, но ученье шло неудачно. Царевич был слаб, а за этою слабостью хоронили и его лень, и его неохоту к ученью, и его неуспехи.

После возвращения из первого путешествия за границу царь увидел, что дурное влияние матери на сына в деле обучения отразилось и на нравственном его облике. Петр надеялся все уничтожить и искоренить. Но время было потеряно. Семя пало на почву добрую, пустило крепкие корни и начало давать должные

ростки. Первые впечатления, первые представления и первые понятия резко и глубоко запечатлелись в душе ребенка. Алексею было тогда 10 лет. Удаление матери вызвало в нем сильное негодование.

Взамен крепкого и сильного ума в мальчике вспыхнули сильные страсти. У него возгорелась ненависть не только ко всем деяниям отца, но и к виновнику их – отцу. Воспитанный женщинами и не имевший личных способностей настолько, чтобы своими силами освободиться от всего, ими навеянного, Алексей усвоил от них скрытность и притворство. Рядом с этим противники царя и приближенные его матери и теток успели в царевиче вселить идею, что Бог налагает на него долг и назначение разрушить все басурманские нововведения отца и возвратить России православие, отомстить за мать и искоренить окаянных немцев. Все эти советники всеми силами старались заглушить и искоренить в царевиче всякие мысли, могущие когда-либо и в чем-либо оправдать отца.

Напрасно царь удалил от царевича прежних его приближенных. Было уже поздно. Да и верных, пригодных людей было найти трудно. Приставленный к царевичу немец Нейгебауэр оказался бездельником, которого пришлось выслать из пределов государства. Назначен был Гизен. Сам царь следил за воспитанием сына. Вместе с образованием он хотел приохотить его к военной, морской и государственной деятельности. Брал царь сына часто и на войну. Поручал ему разные дела, присутствие в боярской думе и в заседаниях разных комиссий.

Но все старания отца были напрасны. Зло овладело им вполне и всецело. Все приемы отца имели отрицательное воздействие. Вскоре Гизен был назначен к другому делу, а царевича окружили сообщники матери, приверженцы старины, враги новшеств и суеверы. Царевич приобрел кое-какие сведения, говорил по-немецки, но учения терпеть не мог и просвещению не сочувствовал.

К обычной подозрительности, недоверию и озлоблению против царя присоединился новый повод – женитьба царя на Екатерине. Между царем и его сыном лежала непроходимая пропасть, мост через которую составляли, с одной стороны, снисходительность, терпение, желание добра и ожидание исправления, а с другой – притворство, хитрость, лицемерие и внешнее смирение.

Неровный характер Петра, его вспыльчивость, иногда страшный гнев еще более ожесточали сына, отдаляли от отца и заставляли в тиши хитрее и крепче ковать ковы. Будучи нередко неумерен в вине, царевич иногда не сдерживал себя и

просказывал свои сокровенные мысли по отношению к отцу; а мысли эти были далеко не невинного свойства. Часто он просказывал намерения, нарушавшие долг сына и обязанности верноподданного.

После полтавской битвы, казалось, между отцом и сыном состоялось примирение. По крайней мере, отец искренно тому радовался и предложил сыну заграничное путешествие, как с целью образовательною, так и для розыска невесты. Невеста была найдена. Брак заключен. Царь надеялся, что царевич исправится. Ему поручен был надзор за войсками, стоявшими в Померании. Ожидания царя не оправдались. Царевич кутил, вел несдержанную жизнь, а по отношению к супруге проявлял видимое нерасположение и презрение. Приехал Петр. Сильно он разгневался на сына, но гнев делу не помог. Правда, наружное смирение и внешнее примирение между супругами состоялось, но внутренняя вражда, озлобление и ненависть тем более усилились.

По возвращении на родину царевич увлекся какою-то чухонкою и жил с нею не скрываясь. Прежний образ жизни не прерывался. Не желая производить явного скандала, супруга наследника русского престола продолжала жить при нем, хотя жизнь тянулась не долго. Через четыре года после замужества ее не стало.

Царь явно видел, что в царевиче он не найдет себе достойного продолжателя всех своих начинаний, а напротив, явного и открытого врага и противника. Мало того, в нем оскорбляли царя приемы, недостойные прямого человека.

Потеряв веру в исправление, царь запретил сыну являться к нему на глаза. Царевич поселился на даче в Ижоре, в Петербург не показывался, а проводил дни и ночи в кутежах и в буйных оргиях со служителями и простолюдинами, ибо никто из порядочных людей не хотел посещать его. Только изредка тайком враги Петра проникали к царевичу и поддерживали его в идеях мести отцу и гибели всему им содеянному.

Похоронив невестку, Петр, между прочим, написал сыну письмо, в котором он прежде всего говорит о тех результатах, которые дала шведская война, и о той славе и величии, которыми вознесена была через это Россия, а затем продолжает:

> «Но если я смотрю на то, что должно после меня быть, то не столько радости в настоящем, сколько печали и скорби в будущем чувствую, ибо ты, сын мой, отвергаешь все, что может учинить тебя царем достойным. Не можешь ты извинить себя недостатком ума и слабостью тела. Упрямая воля твоя отвергает дар

Божий. Ты не хочешь изучить науки военной, но можно ли быть царю не воину? Войны без причины вести не должно, но и царствовать нельзя без познаний воинских, ибо они суть охранение и защита государств. Не довольно царю иметь искусных полководцев, но ему самому надобно руководить ими. Царь пример подданным. Как, не зная оснований какого-либо дела, можешь ты указывать другим? А для всякого познания воля и охота потребны паче сил… Обрати внимание на мои слова и рассуди о них. Я человек и подлежу смерти. Кому же оставлю насаждение мое, уже отчасти, при помощи Божией, возрастающее? Тебе, когда ты раб ленивый, закопавший талант свой в землю? Знаю злой и упрямый твой нрав. Сколько раз я тебя бранивал, и даже бивал, и вот уже сколько лет почти не говорю с тобою, но все бесполезно. Ты ведешь жизнь беспечную, не думая о том, что из того будет… Пишу тебе последний раз, внимай мою последнюю волю: хочу еще немного ждать, не обратишься ли ты на добро, но мое решение уже принято и при дальнейшем упорстве твоем я отрежу тебя, как член, антоновым огнем пораженный, и лишу тебя наследства. Не думай, что ты у меня один сын и что я только стращаю тебя. Клянусь тебе Богом, что слово мое исполню. За мое отечество и людей моих я не жалел и не жалею живота моего, то могу ли тебя, непотребного, пожалеть? Лучше будь чужой добрый, нежели свой непотребный».

Царевич отвечал на это следующее:

«На письмо ваше, родитель мой, ничего донести не могу, кроме того, что если вам угодно лишить меня наследства, будь воля ваша. Даже прошу тебя о том, ибо вижу себя непотребным, лишенным памяти и от разврата ослабевшим душевными и телесными силами. Для правления царством потребен не такой, как я, гнилой человек. Дай бог вам здоровья, по кончине вашей я престола искать не буду, в чем я даю вам Бога порукою».

В дальнейшем письме своем царевич Алексей изъявляет желание принять монашеский чин.

Царь Петр давал царевичу полгода на размышление; но Алексей продолжал прежний образ жизни. В это время Петр находился в Копенгагене. Царевич написал, что он едет к царю в Копенгаген. Однако, вместо Копенгагена, царевич очутился в

Вене, где просил императора принять его под свою защиту и покровительство от отца, который желает лишить его престола, засадить в монастырь и даже лишить жизни. Император приютил царевича и скрыл его в Тироле; царю же Петру отвечал, что царевича в пределах его империи нет.

Однако агенты Петра выследили царевича. Тогда император перевел царевича в Неаполь, в замок св. Эльма, где его русские агенты тоже выследили. Тогда царь решительно потребовал от императора выдачи сына, царевичу же писал, что простит его, если тот возвратится с покорностию. Царевич решил ехать на родину, причем не захотел даже заехать к императору поблагодарить его за приют.

Царевича привезли в Москву, где царь решил судить его за последний поступок. В кремлевский дворец собрались духовенство, чиновники и почетные люди. Среди них был сам царь. Ввели царевича. Он упал на колени пред отцом, подал повинную и умолял о помиловании. Царь спокойно заявил, что сдержит свое слово и жизнь ему сохранит, но помилование может быть искуплено только чистосердечным признанием, открытием всех своих замыслов и участников в его позорном бегстве.

> «Милуя тебя, мы объявляем тебя уже недостойным престола и, как ты сам уже отрекся от него, лишаем тебя наследия властью царскою и отцовскою и передаем наследство престола брату твоему, царевичу Петру».

Алексей отвечал, что он покоряется воле своего родителя и государя, признавая вполне его правосудие и свое недостоинство. После этого Алексей подтвердил свое отречение публичною присягою.

Засим издан был особый манифест об отречении от наследия престолом царевича Алексея и о назначении наследником царевича Петра.

Назначена была особая комиссия для расследования дела. Отец при этом писал сыну:

> «Говори сущую правду, как на исповеди. Всякая ложь и укрывательство составляет вину твою и тогда обещаемое тебе прощение будет не в прощение».

При первых же вопросах царевич выдал некоторых участников и при этом заявил, что причиною побега был страх отцовского наказания; но никогда не мыслил он восставать против отца и возмущать царство, располагая только прожить в чужих землях до кончины отцовской. У императора он просил

только убежища, хотя его и принудили в Вене написать письма к сенаторам и духовенству, которые писал он прямо набело, и, насколько помнит содержание их, письма сии заключали в себе известие о нем, без всякого возмутительного предлога. Кроме того, царевич заявил, что он не знал ни о чьих замыслах против царя и что его никто не подготовлял к злоумышлению и побегу.

Следствие, однако, показало, что были подговорщики, были и злые советники. Ему говорили, что если его постригут в монахи, то это пострижение будет не по доброй воле и потому не действительным, почему впоследствии он может сложить с себя клобук и уничтожить все сделанные отцом распоряжения. Его уговорили бежать к германскому императору, просить его помощи, вернуться с войсками в Россию и тогда восстанут и пристанут к нему многие и окажут помощь. Наконец, многие из духовенства утверждали его в упорстве против воли отца и в ненависти к отцу, даже на исповеди внушая ему богопротивные мысли, причем царевич был намерен по вступлении на престол, при жизни или по смерти отцовской, погубить казнью главных его сподвижников и восстановить в России прежние обычаи.

Спустя некоторое время, после раскрытия всего сказанного, царевич сознался, что он писал из-за границы возмутительные письма сенату и духовенству и делал это по собственному почину и побуждению.

В дальнейшем открылось, что предприятия и замыслы царевича знала и поощряла мать его, бывшая царица Евдокия, и тетка, царевна Мария Алексеевна. Все эти дела поддерживались и подкреплялись ростовским епископом Досифеем и другими лицами.

По открытии дела участники были казнены, царевич же был перевезен в Петербург. Здесь он был предан суду духовенства и чинов государственных.

Оба суда приговорили виновного к смертной казни. Царевича посадили в крепость. Здесь царевич умер в тот же день, по-видимому, от принятого им яда на 28-м году жизни…

Беспредельно грустно и тяжело приниматься за анализ этого в высокой степени мрачного факта, являющегося единственным пятном в жизни великого человека.

Отец подымает руку на сына. Царь подымает руку на наследника престола… Явление необыкновенное и выходящее из обычных свойств, присущих человеческим существам. Требуются слишком сильные и чрезвычайные мотивы для столь выходящего из ряда вон факта.

Мне, как человеку, весьма приятно, что в числе мотивов, побудивших Петра наложить руку на сына, нет ни одного личного

и эгоистического. Единственным личным мотивом к лишению наследия престолом Алексея со стороны Петра было бы желание передать это наследие второму сыну, от любимой жены, Петру. Но это предположение совершенно не выдерживает критики. Находясь под Прутом в безвыходном положении, Петр предписывает Сенату избрать себе царя достойнейшего из себя. Уже в то время царь считал Алексея негодным для царствования. Он не делает завещания сыну-наследнику, ибо он не считает его наследником. Второго же сына у Петра тогда не было. Не мог он иметь в виду передачу престола Екатерине, ибо в то время она была вместе с Петром и, следовательно, подвергалась с ним одинаковой участи. Таким образом, в деяниях Петра по отношению к Алексею личный элемент совершенно устраняется.

Петр действовал по отношению к Алексею не как отец по отношению к сыну, а как царь по отношению к наследнику престола. Тем сильнее преклоняешься пред величием души человека, заставляющего заглохнуть чувства отца пред величием чувства любви к созданной им монархии.

В лицах Петра и Алексея представлялось олицетворение молодого и старого, возрожденной России и старой Руси, просвещения и невежества, мощи и немощи, добра и зла.

Отдав всю свою гениальную жизнь на пересоздание государства, сознавая всю мощь самодержавия, полную возможность пересоздать не только к худшему, но и к лучшему в возвышенном смысле слова, Петру предстояла дилемма: сын или царство. Ему предстояло выбрать или лишиться сына и сохранить величие, силу и мощь России, или оставить престол сыну и погубить обновленную и воссозданную Россию. Обыкновенный человек едва ли бы колебался в выборе. Чувства отца слишком велики в человеке. Но душевные движения гения иные, чем обычного человека. Любовь гения к своему созданию превышает любовь общечеловеческую, и потому Петр предпочел любовь к созданной им России любви к наследному сыну, могущему разрушить его создание. Разумеется, этот перевес дается не без борьбы, и тем большая цена и дань уважения и преклонения отдается человеку, умевшему заглушить в себе чувства отца перед долгом к отечеству и человечеству.

Глава XV

Со смертью Карла XII и с восшествием на престол слабой Ульрихи Элеоноры можно было ожидать, что проектированный мир со Швецией будет немедленно заключен, так как Швеция была истощена до крайних пределов и вести войну далее была

совершенно не в силах. Так мог рассуждать каждый недальновидный человек, но не так рассуждал Петр. Царь, напротив, с этого момента стал усиленнее готовиться к войне со Швецией и был совершенно прав. Как везде и всегда, в Швеции было две партии: партия Карла и партия его противников. Карл умер, верх одерживала партия его противников. Карл желал с Россией мира, его противники объявили войну. Но этого было мало. Все союзники Петра, а равно и враждебные государства увидели, что Петр своею северною войною приобрел от Швеции столько, сколько никто не мог и воображать. Мало того. С этого момента Россия становилась державой сильной и могущественной, с нею приходилось считаться и было бы очень недурно сделать ей, тем или другим способом, некоторое кровопускание. И вот все друзья и враги Швеции, разумеется, за известный гонорар, предложили ей свою помощь и услуги. Так как Швеция, при всем требуемом новыми союзниками возмездии, теряла все-таки меньше, чем отдавала одной России, то воинствующая Швеция склонилась к поддержанию новых союзов и в пользу войны с Россией. А таких союзников было немало: Англия, Франция, Германия, Пруссия, Ганновер, Дания, Польша и т. д.

Поистине понятна ирония, высказанная в это время одним из шведских сенаторов, Горном: «Бедный царь, посмотрите, сколько государей против него вооружилось! Съедят они его!..» Однако, благодаря Бога, у всех этих акул зубы были слишком тупы. Напротив, и на море, и на суше Россия приносила Швеции жестокий урон, а союзники ограничивались одними только прогулками и не решались вступать в более реальные столкновения с русским колоссом…

Ведя опустошительную для Швеции войну, Петр не забывал и других дел. Так, в это время он старался утвердить союз с Францией и вполне правильно понимал, что этот союз выгоден одинаково как для Франции, так и для России. Расстроив жестоко свое здоровье, царь сознавал существенную необходимость в лечении минеральными водами. Но, ввиду военных действий, он не хотел ехать ни в Карлсбад, ни в Спа, а поехал на свои олонецкие железные воды. Пробывши там шесть недель, царь получил значительное облегчение и приказал опубликовать по всей империи о пользе, получаемой от лечения олонецкими железными водами предпочтительно перед подобными же заграничными водами. В первый раз Петр лечился на этих водах в 1719 г. и, получив от них облегчение, он повторил курс лечения в 1724 г. и с такою же пользою.

Но, в то время, как союз с Францией шел на лад,

расстраивались отношения с Германией.

Петр был недоволен императором по делам Турции и делом с царевичем, император, в свою очередь, проявлял неприличные отношения к русскому царю и дошел до того, что выслал русского посла. Против этого царь протестовал и в возмездие выслал из России иезуитов, покровительствуемых императором. Зато отношения к Польше стали значительно лучше, причем Петр старался возможно больше обласкать посланных гостей из Польши.

Воевода Хоментовский, стоявший во главе посольства, был очень доволен оказанным ему приемом и в отпускной аудиенции разразился следующей речью: «Потомки не поверят тому, что мы видим. Не поверят они, когда мы передадим им повесть о великих делах, коими прославил себя русский царь! Чему удивляться в тебе более, государь: полководцу непобедимому, или устроителю городов, или законодателю мудрому?…»

Как ни желала Швеция вернуть от России хотя часть забранного добра, однако она только теряла и теряла; а новые союзники отделывались милыми улыбками и похвальбою, за которые, однако, каждый из них что-нибудь да тянул от Швеции… Поэтому Швеция заключила, наконец, с Россией мир на тех условиях, кои предложил еще ранее Петр. Этот мир был заключен 30 апреля 17 21 г.

Великую радость доставил этот мир и Петру, и Петербургу, и всей России. На церковное торжество по этому поводу к Троицкому собору собралось несметное число народа. Митрополит Стефан встретил входящего во храм Петра словами:

«Вниди, победитель и миротворец».

По совершении молебствия, при громе пушек и тысячных кликах народа, Петр вышел из церкви к народу.

«Здравствуйте и благодарите Бога, православные! Бог прекратил войну, которая продолжалась двадцать один год, и даровал нам счастливый мир!»

Поднялись новые клики народа, ружейные выстрелы и пушечный грохот. Народ угощен был на славу, угощены были и сановники.

Сподвижники Петра получили многие награды и великие царские милости. Но не осталась, даже и современная, Россия неблагодарною Петру. Сознавая величие подвигов царя, духовенство и чины государственные единодушно положили поднести ему от лица всей России *титул императора* и имена *Великого и отца отечества.* Долго царь не соглашался, говоря, что только потомство утверждает царям имена *великих,* но он должен был сдаться на действительно искреннюю всеобщую мольбу. Все

это было совершено торжественно в Троицком соборе. В назначенный день собрались в собор все знатные люди и все высшее духовенство. Когда явился царь, все эти заслуженные люди окружили своего царя и отца. Во главе всех был канцлер Головкин, который приблизился к царю и просил его от имени всего русского государства принять подносимые народом наименования: *императора, Великого и отца отечества.*

«Тобой возведены мы из небытия в бытие, твоя от твоих, достойному – достойное воздаем мы», – произнес Головкин. Своды храма огласились кликами: «Да здравствует Петр Великий, император всероссийский, отец отечества!»

Эти крики были подхвачены толпою народа, покрывающего площадь, крепость и оба берега Невы, и выстрелами из всех крепостных пушек, со 125 галер, стоявших на Неве, беглым огнем 29 полков, звоном колоколов и звуками литавр, труб и барабанов…

«Друзья мои, – произнес растроганный император, – убедитесь в том, что не я моими слабыми силами, но Бог все сотворил для нас. Помните, что и теперь ослабевать в средствах войны не должно и пользу общую надобно предпочитать своему».

При выходе из церкви император был встречен приветствием и искренним радостным криком народа, сознававшего счастье, что и он может доставить своему царю хотя малейшее удовольствие…

Прошли века с тех пор. Петра не стало. Мы очень далеки от него по времени, и только преклоняемся пред величием его духа и ума. И скажем мы теперь совершенно беспристрастно: а разве Петр не заслужил всего этого! И думается нам, что эти подношения народа русскому своему царю делались тогда не лести ради, а искренно, сознательно и вполне нелицеприятно.

Петербургские торжества вместе с Петром перешли и в Москву. Но, пируя победу, царь обдумывал уже новое дело. Правда, продолжительная война дала России славный почетный мир и большие приобретения. Но Россия была утомлена. Ей нужно было отдохнуть, собраться с силами и воспользоваться плодами мира. Поэтому царь решил заключить и подтвердить мировые союзы со всеми европейскими государями, что ему и удалось.

Теперь очи Петра были обращены на восток, – на Азию…

«Помышляя о благе народа и земском справедливом управлении, учиняем мы коллегии, т. е. собрания, в коих отымается прежнее самовластие судей и все производится общим суждением членов», – писал Петр. Коллегии это суть: военная, адмиралтейская, иностранных дел, коммерческая, восточная,

юстицкая, берг и мануфактур, камеральная, вотчинная и ревизионная. Учрежден был также магистрат, коему поручались в хозяйственный надзор купечество, торговля, правильное учреждение цехов и ремесел, суд купеческих людей и дела их. В сенате определен генерал-прокурор, «око государево». Учрежден был чин генерал-ракетмейстера, которому поручалось наблюдение за производством судебных дел.

В 1722 г. издан был указ, по коему избрание наследника престола зависело от воли царствующего государя, «которому оный хочет, тому и определит наследство и определенного может паки отменить». Этот указ был тем более необходим, что и царевич Петр также скончался.

Издан был «табель о рангах», коим определялись все гражданские и военные чины, разделяясь на 14 классов. Слово «знатное дворянство» в этом табеле определялось так: «знатным считается тот, кто более других в службу годен». Отличие людей определялось трудом и личными заслугами людей. Несомненно, точка зрения совершенно правильная и, при свободе печати, сдерживающей личные злоупотребления, наиболее пригодная и для нашего времени. Форма и выслуга лет совершенно обезличивают людей, делают их шаблонными и угнетают дарования и таланты. Весьма печально будущее того общества, где будет царить форма, шаблон и выслуга лет. Его будущее – или разложение, или взрыв…

Даны были уставы Святейшему Правительствующему Синоду, коллегиям, магистрату, военному и морскому ведомствам. Все уставы Петра отличались простотой, ясностью, подробностями, старанием возвысить ум новыми идеями, изъяснить каждому его долг и предупредить злоупотребления. Особенное же внимание было обращено Петром на составление военного устава. Великий знаток военного права, генерал П. О. Бобровский, по этому поводу говорит следующее:

> «В законах Петра Великого поднято человеческое достоинство, признана в нем личность, независимо от звания, которое он носит, с правом на честь и уважение, и выражена угроза за пренебрежение к нему, за опорочение его словом и действием. Простой солдат, рядовой матрос в армии и флоте занимает определенное положение, как слуга отечества, и тем самым приобретает право на уважение к себе государства, на попечение о нем, на его защиту; личность в самом малом состоянии становится элементом силы и могущества и в войске и в государстве Петра».

Богатства Азии давно уже привлекали к себе внимание Петра. Прежде всего Петр послал посольство к китайскому богдыхану. Посол был очень мило принят. На приеме богдыхан, между прочим, говорил послу: «Передай мое слово твоему государю. Вот слышал я, что сам он ходит по морям и бывает в битвах. Но море махина великая и бывают на нем войны большие и страх не малый, и легко можно погибнуть, а также и в бою смерть всегда близка человеку. Так зачем же ему, бывши государем великим и имея людей достойных, зачем пускаться самому в битвы и на море? Он должен посылать других, а сам пребывать в покое. Скажи ему, что я так ему советую, и еще скажи, что дружбы с ним я никогда не нарушу, да и как нам воевать? Россия государство холодное и далекое. Если я пошлю туда войско, то оно замерзнет и погибнет. А вам каким образом воевать с нами? Наше государство жаркое, а люди ваши к жару не привыкли… Пошлете их сюда, так они все погибнут. Сверх того, если бы мы друг у друга что и завоевали, то на что оно нам? И без того у нас земли велики и пространны!..»

Точка зрения поистине китайская и еще так недавно бывшая столь приятною русским…

Тем не менее Петра очень мало смутило то, что «Китай страна очень жаркая и русский народ к ней необыклый». Амур Петру очень понравился и, проживи он долее, вероятнее всего, Сын неба познакомился бы с русскими поближе.

Во всяком случае, Азия Петру полюбилась, и он решил прежде всего попытать счастья на Каспийском море. Туда его звали еще раньше. Оттуда делались набеги, а главное, там имелись соблазнительные богатства: шелк, виноград, красильные вещества и обильные земли, где можно было разводить тонкорунных овец, лучшие породы лошадей и проч. Наконец, азиатские страны могли служить местами сбыта товаров.

Петр уже раньше задумал этот поход в Персию. Под видом оказания помощи персидскому шаху он посылал туда своего посла, который в достаточной мере изучил Каспийское море и положение жителей около лежащих мест. Бывший посол в Персии, Волынский, был назначен губернатором в Астрахань, чтобы постепенно подготовлять поход.

И вот теперь Петр решил лично отправиться на Каспийское море, на первый раз сделав легкую экскурсию до Дербента. Свой поход император Петр довольно ясно описывает в своем отчете Сенату: «Марш наш был не велик, но только зело труден от бескормицы лошадям и от великих жаров. Нас всюду принимали смирно и с приятным лицом, хотя сия приятность явно говорила: что нам и тебе, Иисусе, сыне Давидов! Мы даже рады какому-

нибудь случаю подраться, а особливо те из нас, кто еще свиста пуль не слыхивал. Утемишцы оказались с нами не учтивы, и за то мы полюбовались фейерверком, отдавая им контр-визит. Можем сказать, что в здешних краях мы ногу поставили и крепкое основание на Каспийском море получили»…

Император достиг того, чего хотел. Он убедился, что занятые русскими области обладают богатствами и завоевание западного и южного Каспия не представляет особых препятствий. Равным образом он усвоил себе и способ ведения войны с жителями данной местности. Было ясно, что вести туда большое войско неудобно и затруднительно. Нужно было ограничиваться занятием укрепленных мест и посадкою там гарнизонов с отрядами казаков и легких войск, способных состязаться с горцами. Таким образом, все побережье могло содержаться в подчинении нескольких полков и немногих пушек. Оставалось устроить флот на Каспии, а остальное покажет будущее.

В этот знаменитый поход впервые обследованы были Кавказские минеральные воды, которые, быть может, еще через 200 лет управления нашими чиновниками станут действительно достойно знаменитыми. Находясь еще в Астрахани, император завел переговоры с шахом персидским и царем грузинским, с первым об оказании ему помощи, а со вторым – о принятии им подданства России.

Вскоре заключен был с Персией мирный договор, по которому России доставались в вечное владение Дербент, Баку, Гилянь, Астрабат и Мо-зондеронь. Посла персидского угощали и за ним ухаживали.

С Турцией мир был подтвержден, причем султан признавал за Россией утвержденными те области, кои ей были уступлены Персией, а равно и завоеванный Россией Дагестан.

В 1723 г. император приказал готовить морскую экспедицию в кругосветное плавание. Одновременно с этим Петр не покидал и внутренних дел империи. Очень ему хотелось подвести Малороссию под один знаменатель с Россией. После смерти гетмана Скоропадского управление Малороссией было передано Полуботку, причем, однако, гетманские доходы были от него отняты и дела велись коллегией. На просьбу об избрании гетмана царь отвечал, что он приищет достойного человека, а «как в делах остановки нет, то и докучать ему не надлежит».

Поистине мудрые и справедливые меры император принял по отношению к монастырям. Почти *все доходы с монастырей велено обращать на заведение при монастырях больниц и богаделен.*

Петербург в это время представлял собою весьма оживленный коммерческий город. На Неве стояли сотни русских и

иностранных судов. Адмиралтейство и верфь работали неустанно. Царь проводил новые каналы, старался сделать город более удобным и более благоустроенным. Вместе с этим он строил пороховые заводы на Охте, бумажную фабрику в Дудергофе, устроил библиотеку, в которую собирал множество книг, обогащал ее рукописями и редкими изданиями, много также заботился о переводе книг с иностранных языков на русский. Особенно любил император кунсткамеру, причем нередко лично объяснял посетителям значение редкостей. «Не для себя, а для просвещения моих подданных завел я кунсткамеру и хочу, чтобы они приходили и учились в ней…» Желая еще больше приохотить к посещению кунсткамеры, Петр приказал угощать всех посетителей водкою и кофе… Думая облегчить сообщение севера с Петербургом, Петр приказал прорыть Ладожский канал, от устья Волхова до истока Невы у Шлиссельбурга.

Петр открыл академию наук и к ней присоединил академию художеств. А для занятия мест академиков вызвал знаменитых ученых Европы. Когда императору возражали, что всуе платить деньги немцам, кои будут писать немецкие книги, никому в России не понятные, то Петр на это отвечал:

«Правда, но они приготовят нам таких людей, которые их ученые книги читать и понимать будут. Тогда мы и без немцев обойдемся и сами ученые книги станем писать по-русски. Если плохого начала не делать, то и дождаться доброго конца нельзя. И разве ученые сочинения академиков, если они принесут нам честь в Европе и докажут, что уже мы, русские, наукой занимаемся, вы ни во что не цените! И кого же мне обо всем, до науки касающемся, спрашивать, если у меня собрания ученых не будет? Могу ли я вполне написать то, что нужно России, если она ученым образом описана не будет?…»

В 1724 г. Петр вновь захворал. И на этот раз медики отходили царя, а олонецкие воды укрепили. Теперь он направился в Москву исполнить свою заветную мечту – короновать императрицу Екатерину. Торжественно совершено было коронование, причем Петр лично надел на царицу корону. Долго длилось торжество по этому случаю, однако 16 июня император вновь уехал в Петербург, куда перешел теперь деловой центр тяжести. Увы, Москва больше не увидела Петра!..

Видя на пути, какой вред может происходить от сплошного заселения деревень зданиями с соломенной крышей, Петр запретил строить сплошные селения и приказал приготовлять рисунки крестьянских селений во всей России.

Возвратившись в Петербург, Петр отправился на Ладожский канал, где целыми днями бродил по болотам и тем очень усилил

свою болезнь.

3 августа император встречал мощи Св. Александра Невского, которые были установлены в Александро-Невской церкви.

Царь сильно страдал странгурией. Это, однако, не удерживало его от дел. При первой возможности он отправился на Ладожский канал. Оттуда по Волхову и Ильменю он отправился осмотреть старорусские соловарни. По прибытии в Петербург он чувствовал себя недурно и потому отправился на сестрорецкий завод. У Лахты его застигла бурная погода. Уже наступила темнота. Вдали на море Петр заметил большой бот, наполненный солдатами. Им угрожала опасность, так как бот стоял на мели. Сначала император отправил на помощь шлюпку, но дело мало выигрывало. Тогда Петр отправился сам к погибающему боту. Не думая о своём здоровье, Петр бросился в воду, работал в ней по пояс и очень радовался, когда ему удалось спасти погибавших.

Спасши других, царь жестоко простудился, тем не менее пересилил себя и продолжал заниматься делами.

В последние годы жизни император особенно строго относился к лихоимству и мздоимству. Так, он казнил за это знатного вельможу, князя Гагарина, бывшего правителем Сибири. Ни крупные подарки, ни связи, ни дружба великих людей не спасли его. Точно так же был казнен за злоупотребления и знаменитый сенатор Шафиров, обер-фискал Нестеров и любимцы императрицы Монс и Балк. Уже за несколько дней до смерти император послал капитана Беринга в Камчатку, где он должен был устроить два судна и на них плыть из Камчатки к северу, дабы окончательно решить, разделяется ли Азия от Америки проливом.

Но величие земное имеет свой предел. И великий император велик до тех пор, пока поставлен ему предел. Болезнь Петра усиливалась и смерть приближалась. На смертном одре Петр доказал, что он был истинно религиозный человек. Петр соборовался и причастился Св. Тайн.

28 января 17 25 года император Петр Великий скончался. Петра Великого не стало. Прошли века с тех пор. Но имя Петра едва ли не благоговейнее произносится его потомками, чем современниками; и его деяния будут одним из лучших украшений не только в истории России, но и в истории всего мира.

Глава XVI

Мы напомним читателю, что намерены сделать краткий очерк жизни *императора* Петра I, ибо многие и очень многие

проявления этого человека скорее будут приличны и свойственны жизни чернорабочего или простого крестьянина, нежели царю, весьма многого недостает такого, что мы привыкли видеть у царей и приписывать их положению, и только величие духа, грандиозность и мощность интеллигентной силы, абсолютное самоотрицание и самоотвержение для идеи и самое величие идеи представляют в нем царя по духу, по мощи, по беспредельности замысла и неукротимости выполнения, и не только царя, но даже царя царей. Если бы мы на минуту забыли о том, что Петр Великий, по рождению, был царского рода, законами государства был призван и принужден царствовать, и рассматривали его деяния in abstracto, только как психологические проявления, как элементы проявления духа, то по одному этому величию духа мы должны были бы сказать – это натура, приличествующая только царю, ибо сама природа создала его царить над всеми, все превосходить, всем повелевать.

Если бы на свете до сих пор не было царей и волею судеб таковых нужно было бы создать, а для этого требовался бы идеал царя и его нужно было бы нарисовать умом и фантазией, то высшего, чистейшего, лучшего и достойнейшего идеала царя было бы трудно, и я даже думаю, невозможно нарисовать, как царь Петр. Говорят, в Петре были тоже и недостатки, не приличествующие царю. Напротив. Природа была необыкновенно права и справедлива, создавая царя такого, каким он должен быть по своему положению, снабдила его и недостатками и даже болезнями, дабы он не зазнавался и всегда памятовал, что как он ни велик и как он ни выше других, а он все-таки человек и не забывал бы этого. И Петр это сознавал и постоянно об этом памятовал… Различают аристократию рода и аристократию ума. Царь Петр был царем и по роду и по уму. Сочетание исключительно редкое. Это был гений, и гений первейшей величины.

Сделаем еще одно общее замечание. Изучая психологию людей и великих людей, мы не можем не видеть одного общего явления. Чем высшими умственными способностями награжден от природы человек, чем он больше возвышается количественно и качественно по своему материальному и функциональному, мозговому и душевному богатству над остальной массой людей настоящего, прошедшего и будущего, тем шире, мощнее, возвышеннее и необъятнее его идеалы. Они не только вмещают в себе все прошлое и настоящее, но предусматривают и будущее на много-много вперед, и тем дальше предусматривают то будущее как естественный логический вывод из настоящего и прошлого, чем обширнее и мощнее их дарования. Дар предвидения и даже

ясновидения есть способность человеческого духа, а не игра природы, только этот дар стоит в прямо пропорциональном отношении с гением человека. Или иначе, гений человека может обладать и даром предвидения и даром ясновидения.

Что для данного лица ясно, светло и понятно, то часто, часто современникам темно, неясно и непонятно. Проходят годы, десятки и сотни лет, когда потомки начинают уразумевать планы, идеалы и деяния гения. Разве не лучшим тому доказательством служит Петр Великий!..

Несомненно, что цивилизованнейшая страна в мире – это Англия. Ее спекулятивный гений, быть может, не симпатичен, но тем не менее он необыкновенно прогрессивен и неотразим. Если мы посмотрим со стороны на идеалы жизни Петра, то в этом одном человеке совмещались все эти спекулятивные идеалы, которые только ныне приводятся в исполнение и проводятся в жизни всей страной – Англией. Поживем еще, или, точнее, поживут наши потомки и, быть может, некоторые из идеалов Петра тогда только станут ясными, как некоторые выясняются нам, его потомкам, спустя две сотни лет.

Дополнение к общему положению: и чем возвышеннее и необъятнее идеалы гения, тем больше он отдается выполнению этих идеалов и отрешается от самого себя. Такой человек для себя как бы не существует. Всю жизнь он отдает выполнению идеала. Для такого лица нет ни личных удовольствий, ни личных радостей, ни личных печалей… Они живут своим идеальным миром и для него. Вся их личная жизнь служит только выполнению их идеальной программы и сумма энергии в проявлении программы прямо пропорциональна самому идеалу. Вот почему эти люди необыкновенно, сверхъестественно деятельны, энергичны и неутомимы. Им нужно иметь не одного, а многих помощников, да и те выбиваются из сил, ибо обыкновенные люди не могут тягаться с этими выборными природы.

Император Петр был сын царя Алексея Михайловича и царицы Натальи Кирилловны, из рода Нарышкиных. Собственно говоря, он не был сын Алексея, и тем менее Натальи. Ни в роду Романовых, ни в роду Нарышкиных мы не видели никого подобного по его духовной мощи… Царь Алексей был самый обыкновенный русский человек того времени. Точно так же и царица Наталия была обычная обитательница терема… Ни тому, ни другому Петр не был подобен. Петр был самородок. И уж во всяком случае не сын Наталии.

Замечали, что иногда в семье гениальных людей родятся гениальные сестры и очень часто братья идиоты и тупоумные… В

семье Петра София, несомненно, являлась гениальной женщиной и, если бы она не столкнулась с Петром, то, безусловно, доказала бы это на деле. Если она как бы взяла под свою защиту силу старой Руси – стрельцов, то это было следствием необходимости. Ее расправа со старообрядцами, однако, показала, что эта сила есть ее орудие, которое она держит, как хочет, и повелевает по своему уму-разуму.

Ее реакционное исповедание политической веры было противовесом Петру и основа, которою она пользовалась. Это была фальшивая точка зрения, но вынужденная. Раз Петр был одно, София – другое. Две силы в одном теле не могли сосуществовать, и слабейшая должна была уступить сильнейшей. Первая стушевалась. Но она не была элемент реакционный. Напротив, и она была элемент прогрессивный, только действовавший отчасти реакционно в силу положения дела.

София была сестра Петра, но она была сестра Петра от другой матери, из рода Милославских. Следовательно, порождение гения принадлежит роду Романовых, но не родам Милославских и Нарышкиных. Рядом с этими двумя гениальными людьми в том же семействе существуют братья, малые умом, и сестры, ничего особенного не представляющие.

Существует предположение, что каждая семья имеет определенный душевный баланс и если в каком-либо поколении этот баланс нарушается, то он возмещается как на счет современных членов семьи, так и на счет будущих. Да, Петру было дано слишком много, немало дано было и Софии… Диво ли, что их братья представляли минус, но и этого минуса было мало для восполнения баланса: сыновья Петра служили пополнением этого минуса…

Петр в детском возрасте был мальчиком крепким, рослым и красивым. Он обладал крайне восприимчивым умом, необыкновенной энергией и бойкостью, а иногда проявлял и вспышки гнева и раздражительности. Он хотел все делать по-своему, если он был убежден, что это было верно, и в последних случаях не терпел возражений. Ужасные и безобразные стрелецкие сцены произвели свое воздействие на организм мальчика, но не такое, как обычно бывает. Они у Петра вызвали нервную болезнь. Но можно было бы думать, что зверства стрельцов, убийства и издевательства над близкими родными царя, на его же глазах, вызовут у Петра чувство ненависти к стрельцам и мести. Нет. Петр не любил стрельцов. Он к ним относился враждебно. Он их уничтожил и самое имя стрельца стер с лица земли. Но не в отместку за убийство родных, не за покушение на его жизнь, не за восстания против него, царя Петра,

в пользу управительницы Софии. Он их не любил, он имел к ним отвращение, он их возненавидел и уничтожил как реакционную силу, противодействующую созиданию того идеала России, который носился сначала в юной, а затем в умудренной голове Петра. Если бы после устранения Софии стрельцы прониклись идеей Петра, изучили бы все военные приемы, вели себя как отборное войско Петра, прониклись его идеей царства, шли бы в бой, как все прочие войска, то можно быть вполне уверенным, что Петр решительно ничего не имел бы против стрельцов и любил бы их, как и всех остальных своих сподвижников. И в этом деле, как во всем остальном, Петр мало отдавался себе, как человеку, и всецело принадлежал царству. Поистине он мог бы сказать: «царство – это я», но только иначе: *«я*– это царство», ибо он жил только царством и для царства.

Вот почему в его душе на первом плане было все то, что касается его идеи о царстве, и где-то далеко-далеко и в маленьком углушке то, что касалось Романовых, Нарышкиных и т. д.

К учению он был очень способен. Приставленный к нему Зотов очень скоро прошел всю лучшую мудрость и часто становился в тупик пред требованием мальчика. Судьбе угодно было поселить семью Петра в Преображенском. Заброшенный и оставленный на произвол самому себе, Петр воспользовался вольною волюшкой и очень часто посещал соседнюю немецкую слободу. Туда его привлекал особый жизненный склад, особые нравы, обычаи и мысли. Это не была та немецкая колония, каких мы теперь видим сотни на юге России, с тупыми, крайне ограниченными и неподвижными умами. Это все были авантюристы, выходцы, искатели приключений, недовольные домашним очагом и ищущие чего-то лучшего. Эти люди были с образованием, знанием, мыслями и свободными убеждениями. В эту-то среду попал юный царь. Он ознакомился с этими людьми, встречался с ними, слушал их рассказы, поучался ими и научался очень многому иному, чем то, что он видел вокруг себя. Он увидел и узнал иное государство, чем то, которое принадлежало ему. И это первое он считал лучшим, чем второе.

Как всякий мальчик, и Петр прежде всего увлекался военным элементом. Он заводил игру в солдаты и старался создать свой полк. Но уже в этом деле усматривается нечто отличное от того, что бывает в жизни обыденной. Если мы представим себе на месте Петра обычного нашего барчонка времен крепостного права, то прежде всего этот барчонок в своем потешном войске был бы генерал, и притом генерал абсолютный и самодержавный, обладающий властью жизни и смерти над этими Ваньками,

Гришками, Фильками и т. д. Вся эта игра делалась бы для наслаждения Петрушки и только для него одного. Кольми паче того же должно было бы ожидать от Петра – царя, который играл своими потешными, а по миновании надобности одни пошли бы на кухню, другие в конюшню и т. д.

Иное мы видим в юном царе – Петре. Он создает войско не для своей забавы. Или, точнее, он видел эту забаву не в самой игре в войско, а в военном успехе этого войска. Не власть, не управления этим войском ищет царь, а обучения его в том духе и по тому образу, о каком ему говорили на немецкой слободе. Сам Петр вовсе не представитель этой потешной армии, – он чернорабочий, такой же, как и все, он просто-напросто – барабанщик. Его нравственное удовлетворение в этом деле заключается не в проявлении власти и управления, а в созидании нового, отличного от прошлого, – бесформенного, нестройного, негодного, – а стройного, упорядоченного и потому мощного. Такая идеальность даже в игре и забаве резко отличает этого мальчика от остальных заурядных. В своей забаве он бессознательно забывает о себе и бессознательно же всею энергией своего духа служит к выполнению идеи. А когда потешные стали подрастать, когда маленькие стали делаться большими, он из них составляет потешные полки, причем сам опять-таки не на первом месте, а наравне с другими служит рядовым и несет всю рядовую службу наравне с товарищами, не исключая стояния на часах, пищи, одежды и проч. Не есть ли и здесь бессознательное, но фактическое преобладание и господство идеи и духа перед обычными самолюбием и мелочностью. Прошло немало времени, и Петр создал два полка образцовых, несокрушимых, не имеющих в России ничего себе подобного и потому непобедимых. Разве этого мало?…

А вот опять у царя Петра заводится новая прихоть – морская забава. Увидал он ботик. Захотел посмотреть, как он ходит на парусах против ветра. А засим понемногу строить яхты, галеры, корабли и на озерах и на морях, и чем дальше, тем все больше… Это что же? Опять забава? Да, но опять забава идеальная. Он слыхал, что во всех сильных странах есть флот. Этот флот ведет торговлю, дает богатство стране, дает возможность создать большую и сильную армию. Дает стране силу, мощь и влияние… И в этом создаваемом Петром флоте создавалась не забава для Петра личная, а безотлагательное осуществление идеи о возможности усилить и возвеличить Россию, для которой он должен жить и существовать. Еще меньше во всем этом деле видна личная прихоть Петра. Он проходит всю морскую службу от юнги и до высших чинов. Все лично изучает. Все лично знает,

чтобы впоследствии уметь повелевать.

Этими двумя примерами мы хотели показать, что душевный строй Петра был несколько иной, чем у остальных людей: в нем преобладала бессознательно идейность в руководстве действиями и поступками над личным эгоизмом и личным тяготением.

Петр Великий был высокого роста, прекрасно, пропорционально сложен, глаза черные, глубокие, взор быстрый, орлиный, лицо смуглое, с живыми отпечатками душевных движений; по временам в его лице наблюдался тик, то же бывало и в руке. При возбуждении появлялось трясение головою. Волосы были черные, вьющиеся, небрежно заброшенные за уши, небольшие усы придавали воинственный вид. Голос у Петра был чистый, ясный и громкий. Речь слышная, порывистая; походка скорая и энергичная, осанка величественная. Царь в общем был в веселом настроении, но по временам на него нападали приступы гнева, и несчастен был тот, над кем этот гнев разражался. Иногда под влиянием раздражения Петр впадал в ярость, которая в иных случаях разражалась приступами судорог. Петр обладал необыкновенною физическою силою, разогнуть подкову или свернуть в трубку серебряную тарелку ему ничего не стоило.

Петр обладал необыкновенною пытливостью ко всему окружающему. Все его интересовало, все он изучал и все познавал. Каждый из нас может обладать прекрасными способностями и, при усилии, может овладеть теми или другими знаниями, быть оригинальным в них, вносить свою окраску, свою инициативу и свои изменения. Петр изучал все, усваивал все и всюду вносил свой личный взгляд и свой личный отпечаток. Петр знал военное искусство, морскую службу, кораблестроение, артиллерийское искусство, приготовление пороха, бомб, гранат, саперное дело, провиантскую часть, все ремесла, математику, химию, зубоврачевание, фабричное дело, горное дело, шелководство, бальнеотерапию… Чего он не знал? Многое из всего этого он знал в совершенстве. Мы можем удивляться силе, мощи и всеохватности его познавательной способности. Но этого мало. Он не только это знал, но он умел своими знаниями пользоваться. Его рассудительная способность превзошла все вообразимое и допустимое. Умственный гигантизм царя выражается именно в том, что он один знал столько, сколько могли знать только десять людей. Его познания стояли выше всего доступного человеку и с этой точки зрения делали его колоссом ума, познания, мышления и творчества. Каждый государь в течение своей жизни может совершить множество государственных дел, реформ, изменений и т. д. Еще недавно Германия восстала на неожидаемую высоту в царствование

Вильгельма. Но у Вильгельма были Бисмарк, Мольтке и др. Заслуга этого владыки состояла в уменьи выбрать людей. Петр воссоздал новое государство от верху до низу и географически, и административно, и политически. И сделал он это один. Правда, у него тоже были помощники. Он тоже обладал даром избирать и угадывать людей. Но никто из этих людей не был достоин развязать ему ремень сапога. Если Петр человек, то все его помощники были людишки. Не он пользовался их проектами, а он давал им приказания, а они исполняли. Все государственные перевороты, все реформы, все изменения шли от самого царя. Всякое дело он изучал до мелочей, давал ему распорядок и направление, а помощники исполняли то, что он им приказывал. Царь был все, его приближенные только лишь слуги и исполнители. Да и исполнители и не всегда верные, и не всегда точные, и не всегда умелые. Сколько раз их спина знакомилась с дубинкой Петра…

Умственная всеобъемлемость, широта знания, уменье пользования и практичность применения в Петре превосходят все, доступное нашему пониманию. Он в себе совмещал и Государственный Совет, и Сенат, и Синод, и все министерства, и медицину, и военное дело, и морское дело, и губернское правление, и суд, и волостное управление… Для того чтобы изобразить все величие его ума, пришлось бы повторить все сказанное о его царствовании, где также перечислены далеко не все его деяния. Его ничто не изумляло, его ничто не останавливало. Он на все был готов, и всегда он действовал с ясно поставленною целью, причем предела его стремлений не предвиделось. В детстве он заводит потешных, из этих потешных разрастаются полки, из полков армия… Из ботика создаются кораблики, из корабликов и озер – флот и моря. Он чувствует преимущество образования в Европе и оставляет свой трон, спешит за пределы России, хочет познакомиться с Европой в ней самой. Его стремлениям и побуждениям нет предела. Возвратившись из Европы, он прорубает окно в Европу на Балтийском море, охватывает Каспийское море и забирается в Азию, становится ногою на Азовском и стремится к Черному морям. Он посылает корабли в Индию, исследует пролив между Азиею и Америкою, стремится поднять торговлю России для сбыта в Азию, желает европейскую торговлю пустить через Россию. Он вводит в России науку, желая сделать Россию славною и в этом отношении.

Обширность его взглядов тесно связана с быстротой и энергией выполнения. Это доказывают его войны, его путешествия и его предприятия.

Петр был человек религиозный, но не ханжа. Он бывал в церкви, часто читал апостола и пел вместе с певчими. Вместе с этим он был веротерпим, дозволив свободу исповедания веры иностранной в России и к старообрядцам относился в духе христианской религии.

Любовь к родителям у него существовала. Правда, от отца он остался слишком мал, к матери же питал любовь и уважение, хотя дело у него стояло на первом плане, а любовь к матери на втором не потому, чтобы он мать любил меньше, чем дело, но потому, что он делом увлекался всей душой. К братьям он относился сердечно, хотя между ними стояла слишком большая разница во взглядах и убеждениях. Мы не станем говорить о любви к сестрам от другого брака. Ее не могло быть в силу политических условий существования. От родных сестер он также очень был далек, в силу слишком большой разницы убеждений. Первый раз он был женат 17 лет. Едва ли у него существовала любовь к первой супруге. Его скорее женили, нежели он женился. Еще более стала отстранять их друг от друга разница в убеждениях. К другим женщинам он относился очень индифферентно и хладнокровно. Есть основание думать, что он относился неравнодушно к Монс, но эта любовь имела скорее животный характер. Более любовно он относился к Екатерине, быть может, потому, что она его понимала, разделяла его убеждения и была не только женою, но и другом. Об отношении к сыну своему, царевичу Алексею, мы уже говорили. В лице своего сына он встретил врага его идеалу и его созданию, поэтому едва ли можно говорить много о любви к нему. Прочих своих детей он любил.

Но должно оговориться, что у таких людей, как Петр, любовь к родителям, жене и детям стоит всегда ниже, чем у обычных людей.

Петр не имел друзей. Он любил своих приближенных, любил тем большею любовью, чем больше они его понимали, но особенно исключительной дружбой он никого не отличал, ибо не имел никого равных себе. Он любил Гордона, Лефорта, Меньшикова и многих, многих других, но любил любовью не равного к равному, а любовно, со снисходительностью. Друзей у Петра не было и не могло быть, ибо равных ему не было никого.

Петр был очень самолюбив, но не личным самолюбием, а самолюбием России. Он требовал почтения и уважения к русскому посольству в заграничных странах, и когда в Вене придворные слуги захотели стеснить русское посольство, то Петр заявил, что он соглашается на тот или другой прием, но вместе с сим объявляет, что и императорских послов в Москве примут таким же образом; для себя же лично никогда ничего не хотел и

очень не любил этикета. Его путешествие за границу вполне рисует его характер в данном направлении.

Жизнь Петра протекала в непрерывном труде. Его отдых состоял только в смене занятий. Не говоря о бесчисленных путешествиях и походах, где все время отдавалось труду, он и дома не менее был занят. Вставал он в 3 часа утр а и час читал книги и газеты. В 4 часа, выпивши рюмку водки, надевал летом свой серый казакин или поношенный мундир, и, в цветных чулках, с кортиком на боку, с дубинкой в руке, в простой шляпе или картузе, а зимою в шапке из серых мерлушек, в казакине на меху и в длинных сапогах, отправлялся пешком или летом в крашеной одноколке либо в лодке, а зимою в пошевнях, запряженных в одну лошадь, в Адмиралтейство и на постройки. В 6 часов утр а он был уже в Сенате.

В Сенате и коллегиях Петр оставался до 11 часов. Здесь же или в австерии Петр выпивал рюмку водки и заедал ее кренделем. До 12 часов он принимал посетителей, после чего садился обедать. В обеде участвовала семья и 2–3 гостя. Петру клали особый прибор и особую кружку. В его обед обыкновенно входили следующие блюда: щи, студень, ветчина, каша, жареная утка с груздями, пирог, кусок редьки или сыра, рюмка вина, кружка пива, квас и вода. Кушанья подавали горячие. За столом прислуживал денщик. Еда продолжалась не долго. После обеда Петр отдыхал час-два. Проснувшись, он принимался за дела. К нему являлись министры, генералы и сановники. День заканчивался чтением книг и газет, или черчением, или токарным станком. Перед ужином Петр просматривал свои заметки и отмечал, что из намеченного исполнено и что надлежит исполнить. После легкого ужина в 10 часов Петр ложился спать…

Костюм его никогда не менялся. Его роскошью было тонкое, голландского холста, белье. Любимое платье он носил до заплат. Императрица сама штопала ему чулки…

Вы думаете, что я, по ошибке, внес сюда жизнеописание какого-нибудь прапора?! – Нет, это жизнеописание Великого Петра, величайшего из монархов в мире…

Иногда он обедывал у своих любимцев, у купцов, даже у матросов, заезжая из Сената и коллегий. Длинных обедов он терпеть не мог, говоря, что они назначены для наказания важных людей.

Его занятия разнообразились до бесконечности.

В обращении он был необыкновенно прост и обходителен. Очень не любил продолжительных величаний. Всем говорил: братец, брат, дедушка, дядя, или по фамилии, или по отчеству.

Уважая в себе человеческое достоинство, он стремился возбудить сознание его и у своих подданных, почему приказал в прошениях уничтожить уменьшительные и унизительные прозвища. Супругу свою называл всегда Катенькою.

Иногда Петр любил повеселиться в домашнем кругу или у кого другого запросто. Время проходило в разговорах, причем не забывались и чары зеленого вина. Петр одинаково обращался и с фельдмаршалом, и с корабельным мастером, так как все были без чинов.

На ассамблеях и вечерних собраниях принужденность не существовала. Каждый вел себя, как хотел.

Петр был одинаков для всех и всюду и не менял своей внешности ни дома, ни на представлении ко двору императора, ни при французском дворе. Простоту костюма и внешности он не считал недостатком.

Петр всегда был правдив и, в свою очередь, любил прямоту и правду. Он всегда отличал ложь и неискренность, и это нередко приводило его в ярость. А в таких приступах он не задумывался поднять шпагу и на царевну Софию, и на Лефорта, и на других. Очень часто Петр любил собственноручную расправу, и его дубинушка была знакома очень многим.

Царь был бесстрашен и свою жизнь не ценил ни во что. Он всегда был среди народа. Правда, в то время не было динамитчиков, но были Циглеры…

Под конец жизни у Петра стали появляться приступы тоски и задумчивости и из них вывести его могла только ласка Екатерины.

Совершенно не щадя жизни и здоровья, Петр расстроил его преждевременно и скончался 52 лет 7 месяцев и 20 дней. На престоле он пробыл 42 года 7 месяцев и 3 дня. Императором он царствовал около 4 лет.

Таков был Великий Петр.

Но где же царь Петр, где Петр человек? Жил ли он для себя? Жил ли он своею жизнью? От детства и до последнего момента его жизни мы не видели его личного существования. Он жил жизнью, славою, честью, силою и мощью России. Он жил только для России и Россиею. Как человек он жил только настолько, сколько нужно было для его существования. И это жил всемогущий и Великий Петр! Диво дивное…

Скажут, у Петра было некоторое ослабление чувства любви к родителям, семейной любви и любви к детям. Может быть. Но во имя ли эгоизма эти чувства были ослаблены?… Нет, во имя беспредельного служения родине, заглушавшего и подавлявшего в нем все личное, все общечеловеческое. Петр жил бесплотною

любовью к родине, к воссозданной им России. Что может быть больше и выше этого величия? Не на самом ли деле Петр был истинный отец отечества и великий человек!

ИМПЕРАТОР ПЕТР III

Семь городов греческой земли спорили о том, кому должен принадлежать Гомер. Император Петр III был счастливей. О нем спорили два великих государства: Россия и Швеция. Петр III был потомок двух гениев: великого гения – Петра Великого и гения поменьше – Карла XII.

Петр III был сын Анны Петровны и герцога Голштинского и внук по матери Великого Петра, по отцу он был внуком Карла XII. Нужно было случиться тому, что и в Швеции и в России царственные династии оказались без наследников по мужской линии. Поэтому весьма естественно, что Швеция пожелала пригласить к себе в качестве наследника Петра III. Но России тоже нужен был наследник. И опять на того же Петра пали взоры избирателей. Таким образом, маленькому человечку выпало на долю исполнять должность великих людей. Он этого весьма успешно не исполнил и быстро ликвидировал свои государственные дела.

Петр III был сын голштинского герцога Карла-Фридриха и дочери Петра Великого – Анны Петровны. Отец Петра был человек очень ограниченный и не проявил себя никакими геройскими или гражданскими подвигами; он был государь слабый, бедный, дурен собою, небольшого роста и слабого сложения. Внутренняя домашняя жизнь кутежами и разгулом заполняла всю деятельность этого человека, мать же Петра была еще менее интересною женщиною; она скончалась от чахотки через два месяца после его рождения; ее сокрушала голштинская жизнь и неудачное супружество. Ни от того, ни от другого Петр в наследство не мог получить ни военных дарований, ни образца геройских и гражданских подвигов, ни нравственных высоких устоев. Напротив, его наследственность не могла не быть дефективною. Природа слишком много дала из суммы семейных дарований его деду Карлу XII и дальнейшим его потомкам остались только оскребки. Еще более природою дано было Петру Великому и потому не было бы ничего удивительного в том, если бы некоторые из его потомков оказались идиотами, отсталыми, неуравновешенными и неустойчивыми.

Полагают, что на всякий род, на всякую семью природою отпускается известная сумма нервной жизненной энергии, в качестве духовных и телесных проявлений, которая уже затем, более или менее равномерно, распределяется между членами этой семьи. Если по какой-либо случайности одному из членов семьи природою дано будет слишком много, явится в ней гений,

то остальные члены семьи будут проявлять некоторый недочет; между ними явятся идиоты, тупоумные, эпилептики и т. д. У Петра III дед был по отцу великий военный гений, по матери – великий мировой государственный гений. Диво ли, что на долю Петра III осталось слишком мало остатков из семейной сокровищницы дарований!..

Итак, наследственные душевные и телесные качества были и должны были быть недостаточными. Что же дало ему воспитание? И того меньше. Петр рос и воспитывался заброшенным, покинутым и одиноким. Ни отцу, ни матери не было до него никакого дела. Он был на руках грубых, невежественных и недоброжелательных наставников, которым не было никакой ни охоты, ни желания заниматься воспитанием и исправлением дефективности ребенка.

Петр был мальчиком хилым, слабым, недоразвитым физически. Душевные его качества были очень ограничены. Он ничем не интересовался. Имел отвращение к знаниям. Ни к кому не был привязан и рос среди лакеев и низшей придворной челяди. Единственным его развлечением было присутствие среди пьяной, разнузданной и грязной нравственно прислуги. Учиться он не хотел и не любил; принуждать же его к тому не старались. Он жил дичком, в бурьяне, слабый во всех отношениях по природе и заглушаемый сорными травами. Любимым его занятием были – солдатики. Природы он не любил, к животным был безжалостен.

Таково было детство будущего заместителя великих монархов и будущего великого монарха. Это был человек по природе оскуделый, а по воспитанию заброшенный.

Тем не менее, когда Петру было 10–11 лет, стало известным, что он предназначается заместителем и наследником шведского престола на место бездетной Ульрики Элеоноры. И вот Петра начинают кое-как учить грамоте и настойчиво просвещают в символах протестантской религии. Несомненно, маленький Петр предпочел бы отказаться и от престола, лишь бы его оставили в покое по отношению к учению.

Единственным его утешением остались оловянные солдатики, игрою с которыми заполнялось значительное время его досугов. Петр был замкнут, необщителен, капризен, вспыльчив, груб, жесток и предпочитал общество низшего умственного и нравственного разряда. С 10 лет Петр обнаружил склонность к пьянству.

Образовательные истязания Петра этим не кончились. Когда шведский сенат решил уже пригласить Петра наследником шведского престола, оказалось, что русская императрица

Елизавета Петровна также осталась бездетной, и вот Петра влекут наследником всероссийского престола. Начались новые мытарства. Вместо шведской речи начали обучать его русской речи. Вместо шведской истории начали начинять Петра русской историей и вместо протестантства начали внедрять в него начала символа православной церкви. Все это так тягостно повлияло на захудалого голштинца, что он пожизненно сохранил отвращение к русской истории, презрение к православной религии и ненависть к русскому народу, главою и правителем которого он помазывался Богом…

Государственные соображения и политика тогда не только заставляли выходить замуж за нелюбимых мужей, но и становиться помазанником Божиим над народом ненавистным и презираемым. Tempera mutantur et nos mutamur in illis.

14-летний Петр объявлен был наследником всероссийского престола и переселился в Россию. Скоро умная и деловитая Елизавета Петровна разгадала умственный и нравственный облик будущего российского императора, но было уже поздно.

Двор императрицы и двор наследника резко обособились. Около императрицы были русские сановитые люди и знатные иностранцы, все люди умные, образованные и дипломаты. Петр поселился в Гатчине и окружил себя лакеями и людьми сомнительного нравственного порядка. Во внутренних своих покоях Петр занимался военною выправкою этих лакеев. Он возводил их в чины и степени и потом разжаловал, как ему вздумается. К этому присоединилась страсть к спиртным напиткам, которую он и удовлетворял в кружке своих приближенных.

Желая, однако, закрепить в России престолонаследие, Елизавета Петровна поспешила женить Петра. Для этого она избрала ему в жены Софью Августу, принцессу Ангальт-Цербтскую. Этому браку сильно способствовал прусский король Фридрих II, рассчитывая в будущем на содействие протежируемой им будущей императрицы. Брак этот состоялся в 1745 г.

Муж и жена – это были совершенно два различных человека: земля и небо, тьма и свет, бессмыслие и ум. Природа захотела вознаградить Россию за потерю в лице ее избранника.

Принцесса София, по крещении Екатерина, была женщина выдающегося ума и прекрасного образования. Она была жива, весела, общительна, тактична, остроумна и обаятельна. При ее уме, симпатичности и красоте она легко могла побеждать всех окружающих, кроме своего мужа, который ее не любил и презирал. Екатерина легко разгадала личность своего супруга и

поняла всю тяжесть своей будущей жизни. Будучи личностью великого ума, она поняла, что избрание ее императрицей великой русской монархии, ее – принцессы маленького герцогства, великая для нее честь. Она сознавала это, оценила и отплатила беспредельною любовью и безграничной преданностью своей новой родине. Так всегда поступают великие натуры.

Немало беспокоила и тяготила ее и та мысль, что ее супруг, будущий русский император, ненавидит свой народ и презирает свое царство. И вот она поставила задачею своей жизни – смягчать и парализовать все те аномальные выходки, которые будет проявлять будущий повелитель по отношению к своим подданным.

Еще хуже было то, что уже с первых дней семейная жизнь Петра и Екатерины пошла очень неладно. Петр не любил Екатерины, был с нею невежлив, груб и невыносим.

Вся его жизнь проходила в том, что он муштровал своих придворных лакеев в военных упражнениях, занимался своими оловянными солдатиками, дрессировал собак и злоупотреблял алкогольными напитками в кругу своих лакеев. Если прибавить к тому, что обучение лакеев-солдат происходило на глазах Екатерины, а дрессировка собак, с подобающими взысканиями, производилась рядом с ее комнатою за перегородкою, то легко можно себе представить весь ад жизни Екатерины.

Когда надоедало ему мучить собак, он принимался за скрипку. Он не знал ни одной ноты, но имел крепкое ухо и полагал главное достоинство игры в том, чтобы сильнее водить смычком и чтобы звуки были возможно громче.

Напрасно она жаловалась императрице, напрасно грозилась покинуть Россию и уехать в Германию – исправить прирожденного тупоумного было невозможно. Каждый новый день приносил ей со стороны князя-супруга новые оскорбления, новые обиды, новые огорчения. Попытки привлечь его к занятиям государственными делами оказались совершенно неудачными. Не менее бесплодно было поручать ему и военные занятия.

К несчастью, Петр был невоздержан на язык. Он не думал о том, что он говорит, с кем говорит и при ком говорит. Нередко он позволял себе резко критиковать императрицу и осуждать ее образ правления. Много доставалось государственным деятелям, духовенству и народу. Не стоит говорить о том, что доставалось несчастной великой княгине, его супруге.

Желая хоть чем-нибудь занять Петра, ему выписали полк голштинских солдат. Петр был великим поклонником прусского короля Фридриха II. Как человек крайне ограниченного ума и совершенно неспособный проникнуть в сущность явлений, Петр,

однако, и в Фридрихе усмотрел и позаимствовал внешность, не понимая и не будучи способен оценить его систему по существу. Выпискою голштинцев Петру угодили вполне. Он с головою отдался военным упражнениям с своими голштинцами. Разумеется, при этом все внимание было обращено на форму.

Форма была целиком взята из прусской армии и посажена на нашу почву. Вскоре к голштинцам Петр начал набирать и русских, но такими новобранцами были люди более низшего разряда. И вот Петр всецело погрузился в солдатчину, культивируя все дурные качества этой корпорации с попойками, побоями и проч. и игнорируя все добрые ее черты.

В отношениях своих к людям он не сообразовал своих поступков ни со своим настоящим положением, ни со своим будущим. Так, например, в церкви он нередко диакону и священнику показывал язык. По отношению к гвардии и армии он открыто высказывал угрозы, что он, по восшествии на престол, покажет им себя. В его действиях бывали странности, стоящие ниже детского уровня. Так, однажды крыса напроказила на том столе, где стояли солдатики, и недостаточно корректно отнеслась к часовому; тогда Петр торжественно повесил ее тут же, перед неодушевленною армией.

Имея прекрасную во всех отношениях жену, он открыто жил с Елизаветою Воронцовою, нередко предаваясь кутежам и оргиям в сообществе, стоящим далеко ниже.

Насколько слепо и бессмысленно Петр был предан Фридриху II, желал ему успеха во время семилетней войны и поражения русских, видно из того, что он не брезгал состоять в тайных сношениях с врагом империи и даже доносить ему о тайных секретных распоряжениях по армии. Воронцова-Дашкова передает о следующем разговоре Петра III по поводу подобных деяний наследника русского престола, цесаревича и великого князя Петра Федоровича.

Однажды за ужином Петр пришел в свою необычную веселость и откровенность и при этом, обращаясь к Волкову, бросил следующую фразу в порыве воспоминаний о своих геройских подвигах: «Не правда ли, сколько раз мы с тобой смеялись над секретными приказаниями, которые императрица Елизавета посылала своему войску в Пруссию?»

Даже Волков был сильно смущен этим открытым признанием и обращением…

Не менее интересен следующий случай.

Немец по происхождению и узкий во взглядах – он идеалом военной мудрости признавал Фридриха II, короля прусского, его войска считал первыми в мире, русских же не ставил ни во что и

относился к ним вполне презрительно.

Однажды, во время семилетней войны, в Петербург приехал полковник Розен с известием о Цорндорфской битве. Его слуга при этом болтал, что русские были побиты. За такое пустословие его посадили на гауптвахту. Тогда Петр призвал его к себе и сказал: «Ты поступил как честный малый. Расскажи мне все, хотя я и без того хорошо знаю, что русские никогда не могут побить пруссаков».

Когда слуга передал, что мог, Петр, указывая на стоявших здесь голштинских офицеров, сказал: «Смотри. Это все пруссаки, разве такие люди могут быть побиты русскими!..»

Трудно сказать, чему здесь было больше удивляться: великому тупоумию, безграничному цинизму, отсутствию всякой нравственности и порядочности или беспримерному презрению и ненависти наследника и императора русского престола по отношению к своим подданным… Единственным оправданием такому поступку служит душевная болезнь человека, которому, однако, вручена была неограниченная верховная власть над великим государством.

Несмотря на свое умственное убожество, Петр был энергичен, подвижен, бестолково суетлив и крайне неустойчив. Его недостаточные знания пополнялись фактами воображения, лживости и фантазии, причем он, даже будучи императором, не стеснялся публично говорить о том, чего никогда не было, и хвастался тем, чего никогда не делал и не мог делать по самому простому соображению. Так, однажды за ужином у канцлера Воронцова он так увлекся рассказом о своих боевых подвигах, что сообщил австрийскому послу, будто, будучи десятилетним мальчиком, он вышел на бой с нападавшими на голштинское герцогство сарацинами и в один миг уничтожил эти полчища. Сарацин было несметное множество, отец же Петра, герцог Голштинский, дал Петру очень маленькое войско, и тем не менее десятилетний Петр одержал блестящую победу…

Таков был Петр III, наследник русского престола, органически презиравший и ненавидевший Россию в общем и во всех ее частностях. Его бог – был Бог неправославный, его вера была протестантская, его царь был Фридрих II, его родина была Голштиния и Пруссия, его войско были голштинские солдаты, его народ – голштинцы. А русские?… Рабы, – рабы от верху до низу.

Для императрицы Елизаветы Петровны было великим огорчением сознание неоправданных надежд в наследнике престола. Повелитель, любящий свой народ, преданный ему душою и живущий его жизнью, не может не думать о будущем своего народа, и история знает много случаев, когда повелитель,

при сознании негодности для правления народом наследника, жертвовал сыном для блага народа. Таков был Петр I, таковы были и многие другие. А Елизавета Петровна невысокого была мнения о Петре III. В Записках Екатерины II мы находим следующее место: «… на счет племянника своего она была совершенно одинаковых со мной мыслей; она так хорошо знала его, что нигде не могла провести с ним четверти часа без отвращения, или гнева, или огорчения. У себя в комнате, когда заходила о нем речь, она, говоря о нем, заливалась слезами по поводу несчастья иметь такого наследника, либо, отзываясь о нем, обнаруживала свое презрение к нему и часто наделяла его эпитетами, которых он вполне заслуживал… То не сумнительно, что…, она считала его неспособным к правлению она знала, что он русских не любил… и что кроме бедствия, покоряясь ему, Россия не имеет ожидать…»

И тем не менее 25 декабря 17 61 года императрицы Елизаветы Петровны не стало и на престол вступил Петр III.

По поводу вступления на престол императора Петра III историк Соловьев говорит следующее: «Большинство встретило мрачно новое царствование: знали характер нового государя и не ждали ничего хорошего. Меньшинство людей, ожидавших себе важное значение в царствование Петра III, разумеется, должно было стараться рассеять грустное расположение большинства, доказывать, что оно обманывается в своих черных предчувствиях…»

Черные предчувствия не рассеивались, однако, светлыми делами…

Шильдер говорит: «Он вполне оправдал мнение о нем своих недоброжелателей и привел в трепет друзей…»

Елизавета еще не вполне закончила свою жизнь, как Петр, а особенно его хамская камарилья, уже дали себя почувствовать.

В то время как императрица еще находилась в агонии, голштинские холопы наводнили дворец и превратили его в какую-то караульню. Шум, грубость, беготня за дверью умирающей глубоко оскорбляли почтенных русских сановников. Вид и несоответственные приемы Петра не столько пугали именитых людей, сколько порождали презрение и отвращение к голодному власти тупоумному самодержцу.

Не лучшим оказался Петр III на молебствии, по принесении присяги. По словам Екатерины, «сей был вне себя от радости и оное нимало не скрывал и имел совершенно позорное поведение, кривляясь всячески и не произнося, окромя вздорных речей, не соответствующих ни сану, ни обстоятельствам, представляя более смешного арлекина, нежели иного чего, требуя, однако, всякого

почтения…». В тот же вечер в куртажной галерее состоялся ужин, который положил начало нескончаемых пирушек либо во дворце, либо у вельмож. На всех этих пирах Петр был невоздержан.

Не менее недостойно держал себя император и на похоронах Елизаветы Петровны. Императрица Екатерина пишет об этом так: «В сей день император был чрезмерно весел и посреди церемонии сей траурной сделал себе забаву: нарочно отстанет от везущего тело одра, пустя онаго вперед сажен на тридцать, потом изо всей силы добежит; старшие камергеры, носящие шлейф епанчи его черной, паче же обер-камергер Шереметев, носящий конец епанчи, не могши бежать за ним, принуждены были епанчу пустить, и как ветром ее раздувало, то сие Петру III пуще забавно стало. Он повторял несколько раз сию штуку, отчего сделалось, что я и все за мною идущие отстали от гроба и принуждены были послать остановить всю церемонию, донде же оставите дошли. О непристойном поведении сем произошли многие разговоры не в пользу особы императора и толки пошли о безрассудных во многих случаях его поступках».

Император взошел на престол. Последовали милости для народа: отпущены были невольники на свободу, возвращены были важные ссыльные из ссылки… Собственно говоря, отпущение невольников на свободу является только громким словом. В переводе на обычный язык означало: отпущены были из тюрем на свободу преступники: воры, мошенники, убийцы и т. д., которые по зимнему времени вновь поспешили на казенную теплую квартиру – в тюрьму, совершив предварительно новое преступление над мирными гражданами.

Иное дело возврат из ссылки политических, государственных и религиозных деятелей. Возвращены были Бирон, Миних, Лесток… А Бестужев, отдавший всю свою жизнь на служение родине, остался в ссылке… Почему? Соловьев говорит: «Возвращены люди с чуждыми именами, но не возвращен один русский человек, так долго и деятельно служивший русским интересам…» Некому было заступиться. Некому было за него молвить слово. Русского царя окружали иностранцы и русские при нем не имели заступников… Es ist eine alte Geschichte…

Что же еще было сделано? Царствование Петра III было не долгое, всего шесть месяцев, и в это время он все-таки успел сделать для своей империи больше зла, чем добра. Единственное доброе дело, павшее на это царствование, ограничивается отменою тайной канцелярии «Слово и Дело». Да едва ли и это принадлежит Петру…

Одною из важных льгот одному из сословий государства, данных Петром III, была льгота для дворянства, которому с этих

пор разрешалось служить «по своей воле», сколько и где пожелают. Эта льгота, являющаяся подрывом для мощных начинаний Петра Великого, могла прийтись по душе и понравиться только недорослям от дворян и их папашам, и Екатерина была права, написав, что «на тот час совершено позабыли, что предки их службой приобрели почести и имения, которыми пользуются…» Однако эта льгота так распалила боящихся премудрости, что генерал-прокурор Глебов внес предложение в Сенат, не соизволит ли Правительствующий Сенат, в знак от дворянства благодарности за оказанную им всевысочайшую милость о продолжении их службы по своей воле, где пожелают, сделать его императорского величества золотую статую, расположа от всего дворянства, и о том подать его императорскому величеству доклад». Это предложение было принято Сенатом…

Трудно допустить, чтобы весь Сенат руководствовался в этом случае единственно мыслью о благодарности за разрушение одного из основных принципов основателя империи, скорее всего, большинство соглашалось на нелепое и лакейское предложение страха ради иудейска за свою шкуру…

Интересен отказ Петра по поводу этого доклада Сената: «Сенат может дать золоту лучшее назначение (можно себе представить конфуз лучших людей Сената, при сознании, что даже Петр III нашел это предложение низким!), а я своим царствованием надеюсь воздвигнуть более долговечный памятник в сердцах моих подданных». Хорошо, что царствование его длилось так коротко, а то, пожалуй, он легко оправдал бы свои слова…

Нужно, однако, добавить, что истинно благоразумное дворянство желало и было бы благодарно другой льготе – освобождению дворян от телесного наказания, о чем писан был проект еще в царствование Елизаветы Петровны. Утешение было одно, что телесное наказание сравнивало благородное сословие с подлым, подвергая их одинаково позорным истязаниям…

Впрочем, и неудивительно, что приказ о вольности дворянской оказался узким и нелепым, если припомнить, при каких условиях он писался. Обещанная императором льгота о вольностях дворянских долго, однако, не проводилась в исполнение приказом и приказ этот написан при следующих условиях. Император, желая скрыть от своей фаворитки, Е. Р. Воронцовой, свои ночные забавы, сказал при ней Волкову, что хочет провести с ним всю ночь в занятиях важными делами, касающимися государственного благоустройства. Ночь наступила. Петр пошел веселиться, сказавши Волкову, чтобы он к утру

написал какой-нибудь важный доклад; причем Волков был заперт в пустую комнату с датскою собакою.

Здесь-то и написан был приказ о дворянских вольностях.

Таким образом, приказ о дворянских вольностях не удовлетворял желаний лучшей части дворянского сословия и пришелся по сердцу недорослям от дворян и их присным. Во всяком случае, эта льгота располагала к Петру худшую часть дворянства и отталкивала лучшую.

Вторым делом царствования Петра III было уничтожение елизаветинской «Лейб-Компании». Нет слова, это была патологическая часть войска. Кутежи, разврат, роскошь, бессчетная и бессмысленная трата денег, картежная игра и скандалы – главные занятия этой части войска, военные же дела имели для них последнее значение. Уничтожением «Лейб-Компании» сделано доброе дело. Но дурно было то, что этот пышный пустоцвет был заменен голштинской солдатчиной. Голштинское войско в Петербурге состояло из людей грубых, необразованных, невоспитанных, пьяниц и скандалистов. Пока они жили в Гатчине и составляли количественное и качественное ничтожество, эта группа была терпима, как неизбежное зло; но когда, с восшествием на престол Петра III, это войско поставлено было как идеал войска и когда было решено преобразовать гвардию и всю армию по образцу этих голштинских проходимцев – это поставило дело в иное положение. Между тем голштинское войско действительно стало руководить всеми. Оно заполнило дворец, оно заместило «Лейб-Компанию» и стало на ее место. Всех солдат одели в прусскую форму и стали обучать военному делу по образцу голштинской солдатчины. Русские офицеры должны были стать под начальство голштинских бурбонов, вельможи должны были взять в учителя голштинских мужиков офицеров и брать у них уроки. Военная муштровка шла от утра до вечера, вахтпарады стали ежедневными. Петр присутствовал на этих голштинских потехах и позволял себе издеваться публично над военной неспособностью русских людей и русских почтенных вельмож. Пьянство, трубка, кнастер, кутежи и грубый разгул – вот духовное содержание жизни этих войск. Петр старался не отстать от своих друзей, вместе кутил с ними и не стеснялся на глазах своих верноподданных в нетрезвом виде забавляться непристойными забавами… Все это не могло вызвать в войске русском к царю любви, преданности и симпатии, а, напротив, нелюбовь, ненависть и отвращение.

Но Петр не остановился и пошел дальше. Он нанес удар духовенству, как высшему, так и низшему. Еще будучи наследником престола, Петр держал себя по отношению к

духовенству непочтительно и дерзко; так, бывали случаи, когда он во время богослужения показывал священникам и дьяконам язык. Теперь, ставши императором, он издал приказ об отобрании у архиереев и монастырей их вотчин и тем лишал духовенство существенных доходов. Но этим он не ограничился. Он приказал священникам брить бороды, стричь волосы и рясы заменить пасторскими сюртуками. Таким образом, он врывался в церковные предания и отменял одежды и внешность, освященную древним церковным обычаем. Едва ли все это могло расположить и черное и белое духовенство в пользу Петра; напротив, все это резко против него озлобило и духовенство, и весь русский народ, который в то время во всех его слоях глубоко был религиозным и искренно чтил все священное и все церковное.

Одновременно с этим издается указ, по которому Синод обвиняется в медлительности решений и в укрывательстве лиц, коих поступки и преступления вызывают ропот в народе. Несомненно, доля правды в этом укоре заключалась, но можно было бы все это сделать тише и без ненужного шельмования. Домовые церкви закрывались. Сделано было распоряжение брать в солдаты детей белого духовенства… Было сделано достаточно, чтобы вызвать бесконечное озлобление против императора среди духовенства.

Итак, император Петр III быстро успел вооружить против себя двор, вводя туда на равных правах грубых и пьяных голштинских проходимцев, успел возбудить войско, вводя там новые бессмысленные порядки, вооружил духовенство, лишая его средств к существованию и оскорбляя его представителей и низших служителей. Оставался народ. Народ он также не оставил без своего враждебного внимания. Самое важное и главное для народа, помимо средств к существованию, его религия. Петр III задел народ в этом отношении распоряжением об изменении костюма священнослужителей и лишением их бороды и длинных волос. На этом он не останавливается. Он зовет новгородского архиепископа Димитрия, первенствующего члена Синода, и приказывает ему, чтобы из церквей были вынесены все образа, за исключением Спасителя и Божией Матери. Архиепископ Димитрий был крайне смущен и поставлен в ужасное положение. Петр был возмущен нерешительностью Димитрия и удалил его от паствы, но затем одумался и, страха ради народного неудовольствия, возвратил его на место.

Нужно ли говорить, чем бы все это окончилось, если бы не подоспели новые обстоятельства, ускорившие развязку.

Политика Петра III была сознательно вредною для России и антипатичною для всех граждан. До сих пор русская армия

сражалась против пруссаков, причем были одержаны победы и взяты города и земли. Первым делом Петра, по восшествии на престол, было заключить мир с Фридрихом II и войти в союз с ним против своих теперешних союзников, причем наши войска поступали в его распоряжение. Мало того, все города и земли, взятые у пруссаков русскими, возвращались безвозмездно им обратно, а прусские пленные возвращались домой с почетом.

Брачное дело в царственных семействах – дело политическое, а потому говорить о любви между брачащимися царственными личностями приходится как об исключении. Точно так же и семейные добродетели в этом классе – добродетели исключительные, как и строго нравственные в семейном отношении императоры – явление исключительное. Но большое расстояние между холодностью семейной жизни царственного дома и ненавистью к супруге, грозящею заточением или лишением жизни ее из чисто личной неприязни.

Петр III, женившись на Екатерине, вскоре невзлюбил ее и хотя нередко подчинялся ее уму, однако открыто находился в близких отношениях с Воронцовой. Не легко жилось Екатерине с Петром в бытность последнего наследником, не лучше стало и по восшествии Петра на престол. Начать с того, что в манифесте о восшествии на престол Петра не было упомянуто, что наследником престола назначается сын Екатерины, Павел. Далее он, уже с первых дней воцарения, с Екатериной был так груб и неприличен, что, с одной стороны, возбуждал у окружающих мысль не только о враждебности отношения к ней, но и о ненормальности умственных способностей, а с другой – заставлял Екатерину подумать о будущем и о своей судьбе. Особенно резко это выразилось на обеде по поводу заключения мира с Пруссией. Был провозглашен тост за здоровье царской фамилии. Император и императрица пили сидя. Увидя сидевшую императрицу, Петр послал Строганова спросить Екатерину: почему она сидит? Императрица отвечала: «Пили за здоровье царской фамилии, а так как императорское семейство составляет император, она и их сын, то она и пила сидя». Тогда Петр приказал Строганову: «Пойди скажи, что она дура, так как не знает, что к царской фамилии принадлежат еще два дяди моих». Опасаясь, что Строганов постесняется передать дословно его приказание, Петр через весь стол закричал Екатерине, что она дура… Можно было себе представить положение императрицы и присутствовавших…

Над головою Екатерины носились грозовые тучи. Нужно было иметь великую силу воли, чтобы держать себя спокойно и по мере возможности отклонять наносимые удары. Между тем Петр не стеснялся и открыто в пьяной попойке заявлял, что желает

отделаться от Екатерины. Замечательна судьба двух сестер Воронцовых: Елизавета Воронцова стала фавориткой Петра, а Воронцова, вышедшая замуж за Дашкова, фавориткою Екатерины. Елизавета Воронцова имела сменить собою Екатерину, Воронцова-Дашкова защищала интересы последней. Еще будучи наследником, Петр сказал Воронцовой-Дашковой:

– Дитя мое, вам бы не мешало помнить, что водить хлеб-соль с честными дураками, подобными вашей сестре и мне, гораздо безопаснее, чем с теми великими умниками, которые выжмут из апельсина сок, а корки бросят под ноги.

Ставши императором, Павел открыто повел речь по этому вопросу с Воронцовой-Дашковой. Однажды Петр начал разговор с нею «тихо, отрывистыми фразами», из которых, однако, можно было понять, что дело шло о том, чтобы удалить *ее,* разумея Екатерину, и на ее место возвести *Романовну,* как обыкновенно называли Елизавету Романовну Воронцову. «Будьте к нам немножко повнимательнее, придет время, когда вы будете жалеть о том, что с таким пренебрежением обходитесь со своею сестрою; ваши интересы требуют, чтобы вы изучили мысли своей сестры и старались снискать ее покровительство».

Хорош был Петр, когда жил в Петербурге, еще лучше стал по переселении в Ораниенбаум.

По утрам – вахтпарады с непрерывными проявлениями и вспышками самого дикого и необузданного гнева, а затем шли обеды, пьяные ужины, невоздержанные речи и невозможные распоряжения. Один из близких лиц Петру, Лев Нарышкин, дает такой отзыв о нем: «C'est le regne de la folie; tout notre temps se passe a manger boire et faire de folies». Подобный же отзыв о нем дают английский министр, Екатерина и др.

При таком положении дел Екатерина должна была подумать и о себе; и о будущем государства, ибо у нее на руках был малолетний сын Павел. И она подумала… Нужно сознаться, Петр делал все от него зависящее, чтобы погубить себя и выдвинуть Екатерину. Обеими руками он подготовлял дело поднятия Екатерины и своей гибели. Сама Екатерина сознается, что самым злейшим врагом Петра III был он сам. «Человеку в здравом уме и твердой памяти невозможно даже понять то самодурное ослепление, в котором жил гол-штинский герцог, став русским императором», – пишет Екатерина.

Вокруг Екатерины собиралась группа лучшей части гвардии. Это были все люди умные, образованные, воспитанные, богатые, здоровые, озлобленные на Петра и за себя и за Екатерину и смело готовые положить голову за свою любимицу…

Это были три брата Орловых, Пассек, Бредихин, Рославлев и

др. Кроме этих чисто взбалмошных и воспаленных молодых голов, на ее стороне был весь Петербург: Синод, Сенат, вельможи, войско, духовенство и народ. В беспросветной тьме царствования Петра, единственный светоч надежды теплился в Екатерине. Поэтому очень и очень неудивительно, что государственный переворот совершился бескровно.

Заговор о низвержении Петра III и возведении на престол Екатерины был готов уже к началу царствования, нужно было только провести его умно и умело. Во главе всего дела стояла сама Екатерина, все остальные были ее послушными исполнителями. С делом можно было не спешить, только сам Петр понукал его и вел дело форсированно. После своей безумной выходки на обеде, говорят, Петр приказал арестовать Екатерину, и она не была арестована благодаря заступничеству герцога Голштинского, дяди Петра. Чаша, однако, была переполнена. Он не арестовал, зато он был арестован. Из действительного залога глагола он перешел в страдательный.

С отъездом императора в Ораниенбаум Екатерина уехала в Петергоф. Доверенным лицом Екатерины в Петербурге оставалась Екатерина Романовна Воронцова-Дашкова, родная сестра Елизаветы Воронцовой. Она была умна, образованна, энергична и предана Екатерине всей душой. Но так как она была слишком молода, немножко не воздержана на язык, то ей доверялось не все, особенно ввиду ее близости к Елизавете Воронцовой. Несомненно, однако, что во всем деле переворота она не была только «хвастливой мухой в повозке», как выразился о ней Фридрих II, хотя не играла и первой скрипки.

Между тем Петр, живя в Ораниенбауме, продолжал издавать изумительные приказы, к которым, несомненно, должно отнести и указ Синоду от 25 июня о «равноправности всех исповеданий, отмене обрядов православной церкви, отобрании церковных имуществ в казну…» Лучше всего было заключение: «… дать волю во всяких моих местностях и что ни будет от нас вперед представлено, не препятствовать…» Дело, видимо, близилось к развязке…

И вот 27 июня вечером встречает Воронцову-Дашкову крайне взволнованный Алексей Орлов и заявляет, что один из заговорщиков, Пас-сек, арестован по делу о государственной измене. Совершишася. Немедленно братья Орловы полетели в Петергоф за Екатериной. На рассвете Екатерина была уже в Петербурге окруженная ликующей гвардией, а к полудню Синод, Сенат и весь Петербург были у ног Екатерины.

А что же Петр?

Он благодушествовал с Елизаветою Воронцовой и небольшою

группкою приближенных в Ораниенбауме… Вскоре, однако, прилетели гонцы с донесением, что Екатерина во главе гвардии идет на него. Голштинское войско, очень храброе на вахтпарадах, оказалось несостоятельным. Петр с приближенными бросился в Кронштадт, но там царствовала уже Екатерина II. Пришлось возвращаться обратно и вступать в переговоры. Через несколько часов Петр дал формальное отречение от престола и поселен в Ропше. 6 июля Петр III скончался насильственной смертью.

Царствовал Петр III шесть месяцев и оставил по себе нерукотворенный памятник настолько неказистый, что лучше было бы ему согласиться на золотую статую.

Неужели все эти деяния Петра можно объяснить только одним его скудоумием? Бильбасов по поводу царствования Петра III говорит следующее:

> «Объяснить это частым опьянением Петра III нельзя: он бывал пьян только по вечерам, после ужина, и то не всякий день; его невежество, само по себе, не может еще служить ни оправданием, ни даже объяснением его поступков. Их, кажется, придется всецело отнести к несчастному сочетанию личных свойств Петра III с неограниченною властью, доставшеюся ему по наследству. Тупой, упрямый, невоздержанный, он, став самодержцем, искренно был убежден, что весь мир существует единственно для удовлетворения его желаний, капризов, прихотей; он потерял способность правильно мыслить, стал действовать, как самодур, и до последней минуты был ослеплен своею властью, ей только доверял, на нее только опирался…»

Создают личность человека два главных фактора: его личные качества и внешние условия жизни, индивидуальность и обстоятельства.

О душевных качествах того или другого деятеля мы судим по его поступкам и делам. Поступки, как произвольные действия человека, обусловливаются рассудком и эмоциями. Воля есть диагональ двух сил – ума и страсти, – должно и хочу. Умственный элемент, в количественном отношении, представляет троякое проявление: уровень среднего человека, выше среднего – гений и талант и ниже среднего – отсталый, тупоумный, идиот. Градации – не математически разграниченные, а образующиеся путем сравнения со сверстниками одинакового возраста, пола и общественного положения. Каковы бы ни были умственные способности человека, но одно из важных условий нормального человека – преобладание и господство умственной жизни над

чувственною и страстною стороною. Этим создается уравновешенность, устойчивость и определенность личности.

Эмотивная, чувственная, страстная сторона жизни человека может представлять различные уклонения – качественные и количественные. Прежде всего должно заметить, что страсти делятся на высшие – духовные и низшие – животные. Количественные уклонения в этой области заключаются в повышении или понижении эмотивных, или страстных, элементов, в одних случаях высших, в других – низших. Качественные аномалии будут заключаться в понижении высших эмоций, усилении низших, животных и в присоединении качеств, не существующих у современного человека и присущих животным, как кровожадность и проч.

Сочетание аномалий душевных – умственных и эмотивных – может быть очень разнообразно. Бывают случаи, когда у человека при средних умственных способностях проявляется преобладание страстного элемента над умственным, примером какового может быть умственная неустойчивость, т. е. временные подчинения убеждений и верований налетающим эмоциям, симпатиям и антипатиям. Хуже дело обстоит, когда умственные способности ниже средних, тогда отсутствуют более или менее прочные систематизированные убеждения, а в наличности существуют какие-то отрывочные, случайные мотивы, всецело управляемые и направляемые страстями, эмоциями, симпатиями и антипатиями. Примером этого состояния может служить умственная неуравновешенность. Хорошо, если у этих людей господствующие эмоции и страсти только количественно усилены, без нарушения качественного; хуже гораздо, если высшие духовные эмоции понижены и даже отсутствуют, а господство падает на долю страстей низших, животных. Такие люди уже нетерпимы в обществе ибо их дикие животные страсти (пьянство, разврат, предпочтение сообщества с людьми низшего развития и положения и проч.) постоянно ставят их в конфликт с законом и создают тип людей, относящихся к отделу отсталых и тупоумных. В дальнейшем сочетание может быть таково, что умственные способности будут нормальными, нравственные же начала отсутствуют или от рождения (moral insanity), или под влиянием таких воздействий, как пьянство, сифилис и проч., низшие же животные страсти будут господствовать в сфере волевой; это *частичная дефективность* душевной жизни, создающая нравственное помешательство.

Наконец, сочетание может быть такое: умственное состояние среднее, высшие духовные эмоции от рождения отсутствуют, низшие животные эмоции доминируют и к ним вдобавок

присоединяются животные проявления, присущие хищным животным, как: кровожадность, наслаждение чужим страданием и проч. Это будет тип прирожденного преступника.

Обращаясь к душевному состоянию Петра III, мы полагаем, что он относится к третьей степени вырождения: умственные способности ниже средних, высшие эмоции эмбриональны, а низшие царят над духовным строем человека.

В самом деле, все указания сводятся к тому, что он от рождения относился к нищим духом. Его познавательные способности были слишком недостаточны. Учился он плохо, ученье ненавидел, не знал почти ничего и в своем образовании был крайне ограничен. Он не любил, кроме себя, ничего и никого. У него не было бога, не было родины, не было семьи, не было человека. Он любил себя и все было для него, а он ни для чего. Его желания и побуждения были крайне ограниченны и низменны. Он любил кутеж в компании людей низшего разряда, любил оргии, имел любовницу, не брезгал и другими, был груб, резок, капризен, презирал почти все, ненавидел тех, кого должен был бы любить, и отдавал предпочтение тем, кто стоял ниже. Он не понимал ни своего положения, ни ближайших условий существования, ни побочных обстоятельств. Почти все его действия были плодом случайности, каприза и мимолетной страсти. Он был всецело жертвою эмоций низшего порядка. Своими действиями он причинял вред окружающим и действовал только в угоду себе.

Если бы этот человек был простой смертный, то его путем надлежащего воспитания еще можно было бы дисциплинировать и он не только мог бы находиться в обществе, но, под опекою и надзором окружающих, мог бы даже до некоторой степени быть работоспособным. Только алкогольные излишества могли бы его приводить в раж и тогда его временно нужно было бы интернировать в заведения для отсталых и дефективных людей.

Но Петр III был император, и притом император-самодержец…

Образ правления того или другого народа всецело обусловливается состоянием самосознания и умственного развития данного народа. Народ, стоящий на низкой степени самосознания и на низком уровне умственного развития, не может управляться сам с собою. Он ищет над собою опекуна, он ему предоставляет власть над собою и всецело ему покоряется. Последний, в свою очередь, принимая власть над народом, становясь его головою, умом и волею, печется о его благосостоянии, безопасности, процветании и умственном развитии.

С течением времени народ растет и развивается. У отдельных лиц его устанавливается сознание своей личности, достоинства и долга, – уважение, признание в другом человеке человека, признание его прав и неприкосновенности, сознание и уважение чужих интересов и безопасности, необходимости взаимозащиты и взаимообороны. Так постепенно создается возможность взаимопомощи и взаимоподдержки и опека теряет свою необходимость и значение. Если она и остается и терпится, то только из уважения к ее историческому прошлому, если она того заслуживает. Так создается конституционное государство. С течением времени обе стороны усматривают отсталость существования опеки и опека упраздняется сама собою за ненадобностью.

Итак, в зависимости от положения народа, монархический образ правления является существенною необходимостью. Великое счастье для государства, если во главе его стоит монарх умный, всей душою любящий свой народ, энергичный и отдающий всего себя управляемому народу. Великое несчастье, если таким правителем является человек глупый, злой, своенравный, капризный, не любящий свой народ. Это великое несчастье и для народа, а иногда и для правителя. Что сошло Иоанну Грозному, то не сошло Петру III.

Такой человек, будучи самодержавным, не встречает препон для обуздания своих хотений ни в законе, ни в уважении к ближнему, ни во взаимной уступке друг другу. Все для него и он ни для кого. Его каприз – закон, его веление неоспоримо. Отсюда человек, у которого ум не царит над страстями, управляет народом по велению не ума, а своих страстей. Если эти страсти возвышенны, благородны и симпатичны, то еще благо; хотя неустойчивость страстей делает правление неустойчивым, беспокойным, суетливым, мучительным неожиданностью и неопределенностью. Великое горе, если страсти у такого человека низшие, животные, грязные. Управление народом совершается под господством этих страстей и несчастный опекаемый народ становится жертвою этого безумного не владыки, а тирана. В конце концов горе народа падает на голову тирана.

Петр III был от природы человеком тупоумным, тупоумие которого не исправилось воспитанием; в его действиях и поступках царили страсти и эмоции низшего порядка; его самодержавность усиливала и распаляла страсти и тем еще сильнее, резче и рельефнее выдвигала его ненормальность. Прирожденное тупоумие в сочетании с самодержавием усилило страсти и понизило тупоумие на степень безумия.

Опекаемый народ во всех слоях своих стонал под гнетом

этого безумного человека, и горе народное завершилось несчастьем для самого безумного человека…

ИМПЕРАТОР ПАВЕЛ I

Мнения современников об императоре Павле крайне противоположны. Это разноречие касается не только его политической деятельности, но и душевной деятельности и обусловливается личными отношениями Павла к этим лицам и наоборот. В зависимости от этого и душевный облик Павла по одним источникам является одним, а по другим – другим. Разумеется, этому способствовала и душевная неустойчивость Павла, присущая ему с детства и до смерти. Как образец разноречия относительно душевных качеств Павла мы приведем отзывы французского и германского послов по отношению к одному и тому же периоду времени жизни Павла. Французский посол Дюран пишет: «Воспитание цесаревича пренебрежно совершенно и это исправить невозможно, если только природа не сделает какого-нибудь чуда. Здоровье и нравственность великого князя испорчены вконец» (1773). Сольмс, германский посол, пишет: «Цесаревич очень красив лицом, разговор и манеры его приятны, он кроток, чрезвычайно учтив, предупредителен, веселого нрава. Под этой прекрасной оболочкой скрывается душа превосходнейшая, честная и возвышенная и, вместе с тем, самая чистая и невинная, которая знает зло только с самой отталкивающей стороны и вообще сведуща о дурном лишь настолько, насколько это нужно для того, чтобы вооружиться решимостью избежать ему самому и не одобрять. Словом, невозможно сказать довольно ему в похвалу» (1773).

При таком разноречии отзывов поддерживать то или другое мнение о душевных качествах Павла очень затруднительно.

Император Павел I – сын Петра III, который был хил телом и слаб духом, представляя значительную душевную неуравновешенность, неустойчивость и явления эмоций низшего порядка, и Екатерины II, несомненно, женщины физически мощной и умственно гениальной.

Павел I родился 20 сентября 17 54 года и немедленно же был взят императрицей Елисаветою для воспитания под ее личным надзором и попечением. Надзор этот, однако, был слишком заботливый и старомодный, в силу чего Павел воспитывался как тепличное растение, что много способствовало закреплению его хилости и слабости, которые он унаследовал от отца. «Младенческие годы его в изобилии преисполнены были *болезненными припадками,* которые настоятельно требовали разумного и просвещенного ухода, а таковой именно блистал своим отсутствием. Вследствие этого нервы мальчика

расстроились до того, что он прятался от страха под стол, когда сильно прихлопнут дверьми… Кроме того, Павел Петрович с малых лет часто страдал расстройством пищеварительных органов, что привело к расстройству воображения и неестественной напряженности». По мнению доктора Крузе, великий князь от рождения страдал *припадками,* происходившими от накопления кислот в желудке и в пищеварительных путях. Несмотря, однако, на хилость организма, Павел был резвым и живым ребенком. Вот отзыв о нем его воспитателя Порошина: «У Его Высочества ужасная привычка, чтобы *спешить* во всем: спешить вставать, спешить кушать, спешить опочивать ложиться». Павел спешит обедать, спешит ужинать, спешит идти в постель, чтоб поутру не проспать долго. «Его Высочество имеет за собою недостаточек, всем таким людям свойственный, которые более привыкли видеть хотения свои исполненными, нежели к отказам и терпению. Все *хочется, чтобы делалось по-нашему.* А нельзя сказать, чтобы все до одного наши желания были таковы, на которые бы благоразумие и об общей пользе попечение всегда соглашаться дозволяли». Поспешность и нетерпение очень резко выражены в жизни и деятельности Павла.

«Е. В. вдруг влюбится в человека, который ему понравится, но не надолго и гораздо легче Е. В. понравиться, нежели навсегда соблюсти посредственную, не токмо великую и горячую от него, дружбу и милость. Он склонен был относиться к людям, с которыми встречался впервые, с предубеждением, под влиянием отзывов, которые перед сим о них слышал. Фантазия его была слишком велика». Другой воспитатель Павла, Эпинус, дает такой отзыв: «Голова у него умная, но в ней есть какая-то машинка, которая держится на ниточке, – порвется эта ниточка, машинка завернется и тут конец уму и рассудку».

Часто у него вспыхивала отцовская страсть к военной маршировке; для того собирали лакеев и великий князь заставлял их по комнате маршировать, причем бывали случаи, что лакеи строем торжественно направлялись в кухню за кушаньем. Хотя руководитель Павла граф Панин и уничтожил на время проявления этой страсти, но впоследствии она всплыла вновь в таком виде, что едва ли не превзошла страсти самого покойного отца. Княгиня Ливен говорит, что Павел любовью матери не пользовался. Сначала императрица его совсем забросила, а потом обижала.

Великий князь не имел сверстников и жил и развивался одиноким. Он окружен был людьми взрослыми, государственными и воспитателями, причем в присутствии князя велись разговоры, то имеющие государственное значение, то

слишком легкомысленные. В обществе этом, слушая споры и рассуждения взрослых, мальчик преждевременно старился, привыкая ко всему относиться с недомыслием, подозрительно, и, будучи не в силах сам разобраться в противоречиях, которые были выше его понимания, быстро усваивал себе на лету чужое мнение, хотя столь же быстро и менял его. Вообще в образе мышления цесаревича заметно было господство впечатлений и образов, а не ясно сознанных идей; проявлялась в нем также наклонность подчиняться чужим внушениям. Вообще, при крайней впечатлительности Павел в юношеском возрасте не обнаруживал признаков твердого характера (Е. С. Шумигорский).

При таком изолированном состоянии, естественно, у Павла развилась фантазия и он часто жил образами этой фантазии, как чем-то действительным. Так, ему казалось, что при нем состоит особенный конный отряд из дворян в 200 человек и в этом отряде он состоит ефрейтором. Часто, в виде игры, он бегал, размахивал руками, давал приказы и проч., это он производил военные упражнения с воображаемым отрядом. С течением времени отряд увеличивался и великий князь повышался в чине. Когда воображаемый полк дошел до 1200 человек, великий князь был уже поручиком и т. д. Порошин передает и такой случай: рассматривая планы и виды Парижа, великий князь вообразил себя полковником, называл себя due de St Cloud и производил распределение полка по местности. Выслушав историю Мальтийского ордена, великий князь вообразил себя мальтийским кавалером.

Павел был человек в душе доброжелательный, великодушный, готовый прощать обиды и повиниться в своих ошибках. Он высоко ценил правду и ненавидел ложь.

В обращении с другими Павел нередко бывал очарователен, в кружке же близких нередко проявлял крайнюю подозрительность, недоверие, мнительность и даже ипохондрические идеи. По Брикнеру, характер Павла представлял собою странную смесь противоположных качеств, – иногда у него проявлялось какое-то поразительное добродушие, склонность к шутке и желание острить, другой раз – подозрительность, недоверие и проч.

Чтение мало оберегало нравственность мальчика и скорее толкало его на познание зла. Книги давались без разбора и с содержанием более чем не нравственным, театр также представлял мало сдерживающих нравственность качеств. При этом должно добавить, что Павел сам не находил удовлетворения как в чтений фривольных книг, так и в зрелище довольно вольных театральных сцен и нередко отказывался от них. Разговор Павел вел скачками, но всегда с непрестанным оживлением. В минуты

гнева вид у Павла положительно был устрашающий.

Несомненно также и то, что приближенные Павла заботились о раннем у него развитии низших инстинктов, способом для чего служили не только свободные разговоры, чтение и театр, но и открытые двери актрис и фрейлин… Молодой князь не замедлил отдаться чувству любви очень скоро.

Большинство воспитателей Павла были люди образованные, серьезные и дельные, которые вели свое дело вполне добросовестно, хотя воспитанник не отличался большими дарованиями, а равно и не проявлял значительных успехов. Главным попечителем Павла был граф Н. И. Панин, человек, в сущности, умный, образованный, очень порядочный и, во всяком случае, Павлу и его интересам преданный, что он доказывал на деле неоднократно. Это видно и из отношений к нему Павла, который уже после смерти Панина, отправляясь на войну в Финляндию, возложил в своем завещании на старшего своего сына и всех своих потомков «наблюдение долга его благодарности противу рода воспитателя его, покойного графа Н. И. Панина».

По мнению Панина, Павел Петрович должен был быть воспитан как французский дофин, с обычною обстановкою рыцарских характеров, chevallerie и т. п. Эстетическая впечатлительность, слабонервность, с одной стороны, поклонение рыцарским добродетелям: великодушию, мужеству, стремлению к правде, защите слабых и уважению к женщине – с другой стороны, навсегда привились к натуре Павла. На Павле впоследствии сказались все достоинства и недостатки французского воспитания (Е. С, Шумигорский).

Государственный переворот в царствовании Петра III не прошел для семилетнего Павла бесследным. По мнению Шильдера, смерть отца, в связи с предшествовавшими тревожными днями, оставила пожизненный след в душе Павла. Нельзя забывать, что, помимо личных чувствований, многое присоединялось и от нашептываний услужливых приближенных. «Поэтому отныне в уме маленького Павла прочно засело предубеждение против матери. Оно выразилось в непреоборимом чувстве подозрительного страха, сознательного недоброжелательства к лицу, вдобавок якобы похитившему что-то, бесспорно ему одному принадлежавшее по праву рождения… Павел повиновался с покорностью и об известных вещах научился своевременно молчать, но от этого нисколько не выиграли его сыновние чувства по отношению к матери. Между матерью, также не любившей сына Петра от рождения, и сыном лежала глубокая пропасть…»

Критическое отношение к правительственной деятельности матери, сочувствие к личности отца и признание высшего значения «военных мелко-стей» на прусский образец; в то же время смутное чувство боязни и подозрительности к матери, взгляд Панина, что она явилась похитительницей трона в ущерб правам сына, естественно, не могли не находить отклика в тайниках души Павла. «Сатирическое отношение к Екатерине и ее деятельности всегда обосновывалось чувством „законности“, „страданиями вернейших и честнейших сынов отечества“, т. е. всего народа, и Павел постепенно привыкал ставить закон и благо народа во всем его целом, как общественных классов, выше всех случайных факторов… Павел проникался сознанием, что благо народное может быть обережено лишь полнотою монархической власти, а не санкцией олигархических вожделений его воспитателей».

Замкнутость Павла, недоверие к окружающим, постоянные интрижки приближенных и проч. не могли не повлиять дурно на нетвердый и неустойчивый характер Павла: «… чем более и продолжительнее он сдерживался, тем сильнее были его вспышки; веселое, живое его остроумие часто отзывалось желчью, природная доверчивость сменялась, по отношению к одним и тем же лицам чрезвычайной подозрительностью, а боязнь умалить свое значение делала его иногда не в меру гордым и презрительным» (Е. С. Шумигорский).

Приспело время женить Павла, и его женили на принцессе Гессендармштадской Вильгельмине, в крещении – Натальи Алексеевне. Бракосочетание состоялось 29 сентября 17 73 г. Вот отзыв ландграфини-матери о Павле того времени: он был небольшого роста, но не имел слабого вида, был любезен, чрезвычайно вежлив, разговорчив и казался веселым. В разговорах с великим князем она позволяла, шутя, называть его «ein Kindskopf».

Ставши самостоятельным главою семейства, наследник русского престола не принимал, однако, никакого участия в делах государственных и ограничивался тихою, замкнутою семейною жизнью. Впрочем, в нем всегда трудно было усмотреть постоянство и устойчивость: то он стремился сделаться популярным, то бросал это и проявлял отсутствие самого простого внимания к его окружающим. По мнению английского посла Гунинга, в то время у Павла Петровича не было характера: он легко воспринимал впечатления, но он легко их и забывал. Зато часто у него проявлялась раздражительность, принимавшая иногда очень серьезные размеры. Любимым занятием Павла были домашние спектакли, где принимали участие как он, так и его

приближенные. В выборе членов своего общества, своих удовольствий и даже в своем образе мыслей он вполне подчинялся своей супруге, Наталии Алексеевне. Вообще последняя была очень честолюбива и не закончись ее жизнь преждевременно чахоткою, неизвестно, что было бы… Великий князь очень любил свою супругу. Казалось, и она относилась к нему так же, но затем скоро обнаружилась ее измена, и притом с человеком, которого Павел любил и считал своим другом. Это был Разумовский. Павел не мог простить и забыть этот гнусный поступок человеку, которому он дарил свое расположение и любовь.

Вот отзыв императрицы Екатерины о великой княгине: «Все у этой дамы доведено до крайности… нет ни добродушия, ни осторожности, ни благоразумия… никого не слушают и все хотят делать по-своему… Долгов у нас вдвое, чем состояния, а едва ли кто в Европе столько получает».

Все это влияло на великого князя очень сильно. Его раздражительность и впечатлительность росли и развивались вместе с подозрительностью и резким обхождением. «Несколько ребяческих и неосторожных выражений, употребленных великим князем, внушили императрице сильное беспокойство…» Однажды за ужином великий князь в поданных ему сосисках нашел осколки стекла. Павел, крайне возмущенный и раздраженный, схватил блюдо и вместе с ним отправился к императрице, где с крайним волнением высказал подозрение по данному поводу.

Находясь не у дел, великий князь начертал в особенной записке свой взгляд на положение государства с указанием мер к его исправлению. Этим сочинением своим, говорит Шильдер, великий князь в глазах матери окончательно уронил свою политическую правоспособность. Екатерина ставила выше всего интересы государства, приносила им в жертву все другие соображения и чувствования и эти начала руководили ею и при решении в данном случае. Признавая невозможным переубедить сына, она оставила наследника в стороне от дел. Не могло это хорошо отозваться и на Павле. Он еще больше замкнулся в себе, предался солдатчине, на все смотрел сквозь темные стекла, раздражительность и подозрительность усиливались, а «минуты просветления становились все реже и реже»… Екатерина стала утешать себя надеждою на внука. Павел тоже питал надежды только на будущее, мечтая сокрушить все то, что создавала его мать. «Поведение великого князя, – пишет английский посол, – в последнее время во многих отношениях до того напоминает действия его отца, что внушает лицам, имеющим возможность судить об этом, неприятные опасения относительно того, каким

образом со временем он станет употреблять свою власть».

Великая княгиня Наталия Алексеевна скончалась. Это вовсе не опечалило великого князя. Семейная жизнь была слишком несчастна, и княгиня не заслужила сожаления мужа. Супруга наследника престола скончалась, не оставив наследника. Нужно было искать другую супругу, и великий князь пустился на поиски. Для этого он поехал в Берлин прежде всего поклониться своему кумиру – Фридриху Великому, а затем лично ознакомиться с предназначенной ему в супруги Доротеей Виртембергской. Вот как ее описывает матери из Берлина великий князь: она недурна собой, велика, стройна, незастенчива, отвечает умно и расторопно… Насколько Павел восторгался Фридрихом, настолько же Фридрих не был очарован Павлом. «Он показался гордым, высокомерным и резким, что заставило тех, которые знают Россию, опасаться, чтобы ему не было трудно удержаться на престоле, на котором он мог подвергнуться участи отца», – высказался Фридрих.

Гордость и высокомерие Павла хорошо выражены в мнении Thiebault, видевшего его в Берлине: «… вообще высокопоставленные люди наклоняются очень мало, они предоставляют нам сгибать свое тело, причем и сами немножко наклоняют голову, великий же князь поступал совершенно наоборот: он взглядывает на того, кто ему кланяется, и, не наклоняя головы, подымал ее выше…»

Поездка Павла в Берлин и поклонение Фридриху еще более подлило масла в огонь обуревавшего его милитаризма. Несмотря на все старания Н. И. Панина уничтожить или понизить эту страсть, несмотря на систематические старания всех окружающих противодействовать воинским затеям Павла, несмотря на заботы о том же Екатерины, Павел настойчиво проявлял ее. Посещение Берлина в этом отношении очень гибельно повлияло на него. Прусская дисциплина, выправка, муштровка, весь казарменный строй – все это одуряющим ядом подействовало на ум Павла. Это обстоятельство поселило еще больший разлад между матерью и сыном.

Вскоре по возвращении великого князя в Россию приехала сюда и принцесса Виртембергская, которая вступила в брак с Павлом под именем Марии Феодоровны. Это был идеал чистоты, доброты, кротости и любви. Было не диво, что и великую княгиню полюбили и любили все.

В семье наследника водворилась любовь и тишина, супруги любили друг друга и брак их увенчался деторождением: последовали сыновья Александр, Константин, Николай и др. Сначала великая княгиня умиротворяюще подействовала и на

отношения мужа и матери, но затем отношения опять обострились, и великая княгиня навлекла даже на себя недоброжелательство императрицы. «Перед Екатериной начал вырастать образ примерной супруги и строгой, хотя и безмолвной, порицательницы ее как женщины и матери» (Шильдер). Особенно огорчило Павла то, что воспитание сыновей его взяла на себя императрица и вела его по своему усмотрению, а не по воле Павла. Это он счел лишением своих божеских и человеческих прав. Душа его наполнилась гневом и ненавистью и чаша терпения дошла до краев… Перед Павлом возникали видения прошлого… Он представлял себя судиею, карателем и мздовоздателем за совершенное. Но все это он переживал в своей душе, глубоко возмущенный и потрясенный, а по внешности он должен был казаться тихим и покорным. Бессильная злоба, прикрытая смирением, терпеливо выжидала часа воздаяния…

Теперь великий князь отводил свою душу в переписке с друзьями, где подчас проявлял очень неудобные соображения по поводу будущего. Так, в своем письме к Н. И. Панину, который в то время проживал в Дугино, он выражает полное недовольство русскою армиею и намерение завести в России армию иноземную, взяв ее из Польши и Германии.

Желая хоть сколько-нибудь смягчить напряженное состояние двух дворов – большого и малого, придумана была поездка наследника с супругою за границу, разумеется, инкогнито, причем из маршрута их путешествия Берлин был исключен. Граф и графиня Северные посетили Австрию, Италию и Францию, причем случалось, что великий князь и здесь прорывался и позволял себе посторонним лицам высказывать о положении русской империи, своей матери и ее приближенных, о своих планах на будущее чего бы никоим образом не следовало говорить. Так, в Париже Людовику XVI Павел сказал: «Я был бы очень недоволен, если бы около меня находился какой-нибудь привязанный ко мне пудель; прежде чем мы оставили бы Париж, мать моя велела бы бросить его в Сену с камнем на шее», – все это сказано было при большом числе приближенных…

Во Франции Павел подробно осматривал и изучал учебные и благотворительные заведения, искал случая познакомиться с выдающимися представителями науки и литературы. Рыцарские свойства великого князя, развитые в нем воспитанием, отвечали национальному характеру французов: любезность, остроумие и приветливость приводили их в восхищение. Вот отзывы французов о Павле: в наших лицеях, академиях своими похвалами и вопросами он доказал, что не было ни одного таланта и рода работ, который бы не имел права его

интересовать, и что он давно знал всех людей, просвещенность и добродетели коих делали честь их веку и их стране. Его беседы и все слова, которые остались в памяти, обнаруживали не только образованный ум, но и изящное понимание всех особенностей нашего языка.

В Италии Павел также обнаружил серьезное внимание к памятникам искусства и художества и всюду производил самое обаятельное впечатление своею любезностью, прямодушием, благородным образом мыслей (Е. С. Шумигорский), хотя иногда и проявлялась и обратная сторона медали в виде злобы и мстительности. Так, в разговоре с герцогом Тосканским во Флоренции Павел выразился, что как вступит на престол, то высечет Потемкина (Брикнер).

В Брюсселе великий князь передал окружающим об одном с ним происшествии, которое свидетельствует не только о *сильно развитой у него фантазии,* но и временном галлюцинаторном бреде.

> «Однажды вечером или, вернее, ночью я в сопровождении Куракина и двух слуг шел по улицам Петербурга. Мы провели вечер у меня, разговаривали и курили, и нам пришла мысль выйти из дворца инкогнито, чтобы прогуляться по городу при лунном свете. Погода не была холодная, дни удлинялись; это было в лучшую пору нашей весны, столь бледной в сравнении с этим временем на юге. Мы были веселы. Мы вовсе не думали о чем-нибудь религиозном или серьезном, и Куракин так и сыпал шутками на счет тех немногих прохожих, которые встречались с нами.
>
> Я шел впереди, предшествуемый, однако, слугою; за мною, в нескольких шагах, следовал Куракин, а сзади, в некотором расстоянии, шел другой слуга. Луна светила так ярко, что было бы возможно читать; тени ложились длинные и густые. При повороте в одну из улиц я заметил в углублении одних дверей высокого и худощавого человека, завернутого в плащ, вроде испанского, и в военной, надвинутой на глаза шляпе. Он, казалось, поджидал кого-то, и, как только мы миновали его, он вышел из своего убежища и подошел ко мне с левой стороны, не говоря ни слова. Невозможно было разглядеть черты его лица, только шаги его по тротуару издавали странный звук, как будто камень ударялся о камень. Я был сначала изумлен этой встречей; затем мне показалось, что я ощущаю охлаждение в левом боку, к

которому прикасался незнакомец. Я почувствовал охватившую меня дрожь и, обернувшись к Куракину, сказал:

– Мы имеем странного спутника!

– Какого спутника? – спросил он.

– Вот того, который идет у меня слева и который, как мне кажется, производит значительный шум.

Куракин в изумлении раскрыл глаза и уверял меня, что никого нет с левой стороны.

– Как, ты не видишь человека в плаще, идущего с левой стороны, вот между стеной и мною?

– Ваше высочество сами соприкасаетесь со стеною и нет места для другого лица между вами и стеною.

Я протянул руку. Действительно, я почувствовал камень. Но все-таки человек был тут и продолжал идти со мною в ногу, причем шаги его издавали по-прежнему звук, подобный удару молота. Тогда я начал рассматривать его внимательно и заметил из-под упомянутой мною шляпы особой формы такой блестящий взгляд, какого не видел ни прежде, ни после. Взгляд его, обращенный ко мне, очаровывал меня; я не мог избегнуть действия его лучей.

Ах, – сказал я Куракину, – я не могу передать, что я чувствую, но что-то странное.

Я дрожал не от страха, а от холода. Какое-то странное чувство постепенно охватывало меня и проникало в сердце. Кровь застывала в жилах. Вдруг глухой и грустный голос раздался из-под плаща, закрывавшего рот моего спутника, и назвал меня моим именем.

– Павел!

Я невольно отвечал, подстрекаемый какой-то неведомой силой.

– Что тебе нужно?

– Павел! – повторил он.

На этот раз голос имел ласковый, но еще более грустный оттенок. Я ничего не отвечал и ждал; он снова назвал меня по имени, а затем вдруг остановился.

Я вынужден был сделать то же самое.

– Павел, бедный Павел, бедный князь!

Я обратился к Куракину, который также остановился.

– Слышишь? – сказал я ему.

– Ничего, государь, решительно ничего. А вы?

Что касается до меня, то я слышал; этот плачевный голос еще раздавался в моих ушах. Я сделал отчаянное усилие над собою и спросил таинственного незнакомца, кто он и чего он от меня желает.

– Бедный Павел! Кто я? Я тот, кто принимает участие. Чего я желаю? Я желаю, чтобы ты не особенно привязывался к этому миру, потому что ты не останешься в нем долго. Живи как следует, если желаешь умереть спокойно, и не презирай укоров совести: это величайшая мука для великой души».

Он пошел снова, глядя на меня все тем же проницательным взором, который как бы отделялся от его головы. И как прежде я должен был остановиться, следуя его примеру, так и теперь я вынужден был следовать за ним. Он перестал говорить, и я не чувствовал потребности обратиться к нему с речью. Я шел за ним, потому что теперь он давал направление нашему пути. Это продолжалось еще более часу в молчании, и я не могу вспомнить, по каким местам мы проходили. Куракин и слуги удивлялись. Наконец, мы подошли к большой площади между мостом через Неву и зданием Сената. Незнакомец подошел прямо к одному месту этой площади, к которому, конечно, я последовал за ним, и там он снова остановился.

– Павел, прощай, ты меня снова увидишь здесь и еще в другом месте.

Затем шляпа сама собою поднялась, как будто бы он прикоснулся к ней; тогда мне удалось свободно рассмотреть его лицо. Я невольно отодвинулся, увидев орлиный взор, смуглый лоб и строгую улыбку моего прадеда Петра Великого. Ранее, чем я пришел в себя от удивления и страха, он уже исчез. На этом самом месте императрица сооружает знаменитый памятник, который изображает царя Петра на коне и вскоре сделается удивлением всей Европы. Но я же указал моей матери на это место, предугаданное заранее призраком. Я сохранил воспоминание о малейшей подробности этого видения и продолжаю утверждать, что это видение, а не сон, как желает уверять Куракин. Иной раз мне кажется, что все это еще совершается предо мною. Я возвращался во дворец изнеможденный, как бы после долгого пути, и с буквально отмороженным левым боком. Потребовалось несколько часов времени, чтобы отогреть меня в теплой постели, прикрытого одеялами».

Нужно к этому добавить, что, по свидетельству Порошина, еще в детстве Павел отличался беспокойными снами, кошмарами и едва ли не галлюцинациями.

Второе путешествие в Европу не осталось без влияния на впечатлительного великого князя. Страсть к милитаризму, укрепленная в Берлине в первую поездку, теперь нашла себе подругу в аристократическом увлечении, господствовавшем тогда в Европе, из этого отчасти впоследствии возросли идеи мальтийского рыцарства.

Теперь Павел жаждал одного – неограниченной власти. Он был крайне раздражен отстранением от престола, который, согласно обычаю посещенных им иностранных дворов, он считал принадлежащим ему по праву. Возвращение высоких путешественников не примирило враждующих. Рознь, неприязнь и глухая борьба возобновились во всей силе, тем более, что до императрицы не могли не дойти слухи об отзывах о ней великого князя.

Вскоре великий князь получил в подарок Гатчину, где со свойственным ему жаром принялся за устройство. Оставшись в тиши и погруженный в себя, он переживал все прошлое и создавал планы на будущее, имея в виду круто и радикально перевернуть все то, что существовало теперь. Особенное же внимание им обращено было на создание собственной, по прусскому образцу, армии, которая должна служить прообразом будущей русской армии. Это было повторение деяний Петра I, но в карикатурном виде. Его армия как бы служила протестом против существовавшей армии. Вообще князь не стеснялся открыто высказывать недовольство окружающим и своих мнений насчет современного управления государства и деяний императрицы. Все это доходило до императрицы и не могло способствовать добрым отношениям двух дворов. Особенно обострило эти отношения следующее обстоятельство.

В Россию приехал брат великой княгини – Фридрих. Императрица приняла его хорошо и определила на службу. Принц Фридрих был очень любим Марией Федоровной и великим князем, но вел себя очень неосторожно. Последствием было то, что его послали на службу в Финляндию. Принц, однако, здесь не угомонился, а начал культивировать мысль о государственном перевороте в пользу Павла, не без ведома Швеции. Нет ничего, однако, тайного, что бы не стало явным. Императрица узнала о замыслах. Фридриху предложено было проехаться за границу без особенной надежды на возвращение в Россию. Заступничество великого князя и княгини осталось без успеха, да и им самим даны были некоторые намеки.

Вскоре возгорелась война с Турцией и война со Швецией. Наследник очень просился принять участие в турецкой войне, императрица согласилась на его присутствие в армии, но не турецкой, а финляндской. Отправляясь на войну, Павел оставил завещание, в котором, между прочим, он решительно устраняет, в случае его смерти, от престола Марию Федоровну, с ее полного единомыслия, и назначает преемником старшего сына…

О том же в это время думала и императрица; только она решала этот вопрос даже в том случае, если Павел останется жив. Иначе нельзя. Екатерина сознавала всю неспособность Павла быть повелителем великой империи и опасность для государства иметь такого императора. Вот почему у нее являлась мысль после себя оставить императором своего внука Александра. Эта мысль больше и больше овладевала императрицей и побуждала ее к решению.

Нелегко было Марии Федоровне отпустить своего мужа на войну, тем более, что в это время она ожидала приращения семейства. Несомненно, она была ангелом-хранителем Павла, удерживая его от вспышек гнева, доходивших иногда до бешенства, и неосновательной подозрительности.

Участие Павла в войне было слишком слабо, и он вернулся, не пожав победных лавр. Возвратившись в Гатчину, великий князь окончательно погрузился в мелочи своего военного гатчинского дела, признавая все более подобное занятие важнейшим для государства занятием. «Тактика прусская и покрой их военной одежды составляют душу его воинства, служба вся полагалась в присаленной голове, сколь можно больше, коротенькой трости, не просторной по величине шляпе, натянутых сапогах выше колена и перчатках, закрывающих локти…» Нередко можно было наблюдать повторение анекдотов Фридриха, но с павловским оттенком. Так, «Фридрих Второй во время семилетней войны одному из полков, в наказание оказанной им робости, велел отпороть тесьму с их шляп. Гатчинский подражатель одному из своих батальонов, за неточное выполнение его воли, велел сорвать петлицы с их рукавов и провести в пример другим через кухню в их жилища. Запальчивость наследника проявлялась при всех учениях. За ничто офицеров сажали под стражу, лишали чинов, помещая в рядовые, и потом толикая ж малость приводила их в милость» (Пишчевич).

> «Это были, по большей части, люди грубые, совсем необразованные, сор нашей армии, выгнанные из полков за дурное поведение, пьянство или трусость, эти люди находили убежище в гатчинских батальонах и там,

добровольно обратись в машины, без всякого неудовольствия переносили брань, а, может быть, иногда и побои. Между сими людьми были и чрезвычайно злые. Из гатчинских болот своих они смотрели с завистью на счастливцев, кои смело и гордо шли по дороге почестей. Когда, наконец, счастье им также улыбнулось, они закипали местью: разъезжая по полкам, везде искали жертв, делали неприятности всем, кто отличался богатством, приятною наружностью, или воспитанием, а потом на них доносили» (Шильдер). Особенною же лютостью впоследствии прославился бывший прусский гусар, Линденер, назначенный по восшествии Павла на престол в генерал-майоры и инспекторы кавалерии. Это, по Растопчину, «пошлая личность, надутая самолюбием, выдвинутая вперед минутною прихотью великого князя. Этот человек очень опасен, будучи подозрителен и недоверчив, тогда как властелин легковерен и вспыльчив! Тем не менее этому хаму удалось погубить сотни неповинных людей».

Сам Павел шел по наклонной плоскости и к 1789 году о нем у всех составлялось самое невыгодное мнение. Так, Segur говорит, что Павел желал нравиться; он был образован, в нем замечалась большая живость ума и благородная возвышенность характера. Но вскоре в нем можно было усмотреть беспокойство, суетливость, недоверчивость, крайнюю впечатлительность, словом, те странности, которые впоследствии послужили причиной его ошибок, несправедливостей и его несчастий… Склонный к увлечениям, он необыкновенно быстро кем-либо увлекался, но затем так же легко и забывал о нем. История всех царей, низложенных с престола или убитых, постоянно его преследовала и ни на минуту не покидала. Эти воспоминания возвращались, точно привидение, которое, беспрестанно преследуя его, расстраивало его мысли и затемняло разум.

Позже тот же Segur говорит, что Павел с большим умом и познаниями соединяет самое беспокойное, самое недоверчивое настроение духа и в высшей степени подвижной характер. Часто любезный до фамильярности, он еще чаще бывал высокомерен, деспотичен и суров; быть может, никогда еще не являлся человек более легкомысленный, более трусливый, более своенравный, словом, человек мало способный составить счастье других или свое собственное. В свое царствование он совершил столько несправедливостей и подверг опале или ссылке такое множество людей, но все не под влиянием злости, а вследствие своего рода

умственного расстройства. Он мучил всех тех, кто был ему близок, потому что постоянно сам мучился. Престол постоянно казался ему окруженным опасностями. Страх помутил его разум. Своими воображаемыми опасностями он создал действительные, потому что монарх, проявляющий недоверие к другим, в конце концов возбуждает недоверие к себе, и боящийся других возбуждает страх к себе. Печальная судьба его отца составляла его фиксированную идею.

Преданный Павлу Растопчин дает о нем такой отзыв: «… невозможно без содрогания и жалости видеть, что делает великий князь-отец, – он как будто бы изобретает способы внушить к себе нелюбовь. Он задался мыслью, что ему оказывают неуважение и хотят пренебрегать им. Исходя отсюда, он привязывается ко всему и наказывает без разбора. Замечательно то, что он никогда не сознает своих ошибок, продолжает сердиться на тех, кого обидел.

… Великий князь всюду находит якобинцев. При получении вестей о революции во Франции он говорил сыновьям: видите, дети мои, с людьми следует обращаться, как с собаками…»

В течение долгих лет проживал он чуть не изгнанником в загородных дворцах, окруженный шпионами. Поэтому он был подозрителен, резок и странен до чудачества. Несомненно, его странности, страстные, а подчас жестокие порывы намекали на ограничение и недостаточность ума и сердца… Всемогущество, которое кружило и остальным головы, совершило остальное…»

Императрица относилась к Павлу с холодностью и страстью и проявляла отчуждение, граничащее с неприличием, чему, конечно, вторили царедворцы. Таким образом Павел влачил жизнь без занятий в течение 35 лет.

Несмотря на безграничную и материнскую любовь Марии Федоровны к Павлу, последний далеко не всегда ей платил тем же. Особенно резко выдается его любовь и привязанность к Екатерине Ивановне Нелидовой. Последняя не обладала красотой, была умна и этим подчиняла Павла. Одно это поразило Марию Федоровну, когда дошло до императрицы. Е. И. Нелидова ушла в Смольный монастырь. В это же время стал выдвигаться ловкий турчонок Кутайсов, который, овладев Павлом, сумел пройти лестницу от брадобрея до всесильного временщика графа Кутайсова.

Сумрачный цесаревич даже в среде семьи сделался суров и подозрителен до такой степени, что никто не мог поручиться за себя даже за завтрашний день: запальчивость и резкость Павла не знала пределов, когда ему казалось, что ему не повинуются или осуждают его действия (Е. С. Шумигорский).

Нужно сказать правду, что и мать была не права по

отношению к Павлу. Она относилась к нему пренебрежительно и даже оскорбительно-презрительно. А раз проявляла такие отношения императрица, то ее приближенные не теряли возможности проявить по отношению к опальному все качества Хама, а вслед за ними и низший персонал достойно играл роль лягающего осла. Все это не могло не доводить Павла до белого каления.

В 1793 году женился сын Павла – Александр. Это радостное событие для отца было тягостно для Павла. Опасность лишиться престола возникала еще с большею силою. Павел стал несдержан. Гнев против императрицы дошел до того, что сначала он не хотел даже присутствовать при бракосочетании сына. Рассудок его затемнялся все более и более.

Было над чем задуматься и императрице. Она, ссылаясь на нервы и неспособность великого князя Павла, решила устранить его от престола и передать престол старшему его сыну Александру.

Екатериною и ее приближенными решено было, что Павел будет устранен от престолонаследия, если откажется присягнуть конституции уже начертанной… и обозначающей великую хартию, благодаря которой верховная власть императора перестала бы быть самодержавною (Н. А. Саблуков).

Скоро наступившая кратковременная болезнь императрицы унесла Екатерину II. Павел стал императором. Это было 6 ноября 17 96 г.

Ночью в три часа прискакал к наследнику граф Зубов с каким-то важным известием. Это слишком взволновало Павла. Говорят даже, что Павел при этом произнес по отношению к супруге: «Ma chere, nous sommes perdus». Он полагал, что Зубов явился арестовать его.

Неожиданное известие об ударе с императрицею так подействовало на великого князя, что Кутайсов впоследствии раскаивался, что не пустил в тот момент великому князю кровь…

Около 9 часов вечер а Павел был в Зимнем дворце. Его там встретили великие князья Александр и Константин в мундирах своих гатчинских батальонов. Его встречали уже как государя.

6 ноября, утром, императрица еще дышала, а Павел уже начал расправу, князю Барятинскому было велено ехать домой, а его дело вести Шереметеву. Императрицы Екатерины прах еще не остыл, а гатчинцы уже носились по дворцу, развернув свои качества во всей прелести…

Несомненно, с восшествием на престол Павла нужно было во всем порядке государственной и особенно придворной жизни ожидать резких перемен.

Слишком не сходились во взглядах на жизнь Екатерина и Павел. Несмотря на то, что Екатерина способствовала многому дурному в государстве, несмотря на то, что Павел искренно желал добра своей родине, быстрота и стремительность в действиях Павла были причиною тому, что самые добрые его начинания закончились злом и для государства, и для окружающих, и для него самого.

Депеши Стединска к шведскому королю в первое время царствования Павла полны похвал императору. Император имеет много достоинств и держит себя до странности непринужденно; часто в поступках его проявляется справедливость и доброжелательность. Трудолюбие монарха казалось поразительным и влияло на других, заставляя их следовать его примеру (Брикнер).

Но его губил его характер. Его запальчивость, неосторожная прямолинейность, полное забвение в выборе средств при достижении восстановления попранной справедливости и полное пренебрежение впечатлением, производимым на окружающих его деятелей при достижении самых лучших целей, все это очень и очень вредило ему. Павел не умел управлять собой, не владел своими чувствами, а это вредило не только ему, но и его делу. В горячке пробудившихся страстей он утрачивал чувство меры, спокойное понимание окружающей обстановки, и, что важнее всего, в его действиях на первый план выступали мелочи, затемнявшие сущность дела, а иногда его уничтожавшие.

К несчастию, ближайшие помощники Павла, люди пользовавшиеся его доверием и получавшие от него великие суммы и богатые милости, были люди большею частию подлые и недобросовестные. Их ненавидели и презирали, и они-то много способствовали гибели Павла.

> «Ряд ошибок и грубых выходок правительства в значительной доле объясняется тем, что находилось много лиц, не менее ограниченных, деспотичных, грубых, несдержанных, а может быть, и не менее невменяемых, чем сам император. Высшие сановники принуждены были выносить с невозмутимым спокойствием самые страшные унижения»
>
> *(Брикнер).*

Особенно же много вредила деяниям Павла быстрота действий его, не останавливавшаяся ни перед чем…

Воронцова-Дашкова говорит следующее.

С первой минуты своего восшествия на престол Павел

обнаружил яростную ненависть и презрение к памяти своей матери; он спешил опрокинуть все, что она успела сделать. Благоразумные меры ее политики сменились самыми произвольными и безумными капризами. Назначения и увольнения от общественных должностей следовали так быстро, что едва газета успевала объявить об определении известного лица, как его опять лишал места произвол императора. Нередко должностной человек не знал, к кому должно обратиться. За общим ужасом, распространенным безнаказанным злоупотреблением деспота, последовало роковое оцепенение, угрожавшее ниспровержением основного двигателя всех добродетелей – любви к отечеству.

Особенно восчувствовала на себе тяжкую руку Павла гвардия. Вахтпарады по-гатчински начались уже на следующий день, и здесь горе было всем, кто останавливал на себе внимание Павла. Гатчинские офицеры явились учителями гвардии, а разница была огромная между теми и другими, причем гатчинцы во всем стояли неизмеримо ниже.

Роскошный пышный двор императрицы Екатерины быстро преобразился в огромную кордегардию. От появления гатчинских любимцев в Зимнем дворце немедленно все приняло другой вид: шумели шпоры, ботфорты и тесаки; в покои с великим шумом ворвались военные люди, как по завоевании победители. Люди мелкие, никому дотоле не известные всюду бегали, распоряжались и повелевали.

Сам император начинал работу с 6 часов утр а, а потому и весь деловой Петербург начинал с этой поры свою жизнь. Кипучая работа императора коснулась всего. Прежде всего было объявлено гонение на круглые шляпы, отложные воротники, фраки, жилеты, сапоги с отворотами и панталоны. Особенное гонение было воздвигнуто на жилет. Император утверждал, что жилеты вызвали французскую революцию. В крепость попадали и за слишком длинные волосы, и за слишком длинный кафтан и проч. Все должны были носить башмаки, косички и употреблять пудренье волос. При встрече с императорской фамилией все должны были останавливаться и выходить из экипажа на поклон. Можно себе представить, сколько было дела у полиции…

Сотни полицейских бегали по улицам, срывали круглые шляпы, обрезывали фалды фраков, жилеты и отложные воротники обрывали. Не менее терзаний и мучений было и с военною формою.

> «Деспотизм, обрушившись на все и коснувшись самых незначительных сторон обыденной жизни, дал

почувствовать себя тем более болезненно, что он проявлялся после целого периода полной личной свободы»

(Саблуков).

Одно понятие – самодержавие, одно желание – самодержавие неограниченное – были двигателями всех действий Павла. В его царствование Россия обратилась почти в Турцию (Корф).

Павел Петрович был горяч в первом движении до исступления. Личное самовластие в непременном исполнении самым скромным образом его воли, хотя бы какие дурные последствия от того ни произошли, было главным его пороком. Он не столько полагался на законы, сколько на собственный свой произвол.

Павел заботился о правосудии и беспощадно преследовал всякие злоупотребления, особенно лихоимство и взяточничество… На Павла нельзя было иметь влияния, так как он, почитая себя правым, с особенным упорством держался своего мнения и ни за что не хотел отказаться. Он был чрезвычайно раздражителен и от малейшего противоречия приходил в такой гнев, что казался совершенно исступленным.

«Служить, особенно военным, стало невыносимо. Каждое утро, от генерала до прапорщика, все отправлялись на неизбежный вахтпарад, как на лобное место. Никто не знал, что его там ожидает: быстрое возвышение, ссылка в Сибирь, заточение в крепости, позорное исключение со службы или даже телесное наказание… Все эти уничижительные, несоразмерные и необыкновенные меры отвратили дворянство совершенно от службы. Упал дух, сделалось роптание»

(Голицын).

Офицеры, отправляясь на парады, брали с собою деньги, так как никто не знал, вернется ли он домой или прямо отправится в ссылку. Поэтому почти все офицеры спешили выйти в отставку. Из 132 офицеров конного полка до конца царствования Павла осталось только два.

Доносы достигли самых широких размеров. Желая еще более поощрять это дело, император приказал выставить ящик у Зимнего дворца, – ящик этот, однако, был скоро снят, так как в нем часто стали получаться пасквили, карикатуры и далеко не одобрительного содержания письма для самого Павла.

Свою месть за все прошлое Павел прежде всего изливает в

том, что коронует мертвого Петра III и хоронит его вместе с Екатериною. При этом весьма жестоко обходится со всеми оставшимися участниками переворота 1762 г.

Особенное гонение было воздвигнуто на приближенных Екатерины. Дашкова среди зимы выслана была из Москвы и претерпела много страданий в своих скитаниях. Алексей Орлов, чесменский герой, был выслан за границу. Зубову сначала оказано было внимание и даже как бы почет, но затем он также был выслан за границу. Собственно говоря, в отношениях к Зубову видна резкая болезненная непоследовательность в решениях Павла. Нужно правду сказать, граф Зубов был по отношению к Павлу, при жизни Екатерины, особенно резок, дерзок и груб. Передают такой факт. Однажды за обедом у государыни Екатерины шел общий разговор. Наследник Павел молчал. Императрица, желая втянуть его в разговор, спросила, к какому мнению он присоединяется. Павел ответил, что он согласен с мнением графа Зубова.

– А разве я сказал какую-нибудь глупость? – возразил на это Зубов…

И вот после всего этого император Павел все забывает, дарит Зубову дом, едет к нему на новоселье, а затем, подобно многим другим, высылает его за границу.

Рядом с этими карами следовали и милости, в виде возврата сосланных или заключенных в царствование императрицы Екатерины. Были возвращены: Радищев, Новиков и др. С большим почетом были освобождены из крепости Костюшко, Немцевич и Потоцкий, причем Костюшке было пожаловано 1000 душ крестьян.

Тяжко вспомнить унижение и жестокое притеснение императором Павлом знаменитого нашего полководца и героя Суворова. Естественно было ожидать, что этот знаток и создатель военного дела не одобрит начинаний Павла. Так оно и было. Уже великие заслуги Суворова в прежнее царствование могли почесться за преступность со стороны Павла. На него смотрели как на человека беспокойного, а потому и вредного. А кроме того, Суворов всегда не чист был на язык, что в век доносов совсем не безопасно. А Суворов говорил:

«Я лучше прусского покойного великого короля, я, милостию Божиею, баталий не проигрывал. Русские пруссаков всегда бивали, что же тут перенять… это невозможно». «Нет вшивее пруссаков: пудра не порох, букли не пушки, коса не тесак, я не немец, а природный руссак», – писал тот же Суворов. Критиковал он и шагистику павловских войск, находя, что они шагают не широко и потому дальше будут от неприятеля. Знаем мы

поведение Суворова и на разводах императора Павла, а равно и судьбу Суворова…

Собственно говоря, гнет царствования Павла отразился главным образом на придворных, вельможах и дворянах; прочие же сословия не только не страдали, а крестьяне и военные нижние чины даже получили облегчение. Особенно большую службу справедливости сослужил ящик, установленный у дворца, куда каждый бросал свою жалобу. «Этим путем обнаружились многие возникшие несправедливости, а в таковых Павел был непреклонен. Никакие личные или сословные соображения не могли спасти виновного от наказания, и остается только сожалеть, что Его Величество действовал иногда слишком стремительно и не предоставлял наказание самим законам, которые наказали бы виновного гораздо строже, чем делал это император, а между тем он не подвергался бы нареканиям, которые влечет за собою личная расправа… В продолжение существования ящика невероятно какое существовало правосудие во всех сословиях и правомерность. В первый год царствования Павла народ блаженствовал, находил себе суд и расправу без лихоимства: никто не осмеливался грабить и угнетать его, все власти предержащие страшились ящика… Павел стремился поставить перед законом всех равными. Все низшие сословия, крестьяне и воинские нижние чины могли вздохнуть свободней…» (Е. С. Шумигорский). Но ящик сумели уничтожить…

Гатчинцы – офицеры, лучше всех умевшие расправляться палкой, большею частью люди темного происхождения, пользовавшиеся доверием Павла, должны были служить теперь образцом для всей армии. Павел ценил таких злодеев, как Линднер и Аракчеев, несмотря на их грубость, а именно за их грубость…

> «Высшие назначения получали люди еле грамотные, совершенно необразованные, никогда не имевшие случая видеть что-нибудь, способствующее общему благу, они ничего не делали, кроме военных упражнений, ничего не слышали, кроме барабанного боя и сигнальных свистков. Лакею генерала Апраксина, Клейнмихелю, поручено было обучать военному искусству генерал-фельдмаршалов…»
>
> *(Брикнер).*

Но больше всего Павлу вредила та чрезвычайная поспешность и необдуманность, с которою он приводил свои решения в исполнение, не задумываясь над средствами, способами,

последствиями и проч.

А между тем выходки за выходками следовали со стороны Павла и никто не мог удержать его. Тогда вспомнили об Е. И. Нелидовой и извлекли ее из монастыря. Сама императрица заключила союз с Нелидовой с целью охраны императора. И, действительно, ею многое было предотвращено и многое исправлено. Так, благодаря только ее вмешательству, остался существовать орден Георгия, на который Павел намерен был наложить свою руку. И нужно сознаться, Нелидова никогда не злоупотребляла своим влиянием на Павла, хотя бывали случаи, что ее башмачок летел вдогонку за Павлом… Во внешней политике Павел также принял систему, противную екатерининской, и делал обратное тому, что делала Екатерина, хотя бы это было совершенно противно интересам России.

Памятуя обстоятельства жизни своего родителя, император Павел спешил короноваться, и коронование произошло 5 апреля, в день св. Пасхи, при этом прочитан был манифест о престолонаследии по мужской линии, в котором впервые император назван главою церкви. Манифест этот заключен был в особый, заранее заготовленный, серебряный ковчежец и положен на престол храма. Многие и щедрые милости пали на приближенных императора, и во многих случаях даже незаслуженные.

Как император, так и императрица были очень довольны своим коронованием, и это довольство было видимо для всех. Казалось, они предчувствовали недолговечность своего царствования и спешили насладиться своим положением…

Это не избавляло, однако, от проявления злобы его и теперь, особенно по отношению к лицам, пользовавшимся милостями императрицы Екатерины. Так, вскоре после коронации, после одного удачного вахтпарада, император потребовал адъютанта Екатеринославского полка. «Император подошел ко мне очень близко, – пишет бывший адъютант Тургенев, – и начал меня щипать… щипанье было произведено несколько раз, от которого брызгали у меня из глаз слезы, как горох. Очи Павла Петровича, казалось мне, блистали, как зажженные свечи; наконец, он изволил повелеть мне сими словами:

– Скажите в полку, а там скажите далее, что я из вас потемкинский дух вышибу, а вас туда зашлю, куда ворон костей ваших не занесет!

Повторив пять или шесть раз то же, продолжая щипанье, изволил сказать:

– Извольте, сударь, отправиться в полк». Поворачиваясь, адъютант задел концом палаша по ногам Павла, причем

продолжал по-ефрейторски маршировать. Вместо проклятий он, однако, услышал:

– Бравый офицер, славный офицер!..

В течение времени пребывания в Москве Павлу очень понравилась девица Лопухина, которая вскоре с семейством переехала в Петербург, где заняла видное место и при дворе…

На Павла можно было иметь влияние, но не путем противоречия, а путем поддакивания. Так, при возврате его в Петербург, крестьяне Храповицкого подали государю слезную жалобу на своего помещика. Павел был возмущен и распорядился отдать приказ – расстрелять Храповицкого.

Подъезжает Безбородко. Обращается государь к нему:

– Как вы думаете, хорошо ли я сделал, что приказал Храповицкого расстрелять?

– Достодолжно и достохвально, государь.

– Вот видите, что говорит умный человек, а вы чего все испугались?

Подождав немного, Безбородко продолжал:

– Только, государь, Храповицкого надо казнить по суду, чтобы все знали, что ослушника повелений государя карает закон.

Государь согласился, и Храповицкий был спасен.

Петрушевский прав совершенно, говоря, что Павел сам был первым и злейшим себе врагом, в нем самом заключаются особенности тогдашнего правительства.

Насколько Павел был болезненно о себе преувеличенного мнения, доказывается следующим фактом: едучи по морю на корабле, он увидел планы судна и начал расспрашивать об его устройстве, о чем не имел ни малейшего представления. Выслушав, он заявил:

– А если я захочу, чтоб корабли иначе построились, нежели здесь изображено?

– Но это невозможно.

– Я хочу, чтоб делали то, что я хочу. Этим противоречием себе он остался очень недоволен. Вскоре назначены были маневры сухопутным войскам. Во время этих маневров Павел по ночам не раздевался, дабы при нечаянном нападении неприятеля быть готовым к сражению. Представляя сам по себе проявление крайностей и неожиданностей, Павел нередко поддавался на смелые и неожиданные ответы и улыбался при этом там, где другой раз разнес бы вдребезги. Однажды во время маневров император послал одного офицера для разведки в лес. Офицер замешкался. За ним послали другого. Ожидая беду, офицер отвечал посланному:

– Скажите государю, что я убит. Государь расхохотался.

Был и другой случай. На разводе государь гневается на офицера.

– В армию, в гарнизон его!

Офицера схватили и уводят. Офицер в отчаянии воскликнул.

– Из гвардии да в гарнизон, ну, уж это не резон!..

Император рассмеялся и простил.

Император – сама неожиданность. Вот что писал великий князь Александр Павлович. «Первые шаги его были блестящи, но последующие события не соответствовали им… Существует только неограниченная власть, которая все творит шиворот-навыворот. Невозможно перечислить все те безрассудства, которые были совершены; прибавьте к этому строгость, лишенную малейшей справедливости, большую долю пристрастия и полнейшую неопытность в делах».

Оба великие князя смертельно боялись отца и, если он смотрел сердито, – бледнели и дрожали, как осиновый лист. Что сказать о прочих? Каждый смотр мог быть роковым для каждого действующего лица. У каждого наготове был чемоданчик для немедленной отправки на поселение или в Сибирь. Несколько жандармских троек всегда было наготове. Малейший гнев государя, и слышалось слово «в Сибирь». Несчастного хватали, бросали в кибитку и мчали по назначению, а за ним летел слуга с заготовленным чемоданчиком. Военная строгость бывала неимоверна; высылка, крепость и Сибирь расточались весьма щедро. Бывало далеко не в редкость, что несколько генералов сидело на гауптвахте. В Сибирь летели и в одиночку и в обществе. Был такой случай.

Во время парада гвардии на Царицыном лугу почему-то недовольный Измайловским полком Павел закричал:

– Слушай, полк! Направо кругом – марш… в Сибирь!.. И полк во всем составе церемониальным маршем двинулся в Сибирь. Только благодаря заступничеству добрых людей его вернули назад уже из-под Новгорода.

В гневной вспышке Павел решил уничтожить все Донское казачество. Под предлогом поддержки политики Бонапарта, Павел решил послать казаков тревожить с тыла индийские владения англичан. На самом деле император рассчитывал, что при продолжительном зимнем походе болезни и военные случайности избавят его окончательно от казачества. Предлог и истинная цель экспедиции должны были храниться в великой тайне (княгиня Д. Х. Ливен).

В действиях и поступках Павла системы не существовало, во всем был случай, было лишь настроение. Вот примеры:

Однажды зимою Павел ехал кататься в санях. На дороге встречает офицера навеселе и покачивающегося.

– Вы, господин офицер, пьяны, – гневно сказал государь, – становитесь на запятки моих саней!

Офицер, дрожащий от страха, стал. Куда и хмель девался. Едут по одной из улиц – попадается нищий.

– Стой! – кричит офицер.

Император удивленно оглянулся. Кучер остановился. Офицер встал, подошел к нищему, дал ему монету и опять возвратился на свое место. Государю это понравилось.

– Господин офицер, какой ваш чин?

– Штабс-капитан, государь.

– Неправда, сударь, капитан.

Проехав несколько улиц, государь опять спрашивает:

– Господин офицер, какой ваш чин?

– Капитан, ваше величество.

– Ан нет, неправда, майор.

– Майор, ваше величество.

На возвратном пути Павел опять спрашивает:

– Господин офицер, какой ваш чин?

– Майор, государь.

– А вот неправда, сударь, подполковник.

– Подполковник, ваше величество.

Подъехали ко дворцу. Офицер соскочил, подошел к государю и сказал ему возможно вежливее:

– Ваше величество, день такой прекрасный, не угодно ли прокатиться еще по нескольким улицам?

– Что, господин подполковник, вы хотите быть полковником?… А вот же нет, больше не надуешь, довольно с вас и этого чина.

С этим государь ушел во дворец. Вот другой случай.

В Петербург приехал доверенный черниговского дворянства, чтобы представить государю нескольких молодых дворян этой губернии, желавших поступить на службу.

Павлу это очень понравилось, и он сказал ему:

– Сто душ!

Тот, благодаря за милость, упал на колени и, поклонившись до земли, остался лежать, не подымая головы.

– Мало? – двести.

Тот продолжал лежать.

– Мало? – Триста!

Тот лежит.

– Мало? – Пятьсот!

Хохол ждал тысячи и лежал.

– Мало? Ни одной!..

В это время орден рыцарей св. Иоанна Иерусалимского, теснимый республиканскими французами, решил просить защиты императора Павла. В душе великий мечтатель, император Павел быстро сдался на эту просьбу, принял на себя звание великого магистра ордена и самый орден под свою защиту.

Это обстоятельство, однако, втянуло Россию в войну с республиканской Францией. Франция, свергающая царей и отстаивающая свободу в широком смысле слова, давно уже была не по душе Павлу. Поэтому нисколько не удивительно, что император Павел легко поддался на предложение Австрии и Италии войти в союз против Франции, в которой «развратные правила и буйственное воспаление рассудка» попрали закон Божий и повиновение установленным властям. Единственное было неприятное во всем этом деле обстоятельство для Павла – это то, что пришлось обращаться к Суворову – грубияну и порицателю павловских армейских затей…

Мы знаем отношения императора Павла к Суворову, знаем и великие лавры, которыми покрыла себя знаменитыми боевыми подвигами русская армия под управлением гениального полководца, – знаем и ту черную и жестокую неблагодарность, которою Павел отплатил несчастному умирающему герою-воину. Граф Кемеровский говорит о слышанном им мнении наследника престола Александра Павловича, что государю завидно было, что князь Суворов приобрел такую славу, а не он сам; от сего в нем родилась зависть и ненависть ко всем, служившим в сей знаменитой кампании. Сам великий князь Константин, сподвижник Суворова, не избег немилости Павла… Тяжело вспоминать об этом…

Второе лицо, с которым император Павел вынужден был быть любезным и в силу тех же обстоятельств, – это контр-адмирал Чичагов.

Нужно было послать флот к берегам Англии. Англия просила, чтобы управление флотом было поручено известному адмиралу Чичагову. Был вызван Чичагов.

Утром на вахтпараде государь принял его очень милостиво и ласково. Надлежало Чичагову явиться сегодня же во дворец к государю. За это время успели государю наговорить на Чичагова всякие гадости, а главное, что он намерен перейти на английскую службу. Император был гневен. Как только вошел Чичагов к государю, тот закричал на него:

– Вы не хотите мне служить, вы желаете служить иностранному принцу?… Я знаю, что вы якобинец, но я разрушу ваши идеи! Уволить его в отставку и посадить под арест…

Возьмите шпагу его… Снимите с него ордена!

Адмирал спокойно и с достоинством снял с себя регалии, передал адъютантам. Но Павел кипел и гнев его еще больше возрастал.

– Отослать его в деревню с запрещением носить военную форму… Нет, снять с него ее теперь же!..

Флигель-адъютанты бросились и мигом раздели Чичагова до белья. Опасаясь, что император, повышая наказания crescendo, дойдет до Сибири, Чичагов хладнокровно обратился к флигель-адъютантам с заявлением – возвратить ему бумажник, оставшийся в мундире.

– Уведите его, – наконец закричал император. И его увели в белье через залы, наполненные царедворцами, которые еще за несколько минут перед тем поздравляли его с монаршей милостью… Наконец, на пути несчастного адмирала догнали с приказанием императора посадить его в Петропавловскую крепость.

В крепости Чичагов заболел тифом и находился при смерти. Императору успели доложить, что адмирал смирился и раскаялся. Император простил невинного и приказал:

– Извольте навестить господина контр-адмирала Чичагова и объявить ему мою волю, чтобы он избрал любое: или служить так, как долг подданнический требует, без всяких буйственных сотребований, и идти на посылаемой к английским берегам эскадре, или остаться в равелине.

Чичагов выбрал первое.

– Позабудем все, что произошло, – заявил государь при новой встрече с Чичаговым, – не будем больше об этом думать. А все-таки я не понимаю, как вы могли так поступить, в особенности с этим, – указывая на георгиевский крест на мундире адмирала. – Знаете ли вы, на что похож ваш поступок? Это точно я бы напился пьян и стал бы танцевать в этом состоянии… Если вы якобинец, то представьте себе, что у меня красная шапка, что я главный начальник всех якобинцев, и слушайте меня…

– Я знаю, – отвечал адмирал с достоинством, – что вы носите корону, которую нельзя сравнить с красною шапкой и которой, по моим принципам, следует повиноваться.

– В таком случае я вам сейчас дам поручение, позабудем все, что произошло, и останемся друзьями.

Чичагов уехал к английским берегам.

Был и еще раз Чичагов в опасности попасть в крепость и, как и первый раз, спас его Пален.

Готовясь к войне с Англией, император собрал военный совет, куда был приглашен и Чичагов. Государь изложил совету

свой план защиты Кронштадта. Граф Пален все время поддакивал: Sehr militarisch Ihre Majestat. Между тем никто из присутствующих ничего не понимал из произносимого Павлом. Окончив, император спросил:

– Что же вы скажете на все это? Я вам позволяю, говорите откровенно.

Чичагов хотел было говорить. К счастью, император зачем-то вышел. Тогда Пален налетел на Чичагова:

– Ради Бога, мой милый адмирал, образумьтесь. Я чувствую ваши намерения, но здесь можно говорить только *да* и *очень хорошо*…

По возвращении императора Чичагов заявил, что он ничего не имеет против плана императора и думает, что если англичане войдут в залив, то никак уже не выйдут. После этого император заметил:

– Он исправился, тюрьма ему принесла пользу.

А вот интересный приказ императора 8 февраля 18 00 г.: «Объявить в пример другим *строжайший выговор умершему генералу Тренгелю…»* Приказ, напоминающий приказ императора Петра III, чтобы все больные матросы вылечились…

Говорят, что, по приказанию Павла, обер-полицеймейстер издал такой приказ: объявить всем хозяевам домов с подпискою, чтобы они заблаговременно, а именно за три дня, извещали полицию, у кого в доме имеет быть пожар!

Запрещено было ввозить из-за границы какие бы то ни было книги, цензура дошла до того, что в церковной песне «На Божественной страже» приказано было одним усердным администратором, ввиду того, что Павел запретил употреблять слово *стража,* а вместо него приказал произносить *караул,* слово «страже» заменить словом «карауле»…

Атмосфера становилась слишком тяжелой. Все сословия и все слои общества были вооружены и раздражены. Даже простой народ роптал и считал его нашим Пугачевым… Приближалась какая-то развязка. Это чувствовали даже императрица Мария Феодоровна и Е. И. Нелидова.

А между тем император продолжал странности. Так, одною из мер, которою он считал возможным покончить европейскую войну, было предложение покончить распри поединком государей. Об этом он приказал напечатать в газетах заявление и оно было напечатано. Вот оно:

> «Нас извещают из Петербурга, что русский император, видя, что европейские державы не могут согласиться между собою, и желая положить конец

войне, уже одиннадцать лет терзающей Европу, намерен предложить место, в которое он пригласит всех прочих государей прибыть – и сразиться между собою на поединке, имея при себе в качестве приспешников судей поединка и герольдов самых просвещенных своих министров и искуснейших генералов, как гг. Тугута, Питта, Бернсторфа; причем он сам намерен взять с собою генералов Палена и Кутузова; не знают – верить ли этому; однако же известие это, по-видимому, не лишено основания, ибо носит отпечаток тех свойств, которые часто ему приписывали».

А. Петрушевский вот как характеризует Павла к тому времени: «Не сдерживаемая никакой внутренней силой прихоть, или увлечение минуты, или упрямство, или все это в совокупности заступало в Павле место серьезного убеждения, а непомерная экзальтация раздувала всякую идею, им овладевавшую, до изумительного увлечения. Впечатлительность, восприимчивость Павла I дошли до такого развития, что настроение его духа никогда не было спокойным и государь постоянно вращался в крайностях, доходя до безграничного великодушия, то до неудержимой страсти, то, наконец, до какой-то слепой ярости. Перемены в нем были беспрестанные, неожиданные и чрезвычайно резкие; чем сильнее было возбуждение, тем круче наступала реакция. Изменчивость эта была тем бедственнее, что каждое движение больной души Павла Петровича тотчас же переходило в дело и решение приводилось в исполнение с такою бурною стремительностью, как будто отсутствие подобного успеха способно было нанести прямой ущерб авторитету верховной власти.

Англичанин Витворт говорит: с тех пор, как Павел вступил на престол, психическое расстройство его стало постепенно усиливаться… В этом обстоятельстве кроется роковая причина многого, что случилось, и та же причина вызовет новые выходки, которые придется оплакивать.

Роджер также заявляет, что Павел Петрович потерял способность правильно мыслить и различать добро от зла.

И. М. Долгоруков великодушно заявляет: простим слабости человека, омраченного и потерявшего почти рассудок… Рассудок Павла был уже потемней, сердце наполнено желчи и душа гнева…

Кое-каким коррективом тяжелому общественному положению служило отношение к людям наследника, великого князя Александра Павловича, который по мере возможности старался облегчить впавших в немилость императора. Это не могло не

дойти до Павла, что озлобляло его и против своего сына, и против наследника престола. Случайное обстоятельство едва не причинило много беды. В Россию приехал племянник императрицы Евгений Виртембергский. Он так очаровал Павла, что последний не только хотел усыновить его, но и оставить своим заместителем.

Существует, однако, и иное мнение об Александре. Саблуков говорит: оба великие князья смертельно боялись своего отца, и, когда он смотрел сколько-нибудь сердито, они бледнели и дрожали, как осиновый лист. При этом всегда искали покровительства у других вместо того, чтобы иметь возможность самим его оказывать, как это можно было ожидать, судя по высокому их положению. Вот почему они мало внушали уважения и были непопулярны.

С каждым днем мрачное настроение и подозрительность Павла усиливались. Никто не мог поручиться за свою целость даже на день. Лучшие служилые люди отставлялись от должностей и ссылались в имения, а то и далее. Князь Оболенский пишет об этом моменте: не хочется из дому выйти, да и небезопасно… кажется, и Бог от нас отступился. Столица приняла небывалый, своеобразный вид: в 9 ч вечера, после пробития зари, по большим улицам перекладывались рогатки и пропускались только врачи и повивальные бабки. Все сознавали, что так долго тянуться не может.

За последний год подозрительность императора достигла чудовищных размеров. Простейшие случаи вырастали в его глазах в огромные заговоры, он гнал людей в отставку и ссылку по произволу. За последние шесть недель царствования свыше 100 офицеров гвардии были посажены в тюрьму. Подозрительность не пощадила и великих князей. Как-то после обеда император, никогда не бывавший у своего сына, Александра, вошел к нему и, осмотрев все столы, нашел перевод книги «Смерть Цезаря». Этого оказалось достаточно, чтобы утвердить подозрение Павла. Поднявшись в свои апартаменты, он розыскал историю Петра Великого и раскрыл ее на странице, описывавшей смерть Алексея. Развернутую книгу Павел приказал графу Кутайсову отнести великому князю и предложить прочесть эту страницу…

Над головою Павла собиралась гроза. Против него были все, за него – никто. Во главе движения был всемогущий граф Пален, обязанный своим всемогуществом именно Павлу. Почему он восстал против Павла? Боялся за свою целость.

Пален был человек очень умный, ловкий, хитрый, хладнокровный, мстительный и без всяких начал честности и порядочности. Получив оскорбление в начале царствования

Павла, Пален затаил это оскорбление и решил жестоко отмстить за него. Честолюбивый, энергичный и скрытный, он своею исполнительностью, наружным добродушием и фальшивою искренностью успел обворожить Павла и взять его в свои руки. Он именно создал планы повести Павла так, чтобы тот сам своими действиями погубил себя. Наталкивая Павла на жестокие и несправедливые поступки, Пален являлся не только точным, но и чересчур аккуратным их исполнителем. Мало того, Пален, желая возможно больше возбудить общество против Павла, всеми способами старался преувеличивать и извращать и без того резкие и странные выходки Павла. «Замечательно то, что самое спокойное время в 1800 г. в Петербурге было в сентябре и октябре, когда граф Пален был назначен командовать армией на прусской границе, а должность петербургского военного губернатора с 14 августа исполнял генерал Свечин». Весьма естественно, почему не было главного злодея заговора, ненавидевшего своею грязною душою сколько Россию, столько же и Павла… Составив план низвержения и убийства Павла, он вовлек в него Панина, многих других высокопоставленных лиц и даже сыновей императора, Александра и Константина, дав заведомо и предумышленно ложную клятву последним, что Павел не будет умерщвлен, а только вынужден дать отречение от престола. Пален успел вооружить Павла против жены и сыновей так, что Павел дал ему приказ, в случае необходимости, арестовать последних, причем немедленно довел об этом до сведения великих князей, желая еще более вооружить их против отца. Пален сумел так воздействовать на Павла, что тот сам выслал из Петербурга таких преданных ему людей, как Аракчеев, Саблуков и др. Пален составил партию убийц-заговорщиков из гвардии, сам подготовил их и послал на преступление, лично выступил с ними на грязное и позорное убийство императора, но обставил дело так, чтобы в случае неудачного выполнения преступного плана захватить посланных им же убийц и явиться спасителем императора, не щадя при том своих соучастников даже в лице наследника престола Александра и Константина. Когда же император был убит и его супруга императрица предъявила свои права на занятие престола и противилась воцарению Александра, то Пален не постеснялся указать ей на то, что если Павел не удержал своей венценосной головы, то некоторым другим и того легче лишиться ее. Наконец, когда он увидел, что возведенный на престол и опутанный им Александр не желает быть послушною марионеткою в его руках, то Пален дошел до дерзости пригрозить и последнему, что если не трудно возводить на престол людей, то еще легче бывает иногда и

низводить их… Но тут Пален прогадал и проиграл партию в своей бесконечно наглой, позорной и преступной игре. Пален был необыкновенно умный, наглый и подлый государственный интриган, заслуживший вполне приличное ему искреннее глубокое презрение в глазах каждого честного человека.

Интересно то, что и в этом подлом поступке, по-видимому, английское золото играло не малую роль…

Так как это было время самых распространенных доносов, то, естественно, что и об этом заговоре Павел проведал, а равно и об участии в нем Палена. Вот разговор императора с Паленом, переданный последним.

– Граф Пален, вы были здесь в 1762 году.

– Да, ваше величество, но что вам угодно сказать этим?

– Вы участвовали в заговоре, лишившем моего отца престола?

– Ваше величество, я был свидетелем переворота, а не действующим лицом; я был очень молод, я служил в низших офицерских чинах в конном полку, ничего не подозревая, что происходит. Но почему, ваше величество, задаете мне эти вопросы?

– Почему? Вот почему: потому что хотят повторить 1762 год.

Я затрепетал при этих словах, но тотчас оправился и отвечал:

– Да, ваше величество, хотят. Это я знаю и участвую в заговоре.

– Как, вы это знаете и участвуете в заговоре? Что вы мне такое говорите?

– Сущую правду, ваше величество, я участвую в нем или должен показать вид, что участвую, ввиду моей должности, ибо как бы я мог узнать, что намерены они делать, если бы не притворился, что хочу способствовать их замыслам. Но не беспокойтесь, вам нечего бояться: я держу в руках все нити заговора и скоро все станет вам известно. Не старайтесь проводить сравнений между вашими опасностями и опасностями, угрожавшими вашему отцу. Он был иностранец, а вы русский, он ненавидел русских, презирал их и удалил от себя; а вы любите их, уважаете и пользуетесь их любовью; – *он* не был коронован, а вы коронованы; он раздражил и даже ожесточил против себя гвардию, а вам она предана. Он преследовал духовенство, а вы почитаете его; в его время не было никакой полиции в Петербурге, а ныне она так усовершенствована, что не делается ни шага, не говорится ни слова помимо моего ведома; каковы бы ни были намерения императрицы, она не обладает ни гениальностью, ни умом вашей матери, у нее двадцатилетние дети, а в 1762 году вам было только семь лет…

– Все это правда, – отвечал он, – но, конечно, не надо

дремать.

Одновременно с тем Пален исходатайствовал себе чрезвычайные полномочия на случай всяких возможных происшествий. Этими полномочиями он и воспользовался в свое время.

Я позволю себе привести мнения близких людей о Павле в последнее время его царствования.

«Современники замечали, что в течение четырехлетнего царствования Павла стало заметно ухудшение характера государя. Усиление цезарского безумия до крайних пределов увеличивало опасность, грозящую государству, подданным и лицам, окружавшим государя… К тому же окружающие Павла, которым была выгодна всякая перемена, так как за нею следовали повышения, потакали странным прихотям государя. Давным-давно уже возникли бы сомнения в умственной нормальности Павла, если бы от времени до времени не наступали такие периоды, когда он становился проницательным и начинал судить обо всем правильно и справедливо. В 1804 г. Пален после убийства говорит Ланжерону: в последнее время сумасшествие Павла стало кровожадным; никто из нас не был уверен хотя бы за один день своей жизни, скоро бы везде стали воздвигать плахи и вся Сибирь была бы населена несчастными…

Тот же Пален говорит: мы устали быть орудием подобной тирании, и так как мы видели, что безумие его день ото дня усиливалось и обращалось в жажду жестокости, то нам оставалась только одна альтернатива: или избавить мир от чудовища, или же вскоре увидеть себя, а может быть, и части императорской семьи (при любезном науськивании и содействии того же Палена), жертвами следующей ступени злобы. Из одного чувства патриотизма (скажите, какой патриот г. Пален!..) можно было подвергнуть себя, свою жену и своих детей риску самой страшной смерти, с целью вернуть счастье 20 миллионам людей угнетенных, измученных, сосланных, избитых и искалеченных… (Это говорит Пален, пославший к Павлу убийц и выжидавший, чем все кончится, чтобы при неудаче арестовать посланных им убийц.)

Кочубей писал Воронцову: страх, в котором все мы живем, неописуем. Люди боятся своей тени.

Бутурлин пишет: публика находилась между крепостью и орденом Св. Анны, между Сибирью и подарком в 1000 душ.

Не нужно забывать, что все это говорят Пален и другие лица или недовольные Павлом, или оправдывавшиеся в участии в заговоре.

Несомненно, в последние годы жизни Павла его душевное

состояние ухудшилось, но могло ли и быть иначе, с одной стороны, при его подозрительности, недоверии и мнительности, а с другой – при политике Палена, на всех науськивавшего Павла и умышленно все извращавшего и преувеличивавшего в распоряжениях Павла, чтобы озлобить против него всех.

Вот что говорит Розенцвейг о Палене: Пален до такой степени возбуждал недоверие Павла к сыновьям, что государь дал ему, как военному губернатору, письменное полномочие арестовать великих князей.

Относительно воздействия на В. К. Александра сам Пален говорит о себе Ланжерону: «Шесть месяцев занимала меня мысль о необходимости свергнуть Павла с престола; между тем эта цель казалась и действительно была недостижима без согласия и даже без содействия В. К. Александра. Я старался возбудить самолюбие Александра и пугал его альтернативой престола, с одной стороны и тюрьмы и даже смерти – с другой… Император погиб и должен был погибнуть. Я не был ни свидетелем, ни действующим лицом в его смерти».

Совершенно основательно замечает Ланжерон: странный ход мыслей, – он не был действующим лицом при убийстве Павла, но поручил совершить это дело Зубовым и Беннигсену…

1 февраля 1801 г. император Павел перебрался из Зимнего дворца в Михайловский дворец. 10 марта во дворце был французский концерт. Государь был задумчив и не обращал никакого внимания на концерт. Александр Павлович – очень озабочен, а государыня с беспокойством следила за супругом. Перед выходом к вечернему столу произошла такая сцена: император подошел к императрице и насмешливо смотрел ей в глаза, – при этом руки его были скрещенными и он тяжело дышал, что означало сильное его недовольство. То же самое он сделал по отношению к великим князьям Александру и Константину. После этого он подошел к Палену, что-то с зловещим видом шепнул ему и направился к столу. Трапеза прошла в гробовом молчании. После ужина император с насмешливой улыбкой отстранил от себя приблизившихся для благодарности императрицу и великих князей и, не поклонившись, быстро вышел. Все были взволнованы. Императрица плакала.

2 февраля, по обыкновению, происходил развод, на котором, против обычая, не было великих князей Александра и Константина. Государь был очень раздражен. После развода военный губернатор, граф Пален, приказал всем офицерам гвардии явиться к нему. Возвратившись от государя, Пален с мрачным и расстроенным видом сказал офицерам:

– Господа, государь приказал вам объявить, что он службою вашею чрезвычайно недоволен; что он ежедневно и на каждом шагу примечает ваше нерадение, леность и невнимание к его приказаниям и вообще небрежность в исполнении вашей должности; так что ежели он и впредь будет замечать то же, то он приказал вам сказать, что он разошлет вас всех по таким местам, где и костей ваших не сыщут. Извольте ехать по домам и старайтесь вести себя лучше.

Впечатление от сказанного легко себе представить. Великие князья Александр и Константин находились под домашним арестом и их приводили вновь к присяге на верноподданничество государю.

Вечером и за ужином император был очень весел и при этом заметил, что такая веселость у него всегда не пред добром.

После ужина император ушел, ни с кем не простившись и только произнесши слова: чему быть, тому не миновать.

Начальником караула в покоях императора был Саблуков, человек, глубоко уважавший Павла и всей душой преданный ему. Не в интересах Палена было иметь во дворце Саблукова, когда он готовился совершить злодеяние. Поэтому, с целью возможно скорее удалить Саблукова, Пален внушал Павлу, что Саблуков якобинец и человек очень ненадежный в политическом отношении. Павел знал лично Саблукова и был о нем иного мнения; но иезуитские нашептывания Палена не остались без влияния.

В одиннадцатом часу государь вновь вышел и, увидев начальника караула Саблукова, подошел к нему и сказал:

– Вы якобинцы…

Не нашедшись, что сказать, полковник отвечал:

– Да, государь.

– Не вы, а полк.

– Пускай еще я, но относительно полка вы ошибаетесь.

– А я лучше знаю. Сводить караул.

Караул был уведен. Засим государь вновь начал утверждать, что Конный полк все якобинцы, и приказал, чтобы полк немедленно был выселен из Петербурга в деревни.

– Ваш эскадрон будет помещен в Царском Селе. Два бригад-майора будут сопровождать полк до седьмой версты. Распорядитесь, чтобы полк был готов к выступлению в четыре часа утра в походной форме и с поклажей…

Затем, обращаясь к двум лакеям, одетым в гусарскую форму, но не вооруженным, он сказал:

– Вы оба займете этот пост, – и указал на дверь, ведущую в кабинет. Уваров все время улыбался за спиною императора.

Засим император с изысканной вежливостью поклонился и вышел.

Чему быть, тому не миновать…

Ночью действительно совершилось. Когда прибежал караул, призванный на спасение императора слугою, то этот караул был остановлен военным губернатором Паленом, который при этом заявил:

– Государь скончался апоплексическим ударом; у нас теперь новый император, Александр Павлович…

Новый государь, вышедши к караулу от Семеновского полка, объявил:

– Батюшка скончался апоплексическим ударом. Все при мне будет, как при бабушке…

Руководителем заговора был Пален. Преступление это им было предумышленно и заранее обдумано. Известно, что если кто жаловался Па-лену на императора, то он всегда говорил одно и то же: «Monsieurs, jean f… qui parle, brave homme qui agit».

В день убийства императора все участники офицеры ужинали сначала частями у Хитрово, Ушаковых, Депрерадовича и проч., а затем соединились все вместе. Было выпито слишком много вина и многие были пьяны более, чем следует. Под руководством Беннигсена и Платона Зубова убийцы отправились во дворец императора.

Беннигсен объявил императора арестованным, а пьяные офицеры окончили дело убийством. Говорят, что первый удар в висок был нанесен Николаем Зубовым крепким золотым портсигаром (Саблуков).

В исторических мемуарах Пален рисуется настоящим злодеем, не останавливающимся ни перед чем. Когда ему впоследствии мешала вдовствующая императрица, то он не постеснялся в выражении: «… я расправился с супругом, сумею отделаться и от супруги» (Ливен), недовольный же и императором Александром, «он позволил себе сделать намек на свою власть и на возможность возводить и низводить монархов с престола» (Саблуков).

Если Павел I был сыном Петра III, то вырождение первого должно быть сильнее второго.

Вырождение Павла сказалось во всем. Он, сын Екатерины, был маленького роста и проявлял во всем этом резко выраженную преждевременную старческую слабость и истощение. Его душевные качества, наряду с добрым проявлением, представляли резко выраженные и дурные качества. Он был беспричинно зол, бессмысленно зол, вспыльчив, раздражителен, суров, мелочен, горд, самомнителен, высокомерен и гневлив, гневлив особенно по

утрам. В приступе гнева, по Лопухину, император бледнел, черты его лица до того изменялись, что трудно было его узнать, ему давило грудь, он выпрямлялся, закидывал голову назад, задыхался и пыхтел… Павел много говорил о справедливости и резко порицал царившую несправедливость; но он сам был справедлив только на словах, а не на деле.

Подозрительность Павла в годы царствования вылилась резко в бреде преследования (Комаровский и др.). Его властолюбие не знало границ и пределов. Он боялся одиночества и предпочитал быть в обществе. Парады и церемонии были любимейшим занятием Павла.

Павел был религиозен, любил церковную обрядность и мечтал стать во главе православного духовенства; к русскому народу и ко всему русскому он относился с большим презрением… и это русский император – сын Екатерины… Правда, Павел питал презрение почти и ко всем людям… Несмотря, однако, на врожденное вырождение, Павел представлял его в более смягченной форме, чем, напр., Петр III. Почему?

Душевное вырождение прежде всего выражается ослабленным развитием умственных способностей и усиленным развитием эмотивных, страстных и чувственных проявлений. У нормального человека рассудок преобладает над чувствами и эмоциями, почему воля такого человека является результатом воздействия ума, коему соподчиняется страсть. Первая степень дегенерации выражается в том, что действиями человека руководит не рассудок, а страсти, почему эти действия будут нелогичны, безрассудны, одиночны, бессистемны, нелепы, но могут быть и возвышенными и идеальными, добрыми и злыми, и возвышенными и низкими, и идеальными и чисто животными. Иногда у этих людей бывает патологическое уклонение в мыслительной области в форме частичного, одностороннего бреда преследования, ипохондрического, сутяжничества и проч.

Вторая степень дегенерации будет выражаться в том, что умственная жизнь еще больше подавляется, а в эмотивной области замечается понижение и даже отсутствие чувствований и страстных побуждений возвышенных – любви к Богу, родителям, детям, родственникам, человечеству, человеку, самопожертвования, сочувствия, сострадания и проч., и повышение эмоций низких, грязных, животной ненависти, злости, мстительности, пьянства, разврата и т. д. Это низшая степень дегенерации.

Еще следующая степень будет выражаться тем, что при равном второй степени умственном состоянии наблюдается

чрезвычайно повышенное состояние эмоций низких, грязных, пробел и отсутствие эмоций чистых, возвышенных и эквивалентное вместо них развитие эмоций животных: кровожадность, наслаждение страданиями других, издевательство над всем добрым и проч.

Четвертая степень – крайне низкая степень состояния умственных способностей и столь же низкая степень всех эмоций – это идиотизм. Наконец, пятая степень – вымирание и бездетность.

Умственные способности Павла были не из особенно блестящих. Они стояли даже ниже среднего уровня, но, во всяком случае, они были выше и мощнее, чем у его отца. Умственная жизнь Павла отличается отсутствием предохранительной сосредоточенности, внимания и настойчивости, быстротою сильных впечатлений, отрицательностью, одиночностью, неожиданностью, нелогичностью, непоследовательностью, асистемностью, но она лишена остроты, сообразительности и понимания. В его нормальном мышлении мы замечаем склонность к бреду, мнительности, подозрительности, символизации и преследования. В нем была очень развита фантазия, и царило воображение. Он склонен был к мистицизму, предчувствию и проч. Его умственная жизнь была подчинена эмотивной области. Страсти и чувствования царили над всем. Его воля была подчинена чувствам. Его волевые действия были игралищем страстей. Но эти страсти были неизмеримо выше страстей Петра III. Он проявлял любовь к семье, жене, друзьям. Поэтому его должно отнести к дегенератам высшим, к дегенератам второй степени с наклонностями к переходу в душевную болезнь в форме бреда преследования.

Таким образом, в лице Павла мы видим – возрождение, а не вырождение, сравнительно с Петром III.

Такие явления бывают. Такие явления есть. Такие явления должны быть, иначе бы все давно уже вымерло. В создании личности во всем ее объеме участвуют два главных элемента: наследственность и среда, в которой он развивается. Что касается наследственности, то в ней происходит участие двух начал: качества отца и матери. Если эти качества тождественны в смысле здоровья или болезни, то они в ребенке суммируются и наследник является или сугубо здоровым, или сугубо больным. Если качества родителей, умственные и физические, противны, то в наследниках происходит преобладание разницы, почти всегда в пользу здоровья. На этом и основывается возрождение. В императоре Павле мы имеем унаследование качеств отца и необыкновенно мощной умом и телом матери.

Гений и физическая мощь Екатерины II с избытком покрыла двойной дефект качеств организации отца. Вот почему мы видим в Павле возрождение рода и дегенерацию несравненно слабейшую, чем у его отца.

На формирование характера Павла, несомненно, влияла также окружающая обстановка и условия жизни. И влияли они как в хорошую, так и в дурную сторону. Прежде всего на Павла влияло относительно прекрасное воспитание. К нему приставили таких дельных людей, как Порошин, граф Н. И. Панин и др. Эти люди всеми силами своих порядочных душ стремились подавить в Павле, насколько это было возможно, проявления тех влечений, страстей и недостатков, кои так явно и так резко выражались в Петре III. Если они и не успели искоренить всего, то, во всяком случае, значительно смягчили и исправили многое. С этой точки зрения воспитание Павла есть большой плюс в его добрых качествах.

Важно и то, что Павел не предавался алкоголизму, как Петр.

Но обстановка влияла дурно и на Павла. Прежде всего остановимся на его отношениях к матери. Павел детство свое провел у бабушки. Матери он не знал. Ласки матери в детстве он не знал. Ему были чужды материнская любовь, нежность и забота. Он воспитывался официально, любовь к матери у него была в зародышевом, эмбриональном состоянии.

Но этого мало. Павел наследник престола, но престол ему приходилось ждать.

И этого мало. При матери императрице стояли люди, которые до некоторой степени разделяли ее власть, могущество и деспотизм. Эти люди в отношениях к Павлу, наследнику престола, часто относились так дерзко, так грубо, что можно еще удивляться сдержанности и выдержке великого князя. Едва ли у Павла могли удерживаться особенно любовные отношения к людям, которые грубо и дерзко оскорбляли его.

Подозрительность, недоверие, излишняя осторожность и даже нервность весьма свойственны Павлу помимо его наследственности, помимо его личных качеств. К несчастью, все неблагоприятные обстоятельства пали на почву патологическую и создали в императоре бред подозрительности, бред преследования…

Не без влияния на характер Павла осталась и французская революция, заставившая его относиться ко всему и ко всем подозрительно.

Замечательно душевное состояние последних дней жизни императора Павла. Это было смешение явлений реальных, действительных и образов его больной фантазии и бреда.

Павел узнает, что существует против него заговор. Это факт, которого в лицо императору не отвергают люди, ему преданные якобы и сами участвующие в заговоре. Но рядом с этим работают и болезненные образы его фантазии. Он видит всюду злодеев и заговорщиков. Он подозревает свою жену, которая любит его. Он подозревает своих сыновей, из которых один фактически уже раз доказал, при восшествии Павла на престол, что он мог бы воспользоваться властью, и не воспользовался… Он их арестовывает. Приводит к присяге вторично… Он подозревает людей, которые должны были бы быть ему преданы. Он отдает как бы преданному человеку неограниченную власть для охраны себя, но попадает на злодея, который и воспользовался против императора. Павел усылает войска, которые пришли охранять его. И замечательно, как он своею больною фантазией и своим воспаленным воображением все верно провидит и читает так, как оно было и на самом деле. В последние дни и часы он как бы видел, что вокруг него делается… А делалось именно так, как он это провидел. И наконец, совершилось…

Для понимания резкостей в действиях великого князя и императора Павла не должно еще забывать, что он был эпилептик и в детстве проявлял судорожные припадки. Поэтому весьма естественно, что в нем можно усмотреть черты эпилептического характера.

Наш очерк мы можем закончить словами Бильбасова, приведенными в сочинении Шильдера: все странности и безумные деяния должно отнести к несчастному сочетанию личных свойств с неограниченною властью, доставшеюся ему по наследству. Тупой, упрямый, невоздержанный, он, став самодержцем, искренно был убежден, что весь мир существует единственно для его желаний, капризов, прихотей; он потерял способность правильно мыслить, стал действовать как самодур и до последней минуты был ослеплен своею властью, ей только доверял, на нее только опирался.

ГЕНЕРАЛИСИМУС СУВОРОВ

Часть первая

Александр Васильевич Суворов родился 13 ноября 17 30 г. О родителях его мало что можно сказать. Отец был средний человек, слегка скуповатый, мать умерла, когда Александру Васильевичу было 15 лет.

Первое детство Суворов провел дома, где получил и воспитание. Он изучал необходимые предметы, а также иностранные языки: французский, немецкий и отчасти итальянский. Смотрел он, однако, на изучение этих языков не как на цель, а как на средство, при помощи которого он мог извлекать интересующие его познания из полезных книг. Поэтому он не стремился овладеть языками в совершенстве, даже русскою грамотою он владел не вполне безошибочно. Но трудно сказать, было ли это проявлением действительного незнания или же это было выражением того пренебрежительного отношения ко всем внешним формам жизни, каковое он слишком ярко обнаруживал в течение всей жизни, и тем сильнее, чем чувствовал себя самостоятельнее и независимее. Такое предположение находит себе подтверждение и в том, что Суворов делал с годами в русской грамоте больше ошибок, хотя при этом много занимался, читал и писал.

Суворов-мальчик в семье жил одиноко и воспитывался один. Ему до некоторой степени принадлежало и инициатива действий: хотел учиться – учился, нет – нет. Хотел учиться в одном направлении – шел по этому направлению, выбирал другое – шел по тому. Дети, предоставленные самим себе, – а Суворов, по-видимому, был именно в таком положении, – или становятся отчаянными лентяями, бездельниками и шалопаями, или же учатся очень усердно и прилежно, но именно в том направлении, каковое они признают излюбленным. Выход из этой дилеммы обусловливается двумя обстоятельствами: природными качествами детей и домашней обстановкой. В отце Суворов видел образец труда, работы, любовь и уважение к печатному слову и постоянную деловитость. От природы, видимо, Суворов имел также прекрасные задатки. Поэтому духовная жизнь Суворова направилась к книжному познанию, побудила мальчика к занятиям, чтению и познанию. Пример труженика отца укрепил и усилил эту потребность. Благо, библиотека у отца была очень порядочная.

Книги в библиотеке Суворова были преимущественно военного содержания, поэтому Суворов с детства стал жить военною жизнью. Военная жизнь вообще представляет собою

идеал и главный предмет воображения детей. Геройские подвиги, победы, лишения и походы – вот фантазия детей. Если к этому прибавить постоянное чтение военных книг, а затем одиночество мальчика, то нисколько не станет удивительным, что мальчик всем существом своим отдался данному направлению. У детей сильно работает познавательная сторона жизни, но у многих из них еще сильнее работает фантазия. Мечты, воображение и фантазия развивают и плодят те образы, те картины, ту жизнь, каковые в данный момент у ребенка наиболее развиты в его познании и составляют наибольшее тяготение. Суворов, сын генерала, живет в военной среде, читает книги о военных подвигах, естественно, его познания полны событий военной жизни; поэтому его мечты, воображение и фантазия полны военных картин. Предоставленный себе самому, живущий своею собственною головою, Суворов весь отдался военной жизни и только и видел в своей фантазии, во сне и наяву, что быть воином, быть великим воином, полководцем, прославиться.

Беда в том, что он к этому не годился. Суворов был мальчик маленький, хилый, слабый и тщедушный. Ему ли переносить лишения и труды военной жизни. Ему ли мечтать о том, что для его организма непосильно… Так думал отец его и порешил направить сына в гражданскую службу. Можно себе представить весь ужас духовного разлада маленького Суворова!.. Все его существо наполнено известными стремлениями и побуждениями, а ему ставят преграду… Да и почему ему не быть военным!.. Разве потому, что он мал ростом и слаб силами?… Но ведь силы, крепость, выносливость и сопротивляемость можно развить, укрепить и закалить…

И вот тихий, кроткий, замкнутый и погруженный в книги мальчик вдруг срывается, взлетает на лошадь и мчится в поле. Дождь, ветер, холод, непогода, вьюга. Что ему за дело, – все это ниже его, все это ему нипочем… Мало ли что впереди! А прискакав домой усталый и голодный, утолив голод, он опять принимается за книги… Не странно ли: благовоспитанный мальчик, вместо игры, забав со сверстниками, занимается, как уличный мальчишка, скаковой забавой в дождь, грязь и непогоду. Не хорошо… Волчок и дичок… Таков и был маленький Суворов… Такова была его натура. Она не походила на натуру других детей. Он не тяготел к детям, потому что они не представляли для него интереса… Но и другие чуждались его, потому что он был такой… странный…

Итак, странности стали проявляться у Суворова с детства. Это, однако, не были странности, а только лишь поступки мальчика, который не был похож на других детей, а потому и

поступал не так, как другие. К таким чрезвычайным поступкам побуждали его два двигателя: образы фантазии и желание закалить себя. И тот и другой импульсы были очень сильные и потому естественно, что мальчик им подчинялся.

Суворов-мальчик имел пылкий ум, необыкновенно живую фантазию, страстную, дикую, неудержимую натуру и железную волю, а все это выражалось в том, что он действовал так, как он хотел, и именно так, как хотел *он.* В этом и заключались его детские странности.

Стремления отца повести его по пути гражданской деятельности очень огорчали мальчика и заставляли его еще больше уходить в себя и замыкаться.

Только счастливая случайность заставила отца Суворова переменить свое решение и отдать сына в военную службу. Одиннадцатилетний Суворов был записан в Семеновский полк рядовым. Еще три года после того он прожил дома. Теперь он мог предаваться своим мечтам спокойнее, а равно спокойнее заниматься чтением книг. Он читал Плутарха, Корнелия Непота, познакомился с деяниями Александра Македонского, Юлия Цезаря, Ганнибала и других знаменитых полководцев и героев. Эти чтения, падавшие на высокодаровитую почву, являлись семенем тех гениальных плодов, которые выросли под Измаилом, Прагой, Нови и проч. и выразились во всей силе и величии гения, прославивших русские войска и их полководца.

На 15-м году Суворов поступил в полк. Свою службу Суворов понимал так, как ее понимает всякий честный человек. Любя свое дело, преданный ему всей душой, он отдался службе с увлечением и исполнял свой долг, как исполняет его истинный гражданин. Он нес наравне со всеми солдатами все тягости и невзгоды жизни и никогда не жаловался на них. В своей службе он видел средство к достижению и осуществлению своих заветных идеалов и образов мечты. В свободные от службы минуты он продолжал завершать свое образование, много читая, даже посещая кадетский корпус. Вместе с просвещением ума Суворов не забывал и тела и стремился всеми способами его укреплять и закалять. Насколько мальчик Суворов был слугою долга, доказывает следующий случай. Суворов стоял на часах в Петергофе у Монплезира. Мимо проходила государыня Елизавета Петровна. Узнав, кто часовой, она хотела дать ему серебряный рубль. Но Суворов отказался взять, заявив, что караульный устав запрещает часовому брать деньги.

«Молодец! Знаешь службу. Я положу рубль здесь на земле, как сменишься, так возьми».

Этот крестовик Суворов хранил всю свою жизнь.

Восемь лет Суворов тянул солдатскую лямку. Многие из его товарищей успели за это время выслужиться в генералы, а он только произведен был в офицеры. Возможно, что эта лямка служила к нравственному закалу Суворова, приучая его к терпению, дисциплине и самоотвержению. Несомненно также и то, что эта лямка отразилась и на его характере. В дальнейшем мы увидим, как он детски радовался, когда он обгонял в производстве равных и старших… Все люди, составлявшие свое положение собственным лбом, страшно самолюбивы, хотя это самолюбие глубоко скрывается; вместе с тем эти люди горды, самонадеянны и самоуверенны.

Первые годы офицерской жизни Суворова падают на мирное время. Суворов занимается, читает, посещает общество любителей словесности, даже сам пытается писать сочинения, которые, однако, по своим качествам не превосходили наполеоновских и могли конкурировать с произведениями Тредьяковского.

Первый раз на военное поле Суворов попал в Семилетнюю войну. Здесь ему сначала не повезло. Он состоял в арьергарде. Первое боевое крещение Суворов получил в набеге на Берлин в отряде Чернышева. В этом пустом деле он, однако, «себя перед прочими гораздо отличил» и сразу составил о себе представление, как о прекрасном боевом офицере. Когда образовывался летучий отряд Берга, то последний просил откомандировать к нему подполковника Суворова, и Суворов себя оправдал. В представлении государыне о нем был такой отзыв: «… быстр при рекогносцировке, отважен в бою и хладнокровен в опасности». Можно было бы добавить: человеколюбив и нежен с мирными. И вот почему: при набеге на Берлин в руки солдат попался маленький немчик. Суворов взял его к себе, а затем написал его матери: «Любезнейшая мамаша! Ваш маленький сынок у меня в безопасности. Если вы хотите его оставить у меня, то он ни в чем не будет терпеть недостатка и я буду заботиться о нем, как о собственном сыне. Если же желаете взять его к себе, то можете получить его здесь или напишите мне, куда его прислать».

Разумеется, маменька заблагорассудила взять сына… С окончанием войны Суворов вернулся в Петербург с именем боевого офицера, которому можно было поручить обучение и командование небольшим отрядом. И действительно, в войне Суворов провел время недаром: он изучал боевые достоинства и недостатки русских солдат и сравнивал их с немецкими, а теперь ему приходилось свой опыт применить на деле, в пересоздании военного строя, по своему разумению, сначала в малых размерах,

а затем и во всей армии.

Вот когда принесло пользу Суворову его восьмилетнее пребывание рядовым в армии. Он изучил русского солдата во всех его проявлениях. Суворов жил с ним. Суворов понял его. Суворов полюбил его. Этой любовью и близостью к солдату Суворов безгранично купил всех солдат. А для того, чтобы еще сильнее воздействовать на солдата, Суворов всегда и во всем служил ему примерами лично. Суворов относился к своим солдатам, как отец к своим любимым детям. Он заботился о поддержании в них религии, он старался укрепить в них нравственность, он заботился об их просвещении и обучении, он смотрел за тем, чтобы их достаточно кормили и одевали, неусыпно он обучал их всем военным приемам по своей системе; а так как при ней требовалось значительное физическое напряжение и закаливание, то Суворов все время и упражнял их в этом. Во всем этом деле Суворов был и создатель системы, и учитель, и помощник и образец. Его инструкции войскам, а равно и приказы отличаются краткостью, ясностью и необыкновенной образностью. Они вполне приноровлены к умственному уровню солдата и совершенно доступны его пониманию. Можно сказать, что они написаны солдатским языком. А это и было нужно. Всем этим вместе Суворов достиг в очень короткий срок самых блестящих результатов. Его солдаты образцово знали строй и проделывали все приемы, были бодры и крепки, больных почти не было, не знали устали, не признавали ни холода, ни голода. Да, это на деле были чудо-богатыри.

Суворов подделывался к солдатам? Нет. Он сам был солдатом. Он жил с ними, их жизнью, их существом. Он голодал с ними, если нечего было есть. Он мерз, если солдаты мерзли. Он спал на траве, если у солдат не было палаток… Но так как своим умом, своими знаниями и опытом Суворов был неизмеримо выше своих боевых друзей, то он высказывал свои вдохновения, свои веления и требования, и они исполнялись беспрекословно, а так как они должны были быть поняты и уяснены простыми людьми, то и высказывались в той форме речи, которая была наиболее доступна для солдат. Во всяком деле должно отличать содержание и форму. В данном случае содержание было – плод гения, форма была взята из той среды, для которой она была предназначена; тем более что эта форма не противоречила характеру создателя, так как Суворов всегда проявлял необыкновенную энергию, кипучесть жизни, быстроту движений и неутомимость… Суворов был всем все.

Государыня произвела смотр полку Суворова и осталась очень довольна.

Наступила первая польская война. Суворов был с своим полком отправлен туда. Его поход как нельзя лучше оправдал его систему: 850 верст он с полком прошел в 30 дней, причем дорогой заболело всего шесть человек. Прекрасно оправдала себя система Суворова и на месте военных действий. Польская война – партизанская война. Главный успех в деле – быстрота и натиск. А эти положения были главными в системе Суворова. Диво ли, что он сразу стал неотразим и неуязвим. Суворов был доволен успехом, но не гордился. «Римляне двигались шибче, – прочтите Цезаря», – говорил он.

Суворов не знал и его войска не ведали, что значит обороняться и что значит отступать. Это был, как называли его немцы, «генерал вперед». И как он был озлен, когда один из его офицеров был взят в плен. «По своему расслабленному безумию Веденяпин с 80 почти человеками не сумел разбить 300 бунтовщиков. Всем внятно внушено, что на них можно нападать с силами, 4–5 раз меньшими, но с разумом, искусством и под ответом. Будучи окружен, он стал беспорядочно отстреливаться, а на самый и храбрый порыв не пошел».

А сам Суворов нападал с слабыми силами на сильнейшего неприятеля? Нападал и побеждал.

Лучшим доказательством служит его бой под Ланцкроной, где он в полчаса разбил сильнейший отряд Дюмурье, и под Столовичами, где он уничтожил корпус Огинского, в десять раз сильнейший против отряда Суворова. «Простительно, – пишет Суворов Кречетникову, – если вы, по первому слуху, сему сомневаться будете, ибо я и сам сомневаюсь, только это правда».

Способность быстро схватить позицию неприятеля и воспользоваться его слабыми сторонами, быстрота и натиск дали Суворову полную победу во всех делах и обратили на него внимание в европейских армиях. Сам неприятель понял новизну боя, только толковал его иначе: «Суворов понятия никакого не имеет о военном деле и ему драться только с медведями. Бывало, займешь позицию, ждешь русских с фронта, а он бросается либо с тыла, либо в фланге; мы разбегались более от страха и внезапности, нежели от поражения».

Не то же ли немцы говорили о Наполеоне I!..

Суворов строго следил на войне за дисциплиной, порядком и субординацией и резко восставал против допускаемого тогда в армии грабежа побежденных. Особенно строго приказывал Суворов быть ласковыми с поляками, не обижать пленных, кормить их хорошо, хотя бы то было и сверх порции.

Польская война была кончена, причем успех ее принадлежал почти всецело Суворову. За эту войну он получил орден Анны I

ст., Георгия 3 ст., Александра Невского и чин генерал-майора. В Петербурге Суворова очень обласкали и достойно наградили за его доблестные дела.

Наступил мир. Но долгая мирная жизнь была не по нутру Суворова. Он был душой и характером солдат, воин и боевой генерал. Его глазомер по отношению к людям был слишком верен, а его быстрота и натиск в обхождении с придворными были слишком неудобны и для окружающих и для него. При его честности, прямоте и откровенности Суворов являлся *беспокойным* человеком, а беспокойный человек во все времена, даже до сего дня, был нетерпим. Поэтому весьма естественно, что Суворова отправили в Финляндию: изучать край, строить крепости, реорганизовать армию, выведывать направление мыслей Стокгольма и проч. Да и Суворову придворная и чиновничья атмосфера Петербурга была не по душе. Поэтому он предпочел уехать в чистую ссылку, нежели жить в атмосфере лукавства, зависти, лживости и предательства.

Суворов быстро исполнил все возложенные на него поручения в Финляндии и стал тосковать и терзаться бездельем. А тут открылась турецкая война. Суворов просится на поле битвы и вскоре достигает желанного.

Две экспедиции на Туртукай, причем экспедиции производились ночью, с переправой через Дунай, против неприятеля в 8-10 раз сильнейшего, с полным разгромом неприятеля и взятием в плен большого числа турок, пушек, знамен и судов показали, что Суворов был победителем в Польше не по случаю или по счастью, а благодаря своей тактике и своему гению. Георгий второй степени был ему вполне заслуженною наградою как за необыкновенную его распорядительность, так и за личную храбрость, служившую всегда примером для его солдат. Цену себе знал и сам Суворов, и это служило причиною многих его выходок, трудно оправдываемых в другом человеке. Суворов, несомненно, был царем своего дела. Он был создателем новой системы войны, он был и гениальным исполнителем ее. В результате – слава России, слава войскам, честь и слава Суворову. Равных себе Суворов не видал. Эта-то уверенность в своем превосходстве и делала то, что Суворов был крайне резок в выражениях и нетактичен в действиях с равными и старшими себе. Необыкновенно пылкий и стремительный, он часто высказывал в разговоре то, чего не следовало бы, что вредило настолько же ему, как и его гениальному делу. Так, напр., донося о своих действиях против турок своему прямому начальнику, Салтыкову, он одновременно доносил о том же и главнокомандующему, Румянцеву; при этом и самый способ

донесения был не всякому простительный. После первой победы при Туртукае он доносит Салтыкову запиской на клочке бумаги, писанной карандашом: «Ваше Сиятельство, мы победили: слава Богу, слава вам», – а Румянцеву было послано двустишие:

«Слава Богу, слава вам,
Туртукай взят и я там…»

В других случаях Суворов бывал также часто непочтителен. Так, Суворов не любил Каменского, не уважал и Салтыкова. И вот он при своем штате выразился так: «Каменский знает военное дело, но оно его не знает; Суворов не знает военного дела, да оно его знает; а Салтыков ни с военным делом не знаком, ни сам ему не известен…» Слова Суворова были донесены кому следует и произвели свое воздействие. Суворов был переведен в отряд Потемкина.

На новом месте Суворов не замедлил отличиться под Козлуджей, где он с 8-тысячным отрядом напал на 40-тысячный отряд турок и совершенно разбил его. Этой победой турки были совершенно потрясены, а русские поднялись в глазах всей Европы; Суворов же упрочил за собою славу знаменитого боевого генерала, который во всех отношениях – ив трудах, и в лишениях, и в счастьи, и в несчастьи, и в славе, и в подвигах – был рядом с солдатом и в доле с ним.

В течение этой войны Суворов успел побывать в Москве и жениться. Брак этот был не вполне удачен. Да иначе и не могло быть. Жена его была милая светская женщина, любившая общество и принадлежавшая его течению. Суворов, напротив, не принадлежал ни себе, ни жене, ни обществу. Он был воин, и только воин. Воин и семьянин – два элемента, не совпадающие друг с другом. Муж и жена не подходили друг другу; они не могли сойтись, и потому они скоро разошлись.

Первая турецкая война закончилась. Она принесла Суворову золотую, украшенную бриллиантами шпагу и Георгия II ст.

Суворов назначен был начальником дивизии в Петербурге. Но так как без военного дела он вновь стал *беспокойным* человеком, то его послали различные дела вершить вне Петербурга. Суворов усмиряет Пугачева, удерживает в повиновении непокорных крымских татар, усмиряет и закрепляет татар на Кубани, удерживает киргизов в Астрахани и вообще подвизается на мирном поле военными приемами и всюду действует с полным успехом. А для такого успеха ему нужно было прежде всего поставить подчиненные ему войска в должный вид, все же остальное приходило само собою.

К сожалению, еще с первой турецкой войны Суворов страдал жестокой лихорадкой, мучила его также разлука с любимой дочерью, девочкой Суворочкой… Эти страдания физические и нравственные сильно подкосили организм Суворова и немало огорчали и раздражали его.

Суворов томился, скучал, писал резкости начальству, капризничал и раздражался. Зато с офицерами и солдатами он был всегда добр, весел, приветлив и отечески заботлив. Естественно, и подчиненные безгранично любили своего вождя и молились за него.

За все эти подвиги Суворов был награжден бриллиантовою звездою и Владимиром I ст. Суворова это, однако, не успокоило, и вот он пишет: «Одно мое желание, чтобы кончить Высочайшую службу – с оружием в руках. Долговременное мое бытие в нижних чинах приобрело мне грубость в поступках при чистейшем сердце и удалило от познания светских наружностей; препроводя мою жизнь в поле, поздно мне к ним привыкать. Наука просветила меня в добродетели: я лгу, как Эпаминонд, бегаю, как Цезарь, постоянен, как Тюренн и праводушен, как Аристид. Не разумея изгибов лести и ласкательств, моим сверстникам часто неугоден. Не изменил я моего слова ни одному из неприятелей; был счастлив, потому что я повелевал счастьем».

Немножко самоуверенно, но Суворов имел на это право…

Императрица Екатерина захотела посетить Малороссию и присоединенный Крым. Имелось в виду, что ее будут сопровождать высочайшие гости, как австрийский император и проч. Нужно было показать товар лицом. Брался за это светлейший Потемкин, а потому можно было быть уверенным, что дело сойдет блестяще. В числе других декораций должно было быть и войско, и притом такое войско, которое в мирное время отбило бы охоту у соседа к войне. Нужно было это войско организовать. Кто же мог это дело устроить лучше Суворова?… Суворов был вызван, назначен на это дело и оправдал его вполне. Похвалы, комплименты и разные знаки удовольствия и удивления отовсюду сыпались как на Потемкина, так и на Суворова. Имя Суворова в то время уже было вполне известно, поэтому любезности и комплименты были вполне естественны. Суворов был заметен и сам по себе, но немало он выделялся и своими оригинальными приемами. Вот, напр., одно1 из столкновений его с гостем. Суворов встречает полковника Ламета. Откуда родом? – Француз. – Ваше звание? – Военный. – Чин? – Полковник. – Имя? – Александр. – Хорошо. – Это сначала озадачило француза, а потом обозлило, а потому когда Суворов хотел отойти, француз пристал к нему: Вы откуда родом? – Русский. – Ваше звание? –

Военный. – Чин? – Генерал. – Имя? – Суворов. – Хорошо.

Оба расхохотались и разошлись приятелями.

Это смешно. Но иногда выходки Суворова могли оканчиваться и печальнее. Одаряя своими милостями всех, устраивавших путешествие, императрица Екатерина, в присутствии блестящей свиты, обратилась к Суворову с вопросами: чем она может выразить ему благодарность?

До болезненности самолюбивый и вместе с тем стесненный обстановкой, Суворов, кланяясь и благодаря, отвечал, что задолжал несколько рублей за квартиру и попросил бы заплатить… Только доброе мнение государыни о Суворове спасало его от неприятности, ибо государыня любила его, собственноручными записками благодарила его за хорошие распоряжения и верную службу и называла его «честным человеком» и «правдивым судьей». Суворов был назначен сенатором и премьер-майором Преображенского полка, полковником была сама императрица.

В 1787 г. началась вторая турецкая война. Суворов вновь призван был на боевое поле. Ему поручен был очень важный пункт – охрана Кинбурна. Его отряд входил в армию Потемкина, который писал ему: «Мой друг сердечный, ты своею особою больше 10000 (человек), я так тебя почитаю и ей-ей говорю чистосердечно». Значение Кинбурна понимали и турки. Они высадились на Кинбурнскую косу в количестве 5300, у Суворова было всего 4267. Турки решили или всех перерезать русских, или самим умереть. Бой был смертельный. Турок вернулось назад 700, все остальные исполнили свой завет. Кинбурнская победа оказала очень сильное впечатление в Константинополе и в Петербурге. В Константинополе были смущены и расстроены, в Петербурге – в восторге. Государыня насколько была рада победе, настолько же опечалена раною Суворова. Пример безграничной храбрости не обошелся ему даром. Государыня писала Суворову: «Я поставляю себе достоинством отдавать вам справедливость». Вместе с этим Екатерина прислала Суворову Андрея Первозванного и второй собственноручный рескрипт. Турки тоже наградили Суворова второй жесточайшей высадкой и вторично совершенно были Суворовым разбиты.

Суворова переводят под Очаков. Потемкин оказался нерешительным и бездействовал. Суворова это злило. Турки ободрились и делали очень смелые вылазки. В одну из этих вылазок Суворов зарвался, наскочил на очень большой отряд турок и хотя вылазку блестяще отбил, однако потерял много людей. Сам Суворов был ранен.

Слишком энергичное действие Суворова очень озлило

Потемкина и последний прислал спросить Суворова: как он смел без его позволения завязать такое важное дело? Такой вопрос ему, Суворову, Потемкиным, которого Суворов в военном деле, по всей справедливости, считал неизмеримо ниже себя, в свою очередь, взорвал Суворова. Если прибавить к этому сознание Суворова о некоторой неудаче и потере, а также физическую боль от раны, предшествовавшую нервность от лихорадок и раны на Кинбурне, то станет вполне понятною и невоздержанность, резкость и дерзость Суворова даже по отношению к такому всесильному человеку, как Потемкин. На беду, присланный Потемкиным генерал прибыл в то время, когда Суворову извлекали из раны пулю и перевязывали рану. На грозный вопрос всесильного фаворита Суворов отвечал:

«Я на камушке сижу,
На Очаков я гляжу».

О, долго, долго пришлось Суворову уламывать фаворита, пока получил прощение.

Суворова вновь послали на Кинбурн, но и отсюда он сумел быть полезным и в решительную минуту помочь Потемкину взять Очаков, за что и получил брильянтовое перо на шляпу.

Вскоре турецкая война приняла новый оборот. В войну вмешалась Австрия. В этой войне Суворов вполне заслуженно получил европейскую известность на глазах благородных свидетелей. Суворов был отправлен на пункт, где он стоял рядом с австрийской армией. Это был самый важный пункт, и нужно было ожидать особенно сильного нападения на него со стороны турок. Начальником австрийских войск был принц Кобургский.

Вскоре австрияки заметили движение сильной турецкой армии на Фокшаны. Принц Кобургский послал к Суворову просить помощи. Погода была скверная, и Кобург приходил в отчаяние. Но он был поражен необыкновенно быстрым прибытием армии Суворова. Нужно было составить план защиты и уговориться относительно поддержки. Кобург был старше и потому послал приветствовать Суворова и просить о личном свидании. Суворов дал уклончивый ответ. Второй посол. Генерал молится Богу и посла не приняли. Третий посол. Генерал спит. Хоть кому станет жутко… А день прошел. Вдруг в одиннадцать часов ночи Кобург получает краткую записку от Суворова: «Войска выступают в два часа ночи тремя колоннами. Среднюю колонну составляют русские. Неприятеля атаковать всеми силами, не занимаясь мелкими поисками влево и вправо. Говорят, перед нами турок тысяч пятьдесят, а другие пятьдесят –

дальше. Жаль, что они не все вместе, лучше бы было покончить с ними разом».

Боевая известность Суворова и благоразумие Кобурга были причиною тому, что план его приведен был в точное исполнение. В результате получилась блестящая победа. Широкий ум одного понял силу гения другого, и искренняя дружба на всю жизнь соединила этих двух людей. Чисто братские отношения вождей отразились и на армиях: русские и австрийцы отнеслись друг к другу по-братски. Как австрийская армия, так и австрийский император бесспорно признали, что победа при Фокшанах одержана была главным образом Суворовым.

Императрица Екатерина была очень обрадована этим подвигом Суворова и наградила его брильянтовым крестом и звездою к Андрею Первозванному, а австрийский император – брильянтовой табакеркой с брильянтовым шифром. Даже турки не забыли своего победителя и назвали Токаль-паша и его именем пугали детей.

Через два месяца турки вновь начали наступать на австрийцев. Явился Суворов. На этот раз турецкие силы в четыре раза многочисленнее армии союзников. День, в который произошло это сражение, совпал с днем разгрома Суворовым Огинского. И вот Суворов во второй раз, теперь при Рымнике, в тот же день прославил имя русской армии и свое полною блестящею победою. Теперь и Потемкин забыл против Суворова все свои обиды и искренно радовался и поздравлял его. За эту славную победу Суворов получил звание графа Рымник-ского, Георгия I ст., брильянтовый эполет и весьма богатую шпагу, к этому добавлен еще был дорогой перстень. Австрийский император также жаловал Суворову графский титул Священной римской империи.

С великим удовольствием он писал своей Суворочке как о великих победах, так и о всех милостях, по этому поводу на него излитых.

Для полного успеха в войне нужно было взять крепость Измаил, которая всеми считалась неприступною. Но было ли что Суворову недоступно в войне!.. Суворов назначается к Измаилу с поручением взять его.

Весть о назначении Суворова под Измаил быстро пронеслась по войскам, а вместе с этим и убеждение, что Измаил будет взят немедленно. И вот 2 декабря рано утром к русским аванпостам под Измаилом подъехали два всадника. То был Суворов с казаком, везшим в небольшом узелке багаж генерала. Тем не менее моментально раздался пушечный салют с батарей и все от мала до велика оживились и просияли. В лице маленького

худенького старичка явились честь, слава, храбрость и победа. Вскоре Суворов отправился по полкам. Находил знакомых солдат, вспоминал прежние подвиги, беседовал, острил, смеялся и всех обласкал добрым словом. Это был добрый гений. Это был вдохновитель беззаветной храбрости, самоотвержения, силы, энергии, бесстрашия и безумной самоуверенности в победе. Полководец не скрывал от солдат трудность дела. Напротив, он знакомил их с препятствиями, учил, как их преодолеть, и в будущем указывал на пущую славу, которую они, несомненно, должны восприять.

Ознакомившись с положением дела, наэлектризовав войска, сделав надлежащие. распоряжения, Суворов составил военный совет, в котором заявил: «Я решился овладеть этой крепостью или погибнуть под ее стенами». Казак Платов на это возгласил: «Штурм», все остальные к нему присоединились. Перецеловав всех, Суворов сказал: «Сегодня молиться, завтра учиться, послезавтра победа либо славная смерть».

Перед штурмом Суворов послал следующую записку в Измаил: «Сераскиру, старшинам и всему обществу! Я с войсками сюда прибыл. Двадцать четыре часа на размышление – воля; первый мой выстрел – уже неволя; штурм – смерть. Что ставлю вам на размышление». Турки отвечали: «Скорее Дунай остановится в своем течении и небо упадет на землю, чем сдастся Измаил». Дунай не остановился в своем течении и небо не упало на землю, а Измаил был взят Суворовым.

Суворов писал Потемкину: «Нет крепче крепости, отчаяннее обороны, как Измаил, падший перед Высочайшим троном Ея Императорского Величества кровопролитным штурмом. Нижайше поздравляю вашу светлость».

Измаильский штурм отличался нечеловеческим упорством и яростью турок, так как они знали, что пощады не будет. Это упорство безнадежного отчаяния могло быть сломлено только крайним напряжением энергии атаковавших… Храбрость русских войск под Измаилом дошла как бы до совершенного отрицания чувства самосохранения… Спустя некоторое время Суворов, проезжая мимо одной из финляндских крепостей, спросил своего спутника:

– Можно ли взять эту крепость штурмом?

– Какой крепости нельзя взять, если взят Измаил…

Суворов задумался и, после некоторого молчания, заметил:

– На такой штурм, как измаильский, можно пускаться один раз в жизни.

Турки пришли в ужас. Вся Европа была изумлена и поражена. Россия обожала своего героя-победителя… Что ждало героя?…

Суворов лично отправился к главнокомандующему Потемкину с докладом. Оба горели нетерпением броситься в объятия и облобызаться. Суворов влетел к Потемкину, и они обнялись…

– Чем я могу наградить ваши заслуги, граф Александр Васильевич?

– Ничем, князь. Я не купец и не торговаться сюда приехал. Кроме Бога и государыни, никто меня наградить не может.

Потемкин побледнел. Оба молча прошлись несколько раз по комнате, раскланялись и разошлись…

Турецкая война блестяще кончилась. Потемкин был осыпан почестями, милостями и наградами. Герой Суворов был в тени. О нем забыли… Поделом, – не обижай фаворита… О жизнь, это ты!..

Мир. *Беспокойный* Суворов опять в Финляндии… Кончил в Финляндии, его послали на юг. Всюду Суворов вел дело добросовестно, исполнительно и абсолютно честно. Ни в мире, ни на войне Суворов не знал и не ведал, что такое взятка… Когда после Измаила из военной добычи Суворову привели прекрасного коня, он и от того отказался. Недаром солдаты говорили, что Суворов во всем с ними в доле, кроме добычи. Покончив служебные дела, Суворов часто живал в деревне. Бездеятельность его томила. Суворов опять скучал, томился, капризничал, писал знакомым жалобы на свою долю, просился у императрицы в иноземные войска. Он боялся, что его обойдут…

В это время началась третья польская война. Суворов не был туда назначен. Это его обидело. Война шла вяло, медленно, малоуспешно. Суворов издевался над ведением войны и высказал, что он бы окончил войну в 40 дней. Его поймали на слове, и Суворов опять в деле.

Во главе польского восстания стоял знаменитый Костюшко. Это был человек ума недюжинного и прекрасный военный организатор. Хотя он был вполне убежден в тщете восстания, тем не менее взял возложенную на него ответственность и решил отдать делу родины все, даже свою жизнь. Были и другие между поляками талантливые люди. Но Суворов знал, с кем имел дело. Война предвиделась партизанская. Натиск и быстрота здесь были более, чем где-либо, уместны: Суворову нечего было учиться этому.

В Польшу вступил Суворов с отрядом в 4500 человек, да на пути прихватил несколько мелких отрядов. И вот с этими силами Суворов наскочил на корпус Сераковского. После боя при Крупчицах и Бресте корпуса Сераковского не стало. Суворов его уничтожил. Через несколько дней от начала похода Суворов

извещал главнокомандующего Румянцева: «Брестский корпус, уменьшенный при монастыре Крупчице 3000-ми, сего числа кончен при Бресте. Поляки дрались храбро, наши войска платили им отчаянностью, не давая пощады».

Овладев Брестом, Суворов остановился поджидать прибытия войск. Он не любил безделья и потому на досуге занялся обучением войск. В основу его обучения лег его знаменитый катехизис. Война в Польше отличалась своеобразностью. В числе русских войск было много поляков, которые передавали своим о намерениях и планах действий русских войск, почему часто приходилось действовать без приказов, моментально. Благо, командиром был Суворов. Среди ночи он вскакивал с постели, вылетал на двор, окатывался холодной водой, а затем хлопал в ладоши и кричал петухом. Это значит – вставай, и солдаты моментально вставали и готовились к походу. Такой прием избавлял Суворова от приказов, о которых немедленно узнавали поляки. Суворов знал солдат, и солдаты знали его. Это была едина душа, едино тело.

Предстояло взять Прагу. Без Праги не могла существовать Варшава. С Варшавой падала Польша. Прага не была Измаил, но это была действительно сильная крепость, устроенная по всем правилам современного искусства и защищаемая людьми, готовыми положить свою жизнь за отечество.

Подобно тому как под Измаилом, Суворов не скрывал от войска всех трудностей штурма. Напротив, он знакомил солдат с ними, подготовлял их к тому и укреплял в непоколебимой мысли, что Прага уже обречена на взятие. Остается подняться, пойти и взять. Это говорил Суворов. А раз говорит Суворов, – кончено. С взятием Праги считались еще до штурма, как с фактом прошлым и законченным… Ведь это говорил их отец… Случилось следующее: наступили холода. Не было теплой одежды. Солдаты мерзли и страдали. Суворов все это время ходил в холщовом кителе и надел суконную куртку последним, когда все солдаты были уже тепло одеты. Это солдаты видели и понимали.

Между тем Костюшко был взят русскими в плен, и теперь надлежало кончать с Прагой и Польшей. Штурм был назначен в ночь с 23 на 24 октября, а в 9 ч. утр а Прага уже была взята. Кровопролитие было страшное. Поляки защищали свою отчизну и жизнь, русские мстили за своих соотечественников, злодейски вырезанных в Варшаве поляками. В числе штурмовавших русских были свидетели, как в Варшаве поляки, по почину Килинского, резали причащавшихся безоружных солдат, женщин и маленьких детей… Трудно было ждать ввиду Варшавы пощады от русских, бывших свидетелями этих бесчеловеческих злодейств. Было бы то

же и с Варшавой, и очень скоро… Суворов сам не ожидал последствий победы. Он быстро сообразил и то, что станется с Варшавой, если войска немедленно кинутся туда по мосту за бегущими поляками… Суворов приказал зажечь мост в Варшаву, и Варшава была спасена от огня, меча и разграбления…

«Сиятельнейший граф, ура, Прага наша! Дело сие подобно Измаильскому», – пишет в своей реляции Суворов Румянцеву. На другой день из Варшавы прибыла к Суворову депутация просить пощады, и Суворов дал пощаду на условиях гораздо слабейших тому, чем поляки могли ожидать.

29 октября состоялось торжественное шествие Суворова и его войск в Варшаву. На конце моста магистрат города Варшавы поднес Суворову городские ключи. На улицах Варшавы стояли толпы народа, встречавшие победителя далеко не враждебно. Со взятием Варшавы польская кампания была кончена. Суворов исполнил свое слово: выполнил кампанию в 45 дней. Теперь оставалось дело умиротворения края, что Суворов также блестяще исполнил.

По прибытии от Суворова в Петербург посла с ключами города Варшавы и варшавским хлебом-солью отслужен был благодарственный молебен. Суворочка удостоилась от императрицы самого благосклонного внимания и собственноручного угощения варшавским хлебом-солью. На парадном обеде стоя пили за здоровье фельдмаршала Суворова, при 201-пушечном салюте, причем императрица Екатерина говорила о нем в самых любезных и милостивых выражениях. Государыня написала Суворову два собственноручных рескрипта, из которых в одном говорилось, что Суворов своими победами сам себя возвел в фельдмаршалы, нарушив старшинство, от которого государыня отступать не любила. Суворов получил дорогой фельдмаршальский жезл, богатый брильянтовый бант к шляпе и именье в 7000 душ.

Рад был фельдмаршальству Суворов и на радостях не обошелся без причуд. Когда привезли фельдмаршальский жезл, то, по приказанию Суворова, его отнесли в церковь для освящения. Сам Суворов отправился туда в куртке без знаков отличия. Затем приказал принести несколько стульев, расставивши их на расстоянии в позицию, и стал через них перескакивать, приговаривая после каждого прыжка: «Репнина обошел, Салтыкова обошел, Прозоровского обошел» и т. д., поименовывая всех генерал-аншефов, которые были старше его.

Получил награды Суворов и от иностранных государей: от прусского – ордена как знак «ненарушимого уважения и особенного почтения, хотя Суворов не нуждается в этих орденах

для возвышения своей славы и, конечно, их не ищет…» Австрийский император прислал свой портрет, брильянтами осыпанный, с крайне любезным рескриптом, в котором называет его учителем своей армии.

Не остались без наград и сподвижники Суворова, причем в этом отношении он был очень щедр. Так, об одном инженер-поручике государыня говорила: «… граф двух империй расхваливает одного инженерного поручика, который, по его словам, составлял планы атаки Измаила и Праги, а он, фельдмаршал, только выполнял их, вот и все».

Наконец, Суворов получил лестный дар от того, от кого уж никак не мог этого ожидать. 24 ноября 17 94 года, в Екатеринин день, магистрат города Варшавы поднес ему золотую эмальированную табакерку с лаврами из брильянтов. На середине крышки был изображен герб города Варшавы – плывущая сирена, над нею надпись «Warszawa zbawcy swemu» (Варшава своему спасителю), а внизу другая надпись – «4 ноября 17 94 г.», день штурма Праги по новому стилю.

Покончив дела в Польше, Суворов двинулся в Петербург. Как всегда, он ехал просто, без блестящей свиты и на первых порах попал в анекдот. Раз он остановился на ночлег в хате, в которой раньше его приезда на печи заснула глухая старуха, о которой вовсе забыли. Перед сном, по обыкновению, Суворов окатился холодной водой и, для того, чтобы согреться и размяться, стал прыгать голый по комнате, распевая арабские изречения из корана. На беду, в этот момент проснулась старуха, высунулась из запечья, увидала прыгающего голого черта и благим матом закричала: «Ратуйте, с нами небесные силы…» Перепугался ничего не ожидавший и фельдмаршал и, в свою очередь приняв бабу за черта, тоже заорал. Сбежались люди и развели напуганных стариков…

На пути Суворову устраивались торжественные встречи, которые, однако, Суворов всячески старался отклонять.

При въезде в Петербург Суворову выслана была придворная карета. Суворов в фельдмаршальском мундире пересел в карету и, несмотря на сильный январский мороз, ехал в ней без верхнего платья и шляпы. Государыня встретила фельдмаршала весьма мило и, в угоду ему, приказала завесить во дворе все зеркала, так как Суворов не выносил зеркал. Местом для жительства ему назначен был Таврический дворец.

Не забыл Суворов сделать визит и фавориту Екатерины Платону Зубову. Но при этом вышел курьез. Когда Суворов был у Зубова, то последний встретил его в обыкновенном повседневном платье. Это обидело старика фельдмаршала. Поэтому когда Зубов

явился к нему с обратным визитом, то Суворов принял его в дверях своей спальни в нижнем белье, а затем свой поступок объяснил Державину словами – vice versa.

По обыкновению, живя в Петербурге, Суворов чудил, и в перспективе ему усматривалась Финляндия. У государыни Суворов бывал не часто. Узнав, что, едучи к ней, Суворов был в одном сюртуке, государыня подарила ему соболью, зеленым бархатом крытую, шубу. Тогда Суворов, едучи во дворец, брал ее с собою, но держал на коленях, а не надевал. Беспощаден он был в своих остротах с Салтыковыми, которые на него злились за то, что он обогнал их по службе. Доставалось от него и другим.

Принимая визиты именитых чиновников, Суворов иногда выходил на подъезд, влазил в карету, несколько минут беседовал с гостем и с Богом отпускал. Раз явился гость во время обеда, Суворов приказал принести стул и поставить около себя. Посадив на нем гостя, он сказал: «Вам еще рано кушать, прошу посидеть». Побеседовав несколько минут, он отпустил гостя, не поднявшись со стула.

На приеме во дворце раз государыня спросила Суворова: «Чем потчивать дорогого гостя?» – «Благослови, царица, водочкой». – «А что скажут красавицы фрейлины, которые будут с вами разговаривать?» – «Они скажут, что с ними говорит солдат». Екатерина собственноручно подала ему рюмку водки.

Раз наследник, Павел Петрович, пожелал видеть Суворова. Суворов вошел и начал школьничать. Наследник этого терпеть не мог и потому заметил ему: «Мы и без этого понимаем друг друга». Суворов притих, но, удаляясь после разговора, побежал вприпрыжку по комнате, напевая: «Prince adorable, despote implacable». Разумеется, об этом передано было Павлу. Суворов скучал, злился, издевался, бранился и надоел всем. Пора было в Финляндию, и его послали в Финляндию. Пошла прежняя история с крепостями, Крымом, югом России и проч. Появились слухи о войне с Францией. Суворов стал волноваться – назначат ли его туда… В это время скончалась императрица Екатерина и на престол взошел Павел…

Император Павел знал Суворова. Однако времена изменились, – изменились и условия бытия. В первое время император отнесся к Суворову довольно милостиво. Суворов тоже держал себя осторожно, но затем стал прорываться. Императору донесли, и падение Суворова было предопределено. Да иначе и быть не могло. Сошлись две несовместимые величины. Один неограниченный монарх, человек крайне нервный, неустойчивый, даже необыкновенно изменчивый, до болезненности самолюбивый, недоверчивый, подозрительный, вспыльчивый и

нередко безжалостный. Другой – старик, создавший своею жизнью и подвигами всемирную известность, стяжавший славу и величие себе и своей родине, вполне это сознававший и необыкновенно гордый и самолюбивый, неограниченно властолюбивый, также нервный, раздражительный, вспыльчивый, обидчивый и неуступчивый. Один имел свою систему ведения дела и считал ее незыблемо верной и полезной, другой тоже имел свою систему, которою он на деле стяжал лавры себе и родине. Один имел все права на власть по рождению и закону, другой – по праву многолетней и плодотворной деятельности. Один имел все права на почтение по своему положению, другой по заслугам… Могли ли они сжиться и стоять рядом!.. Один должен был исчезнуть, – и он исчез.

Суворов не выдержал своего положения. Он стал делать едкие замечания по поводу войска Павла, отпускать мелкие остроты на счет его приближенных, да и вел себя при императоре неподобающе, неспокойно. Павел сердился и делал Суворову замечания по пустякам. Суворов увидел, что дело может окончиться плохо, и подал прошение об отставке. Но враги предупредили его, – успели настроить Павла, и Суворов был уволен без прошения. Мало того, Суворов был сослан в маленькое имение и отдан под надзор…

Теперь Суворов сошел на положение частного человека, простого гражданина. Остановимся на жизни Суворова.

Она была почти одинакова в военное и мирное время.

Вставал Суворов в 2–3 часа. Летом и зимою он выходил на крыльцо и окатывался холодной водой. Засим он проделывал гимнастику и прыжки для согревания и разминания. После этого он будил крестьян в деревне и солдат в лагере, а засим непрерывно занимался делом. Это был человек небольшого роста, сухощавый, с продолговатым лицом, голубыми глазами, ласково и выразительно смотрящими, с горбатым, довольно крупным носом. Все движения этого человека были необыкновенно живы, крайне подвижны и довольно резки, почти всегда он ходил так быстро, что его походка имела вид бега, иногда он ходил вприпрыжку. На войне он ел что Бог послал и часто ту же пищу, что и солдаты. Дома же он нередко давал обеды, которые не отличались ни изысканностью кушаньев, ни особенною тонкостью вин. Обедал он в 8–9 часов. Суворов не любил ни много есть, ни много пить. Он любил собирать гостей, особенно по праздникам, любил игры, танцы и пение, причем и сам участвовал во всех этих забавах. Мужчины и дамы, именитые и простые гости были одинаково любезно приняты, держали себя просто и без принуждения, а потому у него всегда было весело и шумно. Он

одинаково был мил и любезен с гостями и когда был молодым генералом, и когда стал генералиссимусом, только в последнее время он стал еще ласковее и отечески добрее: выходя обедать, он всех гостей целовал, а уходя, крестил и благословлял. Благословлял он часто и вне дома, и даже в публичных собраниях, и никто не видел ничего странного в этом благословении высокопоставленного патриарха, отечески доброго, детски наивного и не щадившего своей энергии за благо человечества. Чем старее и знаменитее он становился, тем почетнее его были гости, но это нисколько не препятствовало и не лишало одинаково милого и радушного приема и людей простых.

Суворов был одет весьма просто и незатейливо: летом в солдатской рубахе, а зимою в суконной, из солдатского сукна куртке. Сверху только в морозы набрасывал очень легонький, довольно ветхий плащ.

Суворов любил чай и нюхал табак. В карты почти не играл и держал карты преимущественно для гостей. Иногда он ходил на охоту за птицей, но особенно этому удовольствию не предавался. Зимою любил кататься на коньках, устраивал у себя ледяную гору и на масленой забавлялся на ней вместе с гостями. Любя птиц, он на зиму устраивал «птичью комнату». Это была большая комната, в которой в кадках стояли елки, сосенки, березки и проч. Получалось подобие рощицы. Сюда напускались синички, снегири, щеглята на всю зиму, весной же, преимущественно на Святой, их опять выпускали на волю. Суворов очень любил эту комнату, часто в ней бывал и даже нередко в ней обедал. Иногда летом обедал на берегу реки.

Суворов был очень религиозен и набожен. Часто ходил в церковь, лично читал и пел на клиросе и старался поддерживать религиозность в солдатах. В деревне путь в церковь вел через реку. В весеннее половодье, говорили, он переправлялся через реку в винокуренном чане, приспособленном в виде парома.

Суворов был женат, но с женою решительно не сошелся характером. Собственно говоря, Суворов даже не был способен к семейной жизни. Вся его душа, вся его жизнь, все помыслы и стремления были в армии, а семья для него была нечто побочное и добавочное. Жена для него не была друг, человек родной, близкий, необходимый, неразлучный, кому бы он отдавал себя весь, находил удовлетворение, поддержку и отраду. Все это уже было занято армией, а жена для него была только женщина. В дальнейшем в более грубой форме это отношение Суворова выразилось в следующей фразе: «Меня родил отец, и я должен родить, чтобы отблагодарить отца за рождение». Семейному

разладу супругов много способствовали особенности характера супругов. Суворов был нрава нетерпеливого, горячего до вспышек бешенства, неуступчив, деспотичен и нетерпим. Самая сильная работа над собою повела только к тому, что он стал только сдержаннее. Нужно было быть ангелом, чтобы можно было вынести такого человека, а жена его вовсе не была таким ангелом. Прежде окончательного разрыва супруги много раз ссорились и мирились. Один раз было даже слишком торжественное примирение, вроде публичного покаяния. Суворов явился в церковь в солдатском мундире, жена в простеньком платьице. Муж и жена обливались слезами. Священник прочитал разрешительную молитву. Супруги помирились и сошлись. А все-таки дело кончилось разводом.

Такова была жизнь Суворова в обычное время.

Гораздо тяжелее и мрачнее она стала, когда Суворов подвергся опале.

Опала великого человека никогда не оканчивается только его удалением. При этом являются на сцену враги и делают все низкое, все гадкое, все подлое, что только может таиться в сокровищнице существа, известного под именем homo sapiens. Естественно, что все враги этих людей являются на сцену и мстят, мстят безжалостно, бесчестно и жестоко своему прежнему конкуренту. Выворачивается все прошлое, извращается, дополняется ложью, превращается в преступление, выдумываются новые лживые обстоятельства и все это льется, льется с наслаждением, с захлебыванием на голову опального. Благо, он молчит и не может поднять голоса. Люди индифферентные видят все это, присутствуют при этой оргии лжи, клеветы и опозоривания, – видят и молчат. Точнее, делают вид, что ничего не видят и не слышат… Подальше от греха… Не ровен час и сам влетишь в беду… Более малодушные присоединяются к клике и изрыгают ложь и хулу в унисон с клеветниками… Друзья и товарищи притихают, смиряются, прячутся, а то и до них доберутся… Не до защиты друга… Себе бы остаться живу… Да мимо идет чаша сия… Креатуры поваленного величия зачастую пристают к врагам и лают, лают нахально и еще громче, чем враги… Добрые дела наказуются… Такова практика жизни… Кто не видел такой картины в жизни высоких сфер?!. Стоит солнцу отвернуться от кого-либо, как все до одного из приближенных от него отвертываются, не видят, не замечают и лягают… Но вот солнце опять бросило свой луч милости, внимания и ласки, – и все вновь забегают, ластятся и льстят… О человек, человек, как еще много в тебе подлого!..

Великий Суворов без вины впал в немилость монарха.

Сколько жалоб посыпалось на него и каких, каких только скверных и гадких!.. И терпел Суворов. Терпел и выносил все. Терпел от врагов, терпел и от своих креатур, которые воспользовались тем, что лев был связан, и лягали его бесстыдно и подло…

Государь был болезненно, причудливо изменчив. Вдруг пришла ему в голову мысль – вызвать и приручить Суворова… Разумеется, такой поступок могла вызвать только причуда. Кто знал Павла и Суворова, тот вперед мог сказать, что от этого ничего доброго не выйдет. Так и случилось. Суворов появился и вновь исчез в свое заточение.

В это время в Европе происходила отчаянная борьба между французской республикой и всей остальной Европой. Эта строптивая женщина – республика бросила вызов всему свету. От нее страдали Англия, Австрия и Италия. Им очень хотелось втянуть в войну с Францией Павла. Путем различных подходов, доводов и уловок коалиции европейских государств удалось достигнуть этого. И вот наступил момент, когда нужно было послать русскую армию в Италию. Но Англия была слишком практична. Она знала, что у России есть прекрасная непоколебимая армия, но она знала, что у России есть и великий вождь, фельдмаршал Суворов.

Поэтому и Англия и Австрия просили императора Павла послать войска под командою «знаменитого мужеством и подвигами Суворова».

Между тем положение Суворова было в высокой степени тягостным. Заживо погребенный, он решил покончить свою жизнь в подвиге и удалиться в монастырь. С этой целью в 1798 г. он написал государю следующую просьбу: «Ваше Императорское Величество, всеподданнейше прошу позволить мне отбыть в Нилову Новгородскую пустынь, где я намерен окончить мои краткие дни в службе Богу. Спаситель наш один безгрешен. Неумышленности моей прости, милосердный Государь. Всеподданнейший богомолец, Божий раб».

Жизненная звезда Суворова, однако, только затмилась, а не зашла. Судьба предназначала ему новые подвиги, новые доблести, новую славу. Но для него все это было сокрыто…

Суворов ждал ответа, томился и мучился. Но ответа не было.

Вдруг в феврале 1799 г. через флигель-адъютанта Суворов получил следующий высочайший рескрипт:

«Сейчас получил я, граф Александр Васильевич, известие о настоятельном желании Венского Двора, чтобы вы предводительствовали армиями его в Италии, куда и Мои корпуса Розенберга и Германа идут. Итак посему и при

теперешних Европейских обстоятельствах, долгом почитаю не от своего только лица, но и от лица других предложить вам взять дело и команду на себя и прибыть сюда для отъезда в Вену».

Суворов был удивлен, поражен и восхищен. На другой день он уже летел на крыльях ветра к государю. Император осыпал его почестями и оказывал ему всякие знаки внимания; не было границ милостям царским. Суворов вновь зачислен в армию с чином фельдмаршала, коего он лишен был при опале; а через несколько дней награжден большим крестом ордена Иоанна Иерусалимского.

Отпуская Суворова в Вену, Павел заявил: «Веди войну по-своему, как умеешь».

По пути в Вену Суворов остановился в Митаве. Явилось много почтенных лиц, желавших ему представиться. Открылась дверь из внутренних комнат, Суворов выглянул босой и в одной рубашке и заявил: «Суворов сейчас выйдет» – . и скрылся. Спустя несколько минут явился фельдмаршал во всем своем блеске и обворожил всех своею любезностью. После приема Суворов пешком отправился по городу. Толпы народа шли по его пятам. Пришел на гауптвахту. Караулу принесли обед. Суворов сел вместе с солдатами, поел каши, а затем отправился с визитом к жившему здесь экс-королю французскому.

В Вене император, двор и народ приняли Суворова с чрезвычайными овациями и почетом. Почему-то Суворов всех их оживил, одухотворил и вселил надежду на победу. Суворов был назначен австрийским фельдмаршалом и главнокомандующим австрийскими войсками.

Отдавая свои войска в ведение Суворова, австрийский военный совет требовал, однако, от него плана войны. Этот план предварительно должен был пройти через рассмотрение, обсуждение, исправление и утверждение совета и затем только исполнен. Для человека говорящего: «в кабинете врут, а в поле бьют», – такое требование было нелепым. Ведение войны обусловливается обстоятельствами и должно быть абсолютно в руках главнокомандующего. Поэтому не удивительно, если Суворов вместо плана представил австрийскому военному министру белый лист бумаги. Тогда военный совет предложил Суворову свой собственный план, доведенный пока до Адды. Суворов взял перо, зачеркнул его и написал: «Кампанию я начну с Адды…» Видимо, Суворов не хотел даваться в руки военного совета, а последний не хотел его выпустить на волю. Уже теперь начиналась глухая борьба, которая, к сожалению, окончилась позорно для Австрии и больно для России. Австрийцы не желали, однако, ссориться с знаменитым фельдмаршалом и потому

смирились. Наконец, Суворов отправился в Италию. Прощаясь с Суворовым, австрийский император все-таки вручил ему инструкции, коими он должен был точно руководиться при ведении войны. В силу этих инструкций Суворов обязывался исполнять веления Вены в своих военных действиях, а «дабы внимание ваше не было отвлечено от главных соображений военных никакими заботами о предметах побочных», хозяйственная часть возлагалась на австрийского генерала Меласа. Суворов взял эти инструкции, но впредь можно было сказать, что не исполнит.

Если в Австрии Суворов был встречен с великими почестями и всеобщим народным почетом, то что должно сказать о Вероне!.. Толпы народа встретили карету Суворова перед городом, водрузили на ней знамя и с криками «Eviva nostro liberatore» сопровождали в город; здесь толпа увеличилась, выпрягла лошадей и довезли карету на своих руках до квартиры.

Здесь его встретили духовенство, представители города, русские и австрийские генералы. Суворов принял благословение, мило ответил на привет и радушно познакомился с генералами, особенно задушевно встретился с боевыми товарищами, как Милорадович и Багратион.

Перед выступлением на поле военных действий Суворов произвел смотр австрийским войскам. По внешности он остался доволен: «Хороший шаг, будет победа!..» Но все-таки послал по полкам своих инструкторов-офицеров ознакомить австрийские войска с его приемами. Скоро Суворов дал им и урок дисциплины. Войска Суворова знали своего вождя и шли в поход быстрыми маршами. Австрийцы не привыкли к этому, утомлялись и обижались, а раз даже не выполнили приказания фельдмаршала. На это Суворов дал Меласу, объявившему себя больным, такой приказ: «До моего сведения дошли жалобы на то, что пехота промочила ноги. Виною тому погода. Переход был сделан на службе могущественному монарху. За хорошей погодой гоняются женщины, щеголи да ленивцы. Большой говорун, который жалуется на службу, будет, как эгоист, отрешен от должности. У кого здоровье плохо, тот пусть и остается позади. Ни в какой армии нельзя терпеть таких, которые умничают, глазомер, быстрота, натиск, – на сей раз довольно…»

Победой над французами при Адде Суворов доказал, что он велик не только в войне с поляками и турками, но и победоносная французская армия не сможет устоять перед ним… Эта первая победа радостно была встречена как в России, так и в Австрии. На молебствии в Петербурге император Павел приказал провозгласить многолетие господину генерал-фельдмаршалу

русских войск, победоносному Суворову-Рымникскому, причем последовал из крепости пушечный салют. Бывший при этом сын Суворова бросился на колени перед государем и со слезами целовал ему руку. Суворов получил брильянтовый портрет государя, сын его произведен был в генерал-адъютанты со старшинством и откомандирован к отцу. При всем своем искреннем желании достойно изобразить подвиги Суворова в Италии и Швейцарии, я не нахожу в себе достаточно уменья и способностей. Да исполнят это способнейшие. Я ограничусь кратчайшим упоминанием о самых важных его делах… Требия, Нови и весь поход Итальянский Суворова – один из блестящих камней в русской короне и одна из лучших страниц истории России о подвигах ее сынов. Но если в Италии Суворов являлся величайшим победителем лучших войск в мире, то в Швейцарии он явился могущественным победителем природы. Великая честь великому гению… Да будет вечная слава ему и его войскам, их энергии и подвигам!..

Если до начала кампании Европа могла относиться к Суворову скептически, то после Адды его имя прочно установилось. После Адды Суворов занял Турин и Милан. Теперь вся Северная Италия была освобождена от французов. В Милан Суворов вошел в день Светлого Воскресения. Народным восторгам и овациям не было конца. По нашему обычаю, русские христосовались между собою. Восторженные итальянцы, по чувству благодарности – и экзальтации, не отставали от русских в этом обычае и также христосовались… Ну, итальянки не хотели в любезностях и восторгах быть ниже своих мужей… Храбрые русские герои первый раз в жизни могли представить подобие Магометова рая… При въезде в Милан Суворов не мог не сошкольничать: впереди армии он пустил статского советника Фукса в его расшитом золотом костюме, а сам ехал сзади духовенства. После он подсмеивался над Фуксом, говоря: «Егору Борисовичу спасибо! Хорошо раскланивался, – помилуй Бог, как хорошо!..»

В Милане Суворов так же мило принял депутации и со всеми был крайне ласков и любезен. К обеденному столу он пригласил русских, немецких и пленных французских генералов и был изысканно любезен с последними. Генерал Серюрье так возгордился этим приемом, что вздумал критически отнестись к военным приемам Суворова, на что последний скромно заметил:

«Что делать, мы, русские, без правил и без тактики, я еще из лучших…» Многих французских офицеров Суворов отпустил под честным словом не воевать, Серюрье возвратил саблю со словами «кто так владеет шпагой, как вы, тот не должен быть лишен ее»!..

Слава и успехи Суворова были причиною тому, что в его армию приехал великий князь Константин Павлович. Это прибытие имело и хорошие и нехорошие стороны. Во всяком случае, оно стесняло и затрудняло Суворова, хотя уже с первых шагов он поставил всех в должные отношения. Раз великий князь легкомысленно воспользовался своим положением, причем едва не вышло несчастья. Суворов откровенно указал ему на должное положение дела, а свиту его так пробрал, что те, вероятно, долго помнили Суворова.

Суворов сам всюду являлся образцом храбрости, безбоязненности и самоотвержения, таковыми же были и все в его армии, начиная с великого князя и кончая простым солдатом. Раз под Турином Суворов с 3–4 приближенными и десятью казаками слишком опередил армию. Всюду были французские аванпосты, и Суворов рисковал наверняка попасть на них. Донской атаман Денисов указал на эту опасность Горчакову, но Горчаков не осмелился доложить Суворову. Тогда Денисов загородил Суворову дорогу и заявил, что так ехать дальше нельзя. Напрасно Суворов доказывал ему крайнюю необходимость разведок, Денисов не пустил Суворова, а все разведки исполнил лично. Подобный случай был и под Турином. Намереваясь взять его штурмом, Суворов ночью вышел из окопов и направился к стенам города. Ночь была дивная, и Суворов залюбовался; а в это время его из города заметили и он стал мишенью стрельбы. Ядра ложились вокруг него, а он и не двигался. Тогда Денисов, не теряя времени на убеждения, схватил Суворова за поперек и побежал с ним в сторону. Озадаченный Суворов вцепился ему в волосы, кричал, бранился, но ничего не мог сделать. Только в окопах Денисов выпустил Суворова. Но последний не унимался и все-таки пытался выйти и осмотреть, что нужно. Видя такое упрямство Суворова, Денисов взялся проводить его сам, но только окопами, а затем повел его в совершенно другом направлении. Уловка была обнаружена слишком поздно.

Турин был взят. Великий князь занял дворец, а Суворов поселился в маленьком домике. В замке засели французы и сильно обстреливали город, особенно тот пункт, где жил Суворов. В дворике его дома были раненые и убитые. А Суворов сидел в домике и прикинулся спящим. Тогда Денисов решился извлечь Суворова и отправился к нему. «Что Карпович?» – Денисов объяснил. «Оставь меня, – я спать хочу», – а затем отвернулся лицом к стене.

С освобождением Северной Италии Суворов получил самую искреннюю благодарность от императора Павла и сардинского короля и очень строгое и недовольное письмо от австрийского

императора. Дело было вот в чем: император Павел решился принять участие в войне с целью возвратить королям отнятые у них французами престолы. Так его понимал и Суворов и потому действовал в рыцарском духе своего повелителя. Поэтому он полагал, что Сардинское королевство освобождено теперь для сардинского короля, о чем и известил последнего. Но не так думал австрийский император, о чем он и уведомил Суворова весьма ясно и определенно, высказав ему свое неудовольствие. В этой хижине жили люди, которые одно говорили, а другое делали…

С этого момента у Суворова начинаются великие недоразумения с Австрией. Слава побед падала почти исключительно на долю Суворова и его армии. Приказов австрийского совета Суворов не слушал, данной ему инструкции не исполнял, а сплошь и рядом действовал вопреки тому и другому. Можно ли было терпеть такого полководца?… Мало ли что, что он бьет французов, чего австрийцы до сих пор не делали?… Дело не в этом. Дело в том, что он одерживал победы не так, как это указывал военный совет… Чтобы дать почувствовать Суворову свою немилость, военный совет начал оставлять его войска без продовольствия, без одежды и палаток, лошадей без овса, сена, ковки и проч. Вот и воюй. Но и этого мало. Австрийские генералы начали оказывать явное неповиновение главнокомандующему.

Суворов довел обо всем этом до сведения Павла, и Павел понял, с кем имеет дело. Между тем славные подвиги Суворова только начинались. Первое великое дело было при Требии, где Аннибал за 218 лет до Р. Х. разбил римлян. Здесь Суворов имел дело с Макдональдом, генералом молодым, энергичным, к которому сам Суворов относился с уважением, причем армия Макдональда была многочисленнее, а позиции сильнее. Русские войска только подходили, были страшно утомлены и менее чем в половинном составе.

И тем не менее Суворов вел их в бой. Напрасно Багратион шептал Суворову на ухо, что роты не насчитывают и 40 человек, и просил обождать отсталых. Он получил в ответ: «… а у Макдональда нет и по 20; атакуй с Богом…» А вот подлетает Розенберг. Его войска не могут далее драться. Надо перейти в полное отступление. Суворов лежал под деревом около скалы.

«Попробуй сдвинуть тот камень! Не можешь? Ну так в такой же мере и отступление не возможно. Извольте держаться крепко и ни шагу назад…» Вот опять Багратион. Убыль людей дошла до половины. Ружья плохо стреляют, люди измучены до невозможности… «Не хорошо, князь Петр… Лошадь…» Суворов

направляется к отступавшим, смешивается с ними и, направляясь назад, кричит: «Заманивай, ребята, заманивай!.. Шибче, бегом…» Сделав таким образом шагов сотню, Суворов вдруг остановился и скомандовал: «Стой!» А затем атака и бросился в бой… Боже, где взялись силы, где взялась энергия… Ружья застреляли… Барабанный бой поддержал все… Солдаты как безумные бросились за своим кумиром и победа была одержана… «Макдональд более чем разбит», – писал Суворов. Моро струсил и отступил. Даже Мелас писал в Вену, что победой обязаны главным образом русским войскам и личной храбрости ее предводителя… За Требией была взята Мантуя. На этот раз Суворов получил титул князя Италийского с оставлением графа Суворова-Рымникского.

Зато Австрия не только не поддерживала и не поощряла Суворова, а, напротив, делала все, чтобы поставить его в невозможные условия. Суворов просил об отозвании его из армии… Однако пока его просьбы шли в Петербург, в Италии он продолжал делать свое дело. Новые победы при Серравалле и Нови еще выше поставили Суворова. В награду за это императором Павлом отдан был приказ «отдавать Суворову все воинские почести, подобно отдаваемым особе Его Императорского Величества»… Вместе с тем Суворов получил фельдмаршала пьемонтских войск и гранда Королевства Сардинского с потомственным титулом принца и брата королевского. Император Павел по этому поводу писал Суворову: «… чрез сие вы и мне войдете в родство, быв единожды приняты в одну царскую фамилию; потому что владетельные особы все почитаются между собою роднёю…» В Англии Суворов сделался народным героем. Даже враги его отдавали должное. Моро дал такой. отзыв о Суворове: «… что же можно сказать о генерале, который погибнет сам и уложит свою армию до последнего солдата, прежде чем отступит на один шаг».

Одни австрийцы не переваривали Суворова. С одной стороны, он достигал необыкновенной славы и величия, а с другой – мешал в Италии их видам и интересам. Его нужно было убрать из Италии и лучше всего в Швейцарию, где военные дела австрийцев шли не блестяще. Сказано – сделано. Суворов должен был переваливать в Швейцарию.

Легко было это сказать, но далеко не так легко было это исполнить. Суворову предстояло совершить подвиг, единственный в жизни, а может быть, и единственный в своем веке: зимою перейти в высочайших местах Альп, одновременно сражаясь с несравненно многочисленной французской армией, ранее занявшей лучшие позиции, покинутый союзниками,

которые, кроме того, оставили русскую горсть храбрецов без провианта и без перевозочных средств, давно обещанных и как бы приготовленных, причем русская армия была страшно утомлена, голодна и оборвана… И Суворов двинулся, двинулся через такие высоты, как Сен-Готард… Прибавим, что проводниками были австрийцы, которые вовсе не прочь были и предать русских… Суворову, конечно, и на мысль не приходили те ужасы, которые ему пришлось встретить на своем пути. Но что же делать… Пошел, нужно дойти. Суворов страдал за солдат, за царя, за родину… С изумительной твердостью, однако, Суворов перенес все физические и нравственные невзгоды… То под дождем проливным, то в метель и вьюгу семидесятилетний полководец ехал бодро на казачьей лошадке, в обыкновенной своей легкой одежде, сверху на нем был накинут ничем не подбитый плащ, т. н. «родительский», сшитый семь лет назад; на голове не каска, а круглая, не по сезону легкая, шляпа. Суворов страшно тревожился за состояние армии. Были минуты, когда он даже отчаивался спасти свою армию. Но он надеялся на бодрость духа и выносливость своих боевых молодцов, «чудо-богатырей». «Не дам костей своих врагам; умру здесь и пусть на могиле моей будет надпись: Суворов жертва измены, но не трусости».

Бывали минуты, когда и солдаты Суворова приходили в отчаяние и начинали роптать. И в эти минуты Суворов не сердился на своих детей, а старался поднять их дух остротами, добрым обращением, собственным примером и шутками.

Раз в отчаянии солдаты стали бранить Суворова так, что он их слышал. «Как они хвалят меня! Помилуй Бог; так точно хвалили они меня в Туречине и Польше…» Раз солдаты, выбившись из сил, пришли в уныние. Суворов въехал в ряды и во все горло затянул солдатскую песню «Что девушке сделалось? а что красной случилось?». Солдаты раскатились хохотом и опять все ободрились. На ночлегах и привалах Суворов подходил к солдатскому кружку, вмешивался в разговоры и смешил разными поговорками.

Особенно тягостное положение армии Суворова было на первом перевале в Муттентале. В сухарных мешках людей не осталось ничего. Местность уже раньше была опустошена французами. Ничего нигде нельзя было достать. Мяса почти не было. Сапог не было. Одежда оборвана. Артиллерия осталась без лошадей. Люди были истощены до крайности. А впереди предстоял бой с армией Массены. Суворов составил военный совет. Он явился в полной фельдмаршальской форме. Вид его крайне возбужденный и торжественный. Собрались великий князь и все генералы. Суворов начал с изложения своего негодования

против австрияков, указал на то, что русские удалены из Италии, чтобы не мешать им там хозяйничать, а также на вероломные поступки их против русских в Швейцарии. Далее он указал на положение русской армии, недостаток зарядов и патронов. Вперед идти невозможно, отступать стыдно. Помощи ждать не от кого. Положение армии хуже, чем на Пруте. Надежда на Бога и на самоотвержение войска, – только в этом и спасение. «Спасите честь России и ее государя, спасите его сына!» С этими словами Суворов в слезах бросился к ногам великого князя.

Таким Суворова никогда не видели. Все присутствующие бросились поднимать старика, но поднял его великий князь, в слезах обнимал его и целовал. Засим все единодушно предоставили ответить старшему – Дерфельдену. Последний указал на то, что все видят трудности и опасность положения, видят и всю величину подвига впереди. Но Суворов знает, до какой степени ему преданы все и с каким самоотвержением он любим. Поэтому да знает он, что какие бы опасности и трудности ни предстояли, войска не посрамят имени русского и если не суждено им победить, то все лягут со славой. Все присутствующие подтвердили обет клятвой. Суворов был обрадован. Он благодарил всех и обещал победу, двойную победу и над врагом и над коварством.

Победа была, и победа необыкновенно блестящая. Армия Массены потерпела такое же поражение, как и армии Макдональда, Моро и Жубера.

Но теперь предстоял последний подвиг для русских войск – перевалить за Роштокский хребет и затем закончить всю кампанию. Суворов и его войска исполнили и этот подвиг вполне достойно своему имени. Кампания была кончена. Император Павел вполне понял своего союзника и решительно прекратил войну из-за его интересов. Войскам приказано было возвращаться домой. Цесаревич получил указание не ехать в Вену. Суворов решил отступить в глубь страны и дать своим войскам оправиться, отдохнуть и собраться с силами.

За свои военные подвиги Суворов назначен был генералиссимусом русской армии, причем повелено военной комиссии вести с Суворовым переписку не указами, а сообщениями. Наконец, и Франц Австрийский удостоил Суворова награды большого креста Марии Терезии. Вместе с этим было большое количество писем и выражений почтения, удивления и дружбы со всех концов света. Перед вступлением в Россию Суворов остановился зимовать в Праге, где его чествовали вполне достойно и заслуженно.

Покончив с войною, Суворов потерял главный жизненный

импульс. Его силы, энергия и дух не находили уже себе поощрения и возбуждения извне. Годы брали свое. Организм слабел. Организм болел. Явился сильный кашель. Теперь он не мог уже быстро подвигаться к Петербургу. На пути он остановился отдохнуть в своем имении Кобрин. Государь присылал ему милостивые рескрипты и своего лейб-медика, настойчиво приглашая в Петербург. Здесь ему готовилась торжественная встреча. В Зимнем дворце отведена квартира, в Гатчине должен был встретить флигель-адъютант с письмом от императора. Придворные кареты должны быть высланы до Нарвы; по обеим сторонам улицы будут стоять шпалерами войска и встречать генералиссимуса барабанным боем и криками «ура», по пути следования по Петербургу идет пушечная пальба и колокольный звон.

И вот когда Суворов был признан гением войны, ума, счастья и успеха, когда все отнеслись к нему с благоговением, почтением и безумным восторгом, – при этом вполне заслуженным, – Суворова постигает новое несчастье, совершенно его доконавшее и низведшее в могилу, – царская немилость… Это был гром среди ясного неба… Это был акт великой несправедливости, безмерной жестокости и скорее всего – болезни. На пути в Петербург Суворов получает весьма строгий запрос о дежурном генерале… И это делалось тогда, когда было ведомо, что генералиссимус при смерти… Но этим дело не кончилось. Все торжества встречи были отменены… И вот великий герой, славный победитель, гений войны въезжает в столицу тайком, вечером, крадучись, и останавливается где-то в захолустье… Но и здесь не оставляют его в покое. От государя является генерал с запиской, в которой было сказано, что генералиссимусу не приказано являться к государю… Это окончательно убило Суворова. Силы его терялись. Наступил конец. Но и в предсмертном бреду Суворов был воин. Внимательное ухо могло услышать обрывки мыслей, которыми он жил, то были слова о славе и величии России. Военные грезы и военный бред пробивались у генералиссимуса. Часто он вспоминал Геную… Его душа была еще полна событиями последней войны… Бред мало-помалу стих, и великого гения не стало.

Скорбь, искренняя глубокая скорбь охватила всю Россию. Несметные толпы народа явились на проводы своего любимца. Искренним рыданием они проводили в могилу великого героя и гения… Император стоял в толпе на углу Невского и Садовой, когда следовало похоронное шествие… Процессия входила в ограду монастыря. Ворота ограды оказались очень узкими. Все заговорили, что катафалк не пройдет. Был здесь и старый

сослуживец Суворова, унтер-офицер. «Не пройдет?! – воскликнул он. – Пройдет! Покойный всюду проходил…»

Суворов был русский гений и всеобщий русский любимец. Пройдут века, сменятся тысячи поколений, но пока жив будет на земле русский народ, имя Суворова ему будет мило и драгоценно.

Часть вторая

Мы, врачи, желая поставить диагноз, т. е. определение тому или другому, выделяющемуся в душевной или телесной жизни человека, состоянию, прежде всего перечисляем кратко его симптоматологию, т. е. те проявления, на сочетании которых мы можем выделить и обособить данное состояние как особенное и характерное. Позволим себе применить этот способ к Суворову.

О наследственности Суворова мы почти ничего не знаем. От отца он унаследовал сдержанность к проживанию материальных средств. Ничего мы не знаем также и о семейных свойствах семьи Суворова. В детстве Суворов был ребенок хилый, слабый, малорослый, худощавый, и тем не менее он вполне доказал исключение из римского положения, что mens sana может быть только in corpore sano. В его слабом и хилом теле развился и укоренился необыкновенно сильный и стойкий дух, укрепляюще воздействовавший на самое тело. С раннего детства он увлекся войной и военными подвигами. Одинокий, сосредоточенный и замкнутый, он всей душой предался чтению военных книг, описаний подвигов, геройств и событий. Эти книги были его друзьями и воспитателями. Обреченный отцом на гражданские подвиги, Суворов нисколько не смущается этим. Он продолжает жить войною и готовиться к военной службе. Этому мешала слабость его организма. Ее нужно было устранить. Такому устранению способствуют гимнастические упражнения, ходьба, плавание и закаливание организма. Суворов занялся этим. Диво ли, что от книжки он вскакивал, бежал в поле, выхаживал большие пространства, преодолевая утомление, переплывал реки, побеждал слабость и хилость организма, проводил часы под дождем и в непогоду, закаляя организм против невзгод и укрепляя его в противодействии всему болезнетворному. Силою духа он успел победить свои телесные немощи. Он победил себя, он победил свою природу. Над всем царило желание служить в военной службе и непреодолимое влечение к военным подвигам. Его дух, его мысль одержали верх над телом, и он достиг желанного.

Победив свое тело, Суворов принялся за самообуздание, за борьбу против духа в излюбленном и избранном им направлении. Он служил восемь лет солдатом. Суворов не считался только солдатом, а был солдатом, причем нес свою службу без уклонений, во всей полной ее обстановке, со всеми лишениями и тяготами. И в этом отношении он победил себя. Он подавил свои барские наклонности, пренебрег сословными преимуществами,

отверг возможность облегчений и служил солдатом верой и правдой. Это была победа над духом, над традициями времени, над обычаями сословия, над правами положения. Такой характер, такая выдержка, такое самообладание резко выделяли Суворова из среды подобных и способствовали образованию и укреплению в нем идеи о превосходстве его личности над прочими. Эта борьба с собою развила в нем и самоуверенность и даже самомнение, не в узком смысле, а в благородном: самомнение о выполненном долге и превосходстве своей силы воли. Он сам себе был обязан в победе над собой и своим превосходством.

Суворов любил войну. Слава – идеал его жизни. Военные подвиги – его стремление. Войска – его средство. Суворов любил солдат. Суворов любил человека. Любя солдат, Суворов прежде всего видел в них своего брата, своего товарища по подвигу. В солдате он видит орудие и средство к успеху подвига и славе. Но для того, чтобы обладать всецело орудием, нужно в совершенстве владеть им. Для этого требуется уменье господства над ним и сила внушения. А в этом обязателен личный пример, личные доблести и подвиги, достойные подражания, подчинения и повиновения.

Суворов-офицер прежде всего проявляет беззаветную храбрость, хладнокровное умение схватывать и обсуждать момент и полное самоотрицание.

Суворов-начальник – душа солдат. Он всегда с ними, он весь для них, он первый пример во всем. Ничего он от них не требует такого, чего бы не сделал сам. Сознавая необходимость переработки всего строя, быта и характера войск, Суворов начинает с упражнений, в которых он всегда сам впереди. Он ест с солдатами, носит платье солдат, ездит на солдатской лошадке, – с солдатами он ходит по полям в холод и непогоду, переплывает реки, проводит ночи в маршах, делает в темень нападения…

Солдаты с своим командиром становятся неутомимыми, неустрашимыми, не боящимися ни жары, ни холода, ни суши, ни воды, ни голода, ни жажды. Суворов вселял в них идею, сам являлся образцом выполнения, и солдаты отдавались ему безраздельно и от всей души. Это не было веление формы. Это было господство духа сильного над слабым. Солдаты были орудием в руках Суворова не только за страх, но и за совесть, – из любви и преданности.

Суворов создает новую систему военной тактики. Не нам касаться военного дела. Но система Суворова является выражением его характера: глазомер, быстрота и натиск, – это дух Суворова.

Что значит глазомер? Под этим разумеется способность вмиг схватить положение неприятеля и моментально воспользоваться его положением в свою пользу. Для этого нужно иметь необыкновенную остроту органов чувств, преимущественно зрения, крайнюю быстроту сообразительности и сочетания, чрезвычайно ускоренный ход всех мыслительных процессов и такое же проявление всех этих фактов в действиях и поступках. Все эти проявления энергии, мощи и быстроты действия главным образом принадлежат немногим людям от рождения. Можно также путем упражнения и повторности развить все эти свойства, но в этом развитии и совершенствовании существует известный физиологический предел, для различных людей различный: кто от природы имеет более ускоренный процесс мышления, тот и путем упражнения достигает наивысшего совершенства, наоборот, лица от природы с медленным ходом процесса мыслительного акта и путем усовершенствования достигнут немногого. Суворов от природы обладал всеми преимуществами в этом отношении и равных ему было немного; но он понимал преимущество этих свойств, развивал их у своих солдат, достигал у них известной степени усовершенствования, превосходил в этом отношении солдат других армий, а потому и одерживал над ними победы.

Суворов с детства и до последних дней жизни много читал, и не только специальных военных книг, но любил читать классиков и текущую литературу. Он пытался и сам писать, хотя творения эти не отличались особенным блеском. Кроме новейших языков, Суворов изучил языки турецкий, татарский, арабский и финский. Суворов никогда не принадлежал себе и не жил своею личной жизнью. Вставал он чуть свет, обливался холодной водой, проделывал гимнастику и сейчас же за дело. Ел не много и скверно, – не видел в этом удовольствия, – пил также мало. Одет был легко и в простой костюм, обстановка жизни была солдатская. Ни роскоши, ни удобств, ни чревоугодия Суворов не знал. Он ел и пил, чтобы существовать, одевался – чтобы не замерзнуть, жилье имел потому, что без этого нельзя было обойтись. Словом, его тело не было предметом забот и задачей жизни. Суворов жил идеей и для идеи. Всю свою жизнь отдавал военной службе и войскам. В этом он видел задачу жизни, цель жизни и счастье жизни. В военное время и в походах Суворов не знает устали и утомления. Ни непогоды, ни невзгоды для него не существовали, он был всегда счастлив, доволен и прекрасно настроен.

Хуже бывало в мирное время. Не было дела, не было живого захватывающего интереса. Суворов томился, Суворов скучал,

хандрил и капризничал. В эту пору он был невыносим для окружающих: острил, язвил, издевался и дурачил; почему его в Петербурге не терпели и под благовидным предлогом высылали.

При таком строе характера Суворов не мог быть хорошим семьянином. Его семья – армия, его жена – служба, его дети – солдаты, его интересы – успех боевой и слава отечества. Как человек, Суворов женился, но его жена была для него женщиной, почему, естественно, они скоро разошлись и она искала себе утешения в других. Не до жены было Суворову и не до семьи. Он весь принадлежал делу и всецело был им поглощен. Любил Суворов сына, но особенно любил свою дочь, Суворочку. Однако и о детях Суворов заботился издали. Он дочери часто писал, любил получать от нее письма, горячо радовался всякой от нее весточке, но это была слишком отвлеченная любовь, и дети все время жили и воспитывались на чужих людях.

Суворов был честолюбив, самолюбив, себялюбив. Он давал большую цену военным отличиям, гонялся за ними и добывал их. Явление весьма естественное и представляющееся логическим выводом его бытия. Это человек – самородок. Он не был похож на остальных людей. Он сам создал свою физическую и духовную мощь, создал свою систему войны, создал армию, создал победы. Он ясно видел и сознавал свои личные преимущества перед другими, почему и требовал награды по своим личным заслугам. Он необыкновенно выдавался из числа других, почему и награды для него должны быть не обычные, порядковые, а выдающиеся.

Нет гибельней и ужасней системы для дела, как выслуга по порядку и по старшинству. Эта система весьма выгодна для посредственности, которая выслуживается терпением. Но эта система не выгодна для людей с личными заслугами, достоинствами и преимуществами. От действия такой системы гибнет дело. Оно плесневеет, не двигается вперед, впадает в рутину, формализм и внешнюю жизнь. Прогресс и совершенствование здесь невозможны. Поэтому, если в такой обстановке является человек, который оживляет рутинную обстановку, одухотворяет ее, совершает дела, отличные от других, является новатором, то к этому человеку и мерка наград и поощрений должна быть иная. Суворов все переживал, сознавал и понимал, а потому и требовал себе отличий и наград. Эти отличия были естественною данью его гению, его самобытности, его нравственному сознанию. Собственно говоря, Суворов был не кичлив. Он не любил выдаваться внешностью, не любил фигурировать, не любил величаться. Если он требовал отличий, то потому, что чувствовал себя их достойным.

Насколько Суворов любил низших себя, заботился о них, был

с ними прост, ласков, обходителен, настолько часто был невыносимым с равными и старшими. Сознавая свои заслуги и достоинства, он позволял себе по отношению к этим лицам весьма резкие выходки, издевательства, насмешки, остроты и шутки. Разумеется, все это делалось по отношению к тем, кто того заслуживал. В этом отношении Суворов был человек *беспокойный.* Человек беспокойный – это самый ужасный и нетерпимый в обществе человек. Он не умеет себя сдерживать, он не желает замаскировывать своих мыслей и убеждений, он имеет дурную привычку говорить правду. Глупому человеку он говорит, что тот глуп, взяточнику – что взяточник, мошеннику – что мошенник, лгуну – что лгун и т. д. И это говорится людям высокопоставленным и власть имущим. Беспокойный человек был ужасным во все времена и ныне. Можно быть глупым, вором, взяточником, изменником, – все это в обществе терпимо и не лишает уважения, – но быть правдивым и беспокойным человеком – это гибель. Суворов был именно человеком честным, чистым, не лукавым, а потому и нетерпимым. Никакие заслуги, никакие подвиги не могли спасать его от зависти, лжи, ненависти и мести. Поэтому не удивительно, что чистый, честный, герой и гений, но беспокойный человек в обычном обществе был нетерпим и его, по миновании надобности, сбывали в провинцию. Так поступают с важными беспокойными людьми, менее важных заставляют выходить в отставку…

Суворов был религиозен, набожен, чист душою, честен, некорыстолюбив, прямодушен, вспыльчив, раздражителен, не сдержан, откровенен и необыкновенно быстр в решениях.

Принимая во внимание чрезвычайно острое восприятие органов чувств, необыкновенно быстрый психический процесс, огромное участие личных бессознательных проявлений в мышлении, необыкновенную энергию действий, самобытность и оригинальность в действиях и поступках, полное личное самоотвержение и самоотречение для идеи, полное подавление низших человеческих проявлений для высших идеалов, величие духа, господство над окружающим, мы можем с полным правом сказать, что Суворов был в духовном отношении неизмеримо выше всей остальной современной массы людей, он выделялся из нее и составлял тип передовой и высший человеческий тип, почему Суворов по всей справедливости может быть признан *гением* и, по специальности деятельности, *военным гением.* Суворов по своим гениальным способностям – брат Карла XII, но Суворов был неизмеримо чище, добрее и человечнее. Суворов не носил рядом с своими гениальными дарованиями душевного недуга, тогда как Карл XII не был его лишен.

Часть третья

Нам нужно остановиться еще на одном проявлении жизни и действии Суворова: его чудачествах, странных и диких поступках, оригинальности, дурачествах и проч. Суворов на заре кричит петухом, обливается на морозе холодной водой, ходит в одном сапоге, в одном башмаке, крестит беременным женщинам на балах живот – благословляет всех, с кем встречается, является к высокопоставленным посетителям в одной рубахе, позволяет говорить дерзости Потемкину и Екатерине, дразнит на учении Павла… Всех странностей, басен и анекдотов не пересчитать… Давались различные толкования этим странностям: это умышленные дурачества, чтобы более выделиться и обратить на себя внимание, – это результаты его долголетней солдатской жизни, оставшиеся и в дальнейшем, – это дань духу времени, требующему лакейства и скоморошества перед сильными мира сего…

Нам кажется, что все чудачества Суворова были естественным следствием его характера, его душевного склада, организации его центральной нервной системы.

Наша душевная организация состоит из трех отделов: области познавательной, мыслительной и двигательной. Познавательная область состоит из восприятия органов чувств: раздражений, впечатлений, восприятий и ощущений; мыслительная деятельность состоит из высших проявлений душевной жизни: представлений, понятий, проявлений запоминания и припоминания, сочетания этих всех проявлений или суждений и выводов из всего этого процесса или умозаключений. Действия и поступки наши являются приведением в исполнение всех выводов логического мышления или процессов мышления. Но это только одна сторона душевного воздействия, выражающегося действиями и поступками человека. Существует еще и второй фактор, играющий не менее важную роль в производстве и окончательной формулировке наших волевых или произвольных поступков, – это именно наше самочувствие, наши желания, побуждения и страсти. Воля не есть способность самостоятельная. Это есть равнодействующая двух сил: мышления и страсти – чувства приятного или неприятного. В одних случаях наши волевые или произвольные поступки являются результатом одержания победы нашего мышления над чувствами, в других случаях – наоборот. В первом случае будет перевес мышления, во втором – чувства. Таким образом, в одном случае воля будет являться продуктом мышления, в другом –

чувствования.

У различных людей борьба этих двух душевных агентов, продуцирующих волевые поступки, далеко не одинакова; у одних преобладает мышление, у других – страсть, чувство, побуждения и инстинкты. Одни люди хладнокровные, флегматичные, другие – инстинктивные, быстрые, порывистые, сангвиничные. В преобладании того или другого проявления душевных способностей играет важную роль прежде всего наследственность. Одни люди родятся уже флегматиками, другие – сангвиниками. Но не менее важную роль в этом отношении играют и воспитание и самообуздание. Люди, родившиеся с теми или другими способностями, путем воспитания, путем упражнения, путем личной сознательной дрессировки с течением времени могут становиться то более энергичными и подвижными, то более сдержанными, спокойными и ровными. Таким образом, в создании волевых поступков оказывают важное влияние прирожденность душевных свойств и дальнейшая их культивировка, воспитание и выдержка.

Полнота и совершенство душевной жизни обусловливаются большим или меньшим количеством познаний, большим или меньшим участием области бессознательной жизни и большею или меньшею быстротою жизни душевных процессов.

В последнем случае мы видим в роде человеческом необыкновенное разнообразие в проявлении быстроты душевных процессов: одни необыкновенно вялы и медлительны, другие проявляют среднюю степень быстроты и третьи необыкновенно быстры в восприятии, сообразительности и порывисты в поступках. Эти душевные качества являются также преимущественно прирожденными, но могут сильно видоизменяться под влиянием воспитания и постепенных упражнений.

Суворов от природы имел необыкновенно быстрые способности и отличался чрезвычайною подвижностью, находчивостью и сообразительностью, а затем в течение детства и всей своей жизни он упражнялся в развитии и совершенствовании этих способностей. Глазомер, быстрота и натиск – вот девиз его личный и завет для всех его подчиненных. При крайней быстроте мысли и необыкновенно скором воздействии желаний действия и поступки Суворова были необыкновенно быстры, порывисты и почти рефлекторны. Он не терял времени на обдумывание, на размышление, а являлась в голову мысль или желание и он их моментально выполнял. А так как область мышления и присоединение бессознательных ассоциаций происходили у Суворова чрезвычайно быстро, то и все действия его были

соответственно быстры. Правда, в делах серьезных, требующих изучения, он отдавал этому процессу должное; но в делах менее серьезных, малозначащих он действовал по первому движению, по первому порыву мысли и желания. Через это его действия в большинстве были импульсивными и рефлекторными. А так как эти действия вместе с тем почти всегда были правильными и выдающимися, то у Суворова стало привычкой действовать по первому побуждению, по первому порыву мысли, по первому проявлению чувства, – без продолжительного обдумывания и размышления. И чем Суворов становился старше, опытнее, почтеннее и заслуженнее, тем он делался самоувереннее, самонадеяннее и небрежнее к тому, что он говорил и делал. В огромном большинстве случаев его чудачества являлись действиями невольными, рефлекторными, по первому побуждению мысли, вспышки гнева, порыва веселости и дурачества. Быть может, не раз он сам раскаивался в этом и желал бы вернуть сказанное, да было поздно. Таковы его ответы Потемкину под Очаковом и после Измаила, где он заведомо повредил себе… В других же случаях он настолько считал себя заслуживающим уважения и почтения, что решительно не обращал внимания на то, что скажут о нем другие за его выходку.

Таким образом, все причуды Суворова находят себе объяснение в слишком большой подвижности душевной жизни, его крайней порывистости, привычке действовать сразу, слишком большой самоуверенности и невнимании к тому, что скажут о нем другие. Странность поступков Суворова объясняется особенностью его натуры, не входящей в обычные рамки жизни, и никоим образом не является чем-либо умышленным и заранее обдуманным. Он действовал, как жил, и особенность его натуры выражалась особенными, выделяющимися из ряда обыкновенных, поступками.